ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1930

Записки Коллегии Востоковедов, V
Mémoires du Comité des Orientalistes

К изучению белуджского языка и фольклора

На карте, помещенной в т. X фундаментального труда Грирсона Linguistic Survey of India и изданной в 1921 г., крайним северным пунктом распространения белуджской народности и речи указан Наурузабад в Персии, несколько южнее Серахса. Однако, это не соответствовало действительности уже к моменту выхода в свет названной работы, и ныне прошло более четверти века с того времени, как белуджи перешли северные пределы персидских и афганских владений. К настоящему времени их более или менее значительные и прочные колонии сосредоточены в Байрам-алийском, Йолотанском и Мервском (урочище Пермет-яб, около 40 *км* к северу от Мерва) районах Туркменистана, насчитывая в общей сложности около 4—4½ тысяч семейств. Около 400 семейств находится, сверх того, в Серахском районе, но они не землеустроены, и прочность их поселения там пока неизвестна.[1]

Однако, вплоть до последнего времени, не только в научной литературе отсутствовали сведения об этих белуджах, но и общей печати о них было известно очень мало. Лишь статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. указывает белуджское сельское общество в Байрам-алийском районе, в составе 936 чел., причем преобладающим среди населения языком назван персидский. Эти сведения были повторены в Трудах академической Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (№№ 9 и 13), и лишь Отчет об экспедициях и командировках АН за 1927 г., стр. 248, сообщает некоторые дополнительные данные и отмечает сохранение белуджами Туркменистана родного языка, наряду с употребляемым ими также персидским. Некоторые сведения о родовом составе и быте

[1] Перепись 1926 г. (т. XVI, изд. ЦСУ) белуджей ТССР учла всего в количестве 9974 чел., но, вероятно, переписью не охвачено полностью все белуджское население пограничной полосы, довольно текучее по своему составу. Цифры, указанные в тексте, основаны как на административных подсчетах, так и на опросе самого населения в разных местах.

даются в работе Г. Карпова «Белуджи, краткий историко-этнографический очерк» (Туркменоведение, февраль 1928 г., № 2), в статьях д-ра Бурко, помещенных в Туркменской Искре летом и осенью того же года (№№ 192, 194, 195 и 197), и в только что опубликованном Е. Штейнберг описании «Поездки к белуджам» (Наши Достижения, июль 1930 г., № 7).

Последующее изложение основано на записях и наблюдениях, сделанных осенью 1928 г. у белуджей Байрам-алийского и частично Йолатанского районов. Оно имеет целью дать представление о белуджской речи, употребительной в Туркменистане, и о тех образцах народного творчества, в которых она выражается.

Как известно, описанные до сих пор белуджские диалекты принято делить на две группы: южную (или, по терминологии Грирсона, западную) и северную (по Грирсону, восточную). Для первой характерен более архаичный звуковой состав и сохранение смычных согласных (как глухих, так и звонких) во всех положениях, тогда как северные диалекты во многих случаях создали из смычных систему спирантов и аспират, отсутствующих в южной группе. С точки зрения этого разделения белуджская речь Туркмении является типичной представительницей южной группы.

В подтверждение можно привести много примеров:

kārč нож (южн.-белудж. то же, сев.-бел. *k'ārča*);
gōk корова (южн.-бел. то же, сев.-бел. *gōx*);
pīg сало (южн.-бел. то же, сев.-бел. *pīγ*);
ǰagar печень (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ǰaγar*);
čam глаз (южн.-бел. то же, сев.-бсл. *č'am*);
trus- бояться (южн.-бел. *turs-, trus-*, сев.-бсл. *t'urs-*);
ārt мука (южн.-бел. то же, сев.-бел. *art'*);
dāta данный (южн.-бел. то же, сев.-бел. *dāϑa*);
ōdā там (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ōδā*);
pād нога (южн.-бел. то же, сев.-бел. *p'āδ*);
kōpag плечо (южн.-бел. то же, сев.-бел. *k'ōfag*);
šap ночь (южн.-бел. то же, сев.-бел. *šaf*).

Вообще, в произношении белуджей Туркменистана аспираты, равно как спиранты *ϑ* и *δ* отсутствуют вовсе, спиранты же *x*, *γ* и *f* встречаются лишь в сравнительно поздних заимствованиях, притом *f* только в индивидуальном произношении.

Точно так же, произношение гортанного *h* можно услышать только в очень редких случаях: в специальных выражениях, при очень напряженном произношении в начале слова, у отдельных субъектов или иногда в пении. Нормально же *h* не произносится. Историческое *h* отпало, независимо от его происхождения, во всех случаях: как в начале, так и в середине и в исходе слова. В этом отношении диалект туркменских белуджей отличается, как от северных, так и от южных диалектов. Соответствующих сопоставлений можно привести очень много:

āmag сырой (южн.-бел. *hāmag*, сев.-бел. *hāmaγ*);
ar осел (южн.-бел. *har,* сев.-бел. *k'ar, xar*);
āk земля, почва (южн.-бел. *hāk,* сев.-бел. *hāx*);
ā-(murg) яйцо (птицы) (южн.-бел. *haik*);
and- смеяться (южн.-бел. *kand-, hand-,* сев.-бел. *k'and-, xand-*);
ōn кровь (южн.-бел. и сев.-бел. *hōn, hūn*);
ūk свинья (южн.-бел. *hīk,* сев.-бел. *hīx*);
ušk сухой (южн.-бел. и сев.-бел. *hušk*);
mī гвоздь, кол (южн.-бел. *mīk*, сев.-бел. *mēx*, *mēh*);
prā широкий (южн.-бел. *prāh,* сев.-бел. *p'rāh*);
nāún ноготь (южн.-бел. *nākun, nāhun*, сев.-бел. *nāxun*);
gwār сестра (южн.-бел. *gwahār*, сев.-бел. *gwāhar*, *gōhar*, *gwār*);
māī рыба (южн.-бел. *māhī*, сев.-бел. *māhīg*, *māhīγ*);
bār часть, доля (южн.-бел. и сев.-бел. *bahar*);
bā цена (южн.-бел. *bahā,* сев.-бел. *bhā*).

В тесной связи с отсутствием *h* находится своеобразное отражение исторической группы *-xt-*. По объяснению Гейгера, она должна была дать обще-белуджск. *-kt-*; в южном диалекте, вследствие перестановки, получилось *-tk-*, в северном — имевшая место спирантизация вновь дала *-xt-*:

южн.-бел. *dōtka,* сев.-бел. *dōxt'a* сшитый;
южн.-бел. *rētka,* сев.-бел. *rixt'a* пролитый;
южн.-бел. *sōtka*, сев.-бел. *sōxt'a* зажженный;
южн.-бел. *gētka* просеянный.

Белуджский диалект Туркмении, не имеющий *h*, сохраняет во всех этих случаях из группы только *-t-*:

dōtag, *rētag*, *sōtag*, *gētag*.

К этой же категории нужно отнести: *ātag* пришедший, южн.-бел. *ātka*, сев.-бел. *āxt'a,* а также *duttuk* кукла, дочь (поэтич.).

В отражении группы *-ϑr-* диалект Туркмении также представляет особенности:

mās мать (южн.-бел. *māt,* сев.-бел. *māϑ*);
pis отец (южн.-бел. *pit,* сев.-бел. *p'iϑ*);
brās брат (южн.-бел. *brāt,* сев.-бел. *brāϑ*);
zāmās зять (сев.-бел. *zāmāϑ*).

Отличаясь, таким образом, по своей фонетике от уже известных образцов белуджской речи, в морфологическом отношении рассматриваемый диалект также своеобразен. Глагольная флексия настоящего времени имеет следующий вид:

ед. ч.	1. *-īn*	мн. ч.	1. *-an*
	2. *-äį, -ä*		2. *-it*
	3. *-īt, -t*		3. *-an(t).*

В прошедших временах 1 л. ед. ч. имеет окончание *-un,* 3 лицо, как обычно, не имеет окончания, остальные формы сходны с соответствующими настоящего времени.

Прошедшее причастие не отличается от южно-белуджского типа, но использование причастия, в качестве неопределенного наклонения, специфично для данного диалекта. Как в южном, так и в северном диалектах, инфинитив, он же вместе с тем и имя действия, образуется от настоящей основы: южн.-бел. *kanag,* сев.-бел. *k'anaγ* «делать, делание». — Но эти формы неизвестны туркменским белуджам, среди которых в значении инфинитива употребительно исключительно *kurtag(ā)* «делать». Зато для выражения имени действия у них имеется особая форма, образуемая от прошедшей же основы прибавлением суффикса *-in: kurtin* «делание», т. е. получается дифференциация, аналогичная существующей в таджицких говорах (ср. Иран, II, стр. 114).

Примеры:

man wantágā na kanín, kitábäį wantín sákk-int я не умею читать, читать книги трудно;

ša zāgā́į grētínā от плача ребенка;

mnī waptínäį waxtā́ во время моего сна.

Как видно из последних примеров, эта форма способна изменяться, в зависимости от падежа. В сложении с префиксом *b(i)-* она же может принимать личные окончания и, имея значение сослагательного наклонения, служит для выражения ирреального условия. В эпической поэзии ее употребление еще шире и она часто заменяет простое прошедшее.

Примеры:

*agár man bgúštin-un ki amḗ kār mnī dastā́ na gīt, man bi*ᵗ *tī́ā na k-ā̆tun* если бы я считал, что эта работа для меня бесполезна, я бы к тебе не приходил;

ē draxt mnī bū́tin-ant! о, если бы эти деревья были моими!

Употребляемый в этих случаях (равно как при образовании повелительного наклонения) префикс *bi-* обычно сокращает гласный элемент, часто даже до нуля, и потому перед глухими выражается в виде *p-*, а перед носовыми — в виде *m-*: *pkan* делай (< *bikan*), *pkaš* тащи (< *bikaš*), *pkuš* убей (< *bikuš*), *mnind* садись.

Для характеристики системы глагола весьма существенным является способ выражения субъекта при прошедшем времени переходных глаголов. В этом отношении диалект, представленный в Туркмении, отступает от общепринятой белуджской нормы, и косвенный падеж для выражения подлежащего уже не употребляется. Поэтому *ē žāg ā žāgā́ ǰat* значит только: «этот мальчик прибил того мальчика», но не наоборот, в противоположность приводимому Гейгером аналогичному примеру: *ē mardā ā mard ǰat* dieser Mann schlug jenen Mann (Grundriss der iranischen Philologie, I-2, 239).

Прочие глагольные особенности второстепенны.

Морфология имен также представляет отличия, хотя ее основные свойства: образование множественного числа на *-ān* и косвенного падежа на *-ā̆*, разделяются всеми известными диалектами. Точно также уже отмечен, хотя и не повсеместно, родительный падеж множественного числа на *-ān-ī*. Но в образовании родительного падежа единственного числа рассматриваемый диалект более оригинален и получает его прибавлением *-ā̈į* (> *-ā̈*ⁱ > *-ā̈*). Поэтому *mardā̈́į sar* «голова мужчины», а не *mard sar*, как в южном, и не *marda sar*, как в северном из основных известных диалектов (Linguistic Survey of India, X, 341). При этом родительный падеж существительных воспринимается, как прилагательное, и поэтому может принимать дополнительное окончание косвенного падежа *-ā:*

(bi) watī́ brā́s-äi̯-ā к своему брату, у своего брата;

bi amḗ aspā́i̯ wāū́nd-äi̯-ʸā к хозяину этой лошади, у хозяина этой лошади;

biᵗ tī́-ā к тебе, у тебя.

Повидимому, в силу такого понимания родительного падежа, он обычно соединяется с послелогами, выражающими большинство падежных отношений: *bi watī́ pis-ā́i̯ padā́* за своим отцом (вслед).

Из местоимений заслуживает упоминания включительная форма личного местоимения множественного числа, не отмечавшаяся в опубликованных образцах: *maštā* «мы с вами», в противоположность *ammā* мы (без вас) и *šmā* вы (без нас). В остальном отличия личных местоимений незначительны:

	Nom.	Cas. obl.	Gen.
я	*man*	*mnā*	*mnī*
ты	*ta*	*trā*	*tī*
мы	*ammā*	*ammā-rā*	*ammäi̯*
вы	*šmā*	*šmā-rā*	*šmäi̯*
мы с вами	*maštā*	*maštā-rā*	*maštäi̯*

В качестве суффиксального местоимения 3 л. ед. ч. обычно употребляется, как и в северно-белуджском, *-ī*:

gušt-ī он сказал, *šut-ī* он ушел, *bgirit-ī* возьмите его!

В словарном отношении совершенно естественно, что рассматриваемый диалект тесно примыкает к южной группе, что́ очевидно уже из помещенных примеров. Однако, нужно упомянуть о некоторых лексических особенностях. Служащий для выражения исходного падежа предлог *ša*, *š-* «от, из», в описанных до сих пор диалектах отмечался в иных формах: *ač, či, až, aš, ši*. Заимствование и широкое употребление персидского местного и направительного предлога *bi, b-* также до сих пор не отмечалось. Из слов, обозначающих «дом, жилище», туркменские белуджи обычно употребляют *gis, ges:* общебелуджское *lōg* имеет лишь пренебрежительное значение. Для выражения понятия «женщина, жена» служит производное *ǰinēn, ǰänēn:* только в эпической поэзии употребительны *ǰan* в значении «жена» и *zāl* «женщина»; в разговорной речи последнее встречается лишь в сочетании *pīra-zāl* «старуха».

Изложенные факты свидетельствуют, что, хотя по основам своей фонетики белуджская речь Туркменистана входит в состав южной диалектической группы, однако целый ряд фонетических и морфологических признаков существенно отличает ее от основных южных диалектов, описанных E. Pierce'ом (A Description of the Mekranee Beloochee Dialect) и E. Mockler'ом (Grammar and Vocabulary of the Mekranee Beloochee Dialekt), работы которых дали главный материал для выводов и классификации Гейгера. Другие диалекты южной группы известны очень мало. По имеющимся и доступным образцам, можно отметить, что отражение исторической группы *-ϑr-*, как *-s-*, свойственное рассматриваемому диалекту, наблюдается еще в панджгурском диалекте, исследованном Гейгером на основании небольшого рукописного словаря, находящегося в Британском музее, а также в диалекте, образцы которого помещены Грирсоном в т. X Linguistic Survey of India и который, хотя его точное распространение неизвестно, повидимому, близко примыкает к панджгурскому. В этих же диалектах группа *-xt-* отражается, как *-ht-*: *ahta(g)* «пришедший», *dohta* «сшитый», что также несколько сближает их с диалектом Туркмении, особенно, если принять во внимание отсутствие в последнем звука *h*. К сожалению, морфология панджгурского диалекта неизвестна, так что сопоставления в этой области невозможны. Что же касается близкого к панджгурскому диалекта, образцы которого изданы Грирсоном, то наиболее существенным морфологическим признаком, сближающим его с рассматриваемым диалектом, является образование родительного падежа единственного числа на *-ai, -ē*: *ispētē aspaī zēn* the saddle of the white horse, что в белуджском языке Туркменистана звучало бы: *spētēn aspäį zēn*. Но, конечно, об отожествлении этих двух диалектов или об установлении особой их близости говорить не приходится. В этом убеждает даже беглый просмотр образцов. Необходимо, таким образом, признать, что в языке белуджей Туркменистана представлен особый диалект южной группы, хотя и приближающийся по некоторым свойствам к панджгурскому, но все же отличный от него.

Диалект туркменских белуджей, повидимому, дальнейших подразделений не имеет. По крайней мере, производившиеся наблюдения таковых не обнаружили, конечно, если не иметь в виду индивидуальных отличий. При этом языковая норма чувствуется очень отчетливо, и обращается большое внимание на ее соблюдение. Часто можно услышать, особенно среди молодежи, исправления неправильностей речи и даже насмешки над дурным

*

выговором: *ā duragá int, ēšī zabān zabr na gardīt balūčīā* он ублюдок, его язык не ворочается как следует по белуджски! Особенно приходится считаться с такими упреками инородцам по происхождению или детям от смешанных браков.[1]

Эта чуткость в отношении языковой нормы тем замечательнее, что туркменские белуджи двуязычны, и, за редкими исключениями, мужчины с детства усваивают, в качестве обиходного, и персидский язык. Он же вместе с тем является единственным языком письменности для грамотных, весьма, впрочем, немногочисленных. Однако, несмотря на создаваемую двуязычием благоприятную среду для восприятия чужеродных влияний и воздействий, на белуджской почве ярких форм развития таковых не заметно. Конечно, словарные заимствования из персидского чрезвычайно многочисленны. Но почти все они, особенно более старые, совершенно приспособлены к требованиям белуджской фонетики (*akikat* истина, *kāgad* бумага) и не нарушая языковой нормы, уже не воспринимаются, как заимствования. То же нужно сказать о серии старых заимствований из брахуи: *guṭ* горло, *ḍigar* земля, *bag* стадо верблюдов, *gārum* стадо коров и др. Позднейшие заимствования, правда, менее приспособлены, но зато они должны были для своего признания семасически дифференцироваться со старыми: новое заимствование *xabar* «известие, новость» противополагается вполне освоенному *abar* «слово, речь» (в сочетании *abar dātag* «говорить, разговаривать»), более новое *xudā* «бог» имеет более литературный характер, в противоположность старому *udā,* избегаемому в качестве простонародного, вульгарного. Или же новейшие заимствования пуристами языка отвергаются,

[1] К таким инородным группам прежде всего относятся довольно многочисленные выходцы из персидской среды, натурализовавшиеся среди белуджей и усвоившие их язык. Одному из белуджских родовых подразделений, так называемым *kukan*, целиком приписывается персидское происхождение, что объективно может быть подтверждаемо тем обстоятельством, что многие из них, несмотря на длительное сожительство с суннитами, до сих пор принимают участие в шиитских обрядах во время Мухаррама. Кроме того, нужно отметить несколько сот семейств брахуи (*brāūī*), живущих втечение весьма продолжительного времени в различных местах совместно с белуджами. Они настолько уже ассимилированы в бытовом отношении, что не только все без исключения говорят по-белуджски, но даже обычно, по культурному признаку, не отделяют себя от белуджей. В упоминавшейся работе Г. Карпова брахуи названы, как одно из основных белуджских подразделений. Однако, в большинстве, несмотря на усвоение белуджского языка, а также персидского, они сохранили и свой национальный, что заставляет их считать особой этнической группой. Употребительный у туркменских брахуи язык существенно не отличается от описанного в книге Denys Bray. The Brahui Language. Calcutta, 1909.

и употребление таких слов, как *aγiγat* (вместо *akikat*) или *kāγaz* (вместо *kāgad*) порицается, как варваризм.

Несомненно, развитию языкового чутья и внимания к фактам своего языка не мало содействовало богатство и разнообразие форм его художественного проявления.

В области устного творчества наибольшее значение принадлежит героическому эпосу. На него уже давно было обращено внимание, и потрудившийся более других на этом поприще M. Longworth-Dames объединил результаты своих тридцатилетних работ в специальном сборнике (Popular Poetry of the Baloches). И мало что можно было бы прибавить к его характеристике белуджской поэзии, если бы все делавшиеся сборы и записи не относились исключительно к восточному (т. е. северному) диалекту. Как указывает Грирсон, изданный им отрывок в 30 стихов (Linguistic Survey of India, X, 371) — единственный опубликованный образец западной (т. е. южной) белуджской поэзии. Между тем, героические песни (былины, баллады), называемые обычно заимствованным термином *šā'r* (старое название *gāl* сейчас уже почти вышло из обращения) представляют немаловажное явление в жизни южных белуджей, или, по крайней мере, их туркменских представителей. Белуджи любят свои песни, понимают их значение и высоко ценят их. В песнях отражается их жизненный идеал, формируются представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества *(mardī)*, недостаток которого величайший позор. Художественные образы такого поведения, достойного доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымышлены, и содержание песни — правда, при этом одновременно и правда-истина, и правда-справедливость. Высшая похвала для певца — возгласы слушателей: *rāst!* правда! справедливо! Действующие лица песен и их содержание известны уже из образцов восточного (северного) эпоса. Это — герои и богатыри легендарного прошлого и их подвиги в междуплеменной борьбе. Иногда содержание заимствуется из преданий о мусульманских святых и подвижниках, но эти песни менее популярны.

При большом значении, придаваемом белуджами эпической поэзии, совершенно естественно высокое общественное положение, занимаемое певцом (обычно он вместе с тем и поэт — *šāīr*). Он всегда дорогой и желанный участник всякого мало-мальски значительного празднества. Без певца не обходятся брачные торжества, и его искусство подчас вознаграждается весьма щедро. Ханы приглашают к себе певцов на продолжительное

время, иногда из далеких краев (в 1926—1927 гг. один из знаменитых певцов Сеистана, по имени Джангиян (старший), провел продолжительное время среди белуджей Туркмении); некоторые даже стараются удержать при себе певца на постоянное жительство. С певцом считаются и боятся его обидеть: от него зависит, воспеть ценителя поэзии и тем увеличить его популярность, или, осмеяв обидчика в песне, повсеместно обесславить его, а опасение сделаться *badnām* («с дурным именем») — один из могучих стимулов поведения у белуджской знати.

В старое время, по рассказам, положение певца было еще выше. Певец являлся непременным участником совета родовых старейшин и вождей, и при решении важных дел, он давал своего рода поэтические справки из кодекса национальной чести, отыскивая соответствующие деяния в прошлом и воспевая легендарных героев. Иногда он принимал даже более активное участие, и когда между племенами возникали кровавые распри, вожди брали с собой певца, и он песней вдохновлял бойцов. Конечно, возможно, что эти рассказы лишь идеализация отдаленного прошлого, но и в таком случае им нельзя отказать в характерности.

По самой идее белуджской песни в ней нет места для вымысла: она должна быть правдива. Может меняться только художественная передача, и этой возможностью певцы широко пользуются,[1] отнюдь не избегая отступлений от традиционного текста, а даже часто заботясь о его большей оригинальности и подчеркивая ее, в отличие от песен других на ту же тему. Можно даже сказать, что почти каждая песня есть плод личного творчества ее певца, а текст ее всегда более или менее импровизирован.

К песням в тесном смысле слова не причисляется эротическая лирика, так называемые *līkō*. Это своего рода белуджские частушки, состоящие из неопределенного количества коротких двустиший. Одни из них представляют основной, постоянный фонд, другие меняются и часто импровизируются. Число их определяется талантом импровизатора и вниманием слушателей. Внешнее единство каждой отдельной *līkō* выражается определенным напе-

[1] В этом легко убедиться, сравнив песню о Балаче и Накибе, записанную в Туркменистане, с соответствующими образцами сборника M. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches (№ XVIII). При почти одинаковом размере обоих вариантов (155 и 149 стихов) примерно только треть представляет сходство в композиции, в остальной части содержание излагается совершенно самостоятельно. То же, хотя в меньшей степени, относится и ко второму публикуемому образцу (о Султане Джум-джума), вариант (более подробный) которого издан в указанном сборнике под № LVII (Персидская версия легенды опубликована В. А. Жуковским, ЗВО., VII, стр. 63 сл.).

вом и размером стиха (от 5—8 слогов); некоторые *līkō* сопровождаются припевом, который повторяется после каждого двустишия; таков один из публикуемых образцов, известный под именем *Kaǰir-ǰān,* по имени героини, упоминаемой в припеве. Каждое из двустиший, составляющих *līkō,* обычно представляет собою самостоятельное парное сочетание образов, большею частью, контрастных. Но это вовсе не обязательно, и иногда последовательность и связь образов улавливаются с трудом. Этого и не требуется. *Līkō* считаются «пустыми словами, бессмысленными речами» *(urken abar)*, тратить на них время не достойно серьезного человека. Однако, несмотря на такое пренебрежительное отношение, *līkō* довольно популярны, особенно среди молодежи. Впрочем, не всегда проявляется подобная нетерпимость, и иногда на свадьбе *līkō* исполняется весьма почтенным певцом *(šāīr)*. Второй из публикуемых образцов *(Bībī-ǰān)* записан со слов поэта-профессионала, по имени Джангиян (младший, из района Йолотани).

Область народного творчества, где белуджская фантазия проявляется с особенной силой, почти не стесняемая условными рамками, это — сказки *(asmānak)*. Их содержание весьма разнообразно, но, повидимому, преобладают сказки волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами. Сказка обязательно должна начинаться словами: «было (не) было, кроме нашего с вами бога, (лучше) никого не было». Конец сказки также обозначается формулой: «я оттуда выскочил, завязал (!), для себя снискал благоденствие, для вас доставил невесту». Шаблонное начало и конец — единственное требование, предъявляемое к сказочнику: в этих пределах его свобода ничем не ограничивается.

Как почти все иранцы, белуджи увлекаются сказками и, начиная с десятилетних детей, готовы рассказывать их при всяком удобном случае. Избегают только сказок днем, хотя бы к тому имелся и досуг и повод. Это непринято, и некоторые поясняют, что если рассказать сказку днем, может случиться несчастье в доме, где она была рассказана. Другие боятся неприятных последствий для самого рассказчика, особенно опасаются, что он может стать «растерянным» *(sargardān abīt)* и не будет в состоянии принять определенное решение в затруднительном случае или, отправившись куда-нибудь, начнет сомневаться и колебаться, и в нерешительности вернется домой. Чтобы избежать этих нежелательных последствий, вторая из публикуемых сказок, рассказанная в неурочное время, днем, только в качестве образца, была лишена рассказчиком типичных начала и конца.

ОБРАЗЦЫ БЕЛУДЖСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Балач и Накиб

šugr in^{t} gō mē rabbai̯ dārā,
ništun bẹ rindai̯ daptarā.
Bālāč ō Nakībī kissawā^{n}:
Dūda mulukēn bē-gunā
γai̯šē na dārīt bẹ dilā
nīšta gō alk ō ṭakarā.
Sammī ǰanōzanē ēdā
ništa bẹ Dūdaäi̯ gwarā.
Bēbarg akai̯t nā-rawā,
råu̯t pa šikār ō šādīyā,
čīzē na dist ō bir gašt padā.
Sammīäi̯ gorumā ǰata.
Sammī biguštin pa dapā:
īṭi ta Dūda kam-xatā,
nē mardīäi̯ bōdišt tirā,
Bēbarg akai̯t nā-rawā
gorumā ruptin ša kā-čarā.
Dūda kẹ rummīt nun š-ēdā
kapt bẹ Bēbargäi̯ padā,
burt ō rasēnt āī rā.
ōdā bẹ dar-tankäi̯ dapā
ǰangān dō-dēmī laggita,
gorumā gardēnt bẹ padā.
Bēbarg bẹguštin pa dapā:
kau̯l int, mäi̯līn trā zindagā,
badnām kurtäi̯ rindäi̯ tahā.
yak aptagē nun gwast ša sarā,
Bēbarg š-ēdā rummita,
šutin bẹ Dūdāī sarā.
ōdā bẹ šāmānī ǰalā,
Dūda mulukēn bē-gunā
wāpta bẹ wābānī gālā;
γai̯šē na dārīt bẹ dilā.
Dūda ša wābā ḍikkita
säi̯ā rā kuštin rēsagā.
drēč ku gō Bēbarg nā-rawā,
Dūda γarībā kušt ēdā.
Bēbarg bẹguštin pa dapā:
Nakīb gulāmē ša ǰahā
Bālāč kasan int bẹ padā
kai̯ agīt ōnäi̯ ša man.
apt sāl gwastin ša sarā.
Bālāč yēr kapt ša kūā,
dōlānā sātīt brābirā:
gītī watī brāsäi̯ ǰanā
kai̯tī Nakībō ša darā,
ōdā ša mā bagäi̯ padā,
pursī ša mē alkai̯ ǰanā^{n}:
čē int š^{u}mäi̯ alkai̯ binā?
dōlān pa čī kurtant tawār?
zālān ǰawāb gardēnt padā:
Bālāč agīt brāsäi̯ ǰanā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā!
nē mardīäi̯ bōdiš tirā!
ta kẹ giräi̯ brāsäi̯ ǰanā,
baččē bẹdantin trā Xudā
bad-nām abaäi̯ rindäi̯ tā.

ar čand kẹ mard šēräi̯ narēn
zāläi̯ uzūräi̯ nau̯kar int.
ā mard kẹ ʷōnānā girant,
iñgar ša zālān akanant;
sar-ǰāī singäi̯ lonḍar int
wābī talārānī sar int
sⁱyāyēn Nakīb gušt pa dapā
man kẹ gulāmē un ša ǰahā
Dūda mᵃna gipta pa bā,
yā Dūdaäi̯ ʷōnā girīn,
yā ai̯si sarā ziyānā kanīn,
kallī ō āp gō tōšagā
prēntī bẹ čapēn kōpagā
zāmā bẹ rāstēn panǰagā
šēwag būt bẹ ǰäläi̯ tagā.
Bālāč xayāl ku bẹ dilā:
ē kẹ bråu̯t, rindē pkušītī
bad-nām abäīn bẹ ālamā.
prēntī ǰanäi̯ sau̯nānā,
kapt bẹ Nakībōī padā
burt ō ṛasēntī āī rā
čē int, lālā, tī binā?
biyā brawan pīräi̯ sarā.
ōdā Sultānäi̯ lañgarā
säi̯ sāl miništin ǰāgawa.
Bālāč wābē dist ēdā:
pīra mnā dātī nun šapā
ramag akāi̯ant kū́ sarā
ǰuptīy akāi̯ant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā;
amēš int mnī ō tī binā.
Nakīb bguštin pa dapā:
Bālāč, ta mnindäi̯ bē γamā:
Bēbargäi̯ alk laḍḍita
ōdā bẹ dar-tankäi̯ dapā
bẹ Balxai̯ čāī sarā
ǰuptīy akāi̯ant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā.
gōn int Nakībō nā-rawā
goḍīt ō prēnīt čō nalā.
kaptant Nakībōī paḍā,
ǰista bẹ mā ǰāläi̯ tagā
Bālāč gōn int zām-ǰanēn
goḍīt ō prēnīt ša yak sarā.
Bēbarg bẹguštin pa dapā:
īṭi trā Bālāč kam-xatā
nē mardīäi̯ bōdišt tirā
čēr äi̯ čō duzzēn tolāgā
wābā kušäi̯ brā-xundagā.
ta sī pkan ō biyā pa miḍā
warnā ša kullān dar rēčant
srēn basta ō čāḍ akanant
pa ǰistagēn mardäi̯ padā
čōn zindagā killant tirā.
Bālāč bẹguštin pa dapā:
ōdā kẹ ǰañgäi̯ hai̯-hai̯ int
rūba ō tolāg bäi̯ näi̯nt
sakkā psāt ta watī sañgarā.
Bālāč akai̯t pa gōkalā,
Bēbarg trā mālum kurta ēdā!
tīrē na kašīyēn ǰata
pādai̯ čuṭun dāt ō šuta
ā čō sagā pariʸāt kurta
rindān tamāmēn anditant.
Bālāčäi̯ zāmäi̯ drippagā
Bēbargā zurta larzaga
näi̯līt kučak pa gardagā.
Bēbarg bẹguštin pa dapā:
Bālāč kam pkan kēnagānā
rāǰäi̯ mūgäi̯mēn dutagā

yakē bgir ō mnind bēγamā.
Bālāč bārak kurtī dilā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā
ta girä̧ si^{y}alä̧ ǰanā
baččē b^{i}dant t^{i}rā Xudā
bad-nām aba^{y}ä̧ rindä̧ tā
ar čand kẹ mard šērä̧ nar int
zālä̧ uzūrä̧ nau̯kar int
ša turān ō laǰān dar int
ā mard kẹ ^{w}ōnān agirant
iñgar ša zālān akanant
sar-ǰāī siñgä̧ lonḍar int
čērgēǰ talārānī sar int
brāsī maza-dapēn loḍ int
brā-zākē tēzēn xanǰar int
gwār-zākē pullēn ispar int.
Bālāč bẹguštin pa dapā:
āñčō pkanīn, kasē ma kant
ūkē ma kant gō arzunā
garmēn lū^{w}ar gō čullūkā".
amrē Xudāwand ǰūḍ akant
rastar ō šērān miḍ adant
šēr bẹ pulangān sawār atant
Bālāč ō Nakībä̧ kār atant.

Содержание песни заимствовано из предания о родовой вражде Дуды и Бебарга (ср. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches, XVIII, также его же статью в Folk-lore за 1902 г., стр. 252 сл.). Бебарг отбил и угнал стада, принадлежавшие вдове Самми, находившейся под покровительством Дуды. Дуда вступается за Самми и возвращает скот. Бебарг предательски нападает на Дуду и убивает его. Балач, малолетний брат Дуды, забывает о мести, и через семь лет хочет жениться на вдове брата. Но преданный брат Дуды, Накиб, пробуждает в нем чувство долга. Они отправляются для послушания к наиболее чтимой белуджами святыне *(langar)* Султана, известного, в качестве покровителя верблюдов (ср. упоминание о нем также в *līkō* о Каджир-джан, 12, стр. 670). Через три года святой старец посылает им во сне знамение и научает мести. Они с двух сторон нападают на Бебарга, и тот предлагает мир. Мирными переговорами песня оканчивается.

(Перевод)

Благодарение этой господней обители!
я воссел в совете рындов.
Вот повесть о Балаче и Накибе.
— Дуда́ справедливый и праведный —
не имеет он козней в сердце, —
пребывал с народом и племенем.
Вдова Самми́ здесь же
приютилась подле Дуды́.
Приходит Бебáрг недостойный,
идет на охоту и забаву;
ничего не нашел и возвращался назад,
напав на стадо Самми́.
Самми́ заговорила устами:
«Позор тебе, обездоленному Дуде!
нет мужества и запаха у тебя!
Бебарг приходит недостойный,
стада повыметал с пастбища».
Как снаряжается теперь оттуда Дуда́,
бросился вслед Бебаргу,
пошел и достигнул его:

там в устье ущелья-теснины
завязалась битва лицом к лицу;
стадо вернул обратно.
Бебарг заговорил устами:
«Слово, что не оставлю тебя в живых!
ты обесчестил (меня) среди рындов».
Одна неделя прошла теперь с той поры,
Бебарг оттуда снарядился,
отправился в поход на Дуду;
там в разгаре вечерней поры
Дуда справедливый и праведный
спал в беседе со снами;
не имеет он козней в сердце.
Дуда, от сна встрепенувшись,
троих убивал подряд;
но столкнулся с недостойным Бебаргом
и он убил здесь беднягу Дуду.
Бебарг заговорил устами:
«Накиб раб исконный,
следом Балач младенец, —
кто взыщет кровь на мне?»
Семь лет проходило затем.
Балач спускается с гор,
барабаны приводит в порядок;
он берет своего брата жену.
Приходит Накиб снаружи,
там сзади верблюжьего стада,
спрашивает у женщин этой округи:
«что готовится в вашей округе?
зачем зазвучали барабаны?»
Женщины возвращают ответ:
«Балач берет жену брата».
Разгневался Накиб недостойный:
«позор бездельному Балачу!
нет мужества и запаха у тебя!
вот ты берешь жену брата,
и если сына даст тебе бог,
обесчещен станешь ты среди рындов.
Как бы ни был мужчина подобен льву,
перед женщиной он как прислужник.
Те мужи, которые взыскивают кровь,
соблюдают воздержание от женщин;
изголовье (у них) — плоский камень,
сон их на вершине шалаша».
Устами сказал черный Накиб:
«хоть я и раб исконный,
за деньги взял меня Дуда, —
или взыщу кровь Дуды,
или единственную голову погублю».
Мех и воду и припасы
он положил на левое плечо,
с мечем в правой руке,
отправился в южную степь.
Балач подумал про себя:
«вот он пойдет, убьет его рынд,
обесчещен буду я в свете».
Он наложил развод на жену,
бросился вслед за Накибом,
пошел и нагнал его.
«Что ты, братец, задумал?
давай, отправимся к старцу».
Там в святыне Султана
три года пребывали на месте.
Балач однажды видел здесь сон:
«старец ныне помощь мне дал:
стадо овец идет по горам,
пара (волков) подходит напротив:
один хватает с этой стороны,
другой хватает с той стороны;
таков приступ и мой и твой».
Накиб заговорил устами:
«Балач, ты сиди безмятежно,
Бебаргово племя откочевало
туда к устью ущелья-теснины,
чтó возле Бальхова колодца».
Пара (как волки) подходит напротив:
один хватает с этой стороны,
другой хватает с той стороны.
Вот Накиб недостойный,
как тростинки, сечет и швыряет.
Бросились вслед за Накибом,
он побежал в ту южную степь.
Вот Балач, потрясая мечом,
сечет и швыряет с другой стороны.

Бебарг заговорил устами:
«Позор тебе, бездельный Балач!
нет мужества и запаха у тебя!
Ты прячешься, подобно вору-шакалу,
во сне убиваешь названного брата!
Ты сделай вызов и приходи на бой:
юноши стремятся из домов,
стянув пояс и горя рвением;
(если ты гонишься) за убегающим,
как оставят в живых тебя?»
Балач заговорил устами:
«там, где раздался шум битвы,
нет места лисе и шакалу;
ты на́крепко береги свой стан».
Крадучись подходит Балач, —
но вот тебя заметил здесь Бебарг!
Стрела пущена неудачно:
слегка задела ногу и скользнула, —
он, как собака, испустил крик,
а рынды все засмеялись.
От стука меча Балача
Бебарга ударило в дрожь;
даже собаке не даст пробежать!
Бебарг заговорил устами:
«Балач, умерь ненависть,
и лучшую девушку племени
возьми, и живи безмятежно».
Сжалось сердце Балача,
но разгневался недостойный Накиб:
«позор тебе, бездельный Балач!
ты возьмешь из рода жену,
и сына если даст тебе бог,
обесчещен ты будешь у рындов.
Как бы ни был муж подобен льву,
перед женщиной он прислужник,
он вне почета и чести.
Те мужи, которые взыскивают кровь,
соблюдают воздержание от женщин;
изголовье (у них) — плоский камень,
постель — на верху шалашей;
братом у них — меч с большим лезвием,
сыном брата — острый кинжал,
сыном сестры — украшенный щит».
Балач заговорил устами:
«как я поступлю, никто не поступит:
кабан не поступит с просом,
жаркое лето с мелкой рыбешкой».
— Завет установляет Господь,
хищным зверям и львам назначает войну.
Львы над барсами одержали победу.
Таковы были дела Балача и Накиба.

Султан Джум-джума («череп»)

yā ilāhim, yā ilāhim,
ālamai̯ nūrēn xudā!
azrati Isā rawān būt
pa šikār ō šādī^{y}ā.
distatī uškēn kaḍūlē
kapta barr ō bẹdīān.
kirm ō mōrān ǰā ku(r)ta,
mār ō zūmān rā ku(r)ta.
ē čē kasē būta kẹ
āta barr ō bẹdīān?
azrati Isā walīyēn,
čēwa pursāi̯ ta m^{i}nā?
man kẹ atun pādšāē
nām-un Sultān ǰum-ǰuma.
ša manī ukm ō karārā
ič gida ākum na-w at,
rō dar-āt tā rō nišīnā
muččẹ ālam pa larzag at.
yak azār ǰwānēn sipāī
pa šikārā gō man at,

yak azār zanḍēn naryān at
zēn ō sanǰiš nuγra^{w} at,
yak azār kārāi̯ kanīz at
muč pa āpai̯ kašagā,
yak azār s^{i}yāēn gulām at
alγa-gōš wuštāt atan^{t},
yak azār pākēn suwāi̯l at
muč manī māi̯ēn ǰan at,
yak azār kārčāi̯ kassāb at
pa guranḍāi̯ kōṭagā.
ar kasē tālār ǰitā at
nān ō gōšt gō dummagā.
laškar-un b̄āz ō b̄isyār at
čō kę māšāi̯ dānagā,
čō kę māšāi̯ dānagā
kuntičāi̯ urtēn b̄arā
māl-un b̄āz ō b̄isyār at
ša ganǰi Kārun gēštir at.
malka-mut zilli-ilāēn
kāi̯t pa sāāi̯ giptinā
kāi̯t pa sāāi̯ giptinā
kai̯dā kant čō lēḍawā
kai̯dā kant čō lēḍawā
prēntagī ša markabā.
muč-un ku(rt) šārāi̯ tabībā,
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ič na b̄ūt dastgīr m^{i}nā:
ša dō čīzā γāpil atun:
ša namāz ō rōčagā.

(Перевод)

О боже, о боже,
боже, освещающий мир!
Святой Иса отправился в путь
для охоты и радости.
Он увидел высохший череп
упавший на сушь и пустыню.
Черви и муравьи там поселились,
змеи и скорпионы проложили дорогу.
Что это за человек был,
попавший в сушь и пустыню?
— Святой Иса угодник,
зачем спрашиваешь ты меня?—
— меня, который был царем,
по имени Султан Джум-джума.
Над моим приказом и правилом
вовсе не было владыки.
От востока до запада
весь мир был в трепете.
Тысяча молодых витязей
на охоту со мной отправлялись;
была тысяча откормленных коней
с седлами и сбруей из серебра;
была тысяча рабочих рабынь —
все для переноски воды;
была тысяча черных рабов —
с кольцами в ушах они стояли;
была тысяча ясных звезд —
все были моими луноликими женами;
была тысяча мясников с ножами —
разрубать бараньи туши.
У каждого человека был особый шатер,
хлеб и мясо с салом.
Мое войско было велико и многочисленно,
подобно зернам маша, —
подобно зернам маша
и мелким плодам кунджута.
Мое богатство было велико и обильно,
больше сокровищ Каруна.
Но ангел смерти, тень божья,
приходит взять душу;

приходит взять душу,
вот он опутывает как верблюда,
опутывает как верблюда,—
и вот уже сбросил с корабля (жизни).

Я всех собрал городских врачей,
и всякий давал мне лекарства и снадобья;
всякий давал мне лекарства и снадобья,
но не было никакой помощи мне:
я пренебрегал двумя вещами:
молитвою и постом.

Каджир-джан

Припев:

mnā armān Kaǰīr-ǰānī	У меня тоска по Каджир-джан,
pariäi̯ säi̯l bę čammānī	в ее глазах взгляд пэри.

(повторяется после каждого двустишия)

kitābā b^{i}yār kę man b^{u}ānīn,
kitābäi̯ mānī^{y}ā bzānīn.

ǰänikäi̯ āskīēn čamm ant,
ǰanōzan čillagäi̯ ḍamm ant.

ǰänikäi̯ brā ō baladā
ǰanōzan kapta pānādā.

ǰänikäi̯ čūčūkā sōr pkan
ǰanōzanā bgir ō gōr pkan
(|| ǰanōzanäi̯ xatā kōr pkan).

ǰänikäi̯ ǰāmagā gwanḍ kan,
ǰanōzanā gir ō kanḍ kan.

ǰänikäi̯ ǰāmagā ṭū kan,
ǰanōzanäi̯ dapā gū kan.

ǰänik ništa bę mē taxtā,
xudā prēnīt m^{a}nī baxtā.

ǰänik rusta čō mē tīrā
xudā prēnīt m^{a}nī gīrā.

ǰänik rusta čō anǰīrā
sarī kapta gō bad-šīrā.

ǰänik zurta watī adatā
bačak trusīt ša kiyāmatā.

kitābäi̯ bāragēn rāē
Kaǰīr-ǰān čārdaäi̯ māē.

ǰanikäi̯ māparr-ant zarrī
ša Sultānäi̯ kūā parrīt.

kalāmān gipta tī māsā
na pušīt mnī gulā xāsā
(|| kē trā na pušita xāsā).

kapōtäi̯ iẑẑag ō šau̯kē
ǰänikäi̯ gardinäi̯ tau̯kē.

sar-un kapta garībīyā
dil-un mānta pa bībīyā.

(Перевод)

1 Принеси книгу, чтобы я прочитал
и узнал содержание книги

У девушки глаза, как у газели,
вдовы — как старые овцы в зимние холода.

От роста и изящества девушки
вдова привалилась на бок (от стыда)

У девушки мизинец окрась,
вдову возьми и брось в могилу
(|| вдовий след истреби).

5 Для девушки сделай короткое платье,
вдову возьми и закопай.

Для девушки сделай широкое платье,
вдове испражнись в рот.

Девушка сидит на возвышении, —
пусть бог пошлет ее на мой жребий!

Девушка вытянулась, подобно столбу в шатре, —
пусть бог пошлет ее на мою долю!

Девушка выросла, подобно фиговому дереву,
но голова ее попала к злодею.

Девушка уже овладела своими повадками (в любовной игре), 10
но юноша боится страшного суда.

Книги (т. е. прописной морали) дорога узка,
а Каджир-джан как месяц четырнадцатого дня (в полнолуние).

Девичьи косы украшены монетами,
она (невинна, точно) спускается с Султановой горы (после богомолья).

Писаниями поражена твоя мать:
не одевает она мой цветок в тонкие ткани
(|| потому что она не одела тебя в тонкие ткани).

У голубя порхание и вожделение,
у девушки на шее — ожерелье.

Моя голова попала на чужбину, 15
мое сердце осталось ради госпожи.

Биби-джан

1 *pa-u̯tī sawābā*
bdāi̯ mnī ǰawābā.

mēšanī xāl-pušt,
tī γamā mnā kušt.

pa mnī dilā bīt,
pōš tī tilā bīt.

dō dil ʰam-dil bīt,
ǰinnatāi̯ gul bīt.

šīpānk ša gazā, 5
čukkī ša sabzā.

dil gō xayālā,
rang čō palalā.

tī baḍōēn čammān
siyā pkanāi̯ pa man.

čādir tilāī
wada tīrmāī.

dasmāl tī dastā,
γand sarāi̯ basta.

ǰālā di^{y}ātē,
Bur-ǰān xäyātē.

wābäi̯ čō āskā,
prēṋčīn tī bāskā.

sittäi̯ nar āskī,
prušant tī bāskī.

pōz ō pōz-bandäi̯
pūxäi̯, na ^{h}andäi̯.

kā^{h}äi̯ ō kōštäi̯,
mnī dilā prōštäi̯.

ništagäi̯ kūkī,
tī lunṭā c̣ukkī^{n}.

kalla-dār drammē,
a^{w}ulū čammē.

guṭā tī tau̯kē
gardäi̯ pa šau̯kē.

guṭā tī pōtē
sabzēn kapōtē.

guṭā tī lāl ant
ša ikkī^{y}ā ǰāl ant.

mōrag kattār ant
bẹ gōdan s^{u}wār ant.

biyā, bra bāgäi̯ tā,
šalwār tāγäi̯ tā.

pollūk tī pōzā,
guṭ čō surōzā.

šīpōl naläi̯ tā,
ta biyā mnī diläi̯ tā.

tī si^{y}āēn gidana,
tī wašēn lisāna.

tī kučak gwak kant,
dil-sōča ǰak kant.

šap kẹ karār int,
tī kau̯šäi̯ tawār int.

gēs tī panā int
dastäi̯ čamā int.

tī dantān ridēn ant
tī lunṭ kāgadēn ant.

au̯r ant ō gwāt ant
dōstäi̯ sau̯γāt ant.

Mārī ō Taǰan,
dōstäi̯ padā bǰan.

Mārī gālōw ku,
dōstā kulåw ku.

čalla tī čār ant
zargaräi̯ kār ant.

čalla tī šaš ant,
sōräi̯ sīm-kaš ant.

suwār bā̈i̯ biyānā,
säi̯l pkan ǰiyānā.

suwār bā̈i̯ komai̯tā
ēr pkap ǰūwäi̯ tā.

kalladār tī guṭā,
čukkīn tī lunṭā.

kalladār guṭī,
srēnī yak muṭi.

mnindan am-zānā,
čūšīn tī zwānā.

baḍḍī batē bīt
bēdäi̯ šatē bīt.

āpā ma kan gil,
trakkīt mnī dil.

tī lāpā zāgē,
mnī dilā dāgē.

ǰālāi̯ watan bīt,
dastmāl čakan bīt.

ša dilāi̯ dūtā
sar ǰanāi̯ lūtā.

kau̯šā pādā pkan,
ša dōstā salā pkan.

kau̯šān čangakī,
biyā, mnī kaǰakī.

(Перевод)

Ради своего спасенья,
дай мне разрешенье.

Овечка с отметиной на спине,
твоя скорбь меня убила.

Будет по моему сердцу,
будет у тебя платье из золота.

Пусть будут два сердца согласны,
пусть будет райский цветок.

Как трость из (дерева) газ,
ее поцелуй из свежести.

Когда сердце в задумчивости,
цвет лица как блеклая солома.

Твои глаза молодой газели
почерни ради меня.

Золотое покрывало
осенней поры.

В твоих руках платок,
а в нем завязан сахар.

К югу (вниз) есть деревня,
там есть Бур-джан швея

Ты спишь как газель,
я обниму твою руку.

Ты прыгаешь, как самец газели, —
сломятся твои руки!

Нос укутан покрывалом,
ты молчишь, не смеешься.

Ты приходишь и стоишь,
мое сердце разрываешь.

Ты села спесиво, —
я поцелую твои губы.

Много калладаров (т. е. золотых монет в ожерелье),
глаза молодой газели.

На твоей шее ожерелье,
ты ходишь спесиво.

На твоей шее повязка,
как смуглый голубь.

На твоей шее рубины
пониже адамова яблока.

Кораллы рядами
оседлывают грудь.

Давай, пойдем в сад, —
штаны лежат в нише.

Серьга в твоем носу,
горло, как скрипка.

Свист в флейте,
приди в мое сердце.

Твой черный шатер,
твой приятный язык!

Твоя собака лает,
милый друг кашляет.

Ночью, когда стихнет,
слышен звук твоих туфель.

Дом — твой покров —
близок, как глаз.

Твои зубы — ровными рядами,
твои зубы (белы), как бумага.

Дожди и ветры —
подарки от друга.

О Мерв и Теджен!
иди вслед за другом.

В Мерве поспели дыни,
пошли известие другу.

У тебя четыре перстня,
они — ювелирной работы.

У тебя шесть перстней,
они — из золотой проволоки.

Сядь верхом на жеребенка,
сделай прогулку по свету.

Сядь верхом на скакуна,
спустись в арык.

Калладар у тебя на шее,
целую тебя в губы.

Калладар на ее шее,
ее стан с кулак величиною.

Сядем колено к колену,
я буду сосать твой язык.

Пусть будет (возлюбленная), как пестрая утка,
пусть будет, как ивовая трость!

Не взмучивай воду,
мое сердце разрывается.

В твоем животе ребенок (от другого),
в моем сердце язва.

Пусть будет родина на юге,
пусть будет вышитый платок.

От дыма в сердце
преклоню голову в пустыне.

Надевай на ноги туфли,
у друга спроси совет.

Туфли с крючками,
приди, ты с завитками.

Сказки

I

1 *būt būt, čap ša xudā́ kásē (gētír) na būt.* 2 *yak wáxtē at, ḍōñkē wa yak rōtíñkē at.* 3 *ē rōtíñk gúštī: b'yā, brawán, yak ǰā́ē ārusī́ē ast. ḍōñk gušt: šar, brawán.* 4 *rōtíñk dēmā būt, dōñk bẹ āī́ padā́ būt.* 5 *ē šútant bẹ mā ārusī́äi̯ā, bāzḗn nān ō gṓštē wártant, wat rā sḗr kurtant.* 6 *šamṓdā pádā watī́ ǰāgā́ ātant, bẹ ráā yak ǰwákkē b-ēšā́nī dēmā́ dár āt.* 7 *ē ḍoñk gúštī: ta kup pkan. rōtíñk gúštī: tá kup pkan.* 8 *ḍōñk kup kurt, āpā́i̯ miāñǰī́nā kapt. rōtíñk andít, andít, trakkítī.* 9 *šamódā ǰístun ō bástun, pa wat īmā́nī āʷúrtun pa' ta dištárē.*

(Перевод)

1 Было было, кроме нашего с вами бога, никого (лучше) не было. 2 Было время, был комок земли, и была кишка. 3 Кишка сказала: «давай, пойдем, в одном месте есть свадьба». Комок земли сказал: «хорошо, пойдем». 4 Комок земли был впереди, кишка сзади него. 5 Они прошли к месту той свадьбы поели много хлеба и мяса, насытились. 6 Пошли назад во-свояси. По дороге попалась им на встречу канава. 7 Комок земли сказал: «ну, прыгай!» Кишка сказала: «ты прыгай!» 8 Комок земли прыгнул, и упал в середину воды. Кишка смеялась — смеялась и лопнула. 9 Оттуда я выбежал, завязал, для себя снискал благоденствие, для тебя привел невесту.

II

1 *yak wáxtē yak pādšā́ē at.* 2 *pādšā́ yak brā-zā́kē dāšt.* 3 *pādšā́ yak ǰāníkē dāšt.* 4 *amḗ pādšā́äi̯ brā-zā́k watī́ pisā́ gušt kẹ: mnī nākṓäi̯ ǰāníkā pa man alā́s pkan.* 5 *ē pādšā́ šut watī́ brāsā́i̯ā.* 6 *watī́ brāsā́ gušt kẹ: watī́ ǰāníkā bẹ mnī zāgā́ bdäi̯.* 7 *pādšā́ gušt kẹ: mnī ǰānik watī́ ixtiārā wat dārī́t.* 8 *ǰāníkā sṓč kurtant.* 9 *ǰānik gušt kẹ: Nēkī-dar-ǰiyā́näi̯ unárā pa man biyā́rīt, guḍá girī́n-ī.* 10 *ē šut, watī́ zāgā́ gušt kẹ: ǰānik amē rang gušt:* 11 *Nēkī-dar-ǰiyā́n unár dārī́t kẹ yak sālā́g mudát dārī́t,* 12 *kẹ yak sālā́gā unárā bzū́rīt am kušī́t-ī, ma bzū́rīt am kušī́t-ī.* 13 *ē čōrī́äi̯ pis watī́ zāgā́ burt bẹ Nēkī-dar-ǰiyā́näi̯ā.* 14 *Nēkī-dar-ǰiyā́n gušt kẹ: ātágit, mníndit.* 15 *Nēkī-dar-ǰiyā́n šut pa*

šikā́rā, ē zāg amḗdā mujúl-gwāzīyā kurt. 16 *dístī, ša burzágā ḍṓnkē kapt. saị̯ kúrtī kẹ: mazánēn kuškē burzḗn.* 17 *amē burzḗn γásräị̯ sarā́ ǰäníkē.* 18 *ē ǰäník gúštī: aị̯ čōrī́, ta Nēkī-dar-ǰiyā́näị̯ unárā amē-rangī́ʸā zū́räị̯?* 19 *čōrī́ gušt kẹ: napá čōn kanī́n?* 20 *ǰäník gušt kẹ: mnā girā́ị̯ kẹ man trā nišā́nā dāī́n.* 21 *čōrī́ gušt kẹ: ān, man trā girī́n.* 22 *ǰäník wānt, pa wāntínā rā́ē paị̯dā́ būt.* 23 *ē ǰäník Nēkī-dar-ǰiyā́näị̯ ǰäník at.* 24 *ē ša Nēkī-dar-ǰiyā́n pa ilmā́ puxtatír at.* 25 *čōrī́ amḗdā tā yak sāl wānt.* 26 *Nēkī-dar-ǰiyā́n kẹ ḗdā ma bū́tin, šut bẹ ǰäníkäị̯ā, ṓdā wānt. agá ḗdā bū́tin, na šut.* 27 *tā yak sāl ša Nēkī-dar-ǰiyā́n puxtatír būt.* 28 *sā́lē kē purrā́ būt, čōrī́äị̯ pis āt pa padā́ị̯ kẹ bárt-ī.* 29 *gušt kẹ: ta Nēkī-dar-ǰiyā́näị̯ unárā zurtágā na kanā́ị̯, biyā́ brawán, kẹ trā kušī́t.* 30 *zāg gušt: šarr, brawán. ē šútant, ša pádāị̯š Nēkī-dar-ǰiyā́n āt.* 31 *Nēkī-dar-ǰiyā́n zā́gē dāšt, wātī́ zāgā́ sṓč kurt kẹ: guǰā́ šut?* 32 *zāg gušt kẹ: pisī́ āt ō búrtī.* 33 *Nēkī-dar-ǰiyā́n padā́ị̯š kapt.* 34 *amā́ zāg wát rā yak lēḍáē kurt.* 35 *watī́ pisā́ gušt kẹ: mnā bā́ kurtäị̯, mnī au̯sā́rā ma dā́ị̯. agar ar čínka zar trā dā́tant, mnī au̯sárā ma dā́ị̯.* 36 *Nēkī-dar-ǰiyā́n āt, dístī kẹ ē wat rā lēḍā́ē kurtá.* 37 *Nēkī-dar-ǰiyā́n ša dēmā́ị̯s šut ō wat rā tāǰírē kurt, panǰā́ uštír bār bastá au̯sā́r kurt ō āt.* 38 *ḗdā āt, pīra-márdā gušt: uštírā bā kanā́ị̯ yā na kanäị̯?* 39 *pīra-márd gušt kẹ: ān, bā́ kanī́n.* 40 *gušt kē: čínka rā daā́ị̯?* 41 *gušt kẹ masalán yā pānzdá čirwā́n yā bīst čirwā́n.* 42 *gušt ke: šarr, girī́n, gušt: girī́n-ī, au̯sā́rā ʸam bdäị̯.* 43 *gušt kẹ: au̯sā́rā na dāī́n.* 44 *gušt kē: trā ša mnī uštirán yak uštírā gō bā́rā dāī́n. gušt kẹ: na dāī́n.* 45 *gušt kẹ: amḗ panǰā́ uštírā gō bā́rā múčānā trā dāīn, amḗ au̯sā́rā am bdäị̯. gušt kẹ: dāī́n.* 46 *dāt uštírā. Nēkī-dar-ǰiyā́n burt.* 47 *ē čōrī́äị̯ pis Nēkī-dar-ǰiyā́nā drust na kurt.* 48 *ē pīra-márd panǰā́ uštírā burt, ā-kaštírā kẹ šut, ar ǰárrē bẹ watī́ ǰahā́ šut. pīra-márd bẹ maị̯dā́nā mānt bē uštír.* 49 *ā uštírā Nēkī-dar-ǰiyā́n burt watī́ gēsā́, watī́ zāgā gušt kẹ: kārčā́ bⁱyār kẹ uštírā pkušī́n.* 50 *Nēkī-dar-ǰiyā́näị̯ ǰäník amā́ kārčā́ čḗr kurt, watī́ brāsā́ gušt kẹ: kārč wadī́yā na bīt, pisā́ bguš kẹ bā́ị̯t, wadī́ pkant.* 51 *watī́ pisā́ tawā́r kurt kẹ: kārč wadī́ʸā na bīt, biʸā́, wadī́ pkan.* 52 *pisī gušt kẹ: biʸā, uštírā psāt, man wadī́ʸā kanī́n.* 53 *ē čōrī́ ō ǰäník ar dō šútant.* 54 *pisī́ āt pa kārčā́ị̯ gaštínā, uštírā bẹ zāgā́ị̯ dastā́ dāt.* 55 *ǰäník watī́ brāsá gušt kẹ: uštírā bil kẹ āp bᵘārt kẹ tunnág int.* 56. *čōrī́ gušt ke: uštír ā́pā na wārt.* 57 *ǰäník gušt ke: au̯sā́rā ša sarā́ị̯ bzūr kẹ uštír ā́pā wārt.* 58 *čōrī́ uštíräị̯ au̯sā́rā ša sarā́ị̯ zurt.* 59 *uštír māī́ʸē būt, wat rā bẹ āpā́ị̯ tā prēnt.* 60 *čōrī́ tawā́r kurt watī́ pisā́: biyā́ kẹ uštír bẹ āpā́ị̯ tā kapt.* 61 *Nēkī-dar-ǰiyā́n āt ō wat rā saglāū́ʸē kurt, bẹ āpā́ị̯ tā prēnt, káptī*

bẹ māī́äi̯ padā́, rasēntág na kúrtī. 62 ā čōrī́ dár kapt, wat rā kapṓtē kurt, pír kurt. pir kurt ō šut, amā́ watī́ nākṓäi̯ tā ništ. 63 amā́ bāg apt sāl at kẹ gúlā ná^{y} ā^{w}úrt, ē bẹ ništ amḗ bāg múčī gul ā^{w}úrt. 64 wat yak gúlē būt, bāgwā́näi̯ dastā́ kapt. 65 bāgwā́n ḗšā burt, bẹ pādšā́ dāt kẹ: tī bāg gul kurt. 66 Nēkī-dar-ǰiyā́n ša āpā́i̯ dár kapt, dist kẹ čōrī́ wat rā kapṓtē kurt ō pir ku(rt). 67 Nēkī-dar-ǰiyā́n wat rā šāīnákē kurt ō padā́i̯ kapt. 68 šut bẹ mā pādšā́^{y}äi̯ bāgā́, dist kẹ amḗ gul amā́ī́ kār ant, ammā́ ǰíndī ēdā́ näi̯nt. 69 säi̯^{l} kurtá: bẹ pādšā́^{y}äi̯ dastā́ int. 70 wat rā yak malángē kurt ō šut bẹ pādšā́äi̯ā kẹ: amḗ gulā́ bdäi̯ bẹ man. 71 pādšā́ ɣār kurt kẹ: apt sāl int kẹ mnī bāg gul na kurtá, nū^{n} kẹ gul kurtá, ta ša man aloṭā́i̯. na dā́īn trā. 72 ē maláng šut. aī́däi̯ rōčā́ āt. 73 gušt kẹ: marṓčī aī́däi̯ rōč int, bdäi̯ amḗ gulā́ bẹ man. 74 pā́dšā́ ɣār kurt, amḗ gulā́ ǰat bẹ ḍigárā. 75 ē gul kunčítäi̯ dānág būt, pāš-pāš būt. 76 wat yak dānágē kuntíč būt, pādšā́äi̯ kau̯šā́i̯ tā kapt. 77 Nēkī-dar-ǰiyā́n yak galá múrgē būt ō binā́ bẹ dānṓkäi̯ čitínā būt. 78 ā čōrī́ ša kau̯šā́i̯ tā dár kapt ō šagā́lē būt, binā́ bẹ amḗ murgā́nī giptínā būt, murgā́nā yak-yak gipt ō wart. 79 duwārág wat mardúmē būt. 80 pādšā́ ai̯rā́n mānt. gušt kẹ: čē sabábē? 81 čōrī́ gúštī kẹ: ē Nēkī-dar-ǰiyā́n int. man wártun-ī, š-āī zōrák bū́tun. 82 čōrī́ šut, Nēkī-dar-ǰiyā́näi̯ ǰäníka gipt. 83 duwārág at, pādšā́äi̯ ǰäníkā am gipt.

(Перевод)

1 Некогда был царь. 2 У царя был племянник (сын брата). 3 У царя была дочь. 4 Этот царский племянник сказал своему отцу: «выдай за меня дочь моего дяди». 5 Этот царь пошел к своему брату. 6 Сказал своему брату: «отдай свою дочь за моего сына». 7 Царь сказал: «моя дочь свободна сама выбрать». 8 Спросили девушку. 9 Девушка сказала: «пускай он принесет мне искусство Неки-дар-джиана («мирское благо», так звали волшебника), тогда я возьму его». 10 Он пошел и сказал сыну: «девушка так сказала: 11 «Неки-дар-джиан обладает искусством, и ему представлен годовой срок: 12 если кто втечение года овладеет его искусством, того он убивает, а кто не овладеет, также убивает». 13 Отец этого юноши отвел его к Неки-дар-джиану. 14 Неки-дар-джиан сказал: «пришли, так садитесь». 15 Неки-дар-джиан отправился на охоту, а юноша принялся тут играть в бабки; 16 вдруг увидел, сверху свалился комок. Посмотрел, оказывается там большой и высокий замок, 17 а на верху этого высокого замка девушка. 18 Эта девушка сказала ему: «так-то юноша, ты постигаешь премудрость Неки-дар-джиана!». 19 Юноша сказал: «что же поделаешь?». 20 Девушка сказала: «возьмешь меня, если я научу тебя?»

21 Юноша сказал: «да, я тебя возьму». 22 Девушка прочитала (заклинание); от чтения появилась дорога. 23 Эта девушка была дочь Неки-дар-джиана. 24 Она в науке была еще более сведущей, чем Неки-дар-джиан. 25 Юноша целый год учился здесь. 26 Как только Неки-дар-джиана не было, он уходил к девушке и там учился; если же он был, не уходил. 27 Втечение года он стал более сведущим, чем Неки-дар-джиан. 28 Как только год исполнился, отец юноши пришел за ним, чтобы увести его; 29 сказал: «ты не сможешь овладеть искусством Неки-дар-джиана; давай, пойдем, а то он убьет тебя». 30 Сын сказал: «хорошо, пойдем». Они пошли, а тотчас за ним пришел Неки-дар-джиан. 31 У Неки-дар-джиана был сын; он спросил своего сына: «куда он (юноша) делся?» 32 Сын сказал: «приходил его отец и увел его». 33 Неки-дар-джиан бросился вслед за ними. 34 Тот юноша обратился в верблюда; 35 сказал своему отцу: «будешь меня продавать, не отдавай моей упряжи; сколько бы денег тебе ни давали, упряжи не отдавай». 36 Неки-дар-джиан подошел, увидел, что он обратил себя в верблюда. 37 Неки-дар-джиан пошел к ним на встречу и обратил себя в купца: снарядил пятьдесят верблюжьих вьюков, нагрузил их и подошел. 38 Подошел сюда и сказал старику: «продаешь верблюда или нет?». 39 Старик сказал: «хорошо, продам». 40 Он сказал: «за сколько отдашь?». 41 Сказал, например, пятнадцать или двадцать червонцев. 42 Он сказал: «хорошо я беру». Сказал: «беру его, но ты отдай и упряжь». 43 Сказал: «упряжь не дам». 44 Сказал: «я дам тебе из моих верблюдов одного верблюда с его вьюком». Сказал: «не дам». 45 Сказал: «всех этих пятьдесят верблюдов со вьюком дам тебе, только отдай мне эту упряжь». Сказал: «отдаю». 46 Отдал верблюда. Неки-дар-джиан (взял и) повел. 47 Отец того юноши не узнал Неки-дар-джиана. 48 Старик повел пятьдесят верблюдов, но как только отошел подальше в другую сторону, все они стали зарослями по своим местам. Старик остался в степи без верблюдов. 49 А того верблюда Неки-дар-джиан отвел к себе домой и сказал своему сыну: «принеси нож, я зарежу верблюда», 50 Дочь Неки-дар-джиана спрятала нож и сказала своему брату: «ножа не найти, скажи отцу, пусть придет, отыщет». 51 Он своему отцу закричал: «ножа не найти, поди сюда, отыщи». 52 Отец сказал: «поди сюда, подержи верблюда, я отыщу». 53 Сын и дочь пошли вдвоем. 54 Отец принялся искать нож, а верблюда передал сыну. 55 Девушка сказала своему брату: «дай верблюду попить воды, он хочет пить». 56 Юноша сказал: «верблюд не пьет воду». 57 Девушка сказала: «сними с него упряжь, пусть верблюд напьется». 58 Юноша разнуздал верблюда. 59 Верблюд обратился в рыбу и бросился в воду. 60 Юноша закричал отцу: «поди сюда, верблюд бросился в воду». 61 Неки-дар-джиан подошел и превратил себя в выдру, бросился в воду, кинулся за рыбой, но настичь не смог. 62 Тот юноша выскочил, обратил себя в голубя, полетел; полетел и исчез, спустился в саду своего дяди. 63 А уже семь лет, как тот сад не цвел; как только он спустился, весь тот сад сразу зацвел. 64 Сам он обратился в цветок и попал в руки садовнику. 65 Садовник

понес его и отдал царю: дескать, твой сад зацвел. 66 Неки-дар-джиан выскочил из воды, увидел, что юноша обратил себя в голубя и полетел. 67 Неки-дар-джиан превратил себя в сокола и полетел по его следам, 68 направился к саду того царя, увидел, что эти цветы его дело, но самого его там нет. 69 Посмотрел: он в руках у царя. 70 Превратил себя в нищего (юродивого) и пошел во дворец к царю: дескать, дай мне этот цветок. 71 Царь разгневался: дескать, семь лет уже, как мой сад не цвел, а теперь, когда он дал цветы, ты их требуешь: не дам! 72 Нищий ушел. В день праздника пришел; 73 сказал: «сегодня день праздника, дай мне тот цветок». 74 Царь разгневался, бросил тот цветок на землю. 75 Цветок обратился в семена кунджута, они рассыпались. 76 Сам же (юноша) превратился в кунджутное зерно и завалился под царский башмак. 77 Неки-дар-джиан сделался стаей кур и принялся клевать зерна. 78 Тот юноша выскочил из-под царского башмака и превратился в шакала, принялся хватать куриц; куриц хватал одну за другой и съедал. 79 Вновь обратился в человека. 80 Царь изумился, сказал: «что за причина?» 81 Юноша сказал ему: «это Неки-дар-джиан, я его съел, я оказался сильнее, чем он». 82 Юноша пошел, взял дочь Неки-дар-джиана. 83 Вновь пришел и взял также царскую дочь.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Сектор распространения, Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР

Том II, выпуск 2. 1927. Ц. 3 р. 50 к.
Том III, выпуск 1. 1928. Ц. 4 р. 50 к.
Том III, выпуск 2. 1928. Ц. 7 р. 50 к.
Том IV. 1930. Ц. 5 р.
Том V. 1930. Ц. 17 р.

Иран.

Том I. 1927. Ц. 4 р.
Том II. 1928. Ц. 4 р.
Том III. 1929. Ц. 4 р.

Тексты по истории Средней Азии.

Вып. 1. Гияс-ад-дин-Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1915. Ц. 5 р.

Труды Музея палеографии.

Том III. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук. 1929. Ц. 4 р.

Мусульманский мир.

Вып. 1. 1917. Ц. 75 к.

Труды Комиссии по истории знаний.

Вып. 8. И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского Университета (1810—1861). 1929. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Памирской экспедиции 1928 г.

Вып. VI (Лингвистика). И. И. Зарубин. Орошорские тексты и словарь. 1930. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Л. С. Ляпунова

Сдано в набор в августе 1931 г. — Подписано к печати 5 октября 1932 г.

VIII + 220 стр. — $Б_5$ — $14^5/_8$ печ. л. — 43.488 тип. зн. — 1000 экз.

Ленгорлит № 30724. — АНИ № 247. — Заказ № 1337

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Примечание. К этому же собранию должны быть отнесены две сказки, помещенные в Записках Коллегии востоковедов, т. V, стр. 675—679 (1930):

I. О комке земли и кишке (Кадыр Шакаров),

II. О юноше, научившемся чародейству (вариант первой сказки настоящего сборника) (Кечи-хан).

Предлагаемое собрание белуджских сказок представляет собою продолжение серии материалов по изучению белуджского языка и фольклора, начатой печатанием в Записках Коллегии востоковедов (т. V, стр. 653—679). Так как при издании первых образцов уже были сообщены необходимые сведения о белуджах СССР и особенностях их языка и фольклора, то здесь можно ограничиться приведением лишь немногих дополнительных данных, характеризующих авторов публикуемых сказок и особенности транскрипции и перевода.

Главным источником получения сказочного материала была белуджская молодежь, учившаяся в 1928—1929 гг. в Мерве и частью в Ленинграде; только одна сказка была записана вне этой среды. Из этой молодежи старшими были Мамад-нур Каландаров и Кадыр Шакаров; обоим было лет по 20—25 (своего точного возраста белуджи не знают). В 1928 г. они учились на Мервских педагогических курсах, а в 1929—30 г. на рабочем факультете при Ленинградском Восточном институте. Мамад-нур Каландаров принадлежал к аристократическому слою белуджского общества: он был пасынком крупнейшего из родоначальников белуджей СССР, известного Керим-хана, жившего близ Йолатани, и имел многочисленных родственников также в Серахском районе. До поступления на педагогические курсы он учился некоторое время в одном из персидских медресе, и был хорошо грамотен по персидски и по туркменски. Его сказки (II и IV настоящего сборника) отличаются наибольшею литературностью и заметно проникнуты персидским влиянием. В противоположность ему, Кадыр Шакаров бездомный бедняк; брахуи по происхождению, круглый сирота, он с детских лет был вынужден трудом добывать себе пропитание, то на железной дороге, то в качестве чернорабочего в Мерве, то пастухом у туркмен. Скитальческая жизнь сделала его полиглотом: в той или иной степени, он был знаком с языками: персидским, туркменским, брахуи и русским. Его сказки (IV, XVII—XIX) заметно отличаются от сказок Мамад-нура Калан-

дарова, как более простым языком, так и своим содержанием (особенно три последние). Больше всего сказок (I, III, V, VII—IX, XII—XIV, XX—XXI) принадлежит Ибрагиму Мамад-ханову, и почти все они фантастического содержания. Рано осиротев, он жил в семье горячо любившего его дяди, человека степенного и несколько образованного, занимавшего должность председателя аульного совета в Байрам-алийском районе. Ибрагиму Мамад-ханову было лет 15, он считался очень способным в школе, и по своему развитию он опережал своих товарищей, как в Мервском интернате для белуджей, где он учился до 1928 г., так и на рабочем факультете в Ленинграде, где он пробыл следующие два года. Языкам персидскому и русскому он начал учиться только в школе. Остальные сказители из воспитанников Мервского интерната: Ибрагим Мирбеков (XI), Сафар Нур-мамадов (X), Самад Гуль-миров (XV) и Карим Гуль-мамадов (XVI) были мальчиками лет 14, ничем не выделявшимися из среды своих сверстников; персидскому языку они учились в интернате, русского не знали. Родители Ибрагима Мирбекова жили в Йолатанском районе, остальных — в Байрам-алийском, и по своему имущественному положению были не выше и не ниже среднего уровня. Последним из сказителей, со слов которого была записана вторая из сказок, помещенных в Записках Коллегии востоковедов, был некто Кечи-хан, — уже немолодой человек, занимавший раньше командную должность в персидской армии и в 1926 г. или 1927 г., бежавший оттуда в Советский Союз. В 1928 г. Кечи-хан жил в ауле близ железнодорожной станции Анненково (ныне Захмат), недалеко от Байрам-али, где он пользовался большим уважением среди односельчан, и был известен также, как недурной поэт и музыкант.

Ни одна из сказок не принадлежит сколько-нибудь выдающемуся сказителю или сказочнику-специалисту. За исключением Мамад-нура Каландарова, и то в одном только случае (II), никто из рассказчиков не мог указать, от кого и где была впервые услышана рассказываемая сказка, хотя все они обычно подчеркивали, что сказки не складывались ими самими, а были от кого-нибудь услышаны. Таким образом, публикуемые сказки не должны считаться принадлежащими к лучшим образцам белуджского сказочного творчества. Скорее они дают представление о том сказочном фонде, который находится в распоряжении рядового рассказчика и которым удовлетворяются художественные потребности массового слушателя (в данном случае, преимущественно, в кругу учащейся молодежи). При этом рассказ-

чики распоряжаются сказочным материалом, входящим в этот фонд, довольно свободно: отдельные эпизоды переносятся с места на место и из одной сказки в другую, сюжеты сливаются и переходят один в другой, создаются новые варианты одних и тех же сказок (образцом могут служить первые пять сказок настоящего сборника и вторая сказка из Записок Коллегии востоковедов). В результате получается тот средний и наиболее распространенный тип белуджской сказки, который представлен в публикуемом собрании.

Применяемая транскрипция обычна для иранских текстов, и пояснения требуют лишь некоторые детали. Долгота гласных *o* и *e* особо не обозначалась, так как эти гласные нормально долги, и при допускаемом иногда сокращении они заменяются соответственно гласными *u* и *i*. Точно также не обозначался заднеязычный характер артикуляции *n*, свойственный этому звуку перед *g* и *k*. С другой стороны, знаками *i* и *ẹ* обозначаются лишь акустические оттенки одной и той же фонемы и ее большее или меньшее приближение к типу *i* или *e*. Точно также *å* (в отдельных случаях также *ä*) выражает лишь комбинаторные оттенки краткого *a*. Произношение гортанного *h*, обычно чуждого белуджской фонетике, отмечалось во всех случаях. Расхождения в записи одних и тех же слов не устранялись вполне сознательно, так как сопоставление и анализ этих расхождений могут помочь точнее определить фонетические границы фонемы (*ǰanik* ‖ *ǰänik* ‖ *ǰẹnik* ‖ *ǰinik*) или разновидности слова (*bẹkan* ‖ *pkan*, *pigr* ‖ *pikr*). Сложные слова и обычно слитно произносимые словосочетания по большей части писались через малое тире (*š-amodā*), но далеко не во всех случаях можно было сделать нужную разбивку. Ударение обозначено всюду; слова, где оно не указано, нужно рассматривать как энклитики или проклитики.

Перевод, сопровождающий текст сказок, не претендует на литературную самостоятельность и имеет лишь научно-вспомогательное значение. Его основная задача, это—служить иранистам необходимым пособием при чтении и анализе текста, восполняющим недостаток словарей и других пособий, и этой цели лучше всего удовлетворял бы перевод дословный или наиболее к нему приближающийся. Однако желание сделать публикуемый материал доступным не только для иранистов, но также для фольклористов, интересующихся восточной сказкой, заставило во многих случаях отступить от дословной передачи текста и всецело подчинить перевод требованиям русского литературного стиля. С этой же целью местами сделаны

необходимые пояснения и вставки (всюду помещенные в скобках), и выделен курсивом перевод встречающихся в одной сказке специальных арабских выражений. При всем том перевод стремится передать с максимальной точностью не только мысль подлинника, но и способ ее выражения. Вместе с тем перевод рассчитан исключительно на подготовленных читателей, уже занимавшихся восточной сказкой, в частности персидской, и знакомых с особенностями и условностями мусульманского быта и восточной речи; поэтому довольно многочисленные персидские термины и своеобразные обороты оставлены без пояснений. Новым из сохраненных в переводе и специфически белуджским можно считать лишь термин бузланги́, обозначающий фантастическое чудовище, повидимому, сходное с персидским дивом.

При выборе наиболее точных и подходящих русских выражений большая помощь была оказана Д. К. Зелениным, С. Ф. Ольденбургом и Л. С. Ляпуновой, просмотревшими корректуру перевода; в отдельных случаях не отказали в ценных замечаниях И. Ю. Крачковский и Ф. А. Розенберг. И им всем в значительной степени обязан перевод, если его задачи разрешены удовлетворительно.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

I

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír kā́se na būt. yak pādšā́ at. amé pādšā dāšt yak gok-čaréne. amé gok-čarén pīramárde at. amé pīramárd dā́štī yak nuwāságe. amé nuwāságī šut go gokā́n. yak čunt waxt būt, amé pīramárdäi̯ nuwāságäi̯ dil omán kurt pa ǰinénā. š-amódinā ā́tī bi watī́ pīrúkäi̯ gisā́, go watī́ pīrúkā gū́štī: pīró, ša ta maróčī a-loṭī́n ki brawā́i̯ bi pādšā́äi̯yā, go pādšā́ bgúšäi̯ ki äi̯ pādšā́, γábli ālám, ta watī́ ǰiníkā bdäi̯ bi mnī nuwāságā. amé pīramárd gū́štī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāsāg ā́tī bi gorúmäi̯yā, amé pīramárd āt bi pādšā́äi̯ gisā́. amé ki āt, dístī tā pādšā́ yak mardúme rā kušīt, yáke rā lāp tál a-dánt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná. amé pīramárd š-amódinā ǰist u āt bi watī́ gisā́. tārī́enā amé pīramárdäi̯ nuwāsāg ātī ša gorúmäi̯yā bi watī́ pīrúkäi̯ gisā́, go watī́ pīrúkā gū́štī: äi̯ pīró ǰān, ta maróčī šútäi̯ bi pādšā́äi̯ gisā́? amé pīramárd ǰawā́b dā́tī bi watī́ nuwāságā ki pīró ǰān, man šútun bi pādšā́äi̯yā, ša dū́rā säi̯l kúrtun tā yáke rā kušī́t, yáke rā bandī́t, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xāná, man trusítun, pádā ǰístun u ā́tun bi gisā́. amé pīramárdäi̯ nuwāsāg gū́štī: ta bā́ndā ukmánā mebā́īt, brawā́i̯ bi pādšā́äi̯yā, go pādšā́ bgúšäi̯ amā́ mnī abárā ki man go tā́ gū́štun.

(I. О внуке старика, научившемся чародейству)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был пастух. Этот пастух был старик. У этого старика был внук. Этот его внук ходил с коровами. Прошло некоторое время, старикову внуку захотелось жениться. Он пришел в дом своего деда и сказал своему деду: «дедушка, сегодня я хочу от тебя, чтобы ты сходил к царю и сказал царю: „о царь, средоточие мира, отдай свою дочь за моего внука!“» Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук пошел к стаду, старик пошел в царский дом. Когда он пришел, то увидел, что царь одного человека убивает, другому вспарывает брюхо, третьего посылает в тюрьму. Старик выбежал оттуда и вернулся к себе домой. На утро стариков внук пришел от своих стад в дом своего деда и сказал своему деду: «голубчик дедушка, ты ходил сегодня в царский дом?» Старик ответил своему внуку: «голубчик внучек, я ходил к царю, посмотрел издали, как он одного убивает, другого захватывает, третьего отправляет в тюрьму, выбежал обратно и вернулся домой». Стариков внук сказал: «завтра тебе непременно нужно сходить к царю и сказать царю то, что я тебе сказал».

tārī́enā būt, amé pīramárd ša watī́ gisā́ sar gipt u ā́tī bi pādšā́ä̯ gisā́. amé kɨ ā́tī, bi pādšā́ä̯ gisā̯́ pānā́dā sar bū́tī, yak wār dístī tā čunén diwā́ne bi pādšā́ä̯ā ništā́g ant. amé pīramárd yak katrā́e oštā́t, dístī tā diwā́n alā́s būt, ar kas šut bi watī́ jāgā́, amé pādšā́ tanā́ bi watī́ gisā́ mā́ntī. yak wār amé pīramárd š-amódinā āt bi pādšā́ä̯ gisā́, karā́r waš-āmáde čī́ze kū́rtant. amé pādšā́ ša amé pīramárdā pursít ki ta pa čéwä̯ xātírā ā́tag ä̯? amé pīramárd gū́štī: ä̯ pādšā́ γā̯bli ālám, man dārī́n yak nuwāságe, amāī́ dil omán kurtagī́ pa tī jiníkā, anū́n mnā dem dātagī́ bi tī́yā, anū́n ta čé a-gušā̯́? amé pādšā́ gū́štī: ta bra, amā́ watī́ nuwāsā́gā bzūr u biyā́r bi mnī́yā. amé pīramárd badbáxt š-amódinā sar gipt u ā́tī bi watī́ nuwāsā́gä̯yā, go watī́ nuwāsā́gā gū́štī: pīró, man šútun pādšā́ä̯ya, amā́ tī abā́rā go pādšā́ gū́štun, pādšā́ am rāzī́ būt, gušt: ta bra, amā́ watī́ nuwāsā́gā bzūr u biyā́r bi mnī́yā, anū́n biyā́ ki man u ta brawā́n. amé pīramárdä̯ nuwāsā́g pa gāl-u-bal gokā́nā naz āū́rtī, rādā́g kū́rtī démi gisā́n. ar góke rā dāt bi wāū́ndä̯ dastā́iš u amé ḍau̯l am go wāū́ndāniš am gū́štī: bā́ndā yā́ke watī́ gokā́ elā́ ma kant ki man bā́ndā go gokā́nā na raī́n.

tārī́enā būt, amé pīramárd u amé pīramárdä̯ nuwāsā́g š-amódinā sar gíptant u ā́tant bi pādšā́ä̯ gisā́. dístant tā pādšā́ tanā́ bi watī́ gisā́ ništagī́. pīramárd u amé pīramárdä̯ nuwāsā́g ā́tant pādšā́ä̯ gisā̯́ tā. amé pīramárdä̯ nuwāsā́g salā́m dā́tī, pādšā́ alā́i̯k kū́rtī. go pādšā́ wašāmáde kū́rtant. yak

---

Наступило утро. Старик вышел из своего дома и подошел к царскому дому. Когда он дошел до царского дома, он сразу увидел, что у царя заседает какой-то важный совет. Старик немножко постоял, увидел, что совет закончился и что каждый пошел к себе, а царь остался дома один, и тотчас вошел в царский дом. Итак, они обменялись приветствиями, и царь спросил у старика: «ради чего ты пришел?» Старик сказал: «о царь, средоточие мира, у меня есть один внук; его сердце устремилось к твоей дочери, и вот он послал меня к тебе; что ты теперь скажешь?» Царь сказал: «иди, возьми своего внука и приведи ко мне!» Несчастный старик вышел оттуда, пошел к своему внуку и сказал своему внуку «внучек, я ходил к царю и сказал царю твои слова; царь остался доволен и сказал: „иди, возьми своего внука и приведи ко мне!“ Теперь давай, пойдем!» Стариков внук с радостью и весельем пригнал коров и отправил по домам. Каждую корову он вручал хозяевам, и говорил хозяевам таким образом: «завтра пусть никто не выпускает своей коровы, потому что завтра я с коровами не пойду».

Наступило утро. Старик и стариков внук вышли, пошли в царский дом и увидели, что царь сидит у себя дома один. Старик и стариков внук вошли в царский дом. Стариков внук поздоровался, царь ответил на приветствие.

sāte níštant. yak wār amé pādšā go pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: ta pa mnī jiníkā āšíx äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: än. pādšā go amé pīramárdäi̯ nuwāságā gúštī: man ša ta māl íčīyā na loṭín, yak šárte kanín. agár ta amā́ šartā́ kúrtäi̯, gúḍinā man trā watí jiníkā däín. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: bguš, pādšā. amé pādšā gúštī: amíngūr yak mullā́e ast, bāz ilm dārít, agár ta ša amā́ mullā́äi̯ demā́ bi mníyā ilm āúrtäi̯, gúḍinā man watí jiníkā bi ta daín.

pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi watí gisā́, ódinā níštant, nān-māne wártant u šapénā wáptant bi watí gisā́. tārī́enā š-amódinā sar gíptant u šútant bi mullā́äi̯ gisā́. tā́ngāt sar na bū́t-atant ki pīramárdäi̯ nuwāság bi watí dilā́ pígrī kurt ki man š-āí demā́ čon ilm biyā́rīn? biyā́ ki man go watí pīrúkā e ḍau̯l bgúšīn ki pīró jān, ta ki ódinā mnā búrtäi̯, ta ma guš ki amā́ ātág-an ki ša tī demā́ ílm barán; ta ki mnā búrtäi̯, ódinā mullā́ā bguš ki man amé watí nuwāságā amédinā kilín, ta ameší rā gā waxtā́ yak káme sabáx bdäi̯. amé pīramárd u pīramárdäi̯ nuwāság šútant bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki sar bū́tant, yak wār mullā́ ša watí gisā́ dár káptī. salā́m u alā́i̯ke kúrtant, wašāmáde kúrtant. yak wār amé mullā́ amé pīramárdā u amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursít ki šmā pa čéwā ā́tag-it? pa kār-māre yā pa digá číze ātág-it? amé pīramárd gúštī: mullā́ sāíb, man amé

Они обменялись с царем приветствиями и посидели часок, как вдруг царь сказал старикову внуку: «ты влюблен в мою дочь?» Стариков внук сказал: «да». Царь сказал старикову внуку: «я не требую от тебя никакого имущества, но ставлю одно условие; если ты это условие выполнишь, тогда я отдам тебе свою дочь». Стариков внук сказал: «говори, о царь!» Царь сказал: «в этой стороне есть один мулла, большой учености, и если ты принесешь мне знания от этого муллы, тогда я выдам за тебя свою дочь».

Старик и стариков внук пошли к себе домой, там посидели, поели, что пришлось, и ночь переночевали дома, а на утро вышли оттуда и пошли в дом муллы. Еще не дошли, как стариков внук стал про себя размышлять: «как это я от него приобрету знания? давай-ка, я скажу своему деду: „голубчик дедушка, когда ты меня туда отведешь, ты не говори, что мы, мол, пришли, чтобы вынести от тебя знания; когда ты меня отведешь, там ты скажи мулле, что я, мол, оставлю здесь своего внука, а ты иногда немного поучи его». Старик и стариков внук пошли в дом муллы. Когда они подошли, мулла сразу вышел из своего дому. Они поздоровались и обменялись приветствиями. Тотчас мулла спросил старика и старикова внука: «ради чего вы пришли? по какому-нибудь делу или ради чего другого?» Старик сказал: «почтенный мулла,

watī́ nuwāságā āúrtág-un bi tī́yā; agár ta alā́s a-bayā́i̯, gā́ waxtā́ amešī́ rā́ sabáx bdäi̯. amé mullā́ kabūl kúrtī, gúštī: bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárd watī́ nuwāságā amédinā íštī u šútī bi watī́ gisā́. anū́n ša pīramárdā bil u ša nuwāságäi̯ goš pkaš.

karā́r, amé pīramárdäi̯ nuwāsag a-gindī́t tā e mnā́ sabáxā na dant. yak róče būt, amé mullā́äi̯ ǰiník ā́tī bi amé zā́gäi̯yā, gúštī: trā tī pīrúk ídinā íštī ki ta bwā́näi̯, anū́n mnī pis trā pa če sabáxā na dant? ta maróčī yak dróge bguš ki bā́ndā mnī pīrúk a-kā́i̯t, mnā bart, ta mnā sabáx bdäi̯. tārī́enā būt, amé pīramárdäi̯ nuwāság go mullā́ gúštī: äi̯ mullā́ sāíb, mnī pīrúk mnā āúrtī bi tī́yā ki ta mnā sabáx bdäi̯yā́i̯! amé mullā́ amé pīramárdäi̯ nuwāságā yak káme sabáx a-dā́tī, ša panč ročā́ yak róče.

yak róče roč pešī́n bū́tī, yak wār amé mullā́ watī́ demā́ dā́tī bi roništī́nā u šútī. amé pīramárdäi̯ nuwāság am bi amé mullā́äi̯ padā́ šútī. mullā́ bi demā́ u pīramárdäi̯ nuwāság bi padā́, amé ḍau̯l šútant bi yak ǰāgā́e, bi yak daγalī́eyā. yak wār amé mullā́ ništ u zígrī kúrtī. dérā būt, yak wār amé ḍigár bi larzágā āt. yak wār amé mullā́ putrī́t bi ḍigárä̯i tā. amé pīramárdäi̯ nuwāság amédinā oštātagī́ u sā́i̯l a-kant. dérā būt, dístī, mullā́ ša ḍigárä̯i čérā dár káptī u yak pātiyáe kúrtī, ḍigár drūwā́ bū́tī. mullā́ ā rā́ išt u ša digá rā́e šut. amé pīramárdäi̯ nuwāság šut, amódinā ki mullā́ ništ-át,

---

я привел к тебе своего внука, и если ты будешь свободен, ты иногда займись с ним!» Мулла согласился, сказал: «очень хорошо». Старик оставил здесь своего внука и пошел к себе домой. Теперь оставь старика и послушай про внука.

Итак, стариков внук видит: он ведь не дает мне уроков! Однажды случилось, что дочь муллы пришла к этому юноше и сказала: «твой дед оставил тебя здесь, чтобы ты учился, почему же теперь мой отец тебя не учит? сегодня ты ему налги, что завтра, дескать, придет мой дед и уведет меня, займись со мной!» Наступило утро. Стариков внук сказал мулле: «почтенный мулла, мой дед привел меня к тебе, чтобы ты мне давал уроки!» Мулла стал немного заниматься со стариковым внуком, из пяти дней один день.

Однажды было за полдень, вдруг мулла обратился лицом к заходу солнца и пошел. Стариков внук пошел вслед за ним. Мулла впереди, стариков внук сзади, так они пошли в одно место, на один пустырь. Вдруг мулла сел и стал совершать зикр (мистические призывания). Прошло много времени, вдруг земля задрожала, и мулла тотчас проник внутрь земли. А стариков внук стал и смотрит. Прошло много времени, он увидел, что мулла вышел из-под земли, совершил молитву, и земля стала, как была. Мулла покинул ту дорогу и пошел по другой дороге. Стариков внук пошел туда, где сидел мулла, сел и тоже

amḗš am šut, amódinā ništ u zígrī kurṭ. dérā būt, dístī tā ḍigár du kap būt, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság ér šútī bi ḍigárä̯i tā, šútī bi ḍigárä̯i tā, dístī tā yak mardúme ništagī́, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság salā́m dā́tī, amé mardúm alā́i̯k kúrtī, ša amé pīramárdäi̯ nuwāságā pursítī ki ta ša guǰā́ngūr ātág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: man ša ānčén ǰāgā́e ātág-un. tā yak sā́te nístant, gúḍinā amé mardúm amé pīramardäi̯ nuwāságā gúštī: ta anū́n bra. amé pīramárdäi̯ nuwāság š-amódinā ā́tī pā́dā bi mullā́äi̯ gisā́. amé ki ā́tī, amé mullā́äi̯ ǰiník pursítī ki ta guǰā́ būtág-äi̯? amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: biyā́ ki man bi ānčén ǰāgā́e būtág-un. amé mullā́äi̯ ǰiník zā́ntī ki amā́ ḍigárä̯i čérä̯i mardúm mnī pisā́i pīr būtagī́. gúštī: anū́n ta ša mnī pisā́ unár búrtä̯i, anū́n digá ā go ta íčī guštága na kant wa agár bzā́nt, trā kušī́t. amé ki tī pīrúk ā́tī, bra go watī́ pīrúkā.

amé šapénā tārī́enā pīramárd ā́tī, go mullā́ gúštī: man anū́n watī́ nuwāságā barī́n, pa ce ki amā́i̯ māl u āl ódinā wā́i̯l ant u ič kas xizmā́tā na kántiš. amé mullā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a.

amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā šútī, bi rāä nazī́kā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā gúštī: pīró, ta bra demā́, man mai̯dā́ne kanī́n u kāī́n. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a.

стал совершать зикр. Прошло много времени, он увидел, что земля разверзлась на двое. Стариков внук тотчас спустился под землю, пошел внутри земли и увидел, что там сидит человек. Стариков внук поздоровался, тот человек ответил на приветствие и спросил старикова внука: «откуда ты пришел?» Стариков внук сказал: «я пришел из такого-то места». Они посидели часок, потом тот человек сказал старикову внуку: «теперь иди!» Стариков внук оттуда вернулся в дом муллы. Когда он пришел, дочь муллы спросила его: «где ты был?» Стариков внук сказал: «подумай-ка только, ведь вот в каком месте я был!» Дочь муллы поняла, что тот подземный человек был пир (духовный руководитель) ее отца. Она сказала: «теперь ты отнял искусство у моего отца, и впредь он уже ничего тебе сказать не сможет, а если узнает (о происшедшем), убьет тебя! когда твой дед придет, уходи со своим дедом!»

На утро после этой ночи пришел старик и сказал мулле: «я заберу теперь своего внука, потому что там наше хозяйство запустело, и никто его не обслуживает». Мулла сказал: «очень хорошо».

Стариков внук пошел со своим дедом. Они приблизились к дороге, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «дедушка, ты иди вперед, а я схожу на двор и потом подойду». Старик сказал: «очень хорошо». Старик пошел к той дороге,

pīramárd démi amā́ rā́ šut. yak wār amé nuwāságī wat rā gipt, yak langén kargóške kurt u ǰist bi watī́ pīrúkäi̯ demā́. yak wār amešī́ pīrúk ki dístī, bi āī́ padā́ kapt, watī́ dilā́ gū́štī, bálken e pa rāstī́en kargóške. kapt bi padā́i̯, rasentá na kúrtī, karā́r šut. amé pīramárdā́i̯ nuwāság wat rā panā́ī kúrtī u mardúme kurt, xap-xápī kurt, āt, ša watī́ pīrúkā pádā būt. amé ki pīrúkī demā́ bū́tī, watī́ nuwāságā na dístī. yak wār amé nuwāságī šut, watī́ pīrúkā raséntī, gū́štī: ta áxtī čée dístäi̯ ki padā́i̯ kápt-atäi̯? amé pīramárd gū́štī: biyā́ ki man yak kargóške dístun, ar čẹ ǰān dā́tun, giptág na kúrtun, ǰístī ša mnī demā́. amé pīramárdäi̯ nuwāság gū́štī: äi̯ pīró, zalár na dārī́t.

demtírā šútant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā gū́štī: ta amé rāā́ tā bra demtírā, gúḍinā man a-kāī́n. amé pīramárd go watī́ nuwāságā gū́štī: ta čo watī́ axtī́enā der ma kanā́i̯, zū́tẹ biāā́. amé pīramárdäi̯ nuwāság gū́šti: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárd bi amé rāā́ tā dédẹ a-šut, yak wār amé nuwāságī gipt, wat rā langén āū́e kurt u ǰist bi watī́ pīrúkäi̯ demā́. amešī́ pīrúk dístī tā alā́ āū́e langén! yak wār bi padā́i̯ kapt. amé ki bi padā́i̯ káptī, tā yak ṭukúre rā́ šútī, yak wār jist, ša watī́ pīrúkā panā́ bū́tī u amédinā čer káptī. amešī́ pīrúk ā́tī, ša amé rā́ šut. amé ki dístī tā mnī pīrúk ša man gwástī, wat rā mardúme kurt u ǰist u šut, watī́

а его внук взял и обернулся в хромого зайца, и побежал навстречу своему деду. Как только его дед завидел его, он бросился за ним: он подумал, что это настоящий заяц. Он бросился за ним, но догнать не мог, и пошел потихоньку. А стариков внук укрылся и обернулся в человека; пригнулся, подошел и очутился сзади своего деда. Так как его дед был впереди, он не видал своего внука. Тотчас его внук пошел, догнал своего деда и сказал: «разве ты давеча что-нибудь увидел, что бросился вслед?» Старик сказал: «смотри-ка, я увидел зайца, но как ни старался, не смог поймать, и он убежал от меня!» Стариков внук сказал: «ну, дедушка, это ничего!»

Они пошли вперед, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «ты иди вперед по этой дороге, а я потом подойду». Старик сказал своему внуку: «только ты, как давеча, не запаздывай, а приходи поскорей!» Стариков внук сказал: «очень хорошо». Старик пошел себе по этой дороге. А его внук взял и обернулся в хромую газель, и побежал навстречу своему деду. Его дед стал смотреть: чтó-де это? неужели хромая газель? и сразу бросился за ней. Когда он за ней бросился, его внук сначала некоторое расстояние бежал по дороге, а потом вдруг бросился, укрылся от своего деда и спрятался. Его дед достиг этого места и пошел дальше по дороге. Когда он увидел, что дед прошел мимо, он обернулся в человека и по-

pīrúkā raséntī, go watī́ pīrúkā gúštī: ta pa če áxtīy a-ǰístäi̯? amešī́ pīrúk gúštī: man yak ā̆ūe langén dístun, ar čẹ bi padā́i̯ káptun, rasentág na kúrtun, ta bi pádā mā́nt-atäi̯. amé pīramárdäi̯ nuwāság go watī́ pīrúkā gúštī: amā́ kargóšk am u amé ā̆ū am mán atun. ta amā́ kārwā́nā gindā́i̯? amé pīramárd gúštī: an. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta mnā suwā́r bā́i̯, man wat rā yak zabrén leḍáe kanī́n. amé pīramárd gúštī: ǰuwā́n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság gúštī: ta amā́ kārwānkā́šānā bguš ki kai̯ leḍáe zint? man watī́ leḍá bā́ kanī́n. agár am trā gúštant: pa čī́n-kasā dayā́i̯? ta bguš: pa sad tumā́n a-daī́n u gúḍinā ā mnā ki ša ta zítant, ta amé mnī ausárā ma dā́i̯ bi āwā́n. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā leḍáe kúrtī. pīramárd suwā́r bū́tī, bi amé rā́ā tā ai̯ kurt u burt. amé pīramárdäi̯ nuwāság pelík a-ǰát.

amé kārwānkā́š ki nazī́k ā́tant, yak wār amé pīramárdā dístant tā čunén ǰuwānén leḍáe dārī́t. kārwānkā́š go amé pīramárdā gúštant: ta amé watī́ leḍá bā́ na kanā́i̯? amé pīramárd gúštī: bā́ kanī́n. amé kārwānkā́š gúštant: pa čī́n-kasā daā́i̯? amé pīramárd gúštī: pa sad tumā́n a-däī́n. amé kārwānkā́š gúštant: amā́ zinán. amé ki zítant, amé pīramárd gušt: man amé ausárā šmā rā na daī́n. amé kārwānkā́š gúštant: šar, ma dā́i̯. šútant, pīramárd am šut. anū́n ša pīramárdā bil u ša kārwānkā́šān goš pkaš.

бежал; догнал своего деда и сказал своему деду: «зачем ты давеча бегал?» Его дед сказал: «я увидел хромую газель, но как ни преследовал ее, догнать не мог, а ты оставался сзади!» Стариков внук сказал своему деду: «и тот заяц, и эта газель, всё это был я! ты видишь тот караван?» Старик сказал: «да». Стариков внук сказал: «садись на меня верхом, а я превращу себя в хорошего верблюда». Старик сказал: «хорошо». Стариков внук сказал: «ты скажи караванщикам: „кто берет верблюда? я продаю своего верблюда“; если скажут тебе: „за сколько продаешь?“ ты скажи: „продаю за сто туманов“, а потом, когда меня от тебя возьмут, ты им не отдавай моей упряжи». Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук обернулся в верблюда, а старик сел на него верхом и погнал его по этой дороге. Стариков внук стал реветь по-верблюжьи.

Когда караванщики приблизились, они сразу заметили старика: какой, дескать, у него хороший верблюд! Караванщики сказали старику: «ты не продашь своего верблюда?» Старик сказал: «продам». Караванщики сказали: «за сколько продашь?». Старик сказал: «за сто туманов отдам!» Караванщики сказали: «мы берем». Когда они взяли, старик сказал: «я упряжи не отдам!» Караванщики сказали: «хорошо, не давай!» Они ушли, старик тоже пошел. Теперь оставь старика и послушай про караванщиков.

amé kārwānkā́š šútant, bi ṭukúre rā́ yak wār er kúrtant. amé ki er kúrtant, amé leḍá am go e ušturā́n kai̯d kúrtant u íštant, wat wáptant. amé ki wáptant, yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā mardúme kurt u watī́ kai̯dā́ páč kurt u ǰist u šut, wātī́ pīrúkā rasḗntī. ā u pīrúkī šútant bi watī́ gisā́.

tārī́enā ā́tant yak pāléze pānā́dā pa kārā́, dédi kā́r a-kúrtant. yak wār amé mullā́, ta bzā́näi̯ čón a-bīt, zānt ki pīramárdäi̯ nuwāság ša man unár burt. wat rā bā́ze kant u bā́l a-kant u kāi̯t. amé ki pīramárdäi̯ nuwāság bāzā́i̯ tawā́rā uškítī, yak wār go watī́ pīrúkā gúštī: pīró, mullā́ int-a ki kāi̯t, biyā́ ki mašmā́ bǰíyan. amé pīramárd gúštī: ta nápa bǰi, man a-raī́n bi gisā́. amé pīramárdäi̯ nuwāság ǰístī, šut bi amé pālézäi̯ pānā́dā, yak wār amé mullā́ am ā́tī, er kapt bi ḍigárā. amé ki pīramárdäi̯ nuwāság dístī ki ā er kapt, yak wār šut, wat rā galáu̯we kúrtī. amé ki mullā́ dístī: ā wat rā galáu̯we kurt, yak wār amé sau̯zwā́nā gúštī: ta bra, amā́ zardḗn galáu̯wā pa man biyā́r, man trā gúḍā yak ǰuwānḗn pātiyáe daī́n. amé sau̯zwā́n šut démi amā́ galáu̯wā. amé ki sarā́ ǰā́lī kurt bi amā́ galáu̯wā, yak wār amé galáu̯ bāl kurt. amé sau̯zwā́n ai̯rā́n mā́ntī ki galáu̯ bāl kurt.

yak wār amé mullā́ wat rā šāīnáke kurt u bāl kurt, kapt bi pīramárdäi̯ nuwāságäi̯ padā́. yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság šut bi pādšā́äi̯ bāgā́nī

Караванщики пошли и, пройдя часть дороги, остановились. Когда они остановились, они привязали этого верблюда вместе с другими и оставили, а сами легли спать. Когда они заснули, стариков внук обернулся в человека, развязал свои путы, побежал и догнал своего деда. Он и его дед пошли к себе домой.

На утро они пошли на огород и стали уже работать. А мулла вдруг, — пойми, как это случится! — узнает: а ведь стариков внук отнял-таки у меня искусство! Он превращает себя в сокола, взлетает и приближается. Как только стариков внук услышал шум сокола, он тотчас сказал своему деду: «дедушка, это мулла приближается! давай, убежим!» Старик сказал: «ты, пожалуй, беги, а я пойду домой». Стариков внук добежал до края огорода, как вдруг приблизился и мулла и спустился на землю. Как только стариков внук увидел, что он спустился, он тотчас превратил себя в дыню. Как только мулла увидел, что тот превратил себя в дыню, он тотчас сказал огороднику: «сходи-ка, принеси мне вон ту желтую дыню, и я тогда дам тебе хорошую молитву». Огородник пошел к той дыне. Как только он нагнул голову к дыне, вдруг эта дыня полетела. Огородник изумился: как это так дыня полетела!

А мулла немедленно обернулся в королевского сокола, полетел и погнался за стариковым внуком. Тотчас стариков внук отправился в цар-

tā, wat rā yak gúle kurt. amé mullā́ āt, ar če säi̯ kurt, na zā́ntī ·ki gujā́m gul int-a. yak wār amé pādšā́äi̯ bāgwā́n ā́tī pa gulā́i̯ čitínā, ā́tī, sā́i̯lī kurt tā bāḅā! čunén juwānén gúle sabz kurtagī́! amé gulā́ sist u búrtī pa pādšā́. yak wār amé mullā́ zā́ntī: amé gul ki bi pādšā́äi̯ bāgwā́näi̯ dastā́ int, amā́ int-a. wat rā malánge kurt, gúštī: gulā́ mnā bdäi̯. amé padšā́äi̯ bāgwā́n gúštī: na bīt, man e gulā́ barī́n pa pādšā́. burt, bi pādšā́ dā́tī. amé pādšā́ amé gulā́ dédi bó a-kúrtī, yak wār mullā́ āt, gúštī: ta amé gulā́ bi man bdäi̯. amé pādšā́ amé gulā́ ír dā́tī bi demā́i̯. yak wār amé gul arzún būt u pāš wart bi ḍigárā. yak wār amé mullā́ wat rā mādá-múrge kurt u bi dānúkäi̯ binā́ kúrtī, yak arzúne, ta bzā́näi̯, bi padšā́äi̯ kau̯šā́i̯ tā kapt. yak wār amé pīramárdäi̯ nuwāság wat rā šagā́le kurt, amé murgā́i̯ sarágā sist. amé pādšā́ ai̯rā́n mānt. yak wār pīramárdäi̯ nuwāság wat rā mardúme kurt, go pādšā́ gúštī: man amā́ pīramárdäi̯ nuwāság-un ki ta mnā gúšt-atäi̯: bra, ša palāná mullā́äi̯ unár biyā́r, gúḍinā man watī́ jiníkā bi ta daī́n, man šútun, amā́ mullā́äi̯ jindā́ pa unár āúrtun, bi tī demā́ kúštun.

karār amé pādšā́ demā́i̯ čukítī u jārčī́nā gúštī: jār dí ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rǻu̯t ki pādšā́ watī́ jiníkā gís a-dánt. amé jārčī́n jār jātī ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rǻu̯t ki pādšā́ watī́ jiníka gís a-dánt. tārī́enā ič kas

---

ский сад и превратил себя в цветок. Мулла подошел, но как ни всматривался, не мог узнать, какой он цветок. Вдруг подошел царский садовник набрать цветов, подошел, посмотрел: что за красивый цветок распустился! — сорвал этот цветок и отнес царю. Мулла сразу догадался: этот цветок, который в руках у царского садовника, это он! Он превратил себя в дервиша и сказал: «дай мне цветок!» Царский садовник сказал: «нельзя, я этот цветок отнесу царю». Он отнес его и отдал царю. Царь стал нюхать этот цветок, как вдруг подошел мулла и сказал: «дай мне этот цветок!» Царь бросил ему цветок. Тотчас этот цветок превратился в просо и рассыпался по земле. Мулла немедленно обернулся в курицу и бросился на зерна, — а тебе надо знать, что одно зернышко проса попало в царский туфель. Стариков внук обернулся в шакала и оторвал курице голову. Царь изумился. Вдруг стариков внук обернулся в человека и сказал царю: «я тот стариков внук, которому ты сказал: „иди и приобрети искусство у такого-то муллы, тогда я отдам за тебя свою дочь!“ а я пошел и своим искусством самого того муллу привел и убил пред тобой!»

Итак, царь поцеловал его в лицо и сказал глашатаю: «провозгласи, чтобы завтра никто не шел на работу, потому что царь, мол, выдает замуж свою дочь». Глашатай провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что царь выдает замуж свою дочь. На утро никто не пошел на работу.

pa kārā́ na šut, pādšā́ eší rā gísī dā́tī. tā apt šap u apt roč dol kúrtī. karār pīramárdäi̯ nuwāság bū́tī pādšāäi̯ zamā́s. man š-amṓdinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā́ne āū́rtun, pa ta yak ǰiníke āū́rtun.

II

būt u būt, ša xudā́ káse getír na^{w}-at. yak wáxte yak Asán nā́men šwānáge at. eší apt sāl go yak mardúme ramág a-čarént. aštumíen sālā́i̯ sarā́ yak šápe wābe dístī kẹ bẹ dastā́i̯ säi̯ dānág istā́r at. ša wābā́ kẹ āgā́ būt, ramágā ai̯ kurt déme wutí wazdā́räi̯ gisā́. šap nemágā ramágā wutí wazdā́räi̯ gisā́i̯ demā́ yälá kurt. wazdā́rī tawā́r kurt: äi̯ Asán, ta ganók būtág äi̯, či balā́? ta pa če ramágā šap nemágā gisā́i̯ dapā́ kā́räi̯? Asán gúštī: mnā íččī na būtá. man ša šapí āngūrí tī ramágā na čarenín. zóre dā́räi̯, utí zorā́ bẹ man mālū́m pkan, yā nai̯t, go man íčī abár ma däi̯. apt sāl tī ramágā čaréntun, nū́n-a na čarenín. ša täi̯ wazdā́rā bāz u bāz xāíšt a-kanín kẹ mnā yak pātẹyáe bẹdā́i̯, pa če kẹ pa ta bāz zāmát kaštā́ un, wa ruxsát bẹkanā́i̯. gúḍā ša ta bāz u bāz rāzí a-baín: mnī ǰínd am sä sad pas dārín, ā́ um tī bayánt, āwā́nā man na lotín. wazdā́re kẹ ar če zā́rī kurt, Asán kabū́lī na kurt. gúḍā Asánā yak pātẹyáe dā́tī, rādág kurt.

Царь его женил. Семь ночей и семь дней били в барабан. Итак, стариков внук сделался царским зятем. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел девушку.

(II. Об овчаре, сделавшемся царем)

Было-было, не было никого лучше бога. Когда-то жил овчар по имени Асан. Семь лет он пас стадо у одного человека. В начале восьмого года однажды ночью он видел сон, что у него в руках три звезды. Проснувшись, он погнал стадо к дому своего хозяина, и к ночи выпустил стадо перед домом своего хозяина. Его хозяин закричал: «Асан, ты с ума сошел, что ли? зачем ты к ночи приводишь стадо к дверям дома?» Асан сказал: «ничего со мной не случилось, но начиная с этой ночи я больше не пасу твоего стада; если у тебя есть власть, эту власть прояви надо мной; если же нет, нечего тебе со мной говорить; семь лет я пас твое стадо, больше не буду пасти. От тебя, как хозяина, я очень и очень хочу, чтобы ты дал мне благословение, потому что я много потрудился для тебя, и чтобы ты отпустил меня. Затем я тобою очень и очень доволен: у меня самого есть триста овец, пусть они будут твоими! я не требую их!» Как хозяин ни жаловался, Асан не согласился. Потом он благословил Асана и отправил его.

Asán watī́ laṭā́, watī́ ṭapúrā zurt u rādág būt. šápe ǰā́e, róče ǰā́e, čunt šapā́ gúḍā bẹ yak šāre sár būt. šut, ämé šārā́ tā yak darwāzágä̯i dapā́ wapt. š-āī́ bil o š-ešī goš kaš.

amé darwāzáge kẹ e waptá, amé darwāzág wazī́rä̯i gís int. wazī́r yak ǰiníke dārī́t. ešī́ ǰiník go yak Asán nā́me amédā āšī́x būtá. šapī́en šapā́ ešā́nī ar duénānī wadá int kẹ š-é šārā́ bẹǰiyánt, sāáti dúwā šapā́i̯ā. ǰiník wutī́ māšūγā́ kẹ Asán bīt, guštá: sā́ti dúwā šapā́i̯ā ta darwāzágä̯i dapā́ kāā́i̯, man um ša argā́ ér a-kapī́n, mašmā́ ar duén rawán. Asán um šar gúštī. wazī́rä̯i ǰiníkä̯i māšūγáä̯i nām am Asán at. ā šapī́ bil tā wāb brå̯ut, e šwānág ša guǰā́-ángū bä̯it, ämé darwāzágä̯i dapā́ bᵘáspīt.

šap nemágā wazī́rä̯i ǰiník ša ᵂutī́ pisā́i̯ xazānágā du urǰī́n tilā́ wa zar zúrtī. āt bẹ darwāzágä̯i dapā́, dístī kẹ yak mardúme waptá. wazī́rä̯i ǰiník ᵂutī́ dilā́ gušt kẹ mnī māšūγā́ int kẹ waptá. íčī na gušt u pádā šut, ᵂutī́ pisā́i̯ aspā́nī tā du ǰwānén aspā́ zénī kurt u āt bẹ darwāzágä̯i dapā́, dístī kẹ Asán āngá-ta waptá. karā́r dastā́i̯ gipt u ešā́ pā́dī kurt, gušt: búst kẹ roč būtá, zūt kan kẹ brawán. e γarī́ben šwānág ustát u rādág būt. gúštī: guǰā́-ngūrī́ brawán? ǰiník gúštī: ta abár ma dä̯i, ar guǰā́ngū kẹ man a-rä̯īn, ta mnī padā́ biyā́. Asán um padā́i̯ šut.

Асан взял свой посох, свою войлочную одежду и пустился в путь. Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней спустя, добрался он до какого-то города. Он пошел и улегся перед одними воротами. Оставь теперь его и послушай об этом.

Ворота, у которых он лег, — это ворота дома визиря, а у визиря есть дочь. Эта девушка была влюблена в некоего Асана, и у них обоих был уговор, что этой ночью они бегут из этого города, в два часа ночи. Девушка сказала своему возлюбленному Асану: «в два часа ночи приходи к воротам, я также спущусь из замка, и мы вдвоем отправимся». Асан сказал: «хорошо», — а имя возлюбленного дочери визиря было также Асан. Оставь его на ночь, пусть идет спать! а этот овчар, откуда бы он ни был, пусть спит в этих воротах.

К полуночи дочь визиря взяла из хранилищ своего отца две переметные сумы с золотом и деньгами, подошла к воротам и увидела спящего человека. Дочь визиря сказала про себя: это ведь спит мой возлюбленный! Она ничего не сказала; вернулась, из лошадей своего отца оседлала двух лошадей получше, подошла к воротам и увидела, что Асан все еще спит. Она осторожно взяла его за руку, разбудила его и сказала: «вставай, уже день! поторопись, мы едем!» Бедняга овчар встал, собрался и сказал: «куда мы поедем?» Девушка сказала: «молчи, и куда я ни поеду, ты следуй за мной!» Асан последовал за ней.

ša šārā́ kẹ dár bū́tant, wāzīräi̯ ǰiník Asánɪ sarā́ yak ṭúke kurt. Asán awā́b na dātɪ. ǰiník duwārág yak ṭúke kurt. duwārág Asán ǰawā́b na dātɪ. édā wazīräi̯ ǰiník äi̯rā́n būt kẹ Asán pä če abā́rā na dāt. duwārág wazīräi̯ ǰiník íčɪ na gušt, rādág būt. tā́rɪ kẹ roč būt, wazīräi̯ ǰiník ešā́ sā́i̯lɪ kurt kẹ e mnɪ māšūγá näi̯nt. édā ǰẹník ai̯rā́n būt kẹ nūn con kanín? ᵂutí dilā́ píkrɪ kurt kẹ äi̯, ar če kẹ mnɪ pešānī́ā xudā́ kurtá, amā́w a-bɪt. aspā́ ǰátɪ yak čā-búke, äi̯ kúrtɪ, yak ṭukúre kẹ rā šut, ᵂutí dilā́ gušt kẹ ta byā kẹ ešā́ āzmūíšt kanín kẹ e čẹ mardúme. yak ǰāe ā́tan kẹ ṭuén näi̯zā́re. wazīräi̯ ǰiník gúštɪ kẹ čunén ǰwānén näi̯zā́re! ā burzágäi̯ sarā́ gokčarén ništá bū́tin, gok um édā bẹčartín ant! Asán gúštɪ: guǰā́? pādā́i̯ nále bẹšútin! ǰiník zā́ntɪ kẹ e gokča-réne näi̯nt. yak ṭukúre digár kẹ šútan, ešā́nɪ demā́ mazánen ǰikkíe pai̯dā́ būt. ǰiník gúštɪ kẹ čunén ǰwānén ǰikíe! ā burzágäi̯ sarā́ sarwā́n ništā bū́tin, édā uštúr bẹčartín ant! Asán ǰawā́b dāt kẹ guǰā́? sarwā́näi̯ pādā ǰíke bẹšútin. e ǰiník ᵂutí dilā́ gušt kẹ e sarwā́ne am näi̯nt. yak ṭukúre digá kẹ šútant, yak ǰwānén γúmäi̯ sarā́ bālā bū́tant. ǰiník sā́i̯lɪ kurt kẹ čunén alápe dārī́t e γum, gúštɪ kẹ édā yak azārī́en ramā́ge bū́tin u yak ǰwānén nal-ǰánen šwānág édā tamāšā́ kurt! ya-gá Asán šɪpóle kurt. édā wazīräi̯ ǰiník zā́ntī kẹ e mardúm šwānáge. ämé rangā́ šútant.

Когда они очутились за городом, дочь визиря дотронулась до головы Асана. Асан не отвечал. Вторично девушка тронула Асана. Опять Асан не дал ответа. Тогда дочь визиря удивилась, почему Асан не говорит. Больше она ничего не сказала, поехала. На утро, когда рассвело, дочь визиря посмотрела на него: да ведь это не мой возлюбленный! Тогда девушка растерялась: что́, дескать, я теперь буду делать? стала раздумывать: «ну, пускай будет, что бог мне судил!». Она ударила лошадь плетью и погнала ее, а когда немножко про-ехала, сказала про себя: «дай-ка, я его испытаю, что он за человек!» Они подъехали к месту, где были большие тростниковые заросли. Дочь визиря сказала: «какие хорошие тростниковые заросли! сидеть бы наверху коровьему пастуху, а коровы паслись бы здесь!» Асан сказал: «где? в его ногу воткнулся бы тростник!» Девушка поняла, что он не коровий пастух. Они проехали еще немножко, и перед ними появились большие заросли колючего кустарника. Девушка сказала: «какие хорошие заросли колючки! сидеть бы наверху погонщику верблюдов, а здесь бы паслись верблюды!» Асан отвечал: «где? в ногу погонщика впились бы колючки!» Девушка сказала про себя: «он не верблюжий погонщик». Они еще немного проехали и поднялись на хорошие пески. Девушка посмотрела: что за трава на этих песках! и сказала: «быть бы здесь тысячному стаду овец, а молодой овчар играл бы здесь на дудке и любовался бы!» Сразу Асан присвистнул. Тут дочь визиря поняла, что этот человек овчар. Так они ехали

roč garm at, ǰiník tunnág būt. tawā́rī kurt: äi̯ Asan, man bāz tunág būtág un, yak káme āp pai̯dā́ kurtága na kanā́i̯? Asán gúštı: bāz ǰwā́n int, anū́n man pa ta ā́p a-kārī́n, ič γusá ma war. Asán zū́tı ʷutī́ tūrágā wa laṭā́ zurt u šut, pa āpā́ šūt, gašt, ā́pe pai̯dā́ı kurt, ʷutī́ maškā́ āpī kurt u āt kẹ rādág bıt. sā́i̯lı kurt kẹ āpā́i̯ rāsten pānā́dā yak čī́ze guróg a-ǰánt. Asán gušt kẹ ta byā kẹ amā́ rā säi̯l kanī́n kẹ amé čée? šut, sā́i̯lı kurt kẹ yak čirā́ge. Asán amāé rā ša āpā́i̯ tā zurt u rādág būt, démẹ ǰäníkā, āwúrtı. āpā́nā bẹ ǰäníkā dā́tı. ǰäník kẹ wā́rtı, Asán gúštı kẹ äi ǰäník, man yak čī́ze š-āpā́i̯ sarā́ distun. ǰäník gušt kẹ gúǰ int? ta byār kẹ säi̯l kanán kẹ čée. Asán amāé rā ǰäníkäi̯ dastā́ dāt. ǰänik kẹ sā́i̯lı kurt, durústı kurt kẹ e čız pādšāéen čī́ze, zurt ešā́, ʷutī́ urǰī́näi̯ tā kurt, gúštı: bẹ́l tā bıt äméḍā. Asán gušt: šar. šū́tant, yak u du šapā́ gúḍā bẹ yak šā́re nazzī́kā ā́tant. wazī́räi̯ ǰiník gúštı kẹ zā́näi̯ kẹ muslā́t čé int? Asán gúštı: na. ǰäník gúštı: muslahát äméš int kẹ man tʹrā sad tumā́n za̯r a-däī́n, ta bẹzū́r u bẹrá bẹ šārā́, man amédā nindī́n, ta yak ǰwānén gíse wa yak muzū́re girā́i̯, gúḍā pa mnı padā́ bẹyā́, gúḍā man šār a-raī́n. Asán gušt: šar. zar zurt u šut bẹ šārā́. yak ǰwānén gíse wa yak muzū́re gipt u gisā́ ǰwān pā́kı kurt u āt pa wazī́räi̯ ǰiníkäi̯ padā́, ešā́ zurt u šut bẹ šārā́.

День был жаркий, девушка захотела пить. Она закричала: «Асан, я очень хочу пить, ты не можешь найти немного воды?» Асан сказал ей: «очень хорошо, я сейчас принесу тебе воды, ты не беспокойся». Асан быстро взял свою торбу и посох и пошел; пошел за водой, походил, отыскал воду, наполнил водой свой мех и собрался в путь, но увидел, что справа от воды что-то блестит. Асан сказал: «дай-ка, посмотрю, что это!» пошел, посмотрел: светильник! Асан вынул его из воды и пошел к девушке; принес и дал девушке воды. Когда она попила, Асан сказал: «девушка, я видел в воде одну вещь». Девушка сказала: «какую? давай, посмотрим, что это!» Асан передал ее девушке. Когда девушка посмотрела, она поняла, что это царская вещь. Она взяла ее, положила в свою переметную суму и сказала: «оставь ее, пусть лежит здесь!» Асан сказал: «хорошо». Они поехали и через одну или две ночи приблизились к какому-то городу. Дочь визиря сказала: «знаешь, что теперь делать?» Асан сказал: «нет». Девушка сказала: «нужно вот что: я тебе дам сто туманов денег, ты возьми их и отправляйся в город; я останусь здесь, а ты найми хороший дом и слугу и возвращайся ко мне, тогда и я поеду в город». Асан сказал: «хорошо». Он взял деньги и поехал в город; нанял хороший дом и слугу, хорошенько вычистил дом и вернулся за дочерью визиря, взял ее и поехал в город.

amā́ ǰā́e kẹ Asán pai̯dā kurt-at, šapí amódā wáptant, bā́ndäi̯ šapā́ wazī́räi̯ ǰäník ämé ^{w}utī muzū́rā gušt: ta bra, yak ǰwānén mullā́e pai̯dā́ bẹkán u bẹyā́r. muzū́r šut u yak mullā́e pai̯dā́ī kurt u āwúrt bẹ gisā́. wazī́räi̯ ǰäník pa mullā́ yak ǰwānén nahā́re ǰóḍī kurt u dā́tī. ša nahā́rā gúḍā wazī́räi̯ ǰiník mullā́ gušt: zā́näi̯, mullā́ sāíb, kẹ musla^{h}át čé int? mullā́ gušt: na. wazī́räi̯ ǰiník gušt kẹ go me Asán nām mnī aγdā́ band. gúštī: šar, magár man ša ta yak číze pursín, ta rāsténā bẹgušā́i̯. wazī́räi̯ ǰiník gušt: ar čẹ kẹ pursā́i̯, purs, man ^{w}uštātā́-wun. mullā́ gušt kẹ ta ǰiníke wäi̯ yā na? wazī́räi̯ ǰiník ǰawā́b dāt kẹ man ǰiníke-wun. duwārā́g mullā́ sóǰī kurt kẹ ta digá dištáre dārā́i̯ yā na? ǰiník gušt: na dārī́n. mullā́ gušt kẹ nūn ta p-ämé mardúmā kẹ äméda ništá Asán nām, p-amešī́ rāzī́ äi̯? wazī́räi̯ ǰiník ǰawā́b dāt kẹ mullā́ sāíb, agár amā́i̯ aγdā́ bándäi̯, band, agár na bandā́i̯ kẹ bāz abárma däi̯, bust u bẹrá pa watí rahā́. mullā́ gúštī kẹ äi̯ ǰäník, ša mnī soǰ kurtínen čīzā́n tī dilā́ ma gīt, sabábi kẹ man mullā́e un, mnī ^{h}ak int kẹ amerangén čīzā́nā pursī́n.

šapí kẹ ešā́nī aγdā́ bástī, tā́rī kẹ roč būt, wazī́räi̯ ǰäník Asánā gušt: zā́näi̯ kẹ abár čé int? Asán gušt: na, na zānī́n. ǰäník gušt: abár äméš int kẹ ta maróčī ämé šamā́ bzūr u bẹrá bẹ pādẹšā́e, ódā kẹ šútäi̯, ešā́ bẹ pādẹ-

---

В том доме, который нашел Асан, эту ночь они переночевали, а в следующую ночь дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи хорошего муллу». Слуга пошел, отыскал муллу и привел домой. Дочь визиря приготовила для муллы хороший обед и предложила ему. После обеда дочь визиря сказала мулле: «знаешь, почтенный мулла, что надлежит сделать?» Мулла сказал: «нет». Дочь визиря сказала: «обвенчай меня с человеком по имени Асан». Он сказал: «хорошо, но я спрошу у тебя кое-что, а ты говори правду». Дочь визиря сказала: «все, что ты имеешь спросить, спрашивай, я готова». Мулла сказал: «ты девушка или нет?» Дочь визиря отвечала: «я девушка». Вновь мулла задал вопрос: «есть у тебя другой жених или нет?» Девушка сказала: «нет». Мулла сказал: «а теперь ты согласна на брак с человеком, который здесь находится, по имени Асан?» Дочь визиря ответила: «почтенный мулла, если ты совершаешь этот брак, то венчай, если же нет, то не трать много слов, встань и иди своей дорогой». Мулла сказал: «дочка, не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю, потому что я мулла, и мое право спрашивать о таких вещах».

Ночью он совершил их брак, а на утро, когда рассвело, дочь визиря сказала Асану: «знаешь, о чем теперь речь?» Асан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «дело теперь обстоит так: возьми сегодня эту свечу и иди к царю,

šāä̯ demā́ ƀil u bẹyā́. Asán gušt: šar. amáe rā zurt u šut bẹ pādẹšā́ä̯ argā́. δdā kẹ šut, salā́me dāt u ništ.

yak u du sāt ništ u gúḍā šamā́ bẹ pādẹšā́ä̯ demā́ išt. pādẹšā́ gušt: e čée, parzínd? Asán gušt: mán-a na zānī́n kẹ e če, tā́i pādẹšā́ ma zānā́i̯, mán-a na zānī́n. duwārág Asán um abár na dāt, pādẹšā́ am abár na dāt. čunt sāáṭṭā gúḍā Asán gušt: man nūn a-raī́n. pādẹšā́ gušt kẹ šar, kẹ rawā́i̯, murxás äi̯! Asán ustát u rādág būt, āt ʷutí gisā́. ǰäník gušt: äi̯ Asán, čon kurtā́i̯? Asán gušt kẹ í̯ččī na kúrtun, búrtun, dā́tun u ā́tun. š-āí bil u ša pādẹšā́ goš kaš.

Asán ša gisā́ kẹ dár būt, pādẹšā́ yak mardúme rā ešī́ padā́ kurt kẹ ešī́ gis guǰā́ngūr int. e mardúm āt u Asánī gisā́ pai̯dā́ī kurt u sā́i̯lī kurt kẹ xā-nái xarā́b, čunén ǰänéne dārī́t. e mardúm pádā šut u pādẹšā́ā gúštī: äi̯ pā-dẹšā́, ta apt ǰänén dārā́i̯, amā́ ar aptén Asánī ǰänénäi̯ molíd ant. e rangén ǰänén ič bẹ tī pādẹšāī́äi̯ mulkā́i̯ tā näi̯nt. ämé mardúm kẹ Asánī gẹsā́ šút-at, pa pādẹšā́ bāz u bāz tārī́pī kurt Asánī ǰänénā. pādẹšā́ am pa Asánī ǰänénā āšī́γ būt. ʷutí wazī́rā loṭít kẹ e rangén abáre ast, nūn čon kanán? wazī́r gušt kẹ agár āe rā maróčī bẹyā́räi̯, bẹ dā́rā bẹjánäi̯, gúḍā tī nām kámme gandág a-bīt. pādẹšā́ gušt: nápa čon kanán? čon āe rā ziyā́n a-kanā́i̯?

а когда туда придешь, поставь ее пред царем и приходи обратно». Асан сказал: «хорошо», взял ее и пошел в царский дворец. Когда пришел туда, он поздоровался и сел.

Он посидел час-другой, потом положил свечу перед царем. Царь сказал: «что это, дитя мое?» Асан сказал: «я не знаю, что это; раз ты царь и не знаешь, я тоже не знаю». Больше Асан ничего не сказал, царь тоже ничего не сказал. Через некоторое время Асан сказал: «я теперь пойду». Царь сказал: «хорошо, если хочешь, можешь итти». Асан встал и пошел. Он пришел домой, и девушка сказала: «ну, Асан, что сделал?» Асан сказал: «ничего не сделал! снес, отдал и пришел назад!» Оставь его и послушай про царя.

Когда Асан вышел из помещения, царь послал вслед за ним человека: где, дескать, находится его дом? Этот человек пошел, отыскал дом Асана и стал смотреть: что б ему пусто было! какая у него жена! Этот человек вернулся и сказал царю: «о царь, у тебя семь жен, но все семеро годны лишь в служанки жены Асана; такой женщины в твоем царстве вовсе нет!» Этот человек, который ходил к дому Асана, очень и очень расхваливал царю жену Асана, и царь влюбился в жену Асана. Он призвал своего визиря: такое, дескать, дело! чтó теперь будем делать? Визирь сказал: «если ты его сегодня приведешь и отправишь на виселицу, впоследствии твое имя несколько опорочится». Царь сказал: «что же

wazī́r gušt kẹ ta bā́ndā āe rā bẹlóṭ, bẹgúš: amé šamā́i̯ adigá ballā́ ša ta loṭī́n. pādẹšā́ šar gúštī.

bā́ndā āe rā loṭítī, gúšti: amé šamā́i̯ adigá ballā́ ša[t] ta loṭī́n. Asán gúštī kẹ e digá bálle na dārī́t. pādẹšā́ gušt: agá dārī́t yā na dārī́t, man ša ta loṭī́n, agár da ročā́i̯ sarā́ āwúrtäi̯, kẹ íčī; agár nā́y-āwúrtäi̯, tī ǰān u zāg múčī pādẹšāī́ a-bīt, utī́ ixtiyā́rā dārā́i̯. Asā́n šut utī́ gẹsā́. ǰänénī pụrsítī kẹ pādẹšā́ ša ta čé soǰ kurt? Asán gušt kẹ ša man sóǰī kurt kẹ ämé šamā́i̯ adgá ballā́ bẹrá, biyā́r, man gúštun kẹ ā digá bálle na dārī́t. pādẹšā́ gušt kẹ dārī́t yā na dārī́t, man ša ta dā ročág loṭī́n, agár dā ročā́i̯ sarā́ may-ārā́i̯, gúḍā tī ǰān u zāgā́ múčā pādẹšāī́ā kanī́n. ša man ämešā́nā sóǰī kurt. gúḍā ǰänénī gušt kẹ š-amódā kẹ ešā́ distág-äi̯, amā́ ǰā nūn baladī́[y] a-kanā́i̯? Asán gušt: baladī́ a-kanī́n, magá ódā š-ešā́n bāz u näint. ǰänén gušt kẹ äi̯, ar če int, ométā bẹ xudā́ bẹkán u bẹrá. Asán gušt: šar.

Asán sar gipt u šut, amā́ āpā́ pai̯dā́ī kurt, gā́štī āpā́i̯ išk-uw-ā́škā, ya-ga amā́ rangén šáme dístī, zúrt u utī́ tūrā́gäi̯ tā kurt u āt kẹ rādā́g bīt, utī́ dilā́ gušt kẹ ta byā kẹ amé āpā́i̯ išk-w-ā́škā múčā yak čā́re bẹkanī́n, bārén e čunén ā́pe. šut, amé āpā́i̯ íšk-uw-ā́škā čā́rī kurt. ya-ga bẹ gošā́i̯ mardúmäi̯ tawā́re būt. äméḍā yak kámme uštā́t, goš kašítī kẹ zā́ntī kẹ äméḍā mardúmäi̯ tawā́re

---

будем делать? как бы тебе его погубить?» Визирь сказал: «призови его завтра и скажи: „я требую от тебя пару к этой свече“». Царь сказал: «хорошо».

На следующий день он позвал его и сказал: «я требую от тебя пару к этой свече». Асан сказал: «у нее не имеется другой под пару». Царь сказал: «имеется или нет, я от тебя требую! если ты в течение десяти дней принесешь, тогда ничего; если же не принесешь, твоя жизнь и дети, все будет царским, поступай, как знаешь!» Асан пошел домой. Его жена спросила у него: «что у тебя спросил царь?» Асан сказал: «вот что царь спросил: „отправляйся и принеси к этой свече другую под пару“, я сказал, что ей нет пары; царь сказал: „есть или нет, только я требую ее от тебя в десятидневный срок, и если ты через десять дней не принесешь, тогда я тебя самого с детьми и со всем имуществом объявлю царским!“ Вот что он с меня спросил!» Тогда жена сказала: «ты узнаешь теперь то место, где ты нашел ее?» Асан сказал: «узнать-то узнаю, но там ведь больше их нет». Жена сказала: «ну, что бы там ни было, надейся на бога и иди». Асан сказал: «хорошо».

Асан собрался и пустился в путь. Он отыскал ту воду, обошел ее кругом, и вдруг увидел такую же свечу. Он взял ее, положил в торбу и уже собирался уходить, но сказал сам себе: «дай-ка, обойду со всех сторон! что это за вода такая?» Он стал прохаживаться вокруг этой воды, и вдруг до его ушей дошел человеческий голос. Он постоял там немного, прислушался и убедился,

ş̤ut, ämé singā́nī tā gašt, ya-ga dístī kẹ amédā yak singā́i̯ gíse. šut, š-ämešī́ kaḍákā sā́i̯lī kurt kẹ yak au̯lo-čámen ǰäníke amédā ništá. ǰäník amešā́ dístī. ya-ga ǰäník tawā́rī kurt kẹ äi̯ musulmā́n, čéwā kanā́i̯ kẹ édā ā́tag äi̯? bẹrá kẹ anū́n buzlangī́ a-kāyánt, trā waránt, bra pa wat. Asán gúštī kẹ man ša ta getī́r ná-wun, trā alā́s ma kanī́n, na raī́n. ǰäník gušt kẹ äi̯ musulmā́n, säi̯ sad pālawā́n pa mnī padā́ āt u pádā na šut, múčānā amé buzlangī́ wartág ant, ta kẹ yak bazzágen γarī́ben mardúme wäi̯! Asán gušt: man ša sä sad mardúmā getír ná-un, āwā́nā kẹ wartág ant, man um bẹ āwā́nī sarā́. ǰäník gúštī kẹ utī́ onā́ wat utī́ gardī́nā kanā́i̯, pa man um γusáe kārā́i̯! man trā nūn gujā́ čér kanī́n? Asán gušt kẹ ta pa man ráäi̯ čápā ǰáe ǰoḍ a-kanā́i̯, ta ič γusá ma war, inšallā́, trā š-ešā́nī dastā́ alā́s a-kanī́n, pa šártẹ kẹ ar če kẹ man trā gušī́n, ta bẹkanā́i̯. ǰäník gušt: man a-kanī́n, agár trā kartū́te bīt! Asán gušt: inšallā́, yā trā alā́s a-kanī́n, yā amā́ sä sad pālawā́näi̯ padā́ räī́n. ǰäník Asánā äméḍā čérī kurt u šut utī́ ǰaā́, Asánā gušt: bā́ndā man a-kāī́n, ša ta yak awā́le girī́n. š-ešī́ bíl u ša buzlangī́yān goš pkaš.

buzlangī́ kẹ ā́tant, dístan kẹ ādami-zā́täi̯ bóe. ǰäníkäi̯ sarā́ xā́šm kurtant kẹ édā maróčī kā́y ātá, bẹgúš! ǰäník gúštī kẹ šumā́ mänā́ yak ǰā́e āwurtág it

---

что это действительно человеческий голос. Он стал бродить среди скал и камней, и увидел каменное жилище. Он пошел туда и рассмотрел через щель, что там находится девушка с глазами молодой газели. Девушка его увидела и сразу закричала: «о мусульманин, что ты делаешь, придя сюда? уходи, потому что сейчас придут некие чудовища бузланги и съедят тебя! иди своей дорогой!» Асан сказал: «я ведь не лучше тебя! пока тебя не освобожу, не уйду». Девушка сказала: «о мусульманин, триста богатырей приходили за мной и назад не вернулись: всех поели бузланги! а ты ведь только труженик и странник!» Асан сказал: «я ведь не лучше трехсот человек! если их поели, так и я за ними!» Девушка сказала: «ты сам льешь свою кровь себе на шею, а мне приносишь заботу! куда я теперь тебя спрячу?» Асан сказал: «приготовь для меня место слева от дороги и не беспокойся! бог даст, освобожу тебя из их рук! при условии, если ты сделаешь все, что я скажу». Девушка сказала: «я сделаю, если только у тебя хватит силы!» Асан сказал: «бог даст, или тебя освобожу, или последую за теми тремя стами богатырей!» Девушка спрятала тут Асана и пошла к себе. Она сказала Асану: «завтра я приду узнать о тебе». Оставь теперь его и послушай про бузланги.

Когда бузланги пришли, они почуяли человеческий запах. Они разгневались на девушку: говори, дескать, кто сюда сегодня приходил. Девушка

kẹ mnīyā ādamẹ-zā̈t ātága na kant. buzlangī́ ešā́ bā́zen dušmā́ne dā́tant u̥ šútant, wáptant. bádi apt šapā́ gúḍā mazániš ša wābā́ ustát. e kẹ ustát, múčī sar gíptant u šútant pa šikā́rā. ā kẹ šútant, ša pádā ǰäník Asánīyā šut. Asán gúštī: pa če dér ātä̑i̯? ǰäník gúštī kẹ man trā na gúštun kẹ ta pa man γussáe kārä̑i̯. Asán gušt: pa če? ta bẹgúš. ǰäník gúštī kẹ zī kẹ buzlangī́ kẹ ātant, mnā bā́zen dušmā́ne dā́tant kẹ édā ādamī́ä̑i̯ bóe. man gúštun: édā ādamī́ä̑i̯ bo čḗwā lotít? Asán gušt kẹ man trā alā́s kanī́n, go mán a-rawā̈̑i̯? ǰäník gušt: agá ta mnā alā́s kanā̈̑i̯, man tī xai̯rát a-baī́n u go ta räī́n, agár ša tī dastā́ bīt. Asán gušt: ämé čī́ze kẹ man trā gušī́n, ta amā́ mnī abárā bzṻrä̑i̯, ma trusā̈̑i̯, bẹkánä̑i̯. man inšallā́ pa xudā́ä̑i̯ ukmā́ trā alā́s a-kanī́n. ǰäník gušt: čon bẹkanī́n, ta bẹgúš. Asán gúštī kẹ ta kẹ maróčī šútä̑i̯, nā́nä̑i̯ waxtā́ nān ma war, pūx bā̈̑i̯, bigré, ā wat ša ta pursánt kẹ ta maróčī pa če pūx ä̑i̯? ta bẹguš: man yak ādami-zā́te wun, šmā̈̑i̯ dastā́ kaptág un, šmā um ročā́ ráit pa gaštínā, man äméda tanáka ništág un. gúḍā awā́nī mazán wat ša tā pursī́t kẹ ta ša man čḗwā lotā̈̑i̯? ta bẹgúš: man trā bāz u bāz dost dārī́n, ta watī́ napásā äme kẹ pa šikā́rā rawā̈̑i̯, bẹ man bẹdā̈̑i̯, kẹ tā wáxti kẹ táw a-kāā́, man go māī́ utī́ ročā́ gwāzenī́n. ā awálā trā abár

---

сказала: «вы привели меня в такое место, что ко мне не может прийти никто из человеческого рода». Бузланги ее сильно выбранили и пошли спать. Через семь ночей старший из них проснулся; когда он встал, все они собрались и пошли на охоту. Когда они ушли, тогда девушка пошла к Асану. Асан сказал ей: «почему ты поздно пришла?» Девушка сказала: «разве я тебе не говорила, что ты принесешь мне скорбь?» Асан сказал: «почему? скажи». Девушка сказала: «вчера, когда пришли бузланги, они меня сильно бранили: здесь, дескать, человеческий запах; я сказала: „какого вы захотели здесь человеческого запаху?“» Асан сказал: «я тебя освобожу, поедешь со мной?» Девушка сказала: «если ты меня освободишь, я для тебя пожертвую собой и пойду с тобой, если это будет в твоей власти». Асан сказал: «сделай то, что я скажу тебе, послушайся меня! не бойся! бог даст, я, по воле божьей, тебя освобожу». Девушка сказала: «скажи, чтó мне делать!» Асан сказал: «когда ты уйдешь отсюда, ничего не ешь во время обеда, будь печальна и плачь! они тебя спросят: „отчего ты сегодня печальна?“ ты скажи: „я человеческого рода и попала к вам в руки! а вы днем расходитесь, и я остаюсь здесь одна“; тогда старший из них спросит тебя: „чего же ты от меня хочешь?“ ты скажи: „я тебя очень и очень люблю; когда ты уходишь на охоту, отдавай мне свою душу, и я с ней буду проводить свои дни, пока ты не придешь“. Он сначала начнет

u dušmān a-dant, gúḍā utī́ napásā bẹ ta na dant, trā digá yak čī́ze dant, ta amā́e rā ǰwān pāk bẹkanā́i̯, ǰoḍ kan u psāt. ǰäník gúštī: šar.

ǰäník ša Asánäyā ustát u āt utī́ ǰāgā́, ništ u girét. buzlangī́ kẹ āt, sā́i̯lī kurt kẹ eš a-girét, šut, pursítī kẹ ta pa če girewā́i̯? ǰäník gušt kẹ ta mnā yak ǰāe āwurtág äi̯ kẹ čap ša xudā́ káse édā näint, wat um ročā rawā́i̯ pa šikārā. man ämédā ništā́g un tanā́, yak čī́ze am näint kẹ go māī́ utī́ ročā́ barī́n. buzlangī́ gúštī kẹ ta čéwā loṭā́i̯? bẹgúš, kẹ man pa ta pai̯dā́ kanī́n kẹ duwārā́g ta go māī́ utī́ ročā́ bẹgwāzenā́i̯. ǰäník gúštī kẹ man trā bāz u bāz dost dārī́n, agá ta utī́ napásā bẹ man bẹdā́i̯, man ā́e rā čo gulā́i̯ā sātī́n. ya-ga buzlangī́ ešī́ rā yak čapóḍe ǰātī, yak sāā́tā gúḍā ǰäník ʷóšī kurt. buzlangī́ gušt: šar. šut u yak šīšā́ge āwúrt, gúštī: ämé mnī napás int, ar ka äméšā́ prošī́t, man am mirī́n. šīšā́gā ešā́ dāt u wat šut pa šikārā.

ā kẹ šut, ša pádā ǰäník šīšā́gā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ čon kurtā́i̯? ǰäník gúštī kẹ buzlangī́ gúštī kẹ amé šīšā́g mnī napás int. Asán gúštī: duróg a-ǰánt, e āī́ napás näint. Asán gušt kẹ ta nūn yak kā́re bẹkán. ǰäník gušt: čon kanī́n? Asán gúštī: ta äméšī́ rā ǰwānén poš abrešūmī́en bẹkán, wa digá puč am pkan, utī́ zānā́i̯ sarā́ bil. ā kẹ š-ā́ngū āt, bgíndīt

---

укорять и бранить тебя, и потом не тотчас даст тебе свою душу, а даст тебе что-нибудь другое, но ты и это хорошенько вычисти, прибери и береги». Девушка сказала: «хорошо».

Девушка поднялась, пришла от Асана к себе, села и заплакала. Когда бузланги пришел и увидел, что она плачет, он пошел и спросил ее: «почему ты плачешь?» Девушка сказала: «ты меня привел в такое место, где, кроме бога, больше никого нет, при этом ты сам днем уходишь на охоту, а я сижу здесь одна, и нет даже ничего, с чем бы я проводила свое время!» Бузланги сказал: «что же ты хочешь? скажи, чтобы я отыскал для тебя, и ты впредь проводила бы с этим свое время». Девушка сказала: «я тебя очень и очень люблю, и если ты отдашь мне свою душу, я ее буду беречь, как цветок». Бузланги вдруг дал ей пощечину, и только через час девушка пришла в чувство. Бузланги сказал: «хорошо». Он пошел, принес склянку и сказал: «вот это моя душа! как только она разобьется, умру и я!» Он дал ей склянку, а сам пошел на охоту.

Когда он ушел, девушка тотчас взяла склянку и пошла к Асану. Асан сказал: «что ты сделала?» Девушка сказала: «бузланги сказал: „эта склянка — моя душа“». Асан сказал: «он лжет, это не его душа!» Асан сказал: «теперь ты сделай одну вещь». Девушка сказала: «что сделать?» Асан сказал: «сделай для нее хороший шелковый футляр и еще другую обертку и положи к себе на колени; когда он вернется и увидит, что ты с ней хорошо обращаешься,

kẹ ta ešā́ zā́br a-sātā́i̯, ā wat gū́ḍā utī́ napā́sā pa rāstī́ trā nišā́n a-dā́nt. āmé kẹ trā dā́tī, ta zū́tẹ mnī́yā bẹyā́r, man gū́ḍā wat ǰoḍ a-kanī́n. ǰänī́k gušt kẹ šar, pā́dā šut, utī́ gisā́i̯ tā ništ.

čun sātā gū́ḍā buzlangī́ āt. buzlangī́ gisā́i̯ tā sā́i̯lī kurt kẹ ǰänī́k čon ämé šīšā́gā zabr pošitá. buzlangī́ utī́ dilā́ gušt kẹ ämé ǰänī́k mnā bāz u bāz dost dārī́t, ta bẹyā́ kẹ pa rāstī́ utī́ napā́sā ešā́ nišā́n däī́n. ämé ḍannā́ kā́mme uštā́t u sā́i̯lī kurt u gū́ḍā gisā́i̯ tā šut, ǰänī́käi̯ sarā́ tawā́rī kurt: äi̯ ǰā́ni man, imā́ni man, e čé kẹ ta ešī́ rā e rā́ng ǰwān sātitā́g äi̯? ǰänī́k gušt kẹ e tī napā́s int kẹ man ǰoḍ kurtā́g un. buzlangī́ gušt kẹ e mnī napā́s näint, man trā räpéntun, ta bārī́n čon a-kanā́i̯ mnī napā́sā, nūn kẹ dī́stun, ta e rangā́ sātā́i̯, nūn trā nišā́n a-däī́n. ǰänī́k gušt: zānī́n, ša man trusī́täi̯ kẹ awā́lā utī́ napā́sā mnā nišā́n na dā́täi̯! buzlangī́ gušt kẹ ān. buzlangī́ gušt kẹ bẹyā́ kẹ bẹrawā́n, utī́ napā́sā trā nišā́n däī́n. ǰänī́k gušt: bẹrawā́n. ar duén ša gisā́ dā́r bū́tant u šū́tant. buzlangī́ demā́ būt u ǰänik bẹ padā́i̯. ešā́ bū́rtī bẹ yak mazā́nen draxtā́i̯ sarā́. buzlangī́ bālā́ būt u yak šīšā́ge ʸérī kurt, šīšā́gäi̯ dapā́ pā́čī kurt u ǰänī́kā tawā́rī kurt, gū́štī: ta ämé šīsā́gäi̯ tā sā́i̯l pkan kẹ čé ast. ǰänī́k kẹ sā́i̯lī kurt, dī́stī kẹ yak kapóte ništā́. buzlāngī́ gušt: če ast šīšā́gäi̯ tā? ǰänī́k gušt: yak kapóte amódā ništā́. buzlangī́ gušt kẹ amā́ kapót

---

тогда он сам покажет тебе уже настоящую свою душу; как только он ее тебе даст, ты тотчас же ее принеси ко мне, и тогда уже я сам справлюсь». Девушка сказала: «хорошо», пошла назад и сидела дома.

Несколько времени спустя пришел бузланги. Бузланги взглянул в дом, и увидел, как хорошо девушка укутала склянку. Бузланги сказал про себя: «эта девушка очень и очень меня любит; попробую-ка я на самом деле показать ей свою душу!» Он немного пробыл снаружи, посмотрел, вошел в дом и позвал девушку: «душа моя, благополучие мое! чтó это, что ты так тщательно бережешь?» Девушка сказала: «это твоя душа, которую я так нарядила». Бузланги сказал: «это совсем не моя душа! я обманул тебя, чтобы посмотреть, чтó ты сделаешь; теперь, когда я увидел, что ты ее так бережешь, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «понимаю! значит, ты боялся меня, раз ты мне сразу не показал своей души!» Бузланги сказал: «да». Бузланги сказал: «давай, пойдем, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «пойдем». Оба вышли из дому и пошли. Бузланги был впереди, девушка сзади него. Он повел ее к большому дереву. Бузланги поднялся наверх, спустил вниз одну склянку, открыл ее горлышко, позвал девушку и сказал ей: «загляни-ка в эту склянку, чтó в ней?» Когда девушка посмотрела, она увидела, что там сидит голубь. Бузланги сказал: «ну, что в склянке?» Девушка сказала: «там сидит голубь».

mnī napás int, ar kas ämeší sarā́ psindít, man am mirín. ǰäník gušt kẹ man āe rā pa ta xai̯rát a-kanín kẹ ā eší sarā́ psindít. buzlangí ǰäníkäi̯ abárān kabūlī kurt u kapótā bẹ ǰäníkäi̯ dastā́ dāt, gúštī: nūn tā ročā́ kẹ man édā ná-wun, go meší gwāzí bẹkān. ǰäník gušt: šar. ar du šútant bẹ gisā́.

bāndénā buzlangī šut pa šikā́rā, ā kẹ šut, ša pádā ǰäník zū́tī kapótā zurt u šut bẹ Asánäyā. Asán gúštī kẹ šer-äi̯ rūbā́? ǰänik gušt kẹ inšallā́, šer un! e āí napás int kẹ ešā́ zítun. Asán gušt kẹ gúǰ int? ǰäník kapótā nišā́nī dāt. Asán kapótā ša dastā́i̯ zurt u sā́i̯li kurt, ǰäniká gušt: zā́näi̯ kẹ nūn musla^{h}át čé int? ǰäník gúštī: na, man na zānín kẹ kār čé int. Asán gušt kẹ bẹrawán bẹ šmäi̯ gisā́. ǰäník gušt: man ša buzlangíā bāz u bāz a-trusín. Asán gušt: agá napásī āmé bīt, ič ma trus, bẹrawán. ǰäník gušt: bẹrawán.

ar du š-é gẹsā́ kẹ dár bū́tant démẹ buzlangíā́ gẹsā́, ya-ga buzlangí ešā́nī demā́ dár āt, dístī kẹ mnī ǰänén go digá ādami-zāte gardít, yak gašt démẹ amā́wān rādág būt. tawā́räi̯ sarā́ kẹ āt, ǰäník āe rā dist. Asán gušt: agá ämé kapót āí napás bīt, zabr int, agá má bīt, mašmā́ rā ar duwénānā wart. gúḍā Asán gušt: ič γusá ma war, tā ā nazík bäi̯t, gúḍā man go wāí abár a-däín. buzlangí kẹ nazík āt, Asán tawā́r kurt kẹ äi̯ buzlangí, amódā bošt. buzlangí na wuštā́t u āt. ya-ga Asán kapótā ā́e rā

Бузланги сказал: «этот голубь и есть моя душа! как только кто-нибудь оторвет ему голову, я умру». Девушка сказала: «я принесу за тебя в жертву того, кто оторвет ему голову!» Бузланги поверил словам девушки и вручил голубя девушке, сказав: «теперь ты забавляйся с ним в те дни, когда меня здесь нет». Девушка сказала: «хорошо». Оба пошли домой.

Через некоторое время бузланги пошел на охоту. Как только он ушел, тотчас же девушка быстро схватила голубя и пошла к Асану. Асан сказал: «лев или лисица?» Девушка сказала: «бог даст, лев! вот его душа, я достала ее». Асан сказал: «где?» Девушка показала голубя. Асан взял голубя у нее из рук и стал рассматривать; потом он сказал девушке: «знаешь, что́ теперь делать?» Девушка сказала: «нет, не знаю, что́ теперь?» Асан сказал: «пойдем в ваш дом». Девушка сказала: «я очень и очень боюсь бузланги!» Асан сказал: «если это его душа, ничего не бойся! пойдем!» Девушка сказала: «пойдем».

Оба направились из этого дома к дому бузланги. Бузланги сразу вышел к ним навстречу и увидел: да ведь это моя жена расхаживает с другим человеческим существом! Он тотчас пошел к ним. Когда он подошел на расстояние голоса, девушка его увидела. Асан сказал: «если этот голубь его душа, хорошо; если же нет, он съест нас обоих». Потом Асан сказал: «не беспокойся, пусть он приблизится, тогда я с ним поговорю». Когда бузланги подошел, Асан закричал: «эй, бузланги, стой там!» Бузланги не остановился

nišān dāt. gúštī kẹ čón int kẹ anū́n tī sarágā psindín? būzlangí kẹ kapótā dist, tawā́rī kurt Asánā: ä̯i ādami-zā́t, ar če a-loṭā́i̯, man trā däín tā mnī kapótā bẹdā́i̯. Asán gušt: man ša ta digá íčīyā na loṭín, magá yak šárte dārín. agá amā́e rā bẹkanā́i̯, gúḍā tī kapótā trā däín, agá má bīt, anū́n sarágä̯i̯ā sindín. buzlangí gušt: bẹgúš, če árze dārā́i̯, ar če bīt, man a-kanín. Asán gušt: tái buzlangí amā́ rā ar duénānā ʷutí puštā́ bẹkán, bẹ plāná šārā́ bar, gúḍā man tī kapótā däín. buzlangí gušt: šar, bẹyā́it, mnī puštā́ swār bä́it.

Asán šīšágā prošt, kapótā watí dastā́ kurt u demā́ būt, ǰäník um bẹ padā́i̯. Asán duwārág buzlangí gušt: ä̯i buzlangí, agá ta šor bórä̯i̯, ti sarágā sindín. buzlangí gušt kẹ ič ma trus, man šᵘmā́ rā na warín. Asán ǰäníkā gušt kẹ bẹyā́ kẹ brawán, sawā́r bäyán. ǰäník gušt kẹ man a-trusín. Asán gušt kẹ ma trus, āī́ napás bẹ mnī dastā́ int, pa če trusā́i̯? ǰäník nā ilā́ǰ būt, ša wutí ǰā ustát, Asánī padā́ rādág būt, ar duén ā́tant, buzlangíyā swār bū́tant u déme amā́ šārā́ kẹ Asánī gis int, buzlangíyā gušt: amāngūrí rādág bā́i̯. buzlangí am amāngūrí rādág būt u šut. ämé kẹ šār pai̯dā́ būt, Asán gušt: nūn amā́ rā äḿédā ér kan. buzlangí kẹ ešā́nā äḿédā ér kurt, gúštī: nūn bẹdā́it mnī kapótā. Asán gušt kẹ ta äḿédā

и продолжал подходить. Асан тотчас показал ему голубя и сказал: «что́, если я сейчас оторву тебе голову?» Как только бузланги увидел голубя, он закричал Асану: «о рожденный человеком, все, что ты захочешь, я дам тебе, только отдай моего голубя». Асан сказал ему: «я от тебя ничего другого не хочу, но только при одном условии; если ты его исполнишь, я отдам тебе твоего голубя; если же нет, сейчас же оторву ему голову». Бузланги сказал: «скажи, какое у тебя желание; каково бы оно ни было, я его исполню». Асан сказал: «ты, бузланги, посади нас обоих к себе на спину и отвези в такой-то город, тогда я отдам твоего голубя». Бузланги сказал: «хорошо, подходите и садитесь ко мне на спину».

Асан разбил склянку, взял голубя в руки и пошел впереди, а девушка за ним. Асан вторично сказал бузланги: «бузланги, если ты зашевелишься, я оторву тебе голову». Бузланги сказал: «не бойся ничего, я вас не съем». Асан сказал девушке: «давай, пойдем и сядем верхом». Девушка сказала: «я боюсь». Асан сказал: «не бойся, ведь его душа у меня в руках, чего же ты боишься?» Девушке ничего не оставалось делать, она встала со своего места и пошла вслед за Асаном. Оба они подошли, сели на бузланги, и Асан приказал бузланги двинуться к тому городу, где был дом Асана. Бузланги направился туда. Когда показался город, Асан сказал: «теперь здесь нас спусти». Когда бузланги их спустил, он сказал: «теперь отдайте моего голубя».

mnind, amā́ kẹ yak kámme šútan, amódā tī kapótā kilán u rawán, gúḍā ta biyā́, bra. buzlangí γaríb gušt: šar. e kẹ amā́ ḍigárā šútant, Asán kapótäi̯ sarā́ sist, buzlangí édā murt. Asán u ǰäník ar du šútant bẹ Asánī gẹsā́. amā́ wadáẹ kẹ go pādẹšā́ kurt-át, yak šap demā́ šut bẹ watí gisā́.

wazíräi̯ ǰäník kẹ āí ǰänén bīt, gúštī: äi̯ Asán, čon kurtā́i̯? šámā āwúr-täi̯ yā na? ya-ga Asán óšī kurt kẹ tūrág amā́ ǰā́e kẹ go buzlangíyā awalīén sarā́ abár dā́tag ant, tūrág amódā be woš būtá. wazíräi̯ ǰäník gušt kẹ zū́tẹ brá pa padā́i̯, bẹyā́räi̯, agá má yārā́i̯, póšī pādẹšā́ mnā go tī gẹs u múčānā pādẹšāí a-kant. ämé nokén ǰäník gúštī kẹ šmā čunén abáre dārít go wat, man am sī bäín ša šmäi̯ abárā. wazíräi̯ ǰäník p-e nokén ǰäníkā kẹ Asán ša buz-langíäi̯ demā́ alā́s kurtā́ wu āwurtá, nūn p-äméší náγl a-kánt, gúštī: äi̯ dādā́, yak wáxte amā́ āpā́i̯ sarā́ kẹ ta būtág äi̯, š-amāí sarā́ ā́tan, Asán š-amódā yak šáme dist, āwúrtī, mnā dāt, man um zúrtun, urǰínäi̯ tā kúrtun. e šārā́ kẹ ā́tan, man Asánā gúštun kẹ ämé šamā́ bar, bẹ pādẹšā́ bẹdā́i̯. Asán um burt, dāt u āt. yak šap gúḍā duwārág Asánā loṭítant. pāḍešā́ guštá kẹ äméší adi̯gá ballā́ ša ta dā-šapág a-loṭín, agá dā šapā́i̯ sarā́ ma yārā́i̯, tī ǰān u zāgā́ múčā pādẹsāí a-kanín. nū́n um Asán no šap int kẹ pa šamā́i̯ padā́ šuṭá, nūn

---

Асан сказал: «посиди здесь; когда мы немного отойдем, мы отпустим твоего голубя и пойдем; тогда и ты подойдешь». Бедняга бузланги сказал: «хорошо». Как только они пошли по земле, Асан оторвал голубю голову, и бузланги тут же умер. Асан и девушка пошли вдвоем в дом Асана. Он попал домой на одну ночь раньше того срока, который был назначен царем.

Дочь визиря, которая стала его женой, спросила его: «ну, Асан, что сделал? принес свечу или нет?» Асан сразу вспомнил, что он забыл торбу в том месте, где он в первый раз разговаривал с бузланги. Дочь визиря сказала: «скорей сходи за ней! если не принесешь, послезавтра царь отберет в казну и меня, и твой дом, и все имущество». Новая девушка сказала: «что вы разговариваете только между собой? я тоже хочу знать, о чем вы говорите»! Тогда дочь визиря стала рассказывать новой девушке, которую Асан освободил от бузланги и привел: «сестрица, однажды мы подошли к той воде, где ты находилась; Асан увидел там свечу, принес и дал мне; я взяла ее и положила в переметную суму. Когда мы пришли в этот город, я сказала Асану: „отнеси эту свечу и отдай царю“. Асан отнес, отдал и вернулся. Ночь спустя, опять потребовали Асана; царь сказал ему: „я хочу от тебя в десятидневный срок пару к ней; если ты в течение десяти дней не принесешь, я тебя самого, твоих детей и все имущество отберу в казну“. Сейчас уже девять ночей с той поры, как Асан отправился за свечей, и теперь он вернулся с пустыми руками,

órkā ātá, bā́ndā pādẹšā́ ešā́ loṭít. ämé nokén ǰäník gušt: äi̯ dādā́, ič γusá ma war, ā číze kẹ pādẹšā́ ša Asán loṭitá, bāz yak čize āsānen. ā rangén čīz go man bāz int, ič na ta γusá bor, na Asán. bā́ndā kẹ roč būt, man pai̯dā́ a-kanín. wazírä̯i ǰäník gušt: ā rang bīt, bāz u bāz ǰwanén kā́re bīt.

ämé nokén ǰäník wazírä̯i ǰäníkā gušt: āi̯ dādā́, man go ta yak muslaháte kanín, agá ta rāzí a-baái̯. wazírä̯i ǰäník gušt: bẹgū́š, dādā́, ā čunén muslaháte bīt kẹ man rāzí ma baín. e ǰäník gušt: agá tī muslahát bīt, šapí yak mullā́e pai̯dā́ kan kẹ mnī aγdā́ go Asán bandít. wazírä̯i ǰäník gušt: bāz u bāz ǰwā́n int, ta p-amеší gū́štä̯i kẹ agá tī muslahát bīt, eš u yak āsā́nen abáre, ta um mnī gwār äi̯, mašmā́ rā ar duénānā Asán a-sātít. nokén ǰäník gušt kẹ äi̯ dādā́, mnī ák int kẹ ša ta salā́ kanín, pä če kẹ ta Asánī ǰänén äi̯, tī dilā́ ma gīt kẹ e ǰäník ša gujāngū āt u be salā́ u be muslahátā mnī mardā́ gipt. wazírä̯i ǰäník gušt: na, dādā́, ā rang nä̯int, albáta káse kẹ trā āwurtá, albát trā loṭít kẹ āwurtá. agá ma loṭítin, albatá š-amódā näy-āwúrtī. ešā́nī abár äméda alā́s būt.

wazírä̯i ǰäník ʷutí muzū́rā gušt kẹ berá, mullā́e pai̯dā́ bẹkán u biyār. muzū́r šut, mullā́e pai̯dā́ kurt u āwúrt. nān kẹ wártant, wazírä̯i ǰäník mullā́ā

а завтра царь его позовет!» Новая девушка сказала: «сестрица, не беспокойся ни о чем; то, что царь от Асана требовал, очень легко! у меня много таких вещей; не беспокойтесь ни ты, ни Асан! завтра, когда рассветет, я достану». Дочь визиря сказала: «если так будет, то будет очень и очень хорошо».

Эта новая девушка сказала дочери визиря: «сестрица, я хочу с тобой посоветоваться, если ты согласна». Дочь визиря сказала: «говори, сестрица! чтó это за совет может быть, на который бы я не соглашалась!» Девушка сказала: «если ты не возражаешь, отыщи вечером муллу, чтобы он обвенчал меня с Асаном!» Дочь визиря сказала: «очень и очень хорошо! потому-то ты и сказала мне: „если ты не возражаешь!“ но это ведь легкая вещь: ведь и ты моя сестра, и о нас обеих будет заботиться Асан». Новая девушка сказала: «сестрица, я должна у тебя спросить, потому что ты жена Асана и чтобы ты не обиделась, что вот, де, пришла откуда-то эта девушка и без разговоров и без спросу забрала моего мужа!» Дочь визиря сказала: «нет, сестрица, совсем не так! конечно, раз человек тебя привел, значит он тебя хочет, если привел! если бы не хотел, конечно, не привел бы оттуда!» На этом их разговор окончился.

Дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи муллу». Слуга пошел, отыскал и привел муллу. Когда они поели, дочь визиря сказала мулле:

gušt: mullā́ sāíb, ämé ǰäník kẹ tī demā́ ništá, go me Asán nām aγdā́i̯ band. mullā́ gušt wazīrä̯i̯ ǰäníkā kẹ e ǰäníke yā ǰanozáne? wazīrä̯i̯ ǰäník gušt: e ǰäníke. duwārág mullā́ gušt kẹ e ǰäník wat Asánā loṭít yā Asán āe rā loṭít? wāzīrä̯i̯ ǰäník gušt kẹ awál amé ǰäník Asánā loṭít, gúḍā Asán āe rā loṭít. mullā́ gušt: šar. wābā́nī waxtā́ ešā́nī aγdā́ bast u šut.

tā́rī kẹ roč būt, ämé nokén ǰäník kẹ go Asán ātá, amā́ wutí pitínkānā gašt, yak šāme pai̯dā́ī kurt u Asánā dāt, gúštī: bar, pādẹšā́ bẹdā́y u byā́. Asán zurt u šut bẹ pādẹšā́ā gisā́. ódā kẹ šut, salā́me dāt u ništ. pādẹšā́ gušt: čon int tī awā́? Asán gušt: duwāgū́ wun šmā́i̯ sarā́. yak kámme ništ u gúḍā ämé šamā́ Asán ša watí tūrágä̯i̯ tā dárī kurt u pādẹšā́äi̯ demā́ išt. pādẹšā́ gušt: ä̯i̯ Asán, e čé-ye? Asán gušt: e amā́ int kẹ mnā pa padā́i̯ dem dā́tä̯i̯. pādẹšā́ íččī na gušt. Asán bád[1] yak u du sā́tā gúḍā pādẹšā́ā gušt: anū́n man ruxsát a-baín. pādẹšā́ gušt kẹ ruxsát ä̯i̯, parzínd. Asán ustā́t u āt ʷutí gẹsā́. gẹsā́ ki sar būt, ar du ǰänénī yak zubā́n a-pursítant kẹ šamā́ čon kurtā́i̯? Asán gušt kẹ íčī na kúrtun, šamā́ búrtun, dā́tun bẹ pādẹšā́, ā́tun. ǰänénī pursítant kẹ pādẹšā́ dẹgá íčī na pursít? Asán gušt: dẹgá ša man čéwā pursít? amā́ číze kẹ āí ša man loṭít, man búrtun, dā́tun. š-āí bil u š-eší goš kaš.

«почтенный мулла, обвенчай эту девушку, которая сидит перед тобой, с этим Асаном». Мулла сказал дочери визиря: «это девушка или вдова?» Дочь визиря сказала: «это девушка». Вторично мулла спросил: «эта девушка хочет Асана или Асан ее хочет?» Дочь визиря сказала: «во первых, эта девушка хочет Асана, а затем Асан ее хочет». Мулла сказал: «хорошо». Ночью он совершил их брак и ушел.

На утро, когда рассвело, новая девушка, которая пришла с Асаном, стала перебирать свои пожитки, нашла свечу, дала Асану и сказала: «отнеси царю, отдай ее и приходи». Асан взял и пошел к царю в дом. Когда он пришел туда, он поклонился и сел. Царь спросил: «как ты поживаешь?» Асан сказал: «молельщик о вашем благополучии!» Он немного посидел, потом вынул из своей торбы свечу и положил перед царем. Царь сказал: «что это, Асан?» Асан сказал: «это то, за чем ты меня посылал». Царь ничего не сказал. Асан через час или два сказал царю: «теперь я прошу разрешения!» Царь сказал: «иди, сынок». Асан встал и пошел домой. Когда он добрался домой, обе жены в один голос стали спрашивать: «что ты сделал со свечой?» Асан сказал: «ничего не сделал; отнес свечу, отдал царю и пришел обратно». Его жены спросили: «царь больше ничего не спросил?» Асан сказал: «что́ еще ему с меня спрашивать? то, что он с меня требовал, я принес и отдал!» Оставь теперь его и послушай об этом.

bádi dā-bist ročā́ gúḍā yak nokáre Asánī gẹsā́i̯ sarā́ brābír būt, sā́i̯lī kurt kẹ e gẹsā́i̯ tā čunén du juwānén jẹnén ništá. š-amédā šut, bẹ pādẹšā́ā gúštī: ä̯i̯ pādẹšā́, man maróčī yak číze dístun kẹ γuṭ ä̯i̯rā́n mā́ntun. pādẹšā́ gušt: če distág ä̯i̯, bẹgúš. nokár gušt kẹ äḿédā yak mardúme ast, du jẹnén dārít, tái pādẹšā́ apt jẹnén dārā́i̯, tī ar aptén jẹnén āí amā́ gandágen jẹnénä̯i̯ molíd ant. pādẹšā́ gušt: šar, bas int, bẹrá pa watí rāā́. nokár kẹ ša gẹsā́ dár būt, pādẹšā́ mardúme pa wazírä̯i̯ padā́ démī dāt. wazír kẹ āt, pādẹšā́ gušt: äḿé Asán nā́mā, čon ziyā́n pkanán? wazír gušt kẹ ta bẹyā́ kẹ ešā́ bẹgušán kẹ ša ta ša débi syā́yī bāgā́i̯ balgā́n dā šapág loṭín; agár da šapā́ sarā́ ma yārā́i̯, gúḍā tī gẹs u mā́lā múčā pādẹšāí a-kanín. pādẹšā gušt: badén dalíre nä̯i̯nt, šar, bā́ndā loṭínī.

bā́ndā kẹ roč būt, pādẹšā́ pa Asánī padā́ yak nokáre démī dāt, Asánā zurt u āt. Asán kẹ pādẹšā́āyā āt, pādẹšā́ gušt kẹ ä̯i̯ Asán, man ša ta dā šapág ša débi s[i]yā́ bāgā́i̯ balgā́n loṭín. agá dā šapā́i̯ sarā́ má yārā́i̯, gúḍā tī gẹs u mālā́nā pādẹšāí a-kanín. Asán jawā́b íčī na gušt u ša gẹsā́i̯ dar būt, āt [w]utí gẹsā́. jẹnénī ša Asán pursítant kẹ pādẹšā́ ša ta čéwā loṭít? Asán gušt kẹ pādẹšā́ ša man dā šapág ša débi siyā́ī bāgā́i̯ balgā́n loṭít, agá dā šapā́i̯ sarā́ ešā́ ma yārā́i̯, gúḍā tī gẹsā́ ābādíyā pādẹšāí a-kanín. jẹnénī gúštant kẹ

Десять-двадцать дней спустя один слуга поровнялся с домом Асана и заглянул: чтó за две красавицы сидят в доме! Он пошел отсюда и сказал царю: «царь, я сегодня видел одну такую вещь, что прямо изумился». Царь сказал: «говори, чтó ты видел». Слуга сказал: «здесь есть один человек, и у него есть две жены; хотя ты царь, и у тебя семь жен, но все твои семь жен годны лишь в служанки его худшей жены». Царь сказал: «хорошо, довольно, иди своей дорогой». Когда слуга вышел из дому, царь послал человека за визирем. Когда визирь пришел, царь сказал: «как бы уничтожить этого Асана!» Визирь сказал: «давай, скажем ему: „я требую от тебя в десятидневный срок листьев из сада черного дива; если ты через десять дней не принесешь, тогда я отберу в казну твой дом и все имущество“». Царь сказал: «не плохой совет! хорошо, завтра я позову его».

На утро, когда рассвело, царь послал слугу за Асаном, тот забрал Асана и пришел обратно. Когда Асан пришел к царю, царь сказал: «Асан, я требую от тебя в течение десяти ночей листьев из сада черного дива; если ты через десять ночей не принесешь, тогда я твой дом и имущество отберу в казну». Асан ничего не сказал в ответ и удалился; пришел домой. Его жены спросили у Асана: «чего царь от тебя хочет?» Асан сказал: «царь требует от меня в течение десяти ночей листьев из сада черного дива: если ты, мол, не принесешь их через десять дней, тогда я твой дом и имущество отберу

ta débi s'yāī bāgā distág äi? Asán gušt kẹ gujā man syā wu sẹpétī distág un? jẹnénī gušt kẹ nápā čón a-kanāi? Asán gušt: čón a-kanín? raín pa padāi, agá paidā kanín, kārín; ma kanín, gúḍā pādẹšā mnā kušít, šmā rā pa wat a-bárt. Asánī ar duén jẹnén gúštant kẹ amā pādẹšāā pa ta xäirát a-kanán. amé abárānā dātant u Asán gušt: nūn man a-raín, bẹ débi syāī šārā raín. jẹnénī gúštant: šar kẹ rawāi, bẹrá. agá dístäi, säil kanā kẹ débi syāī bāgāi tā ar ḍāwlāi jẹnawār paidā bīt kẹ mardúm a-waránt. Asán gušt: äi jẹnén, ar čе kẹ mnī pešānīy a-bīt, amāw a-bīt. amešānā gušt u Asán ša gẹsāi dar būt u šut.

šápe jāe, róče jāe, šut bẹ yak rodāi kirá, sāīī kurt kẹ e rod čon púr int ša āpā. yak káme ništ, dalīrī kurt, utí dilā gušt kẹ äi, omét bẹ xudā, byā kẹ š-amé rodā bẹgwazín. watí pučānā kašít, utí sarā bast u wat rā bẹ rodā jat. ša rodā kẹ gwast, āškäi kẹrá dár būt, utí pučānā gwarā kurt u šut. yak ṭukúre rā kẹ šut, ša dūrā yak šāre mālūm būt, šut démẹ ämā šārā. nemašāmī bẹ me šārā sár būt, ämédā yak koná gisā tā ništ. šap nemágā š-é gẹsā dar būt u ya káme rā kẹ šut, yak ga Asánī demā yak mardúme dar āt. Asán gušt: äi bẹrās! āí gušt: če? Asán pursít kẹ e šār kí int? ā mardúm jawāb dāt kẹ e šār débi syā int, Asán íčī na gušt u pádā démẹ amaxtīen gẹsā šut, pádā amāé tā ništ.

в казну!» Его жены сказали: «ты видал сад черного дива?» Асан сказал: «где там я видывал черное и белое?» Жена сказала: «тогда что же ты будешь делать?» Асан сказал: «чтó буду делать? пойду за ними; если отыщу, принесу; не найду, — тогда царь меня убьет, а вас заберет к себе». Обе жены Асана сказали: «мы принесем царя в жертву ради тебя!» Они проговорили эти слова, и Асан сказал: «ну, теперь я пойду в город черного дива». Его жены сказали: «хорошо, раз идешь, иди! если найдешь, будь осторожен, потому что в саду черного дива находятся всякие звери, которые едят людей». Асан сказал: «эх, жены, чтó мне предназначено, то и будет!» Асан сказал это, вышел из дому и пошел.

Ночь в одном месте, день в другом месте, добрался он до берега одной реки и стал смотреть: «что это река так полноводна!» Он немного посидел, подумал, сказал про себя: «ну, надежда на бога, дай-ка, переправлюсь через эту реку!» снял свое платье, привязал к голове и бросился в реку. Он переправился через реку, вышел на том берегу, надел свое платье и пошел. Прошел он немного по дороге, вдали показался город; он пошел к этому городу, в сумерки добрался до города и остановился там в одном старом доме. К ночи он вышел из этого дома, и когда немного прошел по дороге, ему встретился один человек. Асан сказал: «эй, брат!» Тот сказал: «что?» Асан спросил: «чей это город?» Тот человек ответил: «это город черного дива». Асан ничего не сказал, пошел обратно к прежнему дому и там остался.

šap kẹ āxír būt, Asán ša gẹsā́ dar būt u déme̥ débi syā́ī bāgā́ šut. bāgā́i̯ dapā́ kẹ šut, dístī kẹ múčī γarāwū́l waptág ant. Asán karā́-karā́ šut bẹ débi syā́ī bāgā́i̯ tā, š-amā́ číze kẹ pa kār dāšt, amā́e rā zurt u utí tūrā́gā tā kurt u ya káme dalírī kurt, utí dilā́ gušt kẹ ä́i̯, ta bẹyā́ kẹ ämé bālā́-xānā́āi̯ sarā́ bālā́ bä́ín kẹ čé ast. sad dilā́ yak dílī kurt, bālā́ būt. bẹ bālā́-xānā́āi̯ sarā́ kẹ́ bālā́ būt, dístī kẹ yak gẹsā́i̯ tā čirā́ge sučī́t. šut déme̥ amā́ gẹsā́. gẹsā́ dapā́ pā́čī kurt u gẹsā́ tā šut, sā́lī kurt kẹ e gẹsā́ tā čunén ǰwānén ǰiníke waptá. yak čirā́ge sarū́näi̯ yer int, yáke pādū́näi̯ yer int wa eší gwarā́ čil ǰāmág ant wa čil šalwā́r ant wa bẹ sarā́i̯ čil dasmā́l bastá. Asán sarū́näi̯ čirā́gā zurt, pādū́näi̯ išt, pādū́näi̯ čirā́gā zurt, bẹ sarū́näi̯ išt, ša pučā́nī ša sarā́i̯ sī wu nó dasmā́läi̯ pā́čī kurt, wa sī wu nó ǰāmā́gäi̯ zīyā́ pā́cī kurt wa sī wu nó šalwā́räi̯ ai̯nǰā́gā pā́čī kurt, yāk čúke š-é demā́i̯ gipt, yáke š-ā́ demā́i̯ gipt u ustát. Asán kasānī́yā yak káme wā́nt-at, yak káme xatā́ zā́ntī, na kẹ bāz. ämé gẹsā́ tā kāgád u γaláme yer at. Asán ämé kāgā́dān wa γaláme zurt u utí nāmā́ wa utí pisā́ nāmā́ wa guǰā́m šā́rā́ kẹ ništ, nimíst u amā́ kāgadā́nī tā išt, wat ša gẹsā́ dár būt. ič ka āe rā na dist, dár but u šut. amā́ rā́e kẹ ā́t-at, bẹ mā rā́ā pádā šut. š-ā́í bil u ša ǰẹníkā goš pkaš.

Когда ночь была на исходе, Асан вышел из дома, пошел к саду черного дива, и когда подошел к воротам сада, увидел, что все сторожа спят. Асан потихоньку вошел в сад черного дива, взял, что́ ему было нужно, положил в свою торбу, немного подумал и сказал про себя: «дай-ка, я взберусь на вышку! что́ там такое?» Сто сердец соединил он в одном своем сердце и взобрался наверх. Когда он поднялся на вышку, он увидел, что в одной комнате горит огонь. Он пошел к этой комнате, открыл дверь комнаты, вошел в нее и посмотрел: что́ за красавица девушка спит в этой комнате! Один светильник стоит у нее в головах, другой в ногах, на ней сорок рубашек и сорок шальвар, а на голове сорок платков. Асан взял светильник от изголовья и поставил в ногах, а от ног светильник поставил к изголовью; из одежд раскрыл тридцать девять головных платков, расстегнул тридцать девять рубашек и распустил завязки у тридцати девяти шальвар; потом поцеловал ее один раз с одной стороны, другой раз с другой стороны, и встал. В детстве Асан немного учился и знал немного грамоту, не очень много. В этой комнате была бумага и перо. Асан взял бумагу и перо и написал свое имя, имя своего отца и в каком городе он жил, — все обозначил на бумаге и сам вышел из комнаты. Никто его не видал, он вышел и пошел назад по той самой дороге, по которой пришел. Оставь теперь его и послушай про девушку.

tārī kẹ roč būt, ǰẹník ša watí ǰāā́ kẹ ustát, púčī ša gwarā́͜i káptant. édā ǰẹník a͜irān mānt kẹ e čonén kāre būt. pučā́nā gwarā́ kurt u šut bẹ-γarāwūlānīyā, xā́šmī kurt. pa γarāwūlānī ǰānā́ gúštī: doší édā kā́͜i ātá? γarāwūl gúštant: dóšī édā ič ka nā́͜i ātá. ǰẹník ešā́nā bāzen dušmā́ne dāt u pádā šut utí gẹsā́. gẹsā́͜i tā kẹ sā́͜ilī kurt, dístī kẹ äméda yak kāgáde kaptá. ǰẹník kāgádā kẹ zurt, sā́lī kurt kẹ e mardúmä͜i nām Asán int. dalír a-kurt kẹ ešā́ čon pa͜idā́ kanín? yak gašt utí dilā́ gušt kẹ ta bẹyā́ kẹ bẹ padā́͜i bẹraín. yak ga utí ǰẹnén-zāgíen pučā́nā dárī kurt u utī gwarā́ mardén-zāgíen puč kurt u ša gẹsā pa bānā́ä͜i ammā́mā dár būt u šut, šārā́͜i tā š-é kūčá, s-ā́ kūčá gwast, ya gašt ša šārā́ dár būt u démä͜i Asánī rāhā́ utī demā́ dāt u šut.

yak čunt sāt rā́ šut. yak ga eší dẹmā yak róde dár āt. e ǰẹník ämeší kẹrā́ gā́štī pa gudáre kẹ š-ämé rodā́ bẹgwazít. ämé rangā́ šútī kẹ yak ga dístī kẹ bẹ demā́͜i yak mardúme ništá, amé gudárä͜i sarā́ ništá. ǰẹník nazík āt, Asán um wat rā bẹ rodā́ ǰat. yak ga ǰẹník ešā́ tawā́r kurt kẹ ä͜i mardúm, ta yak kā́me bošt kẹ man bẹyāín. Asán ǰẹníkā ǰawā́b dāt kẹ ta ša man čéwā lọtā́͜i kẹ mnā ša mnī rā́ mātál a-kanā́͜i. duwārā́g ǰẹník tawā́r kurt kẹ ä͜i bẹrā́s, pursitínā ā́͜ibe

---

Утром, когда рассвело, как только девушка поднялась со своей постели, ее одежды с нее упали. Девушка изумилась: что такое случилось? Она надела на себя платье и отправилась к сторожам; рассердилась и сказала сторожам: «кто приходил сюда прошлой ночью?» Сторожа сказали: «прошлой ночью сюда никто не приходил». Девушка их сильно выбранила и пошла назад к себе домой; дома осмотрелась и увидела, что вот упала какая-то бумага. Девушка взяла бумагу, посмотрела и увидела, что имя этого человека Асан. Она стала раздумывать: «как бы мне его разыскать?» и сказала самой себе: «дай-ка, я отправлюсь вслед за ним!» Она сняла свои женские одежды, надела на себя мужское платье, вышла из дому будто бы в.баню и пошла; походила по городу из одной улицы в другую, наконец, вышла из города, направилась в сторону Асановой дороги и пошла.

Несколько часов она шла по дороге. Навстречу ей попалась река. Девушка стала бродить по берегу в поисках брода, чтобы переправиться через реку. Так она ходила, как вдруг увидела, что с краю сидит человек; сидит у самой переправы. Девушка подошла близко; Асан бросился в реку. Девушка тотчас закричала ему: «эй, человек, подожди немного, я подойду!» Асан ответил девушке: «что́ ты хочешь от меня, что задерживаешь меня на моей дороге?» Вторично девушка закричала: «брат, ведь нет греха в вопросе! как

näi̯nt, tı nām ká int? Asán ǰawā́b dāt kẹ albatá ke ái̯be näint, mnı nām Asán int. ǰẹník gušt: ša guǰā́m šār a-kāā́i̯? Asán ǰẹníkā ǰawā́b dāt kẹ äi̯ bẹrās, ta mardúme ziyā́n kurtág äi̯, če kẹ sóǰ a-kanā́i̯? ǰẹník gušt kẹ bálkẹ mardúme zyān kurtág un, ta bẹgū́š kẹ ta ša guǰā́m šār a-kāā́i̯. Asán gušt kẹ man rāstínā gušī́n yā na? ǰẹník gušt: agá musulmā́ne baā́i̯ kẹ rāstínā gušā́i̯, durógā na gušā́i̯, agá musulmáne ná-wäi̯ kẹ āngūrí ^{w}utí ixtiyárā dārā́i̯. Asán gušt: rāstínā bẹgušī́n, man ša débẹ siyā́ı šārā́ kāín. ǰẹník gušt: nápa ta ar ǰā rawā́i̯, man tī padā́ wun. Asán gušt kẹ ta čunéne wäi̯ kẹ mán-i bābā́ẹ γarī́bäi̯ padā́ kāā́i̯? ǰẹník gušt ke agá γarībe wäi̯ yā gadā́e wäi̯, man tī padā́ wun, ar ǰā bẹrawā́i̯. Asán d^{u}wārág gušt: äi̯ mardúm, ta čunéne wäi̯? ^{w}utí nāmā́ wa utí aslā́ bẹguš. ǰẹník gušt kẹ man plāná pādẹšā́ā̄ ǰẹník un kẹ bẹ débẹ syā́ı dastā́ kaptág un. ˎsäi̯ sāl int kẹ man bẹ débẹ syā́ı dastā́ kaptág un, plāná šapā́ man bẹ bālā́-xāná waptá būtá un, ta bẹ mnı́ā nā́y ā́tag äi̯? mnı čirā́gānā na gardéntag äi̯? gúḍā xáte na nimístag äi̯ kẹ mnı nām Asán int, plāná kásı zāg un? xatā́ gẹsā́ tā na pẹréntag äi̯? ta amā́ mardúm ná-wäi̯? Asán gušt: ástun. ǰẹník gušt ke astā́i̯, ar ǰā kẹ ta rawā́i̯, man tī padā́ wun. Asán gušt: šar. e ar duén yak ǰā bū́tant u šū́tant.

тебя зовут?» Асан ответил: «конечно, греха нет! мое имя Асан». Девушка сказала: «из какого города ты идешь?» Асан ответил девушке: «брат, ты человека потерял, что ли, что так спрашиваешь?» Девушка сказала: «именно человека потерял; ты скажи, из какого ты идешь города?» Асан сказал: «по правде сказать или нет?» Девушка сказала: «если ты мусульманин, скажи по правде, не лги! если же не мусульманин, тогда поступай по своему усмотрению». Асан сказал: «сказать по правде, я иду из города черного дива». Девушка сказала: «ну, так куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «кто ты, что хочешь следовать за мной, бедным странником?» Девушка сказала: «если ты даже странник или нищий, я за тобой последую, куда бы ты ни пошел». Асан вторично сказал: «эй, человек, кто ты таков? скажи свое имя и происхождение». Девушка сказала: «я дочь такого-то царя, которая попала во власть черного дива, и вот уже три года, как я попала во власть черного дива; это я в такую-то ночь спала в вышке! разве ты не приходил ко мне? не переставлял мои светильники? не писал затем письма, что мое, де, имя Асан, сын такого-то? не оставлял затем в доме это письмо? разве ты не тот человек?» Асан сказал: «тот». Девушка сказала: «если ты тот, тогда куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «хорошо». Они сошлись вместе и пошли.

šápe jáe, róče jāe, čunt šapā́ gúḍā bẹ Asánī gẹsā́ šútant. ā́dā kẹ šútant, amé jẹník Asánā gū́štī kẹ man trā gẹrín, mullā́e bẹlóṭ, mnā go wat aγd kan. Asán gū́štī: man du jẹnén dārín, ta čon mnā girā̂i? jẹník gušt kẹ agá dā jẹnén dāštá baā̂i kẹ yáke mán un. Asán ar če kẹ gušt, eší kabū́l na kurt. gū́ḍā Asánī awálen ar du jẹnén Asánā gū́štant kẹ ā̂i Asán, ā jẹník ša watí pešānīā́ nā́n a-wárt, ta pa če āe rā gušā̂i kẹ man du jẹnén dārín? Asán káme dalír kurt utí dilā́, gušt: ā̂i bẹyā́ kẹ ešā́ am bgirín. ustát u šut, mullā́e āwúrt u e jẹníkā go wat áγdī kurt.

du šapā́ gúḍā amā́ balgā́nā zurt u šut bẹ pādẹšā́ā̂i gẹsā́. ā́dā kẹ šut, salā́mī dāt u ništ, yak sā́te kẹ ništ, gúḍā amé balgā́nā bẹ pādẹšā́ā̂i demā́ išt. pādẹšā́ gušt: e čé-want, parzínd? Asán gušt: e amā́ balg ant kẹ mnā pa padā́i dem dā́tā̂i, man šútun, āwúrtun. pādẹšā́ gušt: šar, parzínd, nūn ruxsát ā̂i, bẹrá utì gẹsā́. Asán ustát u āt utí gẹsā́. gẹsā́ kẹ āt, jẹnénī pursítant kẹ čon kurtā̂i? Asán gušt: íčī na kúrtun, balgā́nā dā́tun u ā́tun.

yak čunt ročā́ gúḍā duwārág Asánī gẹsā́ yak nokáre āt. ya káme ništ u eší gẹsā́ wa jẹnénā sā́lī kurt u pádā šut. šut bẹ pādẹšā́yā, gū́štī: ā̂i pādẹšā́, Asán nūn go wat yak jẹnéne āwurtá kẹ āí awálā̂i ar duén jẹnén wa tī ar aptén jẹnén ämé nokén jẹnén kẹ āwurtá, ameší molíd ant. pādẹšā́ gušt: ta

---

Ночь в одном месте, день в другом, через несколько дней они дошли до дома Асана. Когда они подошли, тогда девушка сказала Асану: «я тебя возьму (в мужья), позови муллу и обвенчай меня с собой!» Асан сказал: «у меня уже две жены, как же ты возьмешь меня?» Девушка сказала: «если бы у тебя было даже десять жен, так я буду одной из них!» Что Асан ни говорил, она не соглашалась. Тогда первые две жены сказали Асану: «эта девушка хочет испытать предназначенное ей! зачем же ты говоришь ей: „у меня уже две жены?"» Асан про себя немного подумал и сказал: «ну, давай, возьму и ее!» встал, пошел, привел муллу и обвенчал с собой эту девушку.

Через две ночи он взял те листья и пошел в царский дом. Он пришел туда, поклонился и сел; немного посидел и положил те листья перед царем. Царь сказал: «что это, сынок?» Асан сказал: «это те листья, за которыми ты меня посылал; я сходил и принес». Царь сказал: «хорошо, сынок, теперь ты свободен, иди к себе домой». Асан встал и пошел к себе домой. Когда он пришел домой, его жены спросили: «ну, что ты сделал?» Асан сказал: «ничего не делал, отдал листья и пришел».

Несколько дней спустя, опять в дом к Асану пришел один слуга; немного посидел, посмотрел его дом, его жен и ушел обратно. Он пошел к царю и сказал: «о царь, теперь Асан привел с собой такую жену, что его обе первые жены и все твои семь жен только служанки той новой жены, которую он привел».

čéwā gušāi̯? nokár gušt: ämé kẹ gušín, ämé rang ast. pādẹšā́ gušt: bra, wazírā tawā́r kan kẹ bäi̯t. nokár šut, wazírā gušt kẹ trā pādẹšā́ lotít. wazír āt, bẹ pādẹšā́ gúštı: če? pādẹšā́ gušt: e mardákā čon ziyā́n a-kanā́i̯? ešā́ kẹ ar sū́ne kẹ dém a-daā́i̯ kẹ e ziyā́n bīt, e bāz š-amā́ngū go wat yak-yak ǰwānén ǰā́ník a-kārít? eší ilā́ǰā čon a-kanā́i̯? wazír gušt kẹ ta byā kẹ yak dalíre digár am mašmā́ bẹkanán. pādẹšā́ gušt: čẹ dalíre bẹkanán? wazír gušt kẹ tái pādẹšā́ Asā́nā bẹlót, bẹgū́š kẹ mán-i pādẹšā́ ša tái Asán dā ročā́g ša murdagén mardumā́n awā́l a-lotín, kẹ awā́nī awā́l čón int, agá dā ročā́ sarā́ ma gušā́i̯, gúdā tī sar u mā́lā mū́čā pādẹšā́í a-kanín. pādẹšā́ gušt: šar, ešā́ am kanín.

bā́ndā kẹ roč būt, yak mardū́me pa Asā́nī padā́ dem dāt. Asán kẹ pādẹšā́yā kẹ āt, salā́me dāt u ništ. pādẹšā́ gušt: Asán, zā́näi̯, muslā́t čé int? Asán gušt: na zānín kẹ muslā́t če int. pādẹšā́ gušt: muslā́t äméš int kẹ tái Asán dā ročā́g bāíd ša murdagā́n amā́ rā awā́l bẹdā́i̯, agá dā ročā́i̯ sarā́ awā́l ma daā́i̯, gúḍā tī sar u mā́lā mū́čā pādẹšā́í a-kanín. Asánẹ ɣaríb-ai̯rā́n būt kẹ e čunén abā́re. ustā́t u šut démẹ utí gẹsā́. gẹsā́ kẹ sár būt, ǰẹnén pursítant kẹ pādẹšā́ ša ta čéwā lotít? Asán gušt: pādẹšā́ ša man murdagā́nī awā́lānā pursít, mnā gušt kẹ ša ta dā ročā́g ša murdāgā́n awā́l

---

Царь сказал: «что ты говоришь?» Слуга сказал: «как я говорю, так и есть». Царь сказал: «иди, позови визиря, пусть придет». Слуга пошел и сказал визирю: «царь тебя требует». Визирь пришел к царю и сказал: «что?» Царь сказал: «как бы тебе уничтожить этого человечка? в какую сторону ты ни посылаешь его, чтобы он погиб, он оттуда опять приводит с собой красивую девушку; какое ты найдешь средство от него?» Визирь сказал: «давай, испытаем еще другое средство». Царь сказал: «какое же средство испытаем?» Визирь сказал: «ты, царь, позови Асана и скажи: „я, царь, требую от тебя, Асана, в десятидневный срок сведений о положении мертвых людей, каково их состояние; если ты через десять дней не скажешь, тогда я твою голову и имущество отберу в казну“». Царь сказал: «хорошо, сделаю и это».

На другой день, когда рассвело, он послал человека за Асаном. Асан пришел к царю, поклонился и сел. Царь сказал: «Асан, знаешь, в чем дело?» Асан сказал: «в чем дело, не знаю». Царь сказал: «дело в том, что тебе, Асану, надлежит в десятидневный срок дать нам сведения о положении умерших; если через десять дней не сообщишь, тогда твою голову и все твое имущество я отберу в казну». Бедняга Асан изумился: что это за слова! встал и пошел к своему дому. Когда он добрался до дома, его жены спросили: «что царь хочет от тебя?» Асан сказал: «царь спросил у меня о положении умерших! он сказал мне: „я требую от тебя в десятидневный срок сведений

a-lotín. amā́ awalén ar du ǰenénī gúštant: pādešā́ ganóke yā ta Asán ganóke wäi? š-amā́ awálen ǰenénān yáke gušt: amé pādešā́ go ta čap kaptá, eš kāit ke trā ziyā́n bekánt. Asán gušt: šar, nūn muslā́t čé int? amé nokén ǰenénī gušt: čéwā muslā́t? Asán gušt: na ke pādešā́ ša man dā šapág murdagā́nī awā́l a-lotī́t? amé nokén ǰenénī yak káme dalī́r kurt.

Asán šārā́ šut-át, ša šārā́ ke Asán āt, amé nokén ǰenénī ešā́ tawā́r kurt, gúštī: äi mard, zānā́i ke muslā́t čé int? Asán gušt: man nūn íčīā na zānín ke muslā́t čé int. ǰenénī gušt: man a-zānī́n, agá ta mnī abárā bezū́räi, man e gaštī́ yā pādešā́ z[i]yā́n a-kanī́n yā trā. Asán gušt: mnī dastā́i kāre bīt, kanín; agá na, ša man zór būt, ke íčī. ǰeník gušt: bzū́räi, abáre näint. Asán gušt ke begúš ke čunén abáre? ǰeník gušt: ta yak kámke paidā́ pkan, beyā́r. Asán kámke pāidā́ kurt u āwúrt. ǰeník gušt ke bar, be maidā́nā mnādén, du yā säi čugóg begír u beyā́r. Asán šut, du čugóg gipt u āwúrt, ǰeníkā dāt. ǰeník čugógānā zurt u čérī kurt. Asánā gušt: berá, pādešā́ begúš ke du azā́r uštúräi bār dār paidā́ pkan wa sad man naptā́i rogín, gúdā man trā ša murdagā́n awā́l a-däín. pādešā́ du azā́r uštúräi bār dār āwúrt, be yak maidā́ne perént wa sad man naptā́i rogín. Asánā lotī́t. Asán sā́ilī kurt u šut, utí

о положении умерших“». Первые две жены сказали: «или царь сошел с ума или ты, Асан, сумасшедший!» Из первых жен одна сказала: «царь с тобой не в ладах и хочет тебя погубить». Асан сказал: «хорошо, но что же теперь посоветуете делать?» Его новая жена сказала: «что же посоветовать?» Асан сказал: «так разве царь не требует с меня в десятидневный срок сведений о состоянии умерших?» Его новая жена немного задумалась.

Асан ходил в город, а когда он вернулся из города, его новая жена позвала его и сказала: «знаешь, муж, что надо сделать?» Асан сказал: «нет, что теперь делать, совсем не знаю!» Его жена сказала: «я знаю, и если ты послушаешь моих слов, на этот раз я или царя погублю или тебя». Асан сказал: «что́ смогу, сделаю; если же не смогу и окажется свыше моих сил, тогда ничего не поделаешь!» Девушка сказала: «сможешь, слов нет!» Асан сказал: «скажи же, в чем дело». Девушка сказала: «найди и принеси какую-нибудь птичью ловушку». Асан нашел ловушку и принес. Девушка сказала: «отнеси ее, поставь в степи, поймай двух-трех воробьев и принеси их». Асан пошел, поймал двух воробьев, принес и отдал девушке. Девушка взяла воробьев, спрятала и сказала Асану: «иди и скажи царю: „доставь две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, тогда я сообщу тебе об умерших“. Царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, сложил на площади и позвал Асана. Асан посмотрел, пошел к своей

ǰeṇénā gušt kẹ pādẹšā́ du azā́r uštúrä̯i bār dār wa sad man naptā̯i rogín āwurtá u plāná ma̯idānā ištá. ǰenénī gušt: šar, ta nūn yak kā́re bẹkán: šapī́ bẹrá, amódā ar če kẹ naptā̯i rogín ant, amāwā́nā bẹ mā dārā́nī sarā́ pāš dä̯i yā bẹréč, bíl, bẹyā́. Asán šut u amódā ar če naptā̯i rogín átan, múčānā bẹ mā dārā́nī sarā́ ret u pádā āt. tā́rī kẹ roč būt, Asánī ǰẹnén Asánā gušt kẹ bẹrá, pādẹšā́ bẹgúš kẹ ar ka kẹ murdág dārī́t, bā́ndā tái pādẹšā́ ā́e rā síy a-kanā̯i, kẹ bẹ mā dārā́nī ǰā bā̯it. pādẹšā́ am tā́rī šārā̯i mardúmānā múčānā sī kurt kẹ ar kas kẹ murdáge dārī́t, tā́rī palāná dārā́nī ǰā bẹrót. šārā̯i mardúm tā́rī múčī bẹ mā dārā́nī ǰā šútant.

š-āī́ bil u ša Asánī ǰẹnénā goš pkaš kẹ Asánā pánt dā́tī kẹ mašmā́ kẹ šútan, ta bẹgúš kẹ šmā mardúm múčẹ bẹ dārā́nī sarā́ bālā́ bä̯it; mardúm kẹ bālā́ bū́tant, gúḍā man am go ta kāī́n, čugógānā am go wat zū́ran, man u ta am ša āwā́n burzaktír a-rawán, koštán. wáxti kẹ šútan, oštā́tan, ta tawā́r pkan kẹ dẹgár mardúm ast yā na; amé kẹ gúštant kẹ na, gúḍā ta bẹgúš kẹ nápa šmā múčẹ sā̯il kanit kẹ man šmā́ rā ša šmä̯i murdagā́n awā́l a-däī́n. Asán u ǰẹnénī šútant bẹ dārā́nī sarā́ bālā́ bū́tant. Asán tawā́r kurt kẹ dẹgá mardúm ast yā na? pādẹšā́ gušt: nä̯int, zūt pkan!

жене и сказал, что царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину и сложил на такой-то площади. Его жена сказала: «хорошо, теперь сделай вот что: сегодня ночью сходи туда и, сколько ни есть там керосину, весь его разбрызгай или разлей по дровам, оставь так и приходи». Асан пошел и, сколько там ни было керосину, весь его вылил на дрова и вернулся. Утром, когда взошло солнце, жена Асана сказала: «иди и скажи царю: „завтра ты, царь, объяви, чтобы каждый, у кого есть умершие, пришел к тем дровам!“» Царь утром же объявил всем жителям города, чтобы каждый, у кого есть умершие, отправился к таким-то дровам. На утро все жители города отправились к этим дровам.

Оставь это и послушай про жену Асана, которая дала Асану такой совет: «когда мы с тобой пойдем, ты скажи людям: „теперь все вы подымитесь на эти дрова“; когда они поднимутся, тогда придем и мы с тобой, и возьмем с собой воробьев; мы с тобой подымемся выше их и остановимся. Когда мы пойдем и уже остановимся, ты закричи: „есть еще другие люди или нет?“ когда скажут, что нет, тогда ты скажи: „ну, так, теперь вы все смотрите! я вам покажу состояние ваших умерших“». Асан и его жена пошли и поднялись на дрова. Асан закричал: «есть еще люди или нет?» Царь сказал: «нет, поторопись

ar číze dārā̯i, nišā́n bdä̯i. Asán gušt kẹ šmā múčẹ sä̯il pkánit, anū́n šmā rā ša šmä̯i murdagā́n awā́l a-daín. Asán yak čugóge yälá kurt, yak sāṭ gúḍā ʾe digá čugóg yällá. kurt, amé kẹ duyumíen čugógā yälá kurt, Asánī ǰẹnén Asánā gušt kẹ awlakí ma baā̯i, man trā zūrín, ǰālágā ér a-kapín. Asán gušt: šar. ya-ga Asánī ǰẹnén ša wutí bagálā gogírde dā́ṛ kurt u kašít u pẹrént. Asánā čo bā́ze zurt, watí bagálā kurt u bẹ awā́ šut, dū́rā ša dārā́n, ša awā er āt, bẹ ḍegárā ništ u démẹ mardúmān sä̯il kúrtant kẹ e mardúm wa pādẹšā́ múčī ämédā bun giptág ant u sotág ant. káme sā̯iliš kurt u šútant watí gisā́. ā́dā kẹ šútant, Asánī adigá ar duén ǰẹnénī ša Asā́nā pursítant kẹ čon kurtít? Asán gušt kẹ íčī na kúrtan, pādẹšā́ wa wazī́rā wa bāzén mardúme rā go naptā̯i rogínā bun dā́tan u ā́tan, digá kā́re na kurtá-yan.

sä̯i čār ročā́ gúḍā ämé šārā̯i mardúme kẹ mā́nt-atant, amé mardúm Asánā äme šārā̯i pādẹšā́ kúrtant. gúštant kẹ e mardúm bāz u bāz šīwā́ren mardúme-e. š-amódā ǰístun u ā́tun. amé rang kẹ xudā́ Asánī murā́dānā dāt, ǰamí bandágä̯i murā́dānā xudā́ bdant. äme asmānákā man Mamat-nūr Kalandárī zāg ša Mīr-xān nā́men mardúmā zúrtun, bi Saráxsī watánā.

и показывай, что у тебя есть». Асан сказал: «вы все смотрите! теперь я покажу вам состояние ваших умерших». Асан выпустил одного воробья; немного спустя выпустил еще воробья. Когда он выпустил второго воробья, жена Асана сказала ему: «не торопись, я тебя возьму и спущу вниз». Асан сказал: «хорошо». Тотчас жена Асана стала вынимать из-за пазухи спички, зажигать и бросать их. Она взяла Асана, точно сокола, положила его за пазуху и поднялась на воздух, и опять спустилась с воздуха и села на землю уже далеко от дров. Они посмотрели на людей: и люди, и царь, все там зажглись и горели. Они немного посмотрели и пошли к себе домой. Когда они дошли туда, обе другие жены Асана спросили его: «что вы сделали?» Асан сказал: «ничего не сделали, только подожгли керосином царя и визиря и множество народу, и пришли, а больше ничего не сделали!»

Через три-четыре дня оставшиеся в городе жители сделали Асана царем этого города; они говорили: «этот человек большой разумник». Оттуда я выскочил и пришел. Как бог исполнил желания Асана, так да исполнит бог желания всех людей! Эту сказку я, Мамат-нур, сын Каландара, воспринял от человека по имени Мир-хан в Серахской области.

III

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getī́r káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ yak šápe wā́b a-gindī́t tā roč ša íngūr dár āt, ša íngūr ništ. bi amé watí wābā́i̯ tā am yak ṣuwānáge rā wā́b a-gindī́t ki amé mnī wābā́i̯ mānī́yā amā́ zānt, digá ič kas na zānt. karā́r tārī́enā ša watí ǰāgā́ ustát u šut bi amā́ šuwānágäi̯yā, amé šuwānágā gúštī: man doší ānčén wā́be distág un. amé šuwā́nag go amé pādišā́ gúštī: ǰwānén wā́be. amé pādišā́ gúštī: doší man bi watí gisā́ wápt-atun, wāb dístun tā roč š-éngūr dár āt, š-éngūr ništ. karā́r amé watí wābā́i̯ mānī́yā zabr pa amé šwānág gúštī. yak wār amé šwānág gúštī: ta anū́n amé pasā́nā bzūr u bar ódinā bi mnī bādā́räi̯ gisā́, mnī sad pas ant, amā́ pasā́nā pa wat bzin. amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a. amé šwānág šútī bi yak šārā́i̯ pānā́dā.

yak wār šap bū́tī. amé šuwānág am gušnág bū́tī. karā́r š-amódinā šut, bi yak gisā́i̯ pānā́dā, wat rā tikáī dā́tī. ta bzā́näi̯ yak ǰiníke u yak zā́ge watí abárā yáke kurtág ant ki šapí bǰíyant. karā́r amé šwānág dístī tā yak mardúme säi̯ γātír āúrtī u amé gisā́i̯ dapā́ bástī u amédinā yak zanǰī́re at, amé zanǰī́rā péš kašítī, yak wār amā́ ǰinikó ša gisā́i̯ tā

(III. Об овчаре, сделавшемся царем, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. Этот царь однажды ночью видит сон, что солнце взошло с этой стороны и с этой же стороны зашло. В сне он видит также одного овчара, будто бы только он знает значение этого сна, а больше никто не знает. Поэтому на утро он встал, пошел к этому овчару и сказал: «вот какой сон я видел ночью!» Овчар сказал царю: «хороший сон!» Царь сказал: «ночью я спал у себя дома и видел сон, что солнце с этой стороны взошло и с этой же стороны село». Короче говоря, он обстоятельно рассказал овчару содержание своего сна. Овчар тотчас сказал: «возьми теперь этих овец и отведи их в дом моего хозяина! тут и есть моих сто овец, этих овец возьми себе!» Царь сказал: «очень хорошо!» Овчар же направился в другой город.

Наступила ночь; овчар проголодался. Он пошел и прилег около одного дома. А тебе нужно знать, что одна девушка и один юноша сговорились в эту ночь бежать. Поэтому овчар увидел, что один человек привел трех мулов и привязал к дверям дома; там была цепочка, он потянул эту цепочку, и девушка стала выбрасывать из дома одежды, а этот человек под-

ǰul préntī, amé mardúm amā́ ǰulā́nā āúrtī, bi amé γātirā́nī sarā́ laḍítī. ar če ki amā́ ǰinikó a-prént, amé mardúm a-kāúrt, bi γātirā́nī sarā́ laḍít. yak wār amé mardúm žand bū́tī, amé watí išk u ā́škā sā́i̯lī kurt, yak wār amé šwānágā dístī, go amé šwānágā gúštī: äi̯ lālā́, ta ídinā pa če wáptag äi̯? amé šwānág gúštī: man bāz gušnág un. amé mardúm gúštī: ta byā, go man amā́ ǰulā́nā bi γātirā́nī sarā́ blaḍ, gúḍinā man trā nā́n a-däín. šwānág gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a, brawán. amé mardúm amé šwānágā zúrtī u āúrtī amédinā ki amé ǰinikó ǰulā́ préntī, gúštī: anū́n ta amé ǰulā́nā biyā́r bi γātirā́nī sarā́ blaḍ ki man wat rā amédinā tiká däín tānáxten. amā́ mardúm šútī, wat rā bi amé gisā́ tiká dā́tī. amé šwānág amé ǰulā́nā ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág kāúrtī bi amé γātirā́nī sarā́ laḍítī. ar če ki amé ǰinikó a-préntī, amé šwānág a-kāúrtī, bi γātirā́nī sarā́ laḍítī. amā́ mardúm ki tiká dā́t-atī, bí tā amódinā wāb brā̊u̯t.

karā́r amé ǰinikó ša gisā́ ā́tī u amé šwānágā gúštī: bálken mnī yār améš int. gúštī: suwā́r bā́i̯, tā brawán ki agár mnī pis āgā́ bīt, man a-zānín ki mnā u trā kušít. amé šuwānág pa gāl u bal γātírā suwā́r bū́tī. ā u amé ǰinikó ai̯ kúrtant. šútant bi yak ǰāgáe. amé ǰinikó watí dilā́ pigr kúrtī: e agár mnī yār bū́tin, tā anū́n go man yak abáre číze dā́tī, a^m^mā́ bi mnī dalírā e mnī yār ná̯int-a, ta byā ki man amešī́ rā pkāzmūín.

носил и вьючил эти одежды на мулов. Все, что девушка выбрасывала, этот человек приносил и вьючил на мулов. Потом этот человек утомился, стал смотреть вокруг себя, увидел этого овчара и сказал ему: «ты, братец, зачем тут лежишь?» Овчар сказал: «я очень голоден». Этот человек сказал: «иди и навьючь со мной эти одежды на мулов, тогда я дам тебе поесть». Овчар сказал: «очень хорошо, пойдем». Этот человек взял овчара, привел туда, где девушка набросала одежды, и сказал: «перенеси теперь эти одежды и навьючь на мулов, а я пока здесь прилягу». Этот человек пошел и прилег около дома, а овчар стал подносить и вьючить на мулов те одежды, которые девушка бросала. Оставь того человека, который там прилег, пусть спит там.

Итак, девушка пришла из дому и подумала про этого овчара: «конечно, это мой возлюбленный!» Она сказала: «садись верхом и поедем! если мой отец проснется, я ведь знаю, что он убьет и тебя и меня!» Овчар с радостью сел на мула. Он и девушка поскакали. Они доехали до одного места, и девушка стала задумываться: «если бы это был мой возлюбленный, он бы сказал мне что-нибудь до сих пор! пожалуй, это не мой возлюбленный, дай-ка, я его испытаю!»

amé d̥âu̯l bi rā́ šútant, amé ǰinikó dístī tā amédinā čunén erezī́-e. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ asp bū́tin-ant, amé erezā́nā bwártin-ant, man am ódinā mníštin-un! amé šwānág íčī na gúštī. š-amódinā šútant bi yak ǰāgā́e. amé ǰinikó dístī tā amédinā čunén ǰikíe. yak wār gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ uštúr bū́tin-ant, ki amé ǰikā́nā bwártin-ant, man am bi ā dikā́i̯ sarā́ gwāzī́ pkúrtin-un! amé šwānág íčīyā na gušít. demtírā ki šútant, yak wār amé ǰinikó sā́i̯lī kúrtī, dístī tā amédinā čunén baārī́e. yak wār amé ǰinikó gúštī: bābā́i̯ másten, amédinā mnī pisā́i̯ ramág pčártin, man am ódinā gwāzī́ pkúrtin-un! yak wār amé šwānág šipólī kúrtī, yak wār amé ǰinikó šut démi šwānágā, go amé šwānágā gúštī: awálā man na zā́ntun ki ta čunén mardúme wäi̯, anū́n ta ki mnā āúrtäi̯, anū́n ai̯ pkanán watī́ aspā́nā. agár anū́n mnī pisā́i̯ pai̯rá sī́ bayánt, gúd̥inā kāyánt pa mašmā́i̯ ǰānā́. zū́tẹ pkan, gisotág, ki mašmā́ brawán bi yak ǰāgā́e ki duwārág mašmā́ rā mnī pis ma gindī́t. amé šwānág gúštī: nápa ai̯ pkan bi mnī padā́ tā mašmā́ brawán pa wat. amé ǰinikó ai̯ kurt bi amé šwānágäi̯ padā́.

šútant bi yak ǰāgā́e, žand bū́tant. amódinā er káptant. amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, ā baryakī́ a-gindā́i̯? amé šwānág gúštī: gindín. amé ǰinikó gúštī: amé aspā́ suwā́r bā́i̯ u bra, ša amā́ āpā́n pa mašmā́ āp bzū́r u biyā́r. amé šwānág gúštī: mašmā́ máške na dārán. amé ǰinikó gúštī: dārán.

Так они ехали по дороге, пока девушка не увидела в одном месте: какой здесь замечательный клевер! Девушка сказала: «как было бы хорошо, если бы здесь находились лошади моего отца, ели бы эту траву, и я бы сидела тут же!» Овчар ничего не сказал. Оттуда они поехали в другое место, и девушка увидела: какая здесь верблюжья колючка! Она сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь были верблюды моего отца, ели бы эту колючку, а я бы играла на этом холме!» Овчар ничего не сказал. Они поехали дальше; вдруг девушка посмотрела и увидела: какая здесь роскошная зелень! Девушка сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь паслись овцы моего отца, и я бы тоже там играла!» Овчар вдруг свиснул; девушка тотчас обратилась к нему и сказала: «я сначала не знала, что ты за человек! теперь же, раз уж ты меня привез, погоним теперь своих лошадей, потому что, если слуги моего отца догадаются, они бросятся за нами. Поторопись, бездомный! поедем в такое место, чтобы мой отец нас больше не видел». Овчар сказал: «ну, так скачи за мной, и поедем!» Девушка поскакала сзади овчара.

Они доехали до одного места, устали и там остановились. Девушка сказала овчару: «подойди-ка, ты видишь там этот блеск?» Овчар сказал: «вижу». Девушка сказала: «садись на эту лошадь, съезди, возьми для нас воды и привези!»

amé maškā́ ǰinikó āúrtī, bi šwānágäi̯ dastā́ dāt. amé šwānág šut, ša amé aspā́n yáke rā gipt u suwā́r bū́tī u šútī pa āpā́. amé watí maškā́ ā́pī kúrtī. amé ki yak čánke āp zúrtī, dístī tā amé āp tilā́ bū́tant. yak wār amé šwānág gipt, amé tilā́nā, bi watí ṭapúräi̯ gošā́i̯ tā préntī u wat amé watí maškā́ zurt u burt, bi aspā́i̯ sarā́ kúrtī. wat am amé aspā́ suwā́r bū́tī u ai̯ kúrtī u šútī bi ǰinikóyäi̯yā. ódinā ki šut, go ǰinikóā íčī na gušt.

amé ǰinikó gúštī: bra, ódinā āptāwáge, amā́ āptāwágā biyā́r, yak káme āp bi tā́i̯ pkan u bi ātíšäi̯ sarā́ bil tā ǰoš pkanánt ki masmā́ yak káme čā bóran. amé šwānág šut, amā́ āptāwágā zurt u āúrtī, ša amé maškā́ yak káme āp kúrtī, burt, bi ātíšäi̯ sarā́ íštī tā ǰoš pkant. dār čumolí kúrtī u bi sarā́i̯ bír dāt. amé ki ǰoš kúrtī, ša ātíšäi̯ sarā́ āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demā́ íštī. ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, amā́ mašmā́i̯ urǰínäi̯ tā du piyālá astant, am-āwā́nā bzūr u biyā́r ki mašmā́ čā bóran. amé šwānág šut, š-amé urǰínäi̯ tā amé piyālā́nā dárī kúrtī u āúrtī, bi amé ǰinikóäi̯ demā́ íštī u wat šut, dū́rā níštī. amé ǰinikó ar če amé šwānágā tawā́rī kúrtī ki biyā́, go man čā bor, amé šwānág náy-ātī. karā́r amé ǰinikó wat nān u čā wártī, pa amé šwānágā am káme íštī. amé ki wat wártī, wat rā sérī kúrtī, agdarā́nā íštī u wat šut, dū́rā níštī. amé šwānág ā́tī, amé nānā́nā go amé čān wártī u šútī, pa duwārág dū́rā níštī.

Овчар сказал: «у нас нет меха». Девушка сказала: «есть». Девушка принесла мех и дала овчару. Овчар пошел, взял одну из лошадей, сел верхом и поехал за водой; наполнил водой свой мех. Как только он зачерпнул горсть воды, он увидел, что вода превратилась в золотые монеты. Овчар тотчас взял золотые монеты и завернул их в край копімы; взял также мех, отнес, положил на лошадь, а сам сел на лошадь, погнал ее и поехал к девушке. Когда он туда доехал, он девушке ничего не сказал.

Девушка сказала: «там есть кувшин, сходи-ка, принеси этот кувшин, налей в него немного воды и поставь на огонь, пусть закипит; мы попьем немного чаю!» Овчар пошел, взял кувшин, принес, налил в него немного воды из меха, отнес и поставил на огонь вскипятить; наложил дров и поставил сверху. Как только вода закипела, он снял с огня, принес и поставил перед девушкой. Девушка сказала овчару: «в нашей переметной суме есть две чашки, сходи-ка, возьми их и принеси, будем пить чай!» Овчар пошел, вынул чашки из сумки, принес и поставил перед девушкой, а сам пошел и сел поодаль. Сколько девушка ни звала овчара: приходи, дескать, пить со мной чай, овчар не приходил. Девушка сама поела и попила чаю, а немного оставила для овчара. Когда она поела и насытилась, она часть оставила, а сама пошла и села поодаль. Тогда овчар подошел, попил чаю и поел хлеба, а сам опять отошел и сел поодаль.

yak wār amé ǰinikó amé šwānágā tawā́r kúrtī u gúštī: ta bra, amé āptāwágā bzūr u bar. yak káme āp pkan u bar, bi ātíšä̯i sarā́ bil tā garm bayánt. amé šuwānág šútī, amé āptāwágā zúrtī, búrtī, ša maškā́ ā́pī kúrtī u āúrtī, bi ātíšä̯i sarā́ íštī, dār am bír dā́tī tā garm bayánt. amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta bra, watí āpā́nā sä̯il pkan ki bārén zabr garm būtág-ant yā na. amé šwānág š-amódinā ā́tí bi amé watí āpā́nīyā. amé watí āpā́nā sä̯ilī kúrtī tā mnī āp čo garm būtág-ant. amé āpā́nā zúrtī u āúrtī bi ǰinikóä̯iyā, go amé ǰinikóā gúštī: mnī āp čo garm būtág-ant. amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta anū́n watí pučā́nā pkaš, yā awálā watí pučā́nā ma kaš, awálā watí kulā́ dár pkan. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a. karā́r awálā watí kulā́ kašítī. amé ǰinikó amé sorén āpā́nā bi amé šwānágä̯i sarā́ rétī. amé šwānág ar če grétī, amé ǰinikó nā́i̯štī. amé ǰinikó amé šwānágä̯i sarā́ zabr šúštī u zabr eší ǰānā́ šúštī, nokén puč bi amé šwānágä̯i ǰānā́ dā́tī. gúštī: anū́n ta bra, mašmā́i̯ aspā́nā biyār ki mašmā́ blaḍán, brawán. amé šwānág šut, aspā́na āúrtī, š-amódinā laḍítant u šútant bi yak ǰāgā́e.

šútant u šútant, bi yak šārā́i̯ pānā́dā ér kurtánt. amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta bra, yak áspe rā suwā́r bā́i̯ u bra bi amé šārā́i̯ pādišā́āyā. amé ki šútä̯i bi šārā́i̯ pānā́dā, ič íngūr u ā́ngūr sä̯il ma kan, rā́stam déme̜ amé watí aspā́i̯ gardínā sä̯il pkan, ódinā ki šútä̯i bi pādišā́ä̯i gisā́, awálā

Девушка позвала овчара и сказала: «сходи-ка, возьми кувшин, набери в него немного воды, снеси и поставь на огонь согреть». Овчар пошел, взял кувшин, понес, налил из меха воды, принес и поставил на огонь и наложил дров, чтобы согреть. Девушка сказала овчару: «сходи, посмотри воду, хорошо ли она нагрелась». Овчар пошел к воде и посмотрел свою воду: как хорошо она нагрелась! Он взял воду, принес девушке и сказал: «вот как нагрелась моя вода!» Девушка сказала овчару: «теперь ты разденься! или сначала не раздевайся, а сними свою шапку!» Овчар сказал: «ну, хорошо!» Сначала он снял свою шапку, а девушка стала лить ему на голову горячую воду. Как овчар ни плакался, девушка не переставала. Девушка хорошенько вымыла овчару голову и отмыла его тело, а потом дала ему новое платье и сказала: «теперь сходи и приведи наших лошадей, уложимся и поедем». Овчар пошел и привел лошадей, они выступили оттуда и поехали в другое место.

Ехали, ехали, остановились около одного города. Девушка сказала овчару: «садись на лошадь и поезжай к царю этого города, только, когда поедешь по городу, не глазей туда и сюда, а смотри только на шею своей лошади. Когда ты попадешь в царский дом, сначала с тобой поздороваются, потом прине-

wašāmád go ta kanánt, gúḍinā apt tām nān u seb u gošt u ame ḍā̂ulén číz a-kāránt pa ta, na ki ta čo watí awáläį šwānagíäį xayā́lā pkánäį, ša ar tā́me yak-yak majmá bóräį, ā ḍā̂ul na ki pkánäį, ša ar tā́me yak-yak lunká bóräį ki ar káse ki trā bgindít, bzānt ki e pādišā́ zādáge. gúḍinā pādišā́ trā pursít ki äį bābā́, ta pa če ā́tag-äį? ta gúḍinā bguš: äį bābā́, man pa amé xātírā ā́tag-un bi tī́yā: man ástun plānā́ pādišā́äį zāg. man ā́tag-un bi tīyā, man ša watī́ pisā́ zār būtág-un wa man dārī́n yak ǰinéne. anū̃n ta amā́ rā bi amé watí šār u kalā́täį tā amā́ rā yak gíse bdā́yäį, čo zabr int! ki amā́-m bi tī pānā́da mníndan.

amé šwānág šut, watí aspā́ āúrtī, zabr zen u lagā́mī kúrtī u suwā́r būtī u äį kúrtī u šútī. amé ki bi šārā́į pānā́dā ki rástī, rāstám démẹ amé aspā́į gardínā sā́ilī kúrtī, karā́r šútī bi pādišā́äį gisā́, amé ki šut, bi pādišā́äį gisā́į demā́ ki rast, pādišā́äį muzū́r dístant amé šwānágā. ā́tant, amé šwanā́gäį aspā́ gíptant u bástant u amé šwānág ā́tī bi pādišā́äį gisā́. ān čoš ki ā́tī, go pādišā́ yak wašāmáde kúrtī, yak katráe digár ki būt, pa eší nān āúrtant apt tām. amé ki amé šwānágäį dastā́nā šúštant, gúḍinā nānā́nā āū́rtant, bi amešī́ pānā́dā íštant. pādišā́äį ǰind am ā́tī, go amé šwānágā nān wártī. amé šwānág ša ar tā́me yak-yak lunká wártī. amé pādišā́ amé

сут тебе семь различных кушаний: хлеба, яблок, мяса и тому подобных вещей. Только ты не поступай по своему прежнему пастушескому обыкновению, чтобы от каждого кушанья есть целое блюдо, так не поступай, а от каждого кушанья ешь по кусочку, чтобы каждый, кто тебя увидит, знал, что это царский сын. Потом царь тебя спросит: что, мол, сынок, с какой целью ты пришел? Тогда ты скажи: „батюшка, я пришел к тебе с таким намерением: я сын такого-то царя и пришел к тебе, потому что я поссорился со своим отцом; у меня есть жена, и если бы ты дал нам в своем городе и крепости какое-нибудь жилище, как было бы хорошо! и мы бы жили у тебя!“»

Овчар пошел, привел свою лошадь, тщательно ее оседлал и взнуздал, сел верхом, погнал и поехал. Когда он доехал до города, он глядел только на шею своей лошади и так доехал до царского дома. Когда он подъехал к царскому дому, царские слуги увидели этого овчара, подошли, взяли лошадь и привязали; овчар вошел в царский дом. Как только он вошел, он поздоровался с царем, и когда прошло немного времени, ему предложили кушанья, семь блюд. После того как овчару помыли руки, поднесли кушанья и поставили возле него. Сам царь также подошел и ел кушанья с овчаром. Овчар от каждого блюда ел по одному куску. Как только царь заметил, что овчар от каждого

šwānágā ki dist ki e ša ar tā́me yak-yak lunká wártī, amé pādišā́ ai̯rā́n mā́ntī wa watī́ dilā́ gū́štī: e ar ǰā́ int-a, pādišā́ zādáge. amé ki nān wártant, amé pādišā́ ša amé šwānágā pursít ki äi̯ bābā́, ta maróčī pa čé ā́tag-äi̯ bi mnī gisā́? pa kār-mā́re yā na, wat ā́tag-äi̯? amé šwānág gū́štī: man plānā́ pādišā́äi̯ zā́g-un wa man ša watī́ pisā́ zār būtā́g-un, wa man yak ǰinéne dārī́n, wa man anū́n ā́tag-un bi tī šārā́. agár ta mnā bi watī́ šārā́ yak gíse bdā́yäi̯, čo zabr int-a! amé pādišā́ gū́štī: nápa bāz ǰwā́n int-a. yak gíse bi amé šwānágā dā́tī. anū́n, gū́štī, ta bra, watī́ ǰinénā am bzūr u biyā́r. amé šwānág gū́štī: man anū́n yak muzū́re u yak āšpáze girī́n ki tānáxten amídinā pa amā́ nān pačī́t u tayā́r pkant. amé pādišā́ gū́štī: nápa bāz ǰwā́n int-a.

karā́r pādišā́ pádā šū́tī bi watī́ gisā́, amé šwānág am šū́tī, du muzū́r gíptī u āū́rtī, bi amé gisā́yā ī́štī. amé muzūrānā gū́štī: ša šmā yak tānáxten amé gísā pāk pkant u yáke digár am tānáxten pa amā́ nān u gošt pačī́t. amé šwānág šut, watī́ aspā́ suwā́r bū́tī u šut bi watī́ ǰinénäyā. amé ki ā́tī bi watī́ ǰinénā, go watī́ ǰinénā gū́štī: man šū́tun bi pādišā́äyā, pa mašmā́ yak gíse alā́s kū́rtun wa du muzū́r am gíptun ki tānáxten pa mašmā́ nān pačā́nt wa yáke digár am tānáxten gísā pāk pkant. amé ǰinikó gū́štī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, anū́n bladā́n u brawā́n. e ladī́tant u šū́tant bi watī́ gisā́. amé ki rā́stant, dī́stant tā gisā́ čo zabr pāk kurtā́g-ant.

блюда ест только по одному куску, царь удивился и сказал про себя: «это во всяком случае царский сын!» Когда они поели, царь спросил у овчара: «с какой целью, сынок, сегодня ты пришел в мой дом? по какому-нибудь делу, или так себе пришел?» Овчар сказал: «я сын такого-то царя, и я поссорился со своим отцом; у меня есть жена; теперь я пришел в твой город, и если теперь ты мне дашь жилище в своем городе, как было бы хорошо!» Царь сказал: «ну, очень хорошо!» и дал дом этому овчару. «Теперь», сказал он, «иди, бери и привози свою жену». Овчар сказал: «теперь я возьму слугу и повара, чтобы он тем временем сварил и приготовил для нас кушанье». Царь сказал: «ну, очень хорошо!»

Итак, царь пошел к себе; овчар также пошел, взял двух слуг, привел и оставил у себя дома. Он сказал своим слугам: «один из вас пусть пока приберет дом, а другой испечет для нас хлеб и сварит мясо». Овчар пошел, сел на свою лошадь и поехал к своей жене. Когда он приехал к своей жене, он сказал: «я ходил к царю, снял для нас дом и взял также двух слуг, чтобы они испекли для нас хлеб, а чтобы другой тем временем прибрал дом». Девушка сказала: «ну, очень хорошо, теперь уложимся и поедем». Они уложились и поехали в свой дом и, когда приехали, увидели, как хорошо прибран дом.

amé ki putrítant bi watī́ gisā́i̯ tā, amé ki nān wártant, yak wār amé ǰinikó go amé šwānágā gúštī: ta anū́n bra, ša amé šārā́i̯ tā yak mulláe rā pai̯dā́ pkan u biyā́r ki mašmā́ rā neké bdant. amé šwānág š-amódinā šut, bi amé pādišā́āi̯ šārā̄́ tā gā́štī, bi šārā́i̯ tā ič kasā́ nā́i̯nt-a. karā́r š-amódinā šut, amé pādišā́āi̯ mīrzā́ āúrtī, gúštī: anū́n ta amā́ rā neké bdā́i̯. amé pādišā́āi̯ mīrzā́ ešī́ rā u amé ǰinikóā neké dā́tī, dístī tā amé ǰiník čunén ǰwānéne. amé šwānā́g watī́ dastā́ bi watī́ kitóā búrtī, yak tilā́e kašítī, bi amé pādišā́āi̯ mīrzā́ dā́tī. amé pādišā́āi̯ mīrzā́ pa gāl u bal zúrtī u šútī bi pādisā́āi̯ā. ódinā go pādšā́ gúštī: ä́i̯ pādšā́, γábli ālám, amédinā yak čoríe ast, aǰāben ǰinéne dārít, maróčī ā́tī pa mnī padā́, go man gúštī: byā, brawán, mnā bi mnī ǰinénā neké bdā́i̯. man šútun, āe rā neké dā́tun u wat ā́tun. ān čoš ki neké dā́tun, amā́ čorí watī́ dastā́ bi̯ watī́ kitóā búrtī, mnā yak tilā́āi̯ ṭukū́re dā́tī. man zúrtun u āúrtun bi tī́yā. anū́n ta āe rā kušā́i̯ yā na? amé pādišā́ watī́ muzū́rānā loṭít, gúštī: šmā brā́it, amāe rā byā́rit. amé pādšā́āi̯ muzū́r š-amódinā ā́tant bi̯ amé zāgā́i̯ gisā́, go amé zāgā́ gúštant: amā́ rā pādšā́ pa tī padā́ dem dātagī́, ta byā ki mašmā́ brawán. amé zāg go amé pādšā́āi̯ muzū́rān gúštī: šmā tānáxten brā́it, man gúḍā kāín. amé pādšā́ā muzū́r š-amédinā ā́tant pádā bi pādišā́ā gisā́. amé ki rā́stant, bi pādšā́āi̯ā ā́tant, gúštant go pādšā́: ä́i̯ pādšā́, amā́ zāg ki ā-róčī bi tī gisā́ ā́tī, amā́ int-a, yak katráe d[i]ga kā́i̯t.

Когда они вошли в свой дом и поели, девушка сказала овчару: «теперь сходи, отыщи в этом городе муллу и приведи, чтобы он нас обвенчал». Овчар вышел и стал ходить по городу этого царя, а в этом городе никого нет! Он пошел, привел царского писаря и сказал ему: «обвенчай нас!» Царский писарь повенчал его и эту девушку, и увидел, как хороша эта девушка. Овчар опустил свою руку в карман, вынул один золотой и дал царскому писарю. Царский писарь с радостью взял и пошел к царю. Там он сказал царю: «о царь, средоточие вселенной, здесь есть один юноша, и у него удивительная жена! сегодня он приходил за мной и сказал мне: „давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!“ Я пошел, обвенчал его и пришел; когда я его обвенчал, этот юноша опустил свою руку в карман и дал мне кусок золота; я взял и принес тебе; убьешь ты его теперь или нет?» Царь позвал своих слуг и сказал: «сходите, приведите его!» Царские слуги пришли в дом юноши и сказали: «царь нас послал за тобой, пойдем!» Юноша сказал царским слугам: «идите пока, а я приду попозже». Царские слуги вернулись оттуда в царский дом. Когда они подошли и вошли к царю, они сказали: «о царь, это тот самый юноша, который тогда приходил в твой дом! он придет, немного погодя».

karā́r, amé šwānágā amé ǰinikó pánte dant: amé ki ta šútäi̯, awálā maǰlís a-kánt, gúḍinā ki ta yak sā́te níštäi̯, gúḍinā wát a-gušít ki e mardā́ anū́n mašmā́ elá pkanán ki e mard nok arosíe. amé šwānág ā́tī bi pādšā́äi̯ gisā́. amé ki rástī, dístī tā pādšā́ maǰlís kurtagí. amé ki wašāmáde číze kúrtant, yak sā́te digá būt, pādšā́ gúštī: e čoríyā anū́n mašmā́ elá pkanán ki brā̊u̯t, pa če ki e čorí nok arosíe. yak sā́te digár būt, pādšā́ amé šwānágā gúštī: man ša ta loṭín yak maǰmáe tilā́, yak maǰmáe ǰuwā́i̯r, anū́n bra. amé šwānág š-amódinā ā́tī bi watí gisā́. amé ǰinikó amé šwānágā pursítī: go ta pādšā́ čé gúštī? amé šwānág gúštī: pādšā́ ša man yak maǰmáe tilā́ u yak maǰmáe ǰuwā́i̯r loṭítī. amé ǰinikó gúštī: ta amā́ tilā́nā ša guǰā́madā āúrtäi̯, pádā bra, š-amódinā byār.

amé šwānág š-amódinā šútī bi amā́ ǰāgā́ ki awálā tilā́ dísṭ-atī. amé ki bi amā́ čamágäi̯ pānā́dā šut, yak wār dístī, tā amédinā yak débe dédi yak ǰinikóe rā giptagí. yak wā́r a-bártī bi ā pānā́dā, kilít u wānít, amé ǰinikóäi̯ sar ǰitā́ bīt. pa duwārág kārít, yak ǰā kant, bāz duwārág wānít, amé ǰinikóā mardúme kant. ar če ki amā́ deb a-wā́nt, amāí wāntínānā amé šwānág zúrtī. amé ki roč nazík mānt ki mnindít, yak wār amé deb amé ǰinikóā gíptī, búrtī, bi watí demā́ íštī u wāntī. amé ǰinikóäi̯ sarág ā́ngūr kapt, pā́dī

Между тем, эта девушка дает овчару совет: «когда ты придешь, сначала у него будет совет, а когда ты часок посидишь, он сам скажет, что, мы, дескать, отпустим теперь этого человека, потому что он новобрачный». Овчар пришел в царский дом. Как только он дошел, он увидел, что у царя собран совет. Когда они поздоровались и прошло некоторое время, царь сказал: «отпустим теперь этого юношу, пусть идет, потому что он новобрачный!» Еще через некоторое время царь сказал овчару: «я хочу от тебя одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей, а теперь иди!» Овчар пришел оттуда к себе домой. Девушка спросила овчара: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь потребовал у меня одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «сходи опять туда, откуда ты принес то золото, и принеси оттуда еще!»

Овчар опять пошел в то место, где нашел золото в самом начале. Когда он пришел к источнику, он сразу увидел, что там какой-то див схватил одну девушку. Один раз он тащит ее в одну сторону, оставляет ее, читает заклинание, и голова этой девушки отделяется; другой раз он ее приносит, складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком. Все, что тот див читал, все его заклинания овчар запомнил. Как только солнце было близко к заходу, див взял девушку, отнес, поставил перед собой и прочел заклинание. Голова девушки упала в одну сторону, ноги — в дру-

ā́ngūr káptant u wat išt u šut. amé ki ša säi̯ koā́ ā́škā šut ki panā́ bū́tī, yak wār amé šwānág gíptī, amé ǰinikóäi̯ sarág u pādā́gānā, āúrt, yak ǰā kúrtī, íštī, lagít bi al-u-úlā, al ǰátī, yak wār amé ǰinikóäi̯ sarág u pādā́g yak ǰā bū́tant. ǰinikó drūā́ bū́tī. amé ki drūā́ bū́tī, yak wār sā́i̯lī kúrtī, dístī tā amé mnī pānā́dā mardúme oštātagí. yak wār ša amé šwānágā pursít ki ta ša guǰā́ngūr ā́tag-äi̯? amé šwānág eší rā ǰawā́b dā́tī: man ša plāná ǰā ā́tag-un u man trā dístun ki e kāperén ḍeb e ḍau̯lā́ kant, trā yak wār a-kušī́t wa yak wār zindág a-kánt. mnī dil pa ta sótī. anū́n agár ta go man a-rawā́i̯, biyā́ tā brawán. amé ǰinikó gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man go ta raī́n, ta tānáxten amédinā mnind, man anū́n a-räī́n, watí bālā́nā kārī́n, gúḍā mašmā́ rawán. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, bra, biyā́r watí bālā́nā. amé ǰinikó šut, watí bālā́nā āúrtī. amé šwānágā gúštī: nápa brawán. š-amódinā šútant.

amé ki yak ṭukúre rā́ šútant, yak wār amé šwānág gúštī: mnā pādšā́ dem dātagí pa tilā́ ki man p-āī́ tilā́ barī́n. amé ǰinikó gúštī: čínka tilā́ ta p-āī́^{y} a-barā́i̯? amé šwānág gušt: yak maǰmáe tilā́ u yak maǰ-máe ǰuwā́i̯r. amé ǰinikó gúštī: ta ič γusá ma war, brawán, man pa ta tayā́r a-kanī́n. karā́r šútant amé šwānágäi̯ gisā́. yak wār amé ǰinikó amé šwānágā gúštī: ta amā́ maǰmā́nā bdäi̯ mnā. karā́r amé šwānág amā́ maǰmā́nā dā́tī. amé ǰinikó gipt amé maǰmā́nā, bi watí demā́ íštī. yak wār amé šwānágā

гую; он оставил ее, а сам ушел. Как только он ушел за три горы и скрылся там, овчар тотчас взял и принес голову и ноги девушки; сложил их вместе, оставил и принялся за отчитывания и заклинания, — немедленно голова и ноги девушки воссоединились, и девушка стала невредима. Когда она ожила, она посмотрела и увидела: возле меня стоит человек! Она тотчас спросила овчара: «откуда ты пришел?» Овчар ответил ей: «я пришел из такого-то места и увидел, что этот поганый див так поступает с тобой, то убивает тебя, то оживляет. Мое сердце воспылало к тебе. Теперь, если ты со мной пойдешь, давай, пойдем!» Девушка сказала: «очень хорошо, я пойду с тобой, но пока посиди здесь! я сейчас пойду, только принесу свои крылья, а потом мы пойдем!» Овчар сказал: «ну, хорошо, сходи, принеси свои крылья». Девушка пошла, принесла свои крылья и сказала овчару: «ну, пойдем!» Они оттуда пошли.

Когда они немножко прошли, овчар вдруг сказал: «меня ведь царь послал за золотом, чтобы я ему принес золота!» Девушка сказала: «сколько золота ты должен ему отнести?» Овчар сказал: «одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «ты не печалься, пойдем, я для тебя приготовлю». Они пошли в дом овчара. Девушка сказала овчару: «дай мне те блюда», Овчар дал блюда. Девушка взяла эти блюда, поставила перед собой и сказала

gúštī: anū́n ta yak abáre bguš ki mnā andág bgīt. amé šwānág yak abáre dāt, yak wār amé ǰinikó andít, yak maǰmáe pur būt ša tilā́. pa duwārág gúštī: yak abáre digá bdäi̯ ki mnā andág bgīt. yak abáre digá dā́tī, amé ǰinikó andítī, yak maǰmáe digá pur būt ša ǰuwā́i̯rā. amé šwānág amé ǰuwā́i̯rānā búrtī bi pādšā́äi̯ gisā́, dā́tī. amé ki pādšā́ dístī, ai̯rā́n mānt wa gúštī: eší gis bún gīt, e čunén balā́e! man eší rā gúštun: ta bra, pa man yak maǰmáe tilā́ biyā́r u yak maǰmáe ǰuwā́i̯r biyā́r, e šut, āúrtī!

karā́r pādšā́ eší rā gúštī: ša ta loṭín, ša mnī apt puštā́i̯ murdagā́n awā́l biyā́räi̯. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. pa duwārág amé šwānág ā́tī bi amé pādšā́äi̯ mīrzā́äyā, go amé mīrzā́ gúštī: ta biyā́, brawán, mnā go mnī ǰinénā neké bdäi̯. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ ā́tī bi amé šwānágäi̯ gisā́. amé šwānág gúštī: e mnī ǰinén int-a, ta anū́n mnā neké bdäi̯. karā́r amé mīrzā́ sā́i̯lī kúrtī, dístī tā eší gis bún gīt, e aǰā́ben ǰinikóe anū́n āurtágī. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ amé zāgā́ u amé ǰinikóā neké dā́tī. amé šwānág pa duwārág watí dastā́ bi watí kitóā búrtī, yak tilā́e kašít u dā́tī bi amé pādšā́äi̯ mīrzā́. amé pādšā́äi̯ mīrzā́ amé zarā́nā zúrtī u búrtī bi pādšā́äi̯ gisā́. amé šuwānágäi̯ ǰinén ša šwānágā pursítī ki trā pādšā́ če gúštī? amé šuwānág gúštī: pādšā́ go man gúštī: man ša ta loṭín, bi amé du roča̋ ša mnī apt puštā́i̯ murdagā́n awā́le biyā́räi̯. amé ǰinikó go šwānágā gúštī: man pa ta

---

овчару: «теперь скажи мне что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Овчар сказал, девушка рассмеялась, и блюдо наполнилось золотом. Она вторично сказала: «скажи еще что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Он еще сказал, девушка рассмеялась, и другое блюдо наполнилось драгоценностями. Овчар отнес эти драгоценности в царский дом и отдал. Как только царь увидел, он удивился и сказал: «пусть сгорит его дом! что он за пройдоха! я ему сказал: „сходи, принеси для меня блюдо золота и блюдо драгоценностей!“ он пошел и принес».

Короче говоря, царь сказал ему: «я требую от тебя, чтобы ты принес известия о семи поколениях моих умерших!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо!» Овчар опять пришел к царскому писарю и сказал: «давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!» Овчар и царский писарь пришли в дом к овчару. Овчар сказал: «вот моя жена! теперь обвенчай меня». Писарь стал смотреть: что за удивительную девушку он теперь привез, пусть сгорит его дом! Царский писарь обвенчал юношу с этой девушкой. Овчар опять опустил руку в карман, вынул золотой и дал его царскому писарю. Царский писарь взял золото и отнес его в дом к царю. А жена овчара спросила: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь мне сказал: „я требую от тебя, чтобы ты в двухдневный срок принес сведения о семи поколениях моих умерших“». Девушка

yak xáte nimisín, ta amé xatā́ bzūr u bar u š-amódinā ki ta mnā āúrtäi̯, na ki rā́stam pa duwārág š-amódinā brawā́i̯ ki maróčī amā́ debā́i̯ waxt int-a ki kāi̯t. amé ǰinikó gipt, yak xáte nimíst u dā́tī bi amé šwānágäi̯ dastā́. go amé šwānágā gúštī: amé ki šútäi̯ ódinā bi goristā́näyā, amé ḍåu̯l ki watí aspā́ suwā́r-äi̯, amé ḍåu̯l bošt u tawā́r pkan, bguš ki äi̯ Zar-bībí, ā wat ǰawā́b a-dánt, ta gúḍā bguš ki biyā́, e xatā́ bzūr ki plāná kas pa ta dem dātagí.

karā́r amé šwānág šut, ša watí aspā́n yáke rā zénī kurt u suwā́r būt u šútī. amé ki šútī bi goristā́näi̯ sarā́, uštā́t u tawā́r kúrtī ki äi̯ Zar-bībí, äi̯ Zar-bībí! yak wār amā́ Zar-bībí ša yak gorā́ tā ustát u ǰawā́b dā́tī, gúštī: če? ta káy-äi̯? amé šwānág gúštī: biyā́, e xatā́ bwān ki pa ta ā̦tagí. amé Zar-bībí š-amódinā ā́tī, amé xatā́ zítī ša šwānágäi̯ dastā́ u wā́ntī. gúštī: anū́n man pa ta e xatā́i̯ mānī́yā nimisín, ta tānáxten amédinā bošt. Zar-bībí šut bi watí ǰāgā́, amé xatā́i̯ ǰawā́bā amé ḍåu̯l nimístī: amā́ pādšā́äi̯ bún-pīrúk guǰā́ pai̯dā́ būtagí u ká int-a nā́mī, amešā́nā gírdānā bi yak damā́ nimíst u āúrtī, bi šwānágäi̯ dastā́ dāt. amé šwānág dístī tā eší gis bún gīt, e čunén mazánen xáte nimistagí. amé xatā́ šwānág zurt u āúrt bi watí ǰinénäi̯ā. amé šwānágäi̯ ǰinén wānt wa gúštī: rā́st int-a, amé xatā́ bā́ndā bzūr u bar bi pādšā́äi̯ā. tārī́enā amā́ xatā́ ā zurt u burt bi pādšā́äi̯ gisā́, bi pādšā́äi̯ dastā́ dāt. amé pādšā́ ai̯rā́n mānt ki e čunén balā́e

сказала овчару: «я тебе напишу письмо, возьми это письмо и отвези туда, откуда ты меня привез, но только прямо поезжай туда, потому что сегодня время прихода дива». Девушка взяла, написала письмо, вручила овчару и сказала ему: «когда приедешь туда на кладбище, ты так и оставайся, как есть, верхом на лошади, и закричи: „о Зар-биби!“ Она сама отзовется; тогда ты скажи: „приди и возьми это письмо, которое такая-то тебе послала“».

Итак, овчар пошел, оседлал одну из своих лошадей, сел и поехал. Как только подъехал к кладбищу, он остановился и закричал: «о Зар-биби, о Зар-биби!» Вдруг эта Зар-биби встала из одной могилы, откликнулась и сказала: «что? ты кто?» Овчар сказал: «приди и прочти это письмо, которое пришло к тебе!» Зар-биби подошла оттуда, взяла письмо из рук овчара, прочитала и сказала: «я сейчас напишу тебе ответ на письмо, пока подожди здесь». Зар-биби пошла к себе и написала ответ на это письмо: где родился предок этого царя и каково его имя, — в один миг всех их написала, принесла и дала в руки овчару. Овчар увидел: какое большое письмо она написала, пусть сгорит ее дом! Овчар взял это письмо и принес своей жене. Жена овчара прочитала и сказала: «правильно! завтра это письмо возьми и отнеси царю». На утро он взял это письмо, отнес в царский дом и дал царю в руки. Царь изумился:

ki ša mnī apt puštā́i̯ murdagā́n awā́l āúrtī. pādšā́ loṭít watí mullā́nā wa gúštī: anū́n šmā amé xatā́ bwā́nit. amé šwānágā gúštī: anū́n ša ta loṭín bi daryā́bä Nílä tā yak gumúde tilā́ī wa yak gumúde ǰuwā́i̯räi̯ ǰoḍ pkánäi̯.

amé šwānág š-amódinā šut bi watí gisā́. amé šwānágäi̯ ǰinén ša šwānágā pursít ki pādšā́ če gúštī? amé šwānág ǰawā́b dā́tī: pādšā́ anū́n ša man a-loṭít bi āpā́ tā daryā́bä Nílä tā yak gumúde tilā́ī wa yak gumúde ǰuwā́i̯räi̯ ǰoḍ pkánäi̯. amé šwānágäi̯ ǰinén gúštī: tī e kārā́ amā́ ǰoḍ kurtága na kanán, amíngūr yak paríe ast, bi yak rodā́i̯ tā int. ta awálā bra, bi amā́ rodā́i̯ kirá mnind, gindā́i̯: roč nīm róč a-bī́t, yak paríe mazánen gindā́i̯, kāi̯t, ābāzí^{y} a-kant, ta amódinā čer pkap, gindā́i̯, amā́ wat rā prent bi rodā́i̯ tā pa ābāzíyā. amāí mūd, gindā́i̯, ā́tant bi amé rodā́i̯ kirá. yak wār ta amāí mūdā́nā ḅgir. ā wát a-gušít ki bil, ta mäi̯l. amé šwānág gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man anū́n a-raī́n.

ā́tī, bi amā́ rodā́i̯ kirá, níštī, dístī tā roč nīm roč bū́tī, dístī, š-amíngūr yak mazánen paríe ā́tī. amé šwānág amé ḍå̄u̯l ki srapít-at, íčī na gúštī. amé parí wat rā bi āpā́i̯ tā préntī ki ābā́zī pkant. amé ki wat rā préntī bi āpā́i̯ tā, amé paríäi̯ mūdā́nā amé āp šlap ǰat u āúrtī bi amé rodā́i̯ kirá ki amé šwānág ništ-átī. amé šwānág mūdā́nā ki dístī, yak wār watí dastā́ prent bi

---

что это за пройдоха, что он принес мне сведения о семи поколениях моих умерших! Царь позвал своих мулл и сказал: «прочтите теперь это письмо», а овчару сказал: «теперь я хочу, чтобы ты построил в реке Ниле одну башню из золота и одну башню из драгоценностей».

Овчар оттуда пошел домой. Жена овчара спросила: «что сказал царь?» Овчар ответил: «царь теперь от меня хочет, чтобы я в воде реки Нила построил одну башню из золота, а другую из драгоценностей». Жена овчара сказала: «это твое поручение мы не сможем выполнить, но здесь в одной реке есть пэри. Ты поди и сначала сядь на берегу той реки, и когда увидишь, что солнце подходит к полудню, ты увидишь, что подойдет большая пэри и станет купаться; а ты там спрячься, и как увидишь, что она бросится в реку купаться, и увидишь, что ее волосы достигают берега реки, тотчас хватай ее за волосы. Она скажет: „отпусти!“ но ты не отпускай!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо! я теперь пойду».

Он пошел, сел на берегу той реки, увидел, что солнце подошло к полудню, и увидел, что пришла большая пэри. Овчар был спрятан и ничего не сказал. Пэри бросилась в воду, чтобы выкупаться. Как только она бросилась в воду, вода понесла волосы этой пэри и принесла к берегу, где сидел овчар. Как только овчар увидел волосы, он опустил свою руку на волосы и потянул

amé mūdā́n wa amé mūdā́nā péš kašítī. yak wār bi amé paríyā mālū́m būtī ki mnī mūdā́nā yáke peš kašítī. yak wār tawā́r kúrtī, gúštī: agár ta ādamíe wä̯i, agár ínse u ǰātū́e wä̯i, mnī mūdā́nā bil ki trā íčīyā na kanín. amé šwānág nä̯išt. pa duwārág tawā́r kúrtī ki bi azráti Slemā́nī čápä̯i aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág nä̯ištī. pa duwārág amé šwānág peš kašítī. yak wār amé parí gúštī: bi azráti Slemā́nī rā́stä̯i aptẹkálā sogínd ki trā íčīyā na kanín, bil. amé šwānág íštī. amé ki íštī, amé parí āt pa amé šwānágä̯i ǰānā́ wa gúštī: ta ša guǰā́ngūr ā́tag-ä̯i? amé šwānág ǰawā́b dāt: man am yak musāpíre un ki ša watí rā́ kāín, améš int ki ā́tun, dístun tā bi amé āpā̯́i kirá mūdā̯́i čúnḍe mālū́m a-bít, yak wār man am watí dastā́ préntun bi amé āpā̯́i tā, dístun tā amé mūd čo grān int-a. peš kašítun, dístun, ta tawā́r kurtā̯́i. amé parī go ameší gúštī ki ta anū́n go man kā́re u číze na dārā̯́i? amé šwānág gúštī: čẹ rā? dārín. ānčén pādšā́e go man guštagí: ta mebāít bi daryā́bä Nílä tā pa man yak gumúde bǰánä̯i tilā́ä wa yak gumúdẹ ǰuwā́irä̯i bǰánä̯i. amé parí gúštī: nápa mašmā́ brawán bi tī gisā́.

amé parí u amé šwānág ā́tant bi šwānágä̯i gisā́. amé ki ā́tant bi šwānágä̯i gisā́, amé parí amé šwānágā gúštī: ta bra, go pādšā́ bguš ki yak du roč sabr pkant ki man tānáxten watí kārā́ ǰoḍ a-kanín. amé ṣwānág š-amódinā šut bi pādšā́ä̯i gisā́. amé ki ā́tī bi pādšā́ä̯i gisā́, go amé pādšā́ gúštī: ä̯i pādšā́,

---

их. Пэри поняла, что кто-то потянул волосы, она закричала: «человек ли ты или какой-нибудь дух, или ведьма, отпусти мои волосы, я ничего тебе не сделаю!» Овчар не отпускал. Она закричала вторично: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар не отпускал, но опять потянул. Пэри сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар отпустил. Как только он отпустил, пэри приблизилась к овчару и сказала: «откуда ты пришел?» Овчар ответил: «я странник, и иду своей дорогой; вот я подошел и увидел, что на берегу воды виднеется конец волос; я опустил руку в воду, посмотрел: какие тяжелые волосы! потянул и услышал, что ты закричала». Пэри сказала ему: «у тебя теперь нет ко мне какого-нибудь дела или чего-нибудь?» Овчар сказал: «почему так? есть! такой-то царь сказал мне: „нужно, чтобы ты воздвиг для меня в реке Ниле одну башню из золота и одну из драгоценностей“». Пэри сказала: «ну, пойдем к тебе в дом».

Пэри и овчар пошли в дом овчара. Когда они пришли, пэри сказала овчару: «иди, скажи царю, пусть подождет день-два, я тем временем устрою свои дела». Овчар пошел оттуда в царский дом. Когда он пришел в царский дом, он сказал

γábli ālám, ta mnā yak du roč ruxsát bdäi̯, gúḍā man pa ta yak gumúde ǰóḍ a-kanín. amé pādšā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé šwānág š-amódinā ā́tī bi watí gisā́, go watí ǰinénā gúštī: pādšā́ mnā gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man yak du roč pa ta sábr a-kanín. amé šuwānágäi̯ ǰinén gúštī: man maróčī amé parīā́nā múčānā náz a-kārín wa gušín: bā́ndā-ar paríe yak xišt biyā́rant wa bi daryā́bä Nílä tā yak gumúde ǰoḍ pkánant. amé parí š-amódinā āt bi parīyā́nīyā wa go amé parīyā́n gúštī: ša šmā man loṭín: bā́ndā ki ar paríe yak xíšte bzū́rit u biyā́rit bi daryā́bä Nílä tā, yak gumúde ǰoḍ pkánit· amé ki man säi̯ tawā́r kúrtun, bi awalíen tawā́r šmā wat rā āzír pkánit, bi dūmíen tawā́rā šmā ar kas bi watí xištā́i̯ pānā́dā bgírit, amé ki säyumíen tawā́rā kúrtun, šmā ar yáke watí xištā bzū́rit u dár pkánit. amé parí múčī gúštant: nápa baz ǰuwán int-a. amé parí amešā́nā gúštī: bā́ndā tā roč dar ma yā́īt, ša šmā loṭín ki tayā́r pkánit u bílit. amé parí gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé paríäi̯ ǰind š-amódinā šut bi watí gisā́.

tāríenā ki tā́ngāt roč dar náy āt-at, amé parí sā́i̯lī kurt, dístī tā gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant u tayā́r kurtág-ant. amé parí go amé watí šwānā́gen mardā́ gúštī ki gumúdānā ǰoḍ kurtág-ant, ta bra, pādšā́ bguš ki bā́i̯t pa gumudā́nī sāi̯lā́. amé šwānág š-amódinā sar gipt u āt bi pādšā́äi̯ gisā́, gúštī: äi̯ pādšā́ γábli ālám, man gumúdānā ǰoḍ kurtág-un, ta watí mullā́nā bzū́r u

---

царю: «о царь, средоточие вселенной, дай мне отсрочку на день-два, тогда я построю для тебя башню». Царь сказал: «ну, хорошо». Овчар оттуда пришел домой и сказал своей жене: «царь мне сказал: „ну, хорошо, я ради тебя день-два потерплю“. Жена овчара сказала: «сегодня я соберу всех пэри и скажу: „завтра пусть каждая пэри принесет по кирпичу, и пусть построят башню в реке Ниле“». Эта пэри пошла к другим пэри и сказала: «я хочу, чтобы завтра каждая пэри взяла по кирпичу и принесла в реку Нил, и вы построили бы башню. Но когда я прокричу три раза, по первому зову вы приготовьтесь, по второму зову возьмитесь каждая за свой кирпич, и как только я в третий раз позову, вы возьмите каждая свой кирпич и вытащите». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри сказала им: «на утро, пока еще солнце не взойдет, я хочу, чтобы вы все приготовили и оставили». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри пошла оттуда домой.

На утро, пока еще солнце не взошло, пэри посмотрела и увидела, что башни построили и приготовили. Эта пэри сказала своему мужу-овчару: «башни приготовили, иди, скажи царю, пусть идет посмотреть башни». Овчар пошел оттуда в царский дом и сказал: «о царь, средоточие вселенной, я построил башни

go watí salātā́n, tā brawán. amé pādšā́ amé šwānágā gúštī: ta anū́n bra bi watí gisā́, a^{m}mā́ wā́t a-rawán. amé šwānág š-amódinā ā́tī bi watí gisā́, go watí ǰinénā gúštī: man go pạdšā́ gúštun, pạdšā́ mnā gúštī: anū́n ta bra, amā́ wā́t a-rawán. amé šwānágä̯i ǰinén gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé ki amāī́ šār u kalā́tä̯i mardúm gírdī šútant pa gumúdānī sä̯ilā́, amé ki putrítant, gúḍinā man paríyānā tawā́r a-kanín tā ar paríe watí xištā́ bzū́rīt u bart bi jāgā́iš, bí tā pādšā́ go watí maxlū́kān mirít. amé šwānág gúštī: ā ḍau̯l ki bīt, nápa bāz ǰuwā́n int-a.

yak katráe digár ki būt, amé šwānág sā́i̯lī kurt, dístī tā pādšā́ go mullā́n int-a u dém a-rā̊u̯t wa amé g^{i}da maxlū́k ša padā́i̯ gírdī bi maxšā́ oštātág ant u rawánt. amé šwānág sā́i̯lī kurt, dístī, gírdī putrítant bi gumúdānī tā. yak wār amé šwānág ā́tī, go watí ǰinénā gúštī: pādšā́ go watí maxlū́kā putrít bi gumúdānī tā. amé šwānágä̯i ǰinén ā́tī, sā́i̯lī kúrtī, dístī: bābā́, tā́ngāt mardúm a-kā́i̯t, amé šwānágā gúštī: ta tānáxten amédinā bošt, sä̯il pkan, amé ki dístä̯i, amé pādšā́ä̯i maxlū́k gírdī putrítant, ta gúḍinā mnā sí pkan. amé šwānág ā́tī, bi yak gisā́ sarā́ níštī u sā́i̯lī kúrtī, dístī, tā́ngāt mardúm a-rā̊u̯t bi gumúdānī tā. tā du sāát níštī, gúḍinā dístī tā mardúm alā́s bū́tant. amé šwānág š-amódinā ā́tī, bi watí ǰinénä̯iyā gúštī: pādšā́ä̯i mardúm gírdī šútant bi gumúdānī tā. amé šwānágä̯i ǰinén āt, sā́i̯lī kurt, dístī tā rā́st a-gušít

---

возьми своих мулл и воинов, и пойдем». Царь сказал овчару: «иди теперь домой, мы сами пойдем!» Овчар пришел к себе домой и сказал своей жене: «я сказал царю, царь мне сказал: „теперь иди домой, мы сами придем“». Жена овчара сказала: «ну, очень хорошо. Как только все жители его города и крепости пойдут смотреть башни и войдут внутрь, я позову пэри, чтобы каждая пэри взяла свой кирпич и унесла на место, пусть царь со своим народом умрет!» Овчар сказал: «если так случится, очень хорошо!»

Когда прошло немного времени, овчар посмотрел и увидел, что царь с муллами идет впереди, а сзади построилось в военном порядке и идет все остальное население. Овчар посмотрел и увидел, что все вошли в башни. Тотчас овчар пришел и сказал своей жене: «царь со своим народом вошел в башни». Жена овчара подошла, посмотрела, увидела, что люди еще идут, и сказала овчару: «побудь пока здесь и посмотри; как только увидишь, что народ этого царя целиком вошел внутрь, тогда ты меня извести». Овчар пошел, сел на крыше одного дома, стал смотреть и увидел, что еще люди идут в башни. Часа два он сидел, потом увидел, что люди прошли. Овчар пошел оттуда и сказал своей жене: «народ царя целиком прошел в башню». Жена овчара пришла, посмотрела и увидела, что он говорит правду: все прошли

gírdī šutág-ant. amé šwānágäi̯ ǰinén šut, bi yak burzágā́ sarā́ oštā́t, tawā́ri kurt. bi awalíen tawā́rā parí wat rā zabr ǰoḍ kurtánt, bi dūmíen tawā́rā yak wār parí watí dastā́ bi xištā́n saķ kurtánt, bi sạ̈yumíen tawā́rā ar yáke watí xištā́ zurt u burt bi watí ǰāgā́.

karā́r pādšā́ go watí maxlū́kā bi daryā́bä Nílä tā murt. amé šwānág dístī tā pādšā́ múrtī, gúḍinā šut bi šār u kalā́täi̯ tā, sā́i̯lī kúrtī, dístī tā ič kas bi šārā́i̯ tā nā́int-a. karā́r ā́tī, watí gisā́ zurt u burt bi šārā́. šārā́i̯ pādšā́ bū́tī. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun, pa ta yak dištáre āúrtun.

IV

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at, yak pādšā́e at. e pādšā́ ǰänén u zāg dāšt. eší ǰänén bẹ watí lāpā́ zāg dāšt. yak wáxte būt, nu mā u nu roč purrá būt, zāg dist. eší zāg ǰäník^{ey} at. ša säi̯ róčā guḍ e ǰäník binā́ kurt bi mālā́nī lāpā́i̯ čāk dātínā. dil u ǰagarā́niš wártī u gúḍā kāt pádā watí ǰāgā́, binā́ kurt bẹ gretínā. eší mās kāt tā dístī: zāg páč int. gúḍā zāgā́ bástī u šut pádā wáptī. tā́rī ki róč a-būt, maxlū́k äi̯rā́n a-būt tā mālā́nī lāp čāk dātá. gúḍān e pādšā́ yak zā́ge dā́štī, eší zāg čār čam dāšt, gúḍā e zāg

---

Жена овчара пошла, стала на одной возвышенности и закричала. По первому зову пэри хорошенько приготовились, по второму зову пэри крепко взяли кирпичи в свои руки, по третьему зову каждая пэри взяла свой кирпич и отнесла на свое место.

Итак, царь со своим народом умер в реке Ниле. Овчар увидел, что царь умер, пошел в город и крепость, стал смотреть и увидел, что в городе никого нет. Он пришел, взял свою семью и отвез в город; сделался царем города. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме)

Было-было, кроме бога никого не было. Было время, был один царь. У этого царя была жена и сын. Его жена была беременна. Настало время, прошло полных девять месяцев и девять дней, и она разрешилась от бремени. Ее ребенок была девочка. Через три дня эта девочка начала вспарывать животы у скота. Она поедала у них сердце и печень, а потом возвращалась обратно на свое место и принималась плакать. Ее мать подходила, видела, что дитя раскрыто, запеленывала ребенка, возвращалась и вновь засыпала. На утро, когда наступал день, люди удивлялись, что животы у скотины вспороты. А у этого царя был еще сын, и этот его сын был четырехглазый. Однажды

yak šápe watí du čammā́ wāb prent, dúi gidá rā páč kurt, dístī tā mnī gwār ša ǰunṭā́i̯ tā wat rā páč kurt, šut, yak du gokā́i̯ lāpā́ čāk dā́tī u gúḍan dil u ǰagárāniš wártī u āt pádā watí ǰunṭā́i̯ tā, biná kurt bi gretínā, eší mās āt tā dístī: zāg páč int, zāgā́ bástī u šut pádā wapt.

tā́rī ki roč būt, e pādšā́äi̯ zāg gúštī watí māsā́ ki man yak abáre daín, agá tī dilā́ na gīt. eší mās gúštī: mnī dilā́ na gīt, bguš. e čoriká gúštī: šarr, agá tī dilā́ na gīt, amé watí ǰäníkā ziā́n pkánit kẹ pa šmā yak róče balā́e bīt. eší mās gúštī: xudā́ trā́ ziā́n pkant, čéwā loṭā́i̯ ša mnī ǰäníkā? yak ǰäníke xudā́ dātá, eší rā ta gušā́i̯, ziā́n pkánit! čẹ dušmanā́íe dārā́i̯ go mnī ǰäníkā? š-amédā wat rā ziā́n pkan! e čoriká š-amédā zār būt, gúštī: šmā rā yak róče gindín! yak áspe suwā́r bū́tī, š-amédā šut bi gidá yak šā́re.

šut bi mā šārā́i̯ tā, pa wat yak māsū́e wadí kurt. yak čunt sāl go mā watí māsū́ā níštī, p-āí kā́r a-kúrt. gúḍā yak čunt sāl gwástī, watí māsū́ā gúštī: man čunt sāl int ki ātā́ un, watí pisā́i̯ šār u kalā́tā na distā́ un, bā́re čon būtág ant. watí māsū́ā gúštī: pa man du säi̯ nān pač, man a-räín. eší māsū́ p-eší säi̯ čār nān pakkítī, eší urǰínäi̯ tā kúrtī, aspā́i̯ pastárkā bast.

ночью этот сын двум своим глазам дал заснуть, а два других открыл и стал смотреть: вот моя сестра раскрылась, вышла из колыбели, вспорола животы у одной-двух коров, поела у них сердце и печень, вернулась в свою колыбель и заплакала. Ее мать подошла, увидела, что ребенок раскрыт, запеленала ребенка и вернулась спать.

На утро, когда наступил день, царский сын сказал своей матери: «я хочу сказать кое-что, если ты не обидишься». Его мать сказала: «я не обижусь, говори». Юноша сказал: «хорошо, если ты не обидишься, то уничтожьте эту свою дочку, потому что когда-нибудь она станет для вас несчастьем». Его мать сказала: «бог да уничтожит тебя! чего ты хочешь от моей дочери? одну дочку бог дал, и ты про нее говоришь: „уничтожьте!“ чтó за вражда у тебя к моей дочери? сгинь отсюда!» Юноша оскорбился и сказал: «когда-нибудь я вас еще увижу!» Он сел на лошадь и отправился отсюда в другой город.

Поехал он в тот город и сыскал себе приемную мать. Несколько лет он жил у этой приемной матери и работал для нее. Когда прошло несколько лет, он сказал своей приемной матери: «вот уже сколько лет, как я прибыл сюда и не видел города и крепости своего отца! что-то стало с ними?» Он сказал своей приемной матери: «испеки для меня два-три хлеба, и я поеду». Его приемная мать испекла для него три-четыре хлеба, положила к нему в переметную суму и привязала сзади седла. Были у него еще одна-две гончие собаки; своих гончих он

yak du tāzí am dā̆štī, watí tāzíānā am go wat zúrtī. watí māsū́ā gúštī: pa tī rusxáttā! māsū́ī gúštī: šútäi̯, xudā́ imā́na baā́i! šut.

šāpe ǰā́e, róče ǰā́e, yak čunt roč rā́ šut, yak ǰā́e āt, dístī tā säi̯ buz ant. e buzā́nī padā́ gíptī u šútī, yak ǰā́e buz ā́tant, čoriká dístī tā säi̯ ǰänén zā́g ant. ar säyén kór atant. ar yak buzᵉ bi yak ǰänén zāgā́i̯ā āt u uštā́t. ar ka watí buzā́ métī. e čoriká am ša yak pānā́dā laggít, métī. ǰänikó dastā́ prent, säi̯l kurt tā dístī, buzā́i̯ agidá godā́n šīr na dārít. ǰänikó ai̯rā́n būt ki gúštī: e buzā́ bā́re kā́i̯ met? gúḍān watí gwārā́ gúštī: mnī buzā́ ta métag ä́i̯? ā gúštī: na, dādā́, man tī buzā́ na mečín, watí buzā́i̯ šīrā́nā wartága na kanín. gúḍān begā́e duwārá buz ā́tant watí wāū́ndānīyā, ar ka uštā́t watí wāū́ndäi̯ demā́. agidá gwā́re gušt: ar ka watí buzā́ āzír bīt, bā́re e čée ki buzā́nā mečít! bálkẹ bgíranī, agár amédā mečīt! gúḍān ar ka watí buzā́ met, tā yáke dístī kẹ mnī buzā́i̯ godā́nā yáke peš kašít. eš am dastā́i̯ čaláрt, gúštī: ta ǰínne wäi̯, ǰātū́e wäi̯, či balā́e wäi̯, ki ammā́i̯ buzā́nā mečā́i̯? e čoriká gúštī: na ǰínne un, na ǰātū́e un, mardúme un. agár mnā pa brāsdārí kabū́l kanít, man šmäi̯ brā́s a-baín. e ǰänikó gúštant ki agár ādamī-zā́te baā́i̯, trā pa brāsdārí kabū́l a-kanán. e gúštī: man ādamī-zā́te un.

также взял с собой и сказал своей приемной матери: «ну, с твоего разрешения!» Его приемная мать сказала: «ну, раз едешь, будь под покровом божьим!» Он поехал.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней он ехал по дороге, приехал в одно место и увидел: там три козы. Он последовал за козами, поехал и увидел трех женщин; все три были слепы. Козы по одной подошли к каждой женщине и остановились. Каждая стала сосать свою козу. Юноша также подобрался с одной стороны и стал сосать. Девушка стала щупать рукой и заметила, что у козы с другой стороны в вымени нет молока. Девушка удивилась и сказала: «разве эту козу кто-нибудь уже высосал?» Потом она сказала своей сестре: «это ты высосала мою козу?» Та сказала: «нет, сестра, я не сосу твоей козы, мне и от своей козы не съесть молока». Вечером козы опять пришли к своим хозяйкам, и каждая стала перед своей хозяйкой. Другая сестра сказала: «пусть каждая последит за своей козой, кто это высасывает коз! поймаем его, если он здесь сосет!» Каждая стала сосать свою козу, пока одна не заметила, что кто-то потянул вымя козы. Она схватила его за руку и сказала: «джинн ты или ведьма? что́ ты за напасть, что высасываешь наших коз?» Юноша сказал: «я не джинн и не ведьма, я человек, и если вы меня примете в братья, я буду вашим братом». Девушки сказали: «если ты рожденный человеком, мы примем тебя в братья». Он сказал: « я рожден человеком».

gúḍā yak róče būt, e čoriká šut pa šikārā, yak ǰáe āt, dístī tā buzlangíe waptá bi bāgā́i̯ tā. šut, š-eší bāgā́ tā bāzén nīwā́ge wā́rtī, bāzénī gidá čítī u watí urǰínā pur kurt. yak ga buzlangí āgā́ būt. āt pa čoríkāi̯ ǰānā́, gúštī: e bāg wāū̃nd dārít yā nā? čoriká gušt: š-e wāū̃ndā́n sad bīt, čéwā kant? e buzlangí gušt: man trā nišā́n a-daín. yak γúrze dāšt, da pút a-kāt, γurzā́ bāl āúrt pa čoríāi̯ ǰānā́, čorí am be-γai̯ratí na kurt, ešā́ yak zā́me prent, ša miyānǰínā du kap būt. gúḍān āt, watí aspā́ s^{u}wār būt. āt watí gwārā́nīyā. amé nīwā́gān dātī ki wā́rtan. yak ga yáke gúštī: wāxäi̯ ǰān, mnī čam páč bū́tant. agidá gúštant: ammā́i̯ čám am páč bū́tant.

gúḍān yak čunt waxt e čorí go me watí gwārúkān ništ, gā waxtā́ pa šikārā am šut. yak róče būt, e čorí gušt watí gwārā́nā ki man sapáre dārín, annū́n man a-raín, šmā tā wáxte ki man a-kāín, amédā mníndit watí ǰāgā́. gwā́rī gúštant: čunén sapáre dārā́i̯? čorí gúštī: man yak wáxte šār u kalā́te dāštā́ un wa siyā́d u brās dāštā́ un, na zānín kẹ bā́ren čón būtág ant. gwā́rī gúštant ki rawā́i̯, xudā́i̯ imā́na baā́i̯. amā́ int, čorí watí aspā́ suwā́r būt, watí gwārā́nā gušt ki mnī tāzíānā bandít. ar waxt ki dístit ki tāzí kulúnz-kulúnz kúrtant wa kalā́nḍiš zang ǰát-at, gúḍā zā́nit ki mnī sarā́ sakkíe ātá, tāzíānā yẹlá kanit. gúḍā š-amódā rādág būt.

Потом наступил день, когда этот юноша отправился на охоту, попал в одно место и увидел, что в саду спит бузланги. Он пошел и поел много плодов из его сада, а еще много других нарвал и наполнил ими свою переметную суму. Вдруг бузланги проснулся, устремился на юношу и сказал: «есть хозяин у этого сада или нет?». Юноша сказал: «пусть хоть сотня будет этих хозяев, что же из того?» Бузланги сказал: «я тебе покажу!» У бузланги была палица весом пудов в десять; он замахнулся палицей на юношу. Юноша также не проявил малодушия, ударил его раз мечом, и тот раскололся на двое Потом он подошел к своей лошади, сел верхом, приехал к своим сестрам и дал им поесть этих плодов. Сразу одна сказала: «ах! мои глаза раскрылись!» Другие сказали: «наши глаза также раскрылись!»

Потом некоторое время юноша пожил у этих сестер; иногда ходил на охоту. Однажды юноша сказал своим сестрам: «мне предстоит путешествие, и я теперь поеду, а вы оставайтесь здесь на своем месте, пока я не приеду». Его сестры сказали: «что у тебя за путешествие?» Юноша сказал: «когда-то у меня был город и крепость, были родные и братья, и что́ сталось с ними, не знаю!» Сестры сказали: «если едешь, будь под покровом божьим!» Вот юноша сел на свою лошадь и сказал своим сестрам: «привяжите моих гончих, и если увидите, что они заскулили и их кормушка покрылась ржавчиной, тогда знайте, что надо мной стряслась беда, и пустите гончих». Затем он пустился в путь.

yak čunt waxt rā̆ šut. āt bẹ watí pisā̆i̯ šār u kalātāi̯ nazínkā tā dístī: gis āněo kúl ant, mardúm paidā̆ na bīt. amā̆ int watí pisā̆i̯ gisā̆i̯ nazínkā ā̆tī tā dístī yak ṭuk-ṭúke. ā-kaštírā šut, yak ga eší gwār kẹ mardúmānā mālānā wárt-at, ešā̆ dístī, gúštī: wāx lālā̆ jān, man pa tī γamā̆n kór un, ta gujā̆ būtág äi̯? brāsī ša aspā̆ er kapt, watí brāsā̆i̯ demā̆ čukkítī u gúštī: bdäi̯, tī aspā̆ barín, āp däín, lālā. e čorí gúštī: bar, āp bdäi̯. aspā̆ búrtī, bi āpā̆ sár na kúrtī u yak pādā̆i̯ wártī u aspā̆ pádā ā̆urt go säi̯ dast u pā̆dā, watí brāsā gúštī ki tī asp go säi̯ dast u pā̆dā ātá, lālā̆? ā gúštī: ān. katrā̆i̯ gidá būt, gúštī: tī asp āp a-wárt? čorí guštī: ān. aspā̆ búrtī u bi rāā̆i̯ nemágā agidá pādā̆i̯ wart. āúrtī pádā, gúštī: tī asp go du dast u pā̆dā ātá, lālā̆? ā čorí gúštī: ān, dādā̆, go du dast u pā̆dā ātá. e čorí ša trusā̆ íčīe na gúštī, ar če ki ā gúštī, e gúštī: ān. yak katrā̆i̯ gidá būt, gúštī: asp ā̆p a-wárt, lālā̆? gúštī: ān. aspā̆ búrtī pa āpā̆. rā̆āi̯ nemágā agidá lingā̆i̯ wart. duwārág āt pádā, gúštī: tī asp go yak pā̆dā ātá. e gúštī: ān. yak katrā̆i̯ gidá būt, gúštī kẹ tī asp āp wart, lālā̆? ā gúštī: ān. búrtī, agidá pādā̆i̯ am wart. sarágäi̯ go lāšāäi̯ kāš kurt, āúrt, gúštī: tī asp go sīnágā ātá, lālā̆?

Некоторое время он был в дороге. Когда он приблизился к городу и крепости своего отца, он увидел, что дома точно вымерли, и человека нельзя найти. Вот поблизости дома своего отца он услышал постукиванье. Он направился в ту сторону, как вдруг его сестра, которая поедала людей и скотину, его увидела. Она сказала: «ах, братец, я ослепла от тоски по тебе! где ты был?» Ее брат спустился с лошади, она поцеловала своего брата в лицо и сказала: «давай, братец, я отведу и напою твою лошадь». Юноша сказал: «отведи, напои». Она повела лошадь и еще не довела до воды, как отъела у нее одну заднюю ногу. Она привела обратно лошадь на трех ногах и сказала своему брату: «братец, твоя лошадь пришла ведь на трех ногах?» Он сказал: «да». Прошло немного времени, она сказала: «твоя лошадь ведь попьет воды?» Юноша сказал: «да». Она повела лошадь и на полпути отъела у нее еще ногу. Потом привела ее обратно и сказала: «братец, твоя лошадь пришла ведь на двух ногах?» Юноша сказал: «да, сестрица, она пришла на двух ногах». Юноша от страха сам ничего не говорил; что она ни говорила, он поддакивал. Прошло еще немного времени, она сказала: «твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь за водой и на полпути отъела у нее еще ногу. Она опять вернулась и сказала: «твоя лошадь пришла ведь на одной ноге?» Он сказал: «да». Прошло еще немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она отвела ее и отъела у нее еще ногу, а голову с туловищем притащила и сказала: «братец, твоя лошадь ведь на груди при-

e gúštī: ān. duwārág katrā̂i̯ gidá būt, gúštī: tī asp ā̂p a-wá, lālā̂? e gúštī: ān. búrtī, aspā̂i̯ lāšā̂ wártī, sarágäi̯ kā̂š kúrtī, ā̂úrtī, gúštī: tī asp go sarágā ātá, lālā̂? ā gúštī: ān. e gaští gúštī: tī asp ā̂p a-wá, lālā̂? e gúštī: ān. búrtī, sarágā rāā̂i̯ nemágā wártī u ā̂tī pádā, au̯sā̂rā kā̂š kurt u ā̂úrtī, gúštī: ta amé au̯sā̂rā sᵘwā̂r būtág äi̯ u ātág äi̯? e guštī: ān. annū̂n ā watí abā̂rā alā̂s ku.

čorí gušt: man tunnág un, amé gečī́nā pa man āp pkan u biyā̂r. gwā̂rī gušt: šarr, man a-raín, āp a-kārín, ta tā wā̂xte amé tāsā̂ ptlíngen. ā šútī, e tāsā̂ amédā tlingéntī u níštī, yak ga ša kundā̂i̯ tā múške dár kapt, gúštī ki ta bjí kan, ā bā̂i̯t, trā wart. man tā wáxte go lițțikā tlingenín. čorí š-amédā arkát kurt, šut bi watí pisā̂i̯ inkénā, sāi̯ sorā̂i̯ kutág zúrtī wa yak srummadā̂ne go šepáge u rādág būt. ā čoríā bil ki brot, abár š-āí gwārā̂ bdāi̯.

yak gašt, du gašt ǰänikó gečī́nā bẹ āpā̂ ǰat. dístī tā íč āp ná ʷuštít. yak ga γārī ku, gečī́nā bā̂l āwúrt u ǰat ḍigā̂rā u rādág būt. gúštī: kusíe zāg, kāā̂i̯ ki mnā brẹpenā̂i̯. yak ga man sar bāín, pítțe ʷon bi ḍigárā ma rečít! ǰinikó āt, dístī tā yak múške go lițțikā tlin-tlíng a-kánt u brā̂sī édā

шла?» Он сказал: «да». Опять прошло немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь, съела ее туловище, голову притащила и сказала: «твоя лошадь ведь на голове пришла, братец?» Он сказал: «да». И на этот раз она сказала: «братец, твоя лошадь ведь попьет воды?» Он сказал: «да». Она понесла голову, съела ее на полпути, вернулась, притащила конский убор и сказала: «ты ведь сел верхом и приехал на этом конском уборе?» Он сказал: «да». Теперь она закончила свои речи.

Юноша сказал: «я хочу пить, налей в это решето для меня воды и принеси». Его сестра сказала: «хорошо, я пойду, принесу воды, а ты пока поколоти в эту чашу». Она пошла, а он остался колотить в чашу, как вдруг из норы выскочила мышь и сказала: «беги, а то она придет и съест тебя! я пока постучу хвостом». Юноша поднялся оттуда, пошел к месту бывшей стоянки своего отца, взял там три золотых подножки для очага и мешочек для сурьмы с кисточкой и пустился в путь. Оставь этого юношу, пусть он идет, и расскажи про его сестру!

Раз или два девушка погрузила решето в воду. Она увидела, что вода в нем не держится, рассердилась, подняла решето, бросила его на землю и пустилась в путь. Она сказала: «порождение блуда, ты хочешь меня обмануть! я живо доберусь до тебя, даже капля твоей крови не прольется на землю!» Девушка пришла, увидела, что это мышь стучит хвостом, а ее брата там нет.

näi̯nt. ǰinikó zā́ntī ki mnī brās ǰistá u kapt bi muškā́i̯ padā́. mušk putrít bi kunḍā́i̯ tā. ǰinikó binā́ ku bi pač dātínā. muškā́ gíptī, yak dapárī kurt u kapt watí brāsā́i̯ padā́. búrtī, yak ǰā́i̯ ešā́ rasént. ā am yak kutáge sorā́i̯ préntī, eš am amā́ kutágā zurt u pádā āt, e kutágā íštī u duwārág kapt bi aí padā́. duwārág nazzínk kurt ā́e rā. ā gidá kutáge prent, eš am zúrtī u pádā āt. duwārág kutágā íštī u kapt bẹ āí padā́. duwārá ešā́ nazzínk ku. e gidá kutáge prent, e kutágā am zurt u āwúrt pádā, íštī, duwārág káptī bi padā́i̯.

tā wáxte āngā́t e sar na bū́t-at, yak ga čoriká šepágā bi ḍigárā ǰátī u sarā́i̯ ništ u yak duā́e kurt ki amé šepág yak dráxte būt ki sárī bi āsmā́nā rasít. ǰänikó am āt, gúštī: kū́nī zāg, bi draxtā́ bālā́ būṭág äi̯, ša mnī dastā́ alā́s a-baā́i̯, wa binā́ kurt bi draxtā́i̯ arrá kurtínā go watí dantā́nān. brā́sī gušt: boš, dādā́, pa[t] ta šā́re bgušín. gwā́rī gušt: bguš, šarr. čoriká gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā́, kala-šéri man. e˙ǰinikó gúštī: watí māsā́i̯ mardā́nā tawā́r a-kanā́i̯ u binā́ ku bẹ arrágäi̯ kurtínā. yak katráe arrá ku, čoriká gúštī: boš, dādā́, pa[t] ta šā́re duwārág bgušín. ǰänikó gúštī: bguš. čoriká duwārá watí tāzí[y]ānā tawā́r a-kūrt u yak šā́re gušt: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā, kala-šéri man. ǰänikó gúštī: watí māsā́i̯ mardā́nā tawā́r a-kanā́i̯,

---

Девушка поняла, что брат убежал, и бросилась за мышью. Мышь спряталась в норе, девушка стала ее раскапывать. Она поймала мышь, разом ее проглотила и погналась за братом. В одном месте она его настигла; он бросил одну золотую подпорку для очага. Она взяла эту подпорку, вернулась, оставила эту подпорку и вторично бросилась вслед за ним. Вторично она приблизилась к нему; он бросил другую подпорку. Она взяла ее, вернулась, положила подпорку, бросилась вслед за ним и вторично приблизилась к нему. Он бросил еще другую подпорку. Она ее взяла, принесла обратно и опять бросилась за ним.

Пока она его еще не настигла, юноша бросил на землю кисточку для сурьмы и сел на нее. Он сотворил молитву, и кисточка сделалась деревом, вершина которого доходила до неба. Девушка подошла и сказала: «порождение блуда, ты забрался на дерево, чтобы выскользнуть из моих рук!» и принялась подпиливать дерево своими зубами. Ее брат сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку». Его сестра сказала: «хорошо, спой!» Юноша сказал: «лев мой, о мой лев, скорей приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» и принялась пилить. Когда она немножко попилила, юноша сказал: «подожди, сестрица, я еще раз спою тебе песенку». Девушка сказала: «спой!» Юноша вторично стал звать своих гончих и запел песенку: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей

pa mnī baláāi̯ ǰaníā tawā̆r kanā́i̯. duwārág binā̆ kurt pa arrágäi̯ kurtínā. ešā̆ bil ki amédā arrág kant, ša tāzíʸān goš pkaš.

tāzí zānánt ki ammā́i̯ wāūndäi̯ sarā̆ sakkíe ātá, binā̆ kúrtant kulúnz-kulúnž kurtínā. eší gwār säi̯l kúrtant ki kaláṇḍ zang ǰatá, tāzí am kulúnz-kulúnz a-kanánᵗ. yak ga tāzíʸānā elá kúrtant. tāzíānā bil ki kam-kam biā̆nt déme̥ čoríā.

čorí dístī ki draxtā̆ nazínk kurtá ki arrág pkant. duwārág gúštī ki boš, dādā́, paᵗ ta šā̆re bgušín. e gúštī: bguš. duwārág čoriká šā̆re gušt pa watí tāzīā̆n: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā̆, kala-šéri man. yak gašt ǰänikó gúštī: watí māsā̆i̯ mardā̆nā tawā̆r a-kanā́i̯. duwārág laggít bi arrágäi̯ kurtínā. tāzí am rasítant. čoriká gúštī: bgirít kūnīʸā! tāzí ešā̆ gíptant ki tál dayánt. yak ga ǰänikó gušt ki brāsā́i̯ čámm a-gardánt u gwārā̆ tāzí kāyánt ki tál dayánt. yak ga eší brās gušt: elá bdā̆itī! tāzí ešā̆ elá dātant. eš am arkát ku, bi draxtā̆ laččít u arrág kurt. duwārá čoriká gúštī: bgíritī! e gaští ar če gúštī, brā̆sī gušt: čuk-čúkī pkanit. gwā̆rī gúṣtī ki mnā kuštínā kušā́i̯ u yak abáre dārín, yak ga watí tāzíʸānā bguš ke̥ bóštant. čoriká tāzíāna gúštī: elá kánitī! ǰänikó gušt: mnī guṭṭā́i̯ rāā̆ yak moráge ast, ar kadén ki mnā kú-štant tāzí, gúḍān ta er kap u biyā̆, amé̥ morā̆ga ša mnī guṭṭā́i̯ rāā̆ dūr

---

своей матери! и зовешь на мою погибель!» Она опять принялась пилить. Оставь ее, пусть здесь пилит, послушай про гончих!

А гончие понимают: «ведь с нашим хозяином случилась беда!» и заскулили. Его сестры увидели, что кормушка покрылась ржавчиной, а гончие скулят, и тотчас пустили гончих. Оставь гончих, пусть они постепенно приближаются к юноше!

Юноша увидел, что она уже почти распилила дерево. Он опять сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку!» Она сказала: «спой». Опять юноша запел песенку для своих гончих: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сразу сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» опять принялась пилить, но гончие уже подоспели. Юноша сказал: «хватайте ее за зад». Гончие схватили ее, чтобы растерзать. Девушка сказала: «брат глазеет, а сестру собираются растерзать гончие!» Ее брат сказал: «отпустите ее!» Гончие ее выпустили. Она рванулась, схватилась за дерево и стала пилить. Юноша опять сказал: «разорвите ее!» На этот раз, что́ она ни говорила ее брат сказал: «разорвите ее!» Его сестра сказала: «убивать меня убей, но я имею нечто сказать! скажи своим гончим, чтобы подождали!» Юноша сказал гончим: «отпустите!» Девушка сказала: «у меня в горле есть бусина; как только гончие меня убьют, ты спустись, подойди и вынь из моего горла

kan u bar, psóčī u urt kan u amā́ watí pisā́i̯ šār u kalā́täi̯ miānǰīnā pāš bdäi̯, gúḍā múččī māl u mardúm zindág a-bayánt. e ǰinikó ki watí abárā alā́s ku, čoriká tāzíānā gúštī: bgíritī. tāzí am ešā́ ṭukkúr-ṭukkúr kúrtant u préntant.

čoriká ša draxtā́ ér kapt u āt, amé morágā š-eší guṭṭā́ dūr kurt u šut bi watí pisā́i̯ šārā́ pádā. morágā sótī u urt-úrtī kurt u āt bi šārā́i̯ miānǰínā, amé morágäi̯ purrā́nā pāš dāt tā dístī, múččī zindág bū́tant. gúštant: čon wā́pt-atan, ammā́ rā pād kúrtäi̯! čoriká āt watí pis u mā́säyā, gúštī: wáxte ki man šmā rā gúštun ki watí ǰiníkā ziyā́n pkanít, šmā pa mnī ǰānā́ γā́r kurtit. dístit, šᵘmā rā čon ziyā́n kurt! mā́sī gúštī: ammā́ čéwā zā́ntan ke ā é ḍau̯lā́ kant. annū́n ar ka bi ʷatí murā́dā rast, š-amódā ǰístun u bástun, pa wat imā́n āwúrtun, pa ta dištáre.

V

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt säi̯ zāg wa yak ǰinéne. amé pādišā́äi̯ ǰinénā ič ǰiníkā na būt. amé pādišā́ mudā́m xudā́-xudā́ kurt ki äi̯ xudā́, ta mnā yak ǰiníke bdäi̯, bil

---

эту бусину; отнеси, сожги, измельчи ее и посыпь в середине города и крепости твоего отца,. тогда все оживут, и люди, и животные». Как только девушка окончила свои слова, юноша сказал гончим: «хватайте ее!» Гончие разорвали ее на куски и бросили.

Юноша спустился с дерева, подошел, вынул у нее из горла эту бусину и пошел к городу своего отца. Он сжег бусину, измельчил ее, пришел в середину города и рассыпал пепел от этой бусины; увидел, что все ожили. Они сказали: «как мы спали! ты разбудил нас!» Юноша подошел к своему отцу и матери и сказал: «когда я вам говорил, чтобы вы уничтожили свою дочь, вы на меня разгневались! теперь вы увидели, как она погубила вас!» Его мать сказала: «разве мы знали, что она так поступит?» Теперь каждый достиг своего желания. Я оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя невесту.

(V. О четырехглазом брате и сестре ведьме, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына и одна жена. Дочерей у жены этого царя вовсе не было. Царь все время призывал бога, говоря: «о боже, даруй мне дочку!

tā ǰātūe bīt yā ǰíne bīt, mul nāmī ǰiníke bīt. yak čunt waxt gwast, xudā́ bi ešī́ ǰiníke dāt. amé ǰiník ǰātūe at. ša amé pādišā́i̯ sāi̯én zāgā́n yáke nām Lālói̯ čār-čam at. amé Lālói čār-čam čār čam dāšt, watí du čamā́ wāpéntī wa go dúi digárā sā́i̯l a-kúrt. amé Lālói čār-čam yak šápe at, amé watí pisā́i̯ gisā́i̯ dapā́ wapt. amédā ki wápt at, bi amé šapā́i̯ nemágā amé ǰinikó ustát u wat rā ša bandókā páčī kurt u š-amédā šut. amé Lālói̯ čār-čámi pisā́i̯ gisā́i̯ ā pānā́ḍā uštúr ǰukít atant. amé ǰinikó šut, yak gaḍúke pai̯dā́ī kurt u āúrt, yak gogírde am šut, pai̯dā́ī kurt u āúrt. ātíše ǰátī, amé ušturā́nī ǰagár u dilā́nā kašít wa bi amé watí gaḍúkāi̯ tā́ī kurt u pakít u wart u š-amédā pádā bír gašt u šut, watí pučā́nā zurt u bi watí gwarā́ kurt u pa duwārág šútī, bi watí māsā́i̯ bagālā wapt. amé Lālói čār-čam íčī na gušt.

šapí wáptant. tārīenā ustátant. amé Lālói̯ čār-čam go watí pisā́ gúštī: ā́i̯ bābā́, man trā yak abáre dāín, ta čé[y] a-gušā́i̯? ta mnā na ǰanā́i̯? amešī́ pis gušt: man trā ič waxtā́ na ǰanín. amé Lālói čār-čam gúštī: ā́i̯ bābā́, amé tī ǰiník āxírā pa ta balā́e bīt. amešī́ pis gušt: pa če, bābā́? amé Lālói čār-čam gušt: amé tī ǰiník ǰātūe, man doší bi tī gisā́i dapā́ át-atun, wápt-atun. yak wār dístun tā amé tī ǰiník wat rā ša ǰunṭā́ prent u ustát, watí ǰulā́nā ša watí ǰānā́ préntī, wat š-amédā ustát u šut, amé mašmā́i̯ gisā́i̯ ā́škāi̯ ušturā́nī

пусть будет ведьма или джинн, лишь было бы название дочки!» Прошло некоторое время, и бог дал ему дочь. Эта дочь была ведьма. Из трех царских сыновей один был по имени Лалу четырехглазый. У этого Лалу четырехглазого было четыре глаза: двум глазам он давал спать, а двумя другими смотрел. Однажды ночью этот Лалу четырехглазый пришел ко входу в дом своего отца и лег спать. В полночь, когда он спал, девочка встала, раскрыла свои пеленки и вышла. А с той стороны дома отца Лалу четырехглазого спали верблюды. Девочка пошла, отыскала и принесла котел; пошла также за спичками, нашла и принесла их. Она развела огонь, вытащила из верблюдов сердце и печень, положила в котел, сварила и поела. Потом она вернулась, взяла свои одежды, завернулась в них и опять легла со своей матерью. Лалу четырехглазый ничего не сказал.

Ночь проспали, на утро встали. Лалу четырехглазый сказал своему отцу: «батюшка, я хочу тебе кое-что сказать! ты что скажешь? не побьешь меня?» Его отец сказал: «я тебя никогда не побью». Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, эта твоя дочка в конце концов будет для тебя несчастьем» Его отец сказал: «почему, сынок?» Лалу четырехглазый сказал: «эта твоя дочь — ведьма: я ночью подошел к дверям твоего дома и лег спать, как вдруг увидел: твоя дочь выскочила из колыбели, встала и сбросила с себя свои пеленки; пошла оттуда, вытащила сердца из верблюдов с той стороны нашего

dilānā kašítī, āúrtī u šut, yak gaḍúke paịdāī kurt u āúrt u amé dilānā bi tāị préntī u š-amédā šut, yak γābe gogírd paịdāī kurt u āúrt, amé goštānā pakít u wártī, pa duwārág padóī bir gāštī u ātī, watí ǰulānā bi watí gwarā kurt u š-amédinā šut, bi watí māsāị bagálā wáptī. amé pādišā go watí zāgā go Lālói čār-čam gúštī: man aláu-balā dārín yak ǰiníke, anūn ta kāyāị ki ameší rā pa man māịlāị! amé Lālói čār-čam gúštī: bābā, pa man e tī ǰiník, amā amé tī ǰiník āxírā pa ta yak balāe bīt. amé pādišā go Lālói čār-čam gúštī: e tī kār nāịnt-a, ta ša mnī gisā ar ǰā ki rawāị, bra!

karār amé Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi yak ǰāgāe, gušnág būtī. amé watí kitóā sāịlī kúrtī, dístī tā bi amé mnī kitóā apt dānág urmāg ast. amé urmāgānā kašítī u wártī u amé gaḍágāniš bi yak ǰuwāị kirrá kúrmī kurt u wat š-amódinā šut bi yak ǰāgāe, dístī tā amédinā yak koná táme ast. yak wār amé Lalói čār-čam š-amédinā šut bi amé koná támāịyā, dístī tā amédinā sāị ǰinéṇ zāg ast. karār amé Lālói čār-čam íčī na gúštī u amédinā srapítī, šapí amédinā níštī, dístī: ša āsmānā sāị nān kapt. amé Lālói čār-čam ša amé nānān yak-yak lunká pa wat próštī u íčī na gúštī. dístī tā š-amé gisāị tā sāị kor ātant, amé nānāna pa wat búrtant. amé Lālói čār-čam, yak sāte digár būt, dístī tā š-amíngūr sāị buz ātant. yak wār amé Lālói čār-čam amé buzānā

дома и принесла их. Потом она пошла, отыскала и принесла котел, положила в него сердца; опять пошла за коробкой спичек, нашла и принесла их: это мясо она сварила и съела, а потом она вновь вернулась, завернулась в свои пеленки и легла спать к своей матери». Царь сказал своему сыну, этому Лалу четырехглазому: «всего-то и есть у меня одна дочь, а теперь ты хочешь и ее у меня не оставить!» Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, для меня она твоя дочь, но в конце концов эта твоя дочь станет для тебя несчастьем!» Царь сказал Лалу четырехглазому: «это не твое дело, уходи из моего дома, куда хочешь!»

Итак, Лалу четырехглазый пошел оттуда в другое место. Он проголодался, стал смотреть у себя в кармане и увидел, что в кармане есть семь штук фиников. Он вынул и съел эти финики, а косточки закопал на берегу одной канавы. Оттуда он пошел в другое место и увидел, что там есть старая постройка. Лалу четырехглазый пошел к этой старой постройке и увидел, что там три женщины. Лалу четырехглазый ничего не сказал, спрятался здесь, пробыл здесь ночь и увидел, что с неба упало три хлеба. Лалу четырехглазый отломал для себя по кусочку от этих хлебов и ничего не сказал. Потом он увидел, что из этого дома вышли три слепых (женщины) и унесли эти хлебы с собой. Прошло некоторое время; Лалу четырехглазый увидел, что с этой

gipt u š-ar buzā̂i̯ māígā yak-yak glum šīr wártī u gúḍinā amé buzā̂nā elá kúrtī. yak katráe digár ki bū̂tī, dístī: amé kor ā̂tant, amé buzā̂nā búrtant, dúštant, dístant tā buz šīr zabr na dāránt. múčī go wat gúštant ki pa če buz maróčī šīr na dāránt? amé ki watí nānā̂nā säi̯l kúrtant, dístant tā ša nānā́nī čunḍā́ am dūr kurtagí. karā̂r amé kor gúštant: mašmā́ maróčī amé watí gisā̂i̯ tā bgardán, ar kas ki bīt, mašmā́ āí rā wát a-gindán. amé kor gírdī yak ǰā bū̂tant u amé watí gisā̂i̯ čār dau̯rā́ gíptant u yak wār amé Lālói čār-čámā dístant. amé ki dístantī, yak wār amé Lālóī čar-čam gúštī: šmā mnā íčī má kanit, man am šmä̂i̯ yak brā̂se un. amé säyén kor gúštant: ā ḍol ki bīt, amā́ ti xai̯rát a-bayán! amé nā̂ne ki pa amā́ kā̂i̯t, amé nānā̂nā go amā́ bor, amé buzā̂nā bar pa čarentínā.

amé zāg amé buzā̂nā búrtī pa čarentínā. dístī tā amé buz amíngūr a-rawánt. ā íčī na gúštī u amé buzā̂nā elá kúrtī tā šútant. wat am amé buzā̂nī padā́ šútī. šútī, šútī, bi yak ǰāgā́e dístī: amédinā yak bā̂ge. amé Lālói čār-čam šútī, putrít bi amé bāgā̂i̯ tā, dístī tā amédinā yak gisídä̂i̯ dráxte ast. amé Lalói čār-čam go wat gúštī: man maróčī ša amé gisidā̂n agár pa watí gwārā̂n ma barín, íččia na bīt. amé Lālói čār-čam bi amé draxtā̂i̯ sarā́ bālā́ būt. ta bzā̂nä̂i̯ bi amé draxtā̂i̯ čérā yak buzlangíe wā̂b int-a u bi amé

стороны пришли три козы. Лалу четырехглазый схватил этих коз; попил понемногу молока из вымени каждой козы и отпустил этих коз. Когда прошло еще немного времени, он увидел, что слепые подошли, отвели коз, стали доить и заметили, что у коз нет, сколько следует, молока. Все они сказали друг другу: «что это сегодня у коз нет молока?» Когда они стали ощупывать свои хлебы, они заметили, что и у хлебов края отломаны. Наконец, слепые сказали: «поищемте у себя дома: кто бы он ни был, мы его найдем!» Слепые собрались вместе, окружили свой дом и нашли Лалу четырехглазого. Когда они нашли его, Лалу четырехглазый сказал: «ничего со мной не делайте, я тоже один из ваших братьев!» Эти трое слепых сказали: «если так, то мы для тебя готовы пожертвовать собой! ешь вместе с нами этот хлеб, который к нам попадает и води этих коз пастись».

Юноша повел коз пастись. Когда он повел их пастись, он увидел, что козы идут в сторону. Он ничего не сказал, позволил козам итти и сам пошел вслед за ними. Шел, шел и увидел, что в одном месте есть сад. Лалу четырехглазый пошел туда, вошел внутрь сада и увидел, что там есть дерево из кораллов. Лалу четырехглазый сказал про себя: «никак нельзя, чтобы я сегодня не унес этих кораллов для своих сестер». Лалу четырехглазый взобрался на верх этого дерева. А тебе нужно знать, что под этим деревом спит

buzlangíäi̯ lāpāi̯ sarā yak tāse brinǰíen ast. amé ki Lālói čār-čam amé draxtāi̯ gisídānā sístī, yak wār yak gisídäi̯ dānáge sist u kapt bi amé tāsāi̯ sarā. amé tās tlang u tawār kúrtī, yak wār amé buzlangí ustátī, sāi̯lī kúrtī, dístī tā aní Lalói čār-čam bi amé draxtāi̯ sarā int-a. yak wār amé kāperén buzlangí amé Lālóī čār-čámī dastā gipt, ša amé burzágäi̯ sarā érī kurt u amé Lālói čār-čámī dast u pādānā go čilúkā bástī u yak ašt čābúk āúrtī u bi amé Lālói čār-čámā ǰátī. amé Lālói čār-čam gúštī: bābā, pa e čābúkäi̯ wašíyā! yak wār amé bīyáklen buzlangí bāwár kúrtī wa go amé zāgā gúštī: man anūn trā páč a-kanín, ta gúḍinā mnī pādānā band. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwān int-a. amé buzlangí amé Lālói čar-čámī pādānā páčī kúrtī wa wat rā préntī bi ḍigárā, go Lālói čār-čam gúštī: anūn biyā, mnī dast u pādānā band. amé Lālói čār-čam amé čilúkānā āúrtī u amé buzlangíyäi̯ dast u pādānā sak go čilúkā bástī u amé čābúkānā zúrtī, látī kúrtī bi amé buzlangíyäi̯ ǰānā. yak wār amé buzlangí gúštī: anūn bás int-a! amé zāg gúštī: bas näi̯nt-a, man trā kušín. yak wār amé buzlangí gúštī: ta ki mnā kušāi̯, nápa ǰuwān int-a, magár amé mnī guṭāi̯ rāäi̯ dapā yak säi̯ sabzén morág ástant, ta amé morágānā dár pkan u bar, psá u amíngūr säi̯ ǰiník ant kóren, bi amā ǰinikānī čamān muš, gúḍinā amā ǰinikānī čam drūā bayánt. amé Lālói čār-čam gúštī: nápa bāz ǰuwān int-a.

бузланги, и на животе у этого бузланги медная чаша. Как только Лалу четырехглазый стал рвать кораллы с дерева, вдруг одна штука кораллов оторвалась и упала на эту чашу. Чаша зазвенела и зазвучала, бузланги встал, осмотрелся и увидел, что Лалу четырехглазый на верху дерева. Тотчас этот поганый бузланги схватил Лалу четырехглазого за руку, спустил его сверху и связал ему веревкой руки и ноги. Потом он принес штук восемь плетей и стал бить Лалу четырехглазого. Лалу четырехглазый сказал: «спасибо, батюшка, за сладость этой плети!» Глупый бузланги поверил и сказал юноше: «я теперь тебя развяжу, а ты свяжи мне ноги». Лалу четырехглазый сказал: «хорошо!» Бузланги развязал ноги Лалу четырехглазому, лег сам на землю и сказал Лалу четырехглазому: «ну, теперь иди и свяжи мне руки и ноги». Лалу четырехглазый принес веревки, крепко связал веревками руки и ноги бузланги, взял плети и стал бить бузланги по телу. Бузланги сразу сказал: «теперь довольно!» Юноша сказал: «нет, не довольно, я тебя убью!» Бузланги сказал: «раз уж ты меня убиваешь, хорошо! только у меня в горле есть три зеленых бусины, ты эти бусины вынь, отнеси и истолки, — а здесь есть три слепые девушки, — так ты помажь ими глаза этих девушек, и их глаза исцелятся». Лалу четырехглазый сказал: «очень хорошо».

yak wār amé buzlangī́yā kū́štī u amé säén morágānā ša amé buzlangī́yäi̯ guṭā́i̯ rā́ dū́rī kúrtī u búrtī bi amā́ watí gwārā́nīyā. amé ki búrtī bi wátī gwārā́nīyā, go amé watí gwārā́n gū́štī: äi̯ dādā́n, agár man šmäi̯ čamā́nā drūā́ pkanín, šmā mnā čéwā dā́it? amé kor gū́štant: agár, lālā́, ta amā́i̯ čamā́nā drūā́ kúrtäi̯, ša amā́ säi̯l pkan, gujā́m ǰuwānéne, amā́e ṙā bgir. amé Lālói čār-čam šut, yak sínge pai̯dā́ī kurt u āúrt, amé morágānā gipt u kuṭít, zabr úrtī kúrtī u sáptī u šut, yak káme āp āúrtī, amé morágānā āp kašít u búrtī, amé säén korā́nī čamā́nā piṭént. amé kor drūā́ bū́tant. amé Lālói čār-čam ša amešā́nī tā yak ǰiníke rā gíptī, agdár am pa eší kā́r a-kúrtant.

karā́r yak čunt waxt bū́tī, amé Lālói čār-čam pa wat du tāzí zítī u āúrtī bi watí gisā́, go amé watí ǰinénā gū́štī: man anū́n a-raín bi watí pisā́i̯ šārā́ ki čón int-a āí awā́. amé ǰinénī gū́štī: ǰuwā́n int-a, bra. Lālói čār-čam gū́štī: ar waxt dístäi̯ tā amé māšmā́i̯ tāzí klunz-klunz kúrtant, gúḍinā ta bzā́näi̯ ki bi mnī sarā́ sakíe ātagí, ta amé tāzīyā́nā elá pkan.

karā́r Lālóī čār-čam š-amódinā šútī bi watí pisā́i̯ šārā́i̯yā. amé ki ā́tī bi watí pisā́i̯ šārā́i̯ pānā́dā, uštā́t, góšī kašít, íčīyäi̯ tawā́r nā́i̯nt-a, yak ā́ššäi̯ tawā́re ast, digár íčīyäi̯ tawā́r nā́i̯nt-a. karā́r ā́tī, dístī tā amídinā yak áspe go zenā́ bastagí. amé Lālói čār-čam amé aspā́ suwā́r bū́tī u ā́i̯ kúrtī u šútī

Он убил бузланги, вынул из его горла эти три бусины и отнес их своим сестрам. Когда он отнес их своим сестрам, он сказал им: «сестрицы, чтó вы мне дадите, если я вылечу ваши глаза?» Слепые сказали: «братец, если ты вылечишь наши глаза, посмотри сам, и которая из нас хороша, ту и возьми». Лалу четырехглазый пошел, отыскал камень и принес его; взял эти бусины, раздробил, растолок и хорошо измельчил их; сходил и принес немного воды, полил воды на эти бусины и накапал в глаза трем слепым. Слепые исцелились. Лалу четырехглазый взял из них одну девушку в жены, а другие на нее работали.

Прошло некоторое время. Лалу четырехглазый приобрел себе двух гончих собак, привел к себе домой и сказал своей жене: «я теперь отправлюсь в город своего отца, как-то он поживает?» Его жена сказала: «хорошо, отправляйся!» Лалу четырехглазый сказал: «как только ты увидишь, что наши гончие заскулили, тогда знай, что со мной случилась беда, и отпусти этих гончих».

Итак, Лалу четырехглазый отправился в город своего отца. Как только он приблизился к городу своего отца, он остановился и стал прислушиваться: ничего не слышно, слышен только стук ручной мельницы, никаких других звуков нет. Он подошел и увидел, что здесь привязана оседланная лошадь. Лалу четырехглазый сел на эту лошадь, погнал ее и поехал в город. Вдруг он

bi šārā̍iyā, yak wār dístī tā mnī ǰātū́en gwār ā́tī. ā go watí brāsā́ gū́štī: ä̯i lālā́, tī asp tunā́g-u nā̍int-a? amé Lālói čār-čam gū́štī: tunā́g int-a, dādā́. amé aspā́ zurt u burt déme āpā́. bi āpā̍i sarā́ na bū́rtī wa amé aspā̍i du dastā́ wā́rtī. amé ki du dastā̍i wā́rtī, gū́ḍinā amé aspā́ zurt u āū́rtī bi pā́dā bi Lālói čār-čā́mīyā wa gū́štī: ä̯i lālā́, ta watí aspā́ bi du pādā̍i sarā́ āurtā́g ä̯i? amé Lālói čār-čam gū́štī: ān, dādā́. amé aspā́ bi pā́dā bū́rtī. yak wār amé Lālói čar-čam sā̍ilī kū́rtī, dístī tā bi amé mnī pisā̍i šārā̍i tā ič kas na māntagí, mū́čānā e be-dín wartagí.

yak katrā́e digā́r būt, amé ǰātū́ ā́tī bi Lālói čār-čā́mīyā, gū́štī: ä̯i lālā́, ta tunā́g-u ná wä̯i? yak wār amé Lālói čār-čam gū́štī: man tunā́g un. amé ǰātū́, amédā yak gečíne ā́tī, amé gečínā zurt u burt ki āp pkant u biyā́rīt. amé ki ā āngūrí šut, yak wār yak mū́ške ā́tī, amé Lālói čār-čā́mā gū́štī: ä̯i gisotā́g! ta bra, ša purā́n yak kā́me bzūr u bi yak pučā̍i tā band u biyā́r. amédinā lakatā́b pkan u wat bǰī, ša amé sorā̍i kutā́gān am bzūr u bǰī. agā́r ā bä̯it, gisotā́g trā kušít. amé Lālói čār-čam šut, yak kā́me pur āū́rtī, bi amé pučā̍i tā́ī kurt u pučā̍i dapā́ bā́stī u āū́rtī, amédinā lakatā́bī kū́rtī u wat šut, sä̯i sorā̍i kutā́g zurt u šut.

увидел: это ведь подошла моя сестра-ведьма! Она сказала: «братец, твоя лошадь не хочет пить?» Лалу четырехглазый сказал: «она хочет пить, сестрица». Она взяла лошадь и повела к воде. Как только она стала вести ее к воде, еще до воды ее не довела, как съела у этой лошади обе передние ноги Когда она съела ее передние ноги, она взяла лошадь, привела ее обратно к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты ведь свою лошадь привел только о двух задних ногах?» Лалу четырехглазый сказал: «да, сестрица». Она повела лошадь обратно. Когда она повела ее обратно, Лалу четырехглазый стал смотреть и увидел, что в городе отца никого не осталось: всех переела эта неверная!

Прошло немного времени, эта ведьма вернулась к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты не хочешь пить?» Лалу четырехглазый тотчас сказал: «я хочу пить». Там было решето, эта ведьма взяла это решето и понесла, чтобы набрать и принести воды. Когда она туда пошла, вдруг подошла одна мышь и сказала Лалу четырехглазому: «о горемыка, иди, набери немного золы, набей ею что-нибудь из одежды и принеси и повесь ее здесь, а сам беги! захвати с собой сколько-нибудь из этих золотых подпорок для очага, и беги! ведь если она придет, она убьет тебя, горемыку!» Лалу четырехглазый пошел, взял немного золы и насыпал ее в одежду, завязал отверстия одежды, принес и повесил ее, а сам пошел, взял три золотых подпорки для очага и ушел.

dérā ki būt, amé ǰātū́ ā́tī, sā́i̯lī kúrtī, dístī tā Lālói čār-čam ídinā nā́i̯nt-a. yak wār amé ǰātū́ š-amódinā šut bi gisā́nī tā. amé ki amé purā́nā dístī, e gúštī: bálken amé Lālói čār-čám int-a! yak wār amé ǰātū́ arkátī kurt pa amé purā́nī ǰānā́, dístī, tā amé pur bi mnī čamā́n rétant. tānáxten ki e wātí čamā́nā múštī, amé Lālói čār-čam panč parsáx rā́ šútī. gúḍinā e ki bālā́ bū́tī, amé gisā́i̯ sarā́, dístī tā Lālói čār-čam gujā́m-ādinā int-a ki râu̯t. yak wār amé ǰātū́ bi amé Lālóī čār-čāmī padā́ káptī u šútī, raséntī. amé ki raséntī, ā am yak sorā́i̯ kutáge rā gipt u prošt u préntī. amé ǰātū́ amé tilā́āi̯ kutágāi̯ čunḍā́ āúrtī padā́.

yak wār amé Lālói čār-čam š-amódinā ǰist u šut bi amā́ watí draxtánīyā. amé ki ā́tī bi amé draxtánīyā, yak wār bi amé draxtā́i̯ sarā́ suwā́r bū́tī, sā́i̯lī kúrtī, dístī tā ǰātū́ a-ǰít u kāi̯t. amé ki ǰātū́ ā́tī, bi amé draxtā́i̯ sarā́ sā́i̯lī kurt, dístī: ā Lālóī čār-čám int-a ki bi draxtā́i̯ sarā́ suwā́r būtagí. yak wār amé ǰātū́ go watí dantā́nān amé draxtā́ arágī kurt. yak wār Lālói čār-čam ǰístī u šútī, bi agdá draxtā́i̯ sarā́ bālā́ bū́tī. yak wār amé ǰātū́ šútī bi amā́ draxtā́i̯yā ki arág pkant go watí dantā́nān. yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man yak šā́i̯re gušín. amé ǰātū́ gúštī: bguš. amé Lālói čār-čam gúštī: šéri man, bā-šéri man, zū-zū biyā́ kal-šéri man. yak wār amé

Когда прошло много времени, эта ведьма пришла, стала смотреть увидела, что Лалу четырехглазого здесь нет, и пошла по домам. Когда она увидела эту золу (в подвешенной одежде), она сказала: «наверное, это Лалу четырехглазый!» Она двинулась к туловищу, набитому золой, и стала рассматривать, как вдруг эта зола посыпалась ей в глаза. Пока она протирала свои глаза, Лалу четырехглазый прошел уже пять фарсахов. Она поднялась на верх жилища, и тогда увидела, в какую сторону направился Лалу четырехглазый. Тотчас она устремилась вслед за ним и стала догонять его. Когда она уже догоняла его, он взял одну из золотых подставок для очага, разломал и бросил. Эта ведьма отнесла обратно золотые обломки.

А Лалу четырехглазый сразу побежал оттуда и направился к тем своим деревьям (выросшим из финиковых косточек). Как только он добрался до этих деревьев, он тотчас залез на верхушку дерева, стал смотреть и увидел, что ведьма уже подбегает. Когда ведьма приблизилась и посмотрела на верхушку дерева, она увидела: да ведь это Лалу четырехглазый уселся на верхушке дерева! Тотчас эта ведьма принялась распиливать дерево своими зубами. А Лалу четырехглазый соскочил, побежал и забрался на верхушку другого дерева. Тотчас эта ведьма направилась к этому дереву, чтобы и его распилить своими зубами, как вдруг Лалу четырехглазый сказал: «я спою песенку!» Ведьма сказала: «спой!» Лалу четырехглазый запел: «лев мой, о мой лев, скорее приходи,

Lālói čār-čā́mī tā́zī ā́tant, yak wār amḗ Lālói čār-čam go amé watī́ tāzī́yān gúštī: bgíritī, lāpā́i̯ tál bdā́i̯t u pkúšitī. amé ǰātū́ gúštī: ta yak wār mnā ma kuš, man go ta yak abáre dāín. Lālói čār-čam gúštī: nápa ǰuwā́n int-a, bguš. amé ǰātū́ gúštī: ta ki mnā kušā́i̯, amé mnī guṭā́i̯ rā́ā́i̯ dapā́ yak moráge. ta amā́ morágā bzūr u psa u āp kaš u bar bi watī́ pisā́i̯ šār u kalā́tāi̯ demā́ piṭén. gúḍinā tī pis u tī mās gírdī zindág a-bayánt. amé Lālói čār-čam go amé watí tāzī́yān gúštī: anū́n pkúšitī. amé ar duén tāzí gíptant amé ǰātū́ā kúštant.

amé ki kúštantī, yak wār amé Lālói čār-čam amā́ morágā ša ǰātū́āi̯ guṭā́i̯ rā́ zúrtī u búrtī bi watí pisā́i̯ šārā́i̯yā. ódinā amé morágā go yak sínge urt kúrtī u go yak badráe ā́pa am āúrtī. amé morágā búrtī, bi amé āpā́nī tā préntī u amé āpā́nā búrtī, bi watí pisā́i̯ šar u kalā́tāi̯ išk u ā́škā rétī. amešī́ pis zindág bū́tī wa múčī zindág bū́tant. karā́r amé Lālói čār-čam ša watí pisā́ pursítī ki ǟi̯ bābā́, ǰiník zábr int yā zāg? amé pādišā́ gúštī: sad ǰiníkā xai̯rát pkanín pa yak zāgā́i̯ sarā́, zāg zábr int-a! Lālói čar-čam šut, watí ǰinénā zúrtī u ā́tī bi watí pisā́i̯yā, go watí pisā́ mā́ntī. man š-amódinā jístun, bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun.

о мой лев!» Тотчас прибыли гончие Лалу четырехглазого, и он сказал им: «схватите ее, разорвите ей живот и убейте ее!» Ведьма сказала: «погоди немного убивать меня, я хочу тебе сказать кое-что!» Лалу четырехглазый сказал: «хорошо, говори!» Ведьма сказала: «раз уж ты убиваешь меня, — а у меня в горле есть одна бусина, — так ты эту бусину возьми, истолки, полей ее водой, отнеси и посыпь на поверхность города и крепости твоего отца, и тогда твой отец и мать, и все оживут!» Лалу четырехглазый сказал своим гончим: «теперь убейте ее!» Обе гончие схватили и убили ее.

Когда они ее убили, Лалу четырехглазый вынул бусину из горла ведьмы и отнес к городу своего отца. Там он камнем измельчил эту бусину, принес ведро воды и бросил бусину в воду, а воду отнес к городу и крепости своего отца и повсюду полил. Его отец ожил, и все ожили. Тогда Лалу четырехглазый спросил у своего отца: «ну, батюшка, кто лучше, дочь или сын?» Царь сказал: «я сто дочерей пожертвую за одного сына, сын лучше!» Лалу четырехглазый пошел, взял свою жену, вернулся к своему отцу и остался у отца. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

VI

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ káse getír na būt. yak pādšā́^{e} at, kór at, do ǰänén dāšt, säi̯ zāg dāšt. do zāg ša yak ǰänéne^{y} at, yak zā́ge ša yak ǰänéne^{y} at, ā ^{w}am gárre at.

yak wáxte pādšā́ bāgā́ tā wapt-át. daraxtā́i̯ sarā́ do totū́ āt o ništ. go wat abár a-dā́tan^{t} ki e pādšā́ čonén ǰuwānén mardúme at, kẹ čámmäi̯ kór int. adgá totū́ gušt ki ša Nošīrwā́ni-ādíläi̯ bāgā́ d^{a}raxtā́nī balgā́n bīt, biā́räi̯, b-eší čammā́n múšäi̯, čámmī š-awáleā getír a-bayánt. pādšā́ ša wābā́ āgā́ būt, watí zāgā́nā tawā́rī ku: äi̯ parzindā́n, man annū́ yak wā́be dístun kẹ ša̧ Nošīrwā́ni-ādíläi̯ bāgā́i̯ d^{a}raxtā́nī balgā́n bū́tin, mnī čam ročán a-bū́-tant, š^{u}mā āwurtága kanít? zāg gúštant: šär, bābā́, a^{m}mā́ yā ut rā z^{i}yā́n a-kanán, yā š-amā́ balgā́n a-kārán. ammā́ rā du^{w} asp, do tūpák wa zarr bdäi̯ kẹ mā rawán. yak zā́ge digá kẹ ša digá ǰänénā at, āí gušt: man am raín, bābā́, mnā am áspe, tūpáke, zarr bdäi̯, man am raín. brā́sī gúštant: ta má yā kẹ gandágen rā́^{y}e, sakkén. eší gušt: ^{h}ar če sak bīt, man ša šmā getír ná un, go šmā raín. písiš gúštī: šär, bābā́, e ki go šmā rå̯ut, báritī go wat. zāg gúštant: e ša guǰā́ š-a^{m}mā́i̯ demā́ ziyā́n bīt be

---

(VI. О Ша-нияз-хане)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, он был слеп. У него было две жены и три сына. Двое сыновей были от одной жены, один сын был от другой жены; он был плешив.

Однажды царь спал в саду. На дерево прилетели два попугая, сели и стали друг с другом разговаривать: какой, дескать, этот царь хороший человек, только слеп на оба глаза. Другой попугай сказал: «будь листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, принести бы их и приложить, и его глаза станут лучше прежнего!» Царь проснулся и призвал своих сыновей: «дети, я сейчас видел сон, что если бы были листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, мои глаза прозрели бы, — вы сможете их достать?» Сыновья сказали: «хорошо, батюшка, мы или себя погубим или достанем тех листьев. Дай нам две лошади, два ружья и денег, и мы отправимся!» А тот сын, который был от другой жены, сказал: «я тоже отправлюсь, батюшка, дай мне тоже лошадь ружье и денег, и я тоже отправлюсь!» Его братья сказали: «ты не ходи, потом что дорога плохая, трудная». Он сказал: «как бы ни было трудно, я не лучше вас и поеду с вами!» Их отец сказал: «хорошо, дети, раз он едет с вами, возьмите его с собой». Сыновья сказали: «он еще где-нибудь погибнет на наших

āp o be nā́näyā, bẹ čolén rāhā́! zāg gúštī: ^{h}ar če bīt, mán a-räín go šmā. ā gúštant: šarr.

e sar gíptant o šútant. čunt waxt rā́ šútant, yak wáxte bẹ do-rā^{y}íe sarā́ brābír bū́tant. dístant: amédā yak sínge. singā́i̯ sarā́ nimíst at ki ar kas dásti rāst brā́ut, pádā kā́i̯t, ar kas dásti čap brā́u̯t, pádā ná ā́i̯t. édā ar säi̯^{y}én brās musla^{h}át kúrtan^{t} g^{o} wat. watí čalláwānā nišāní singā́i̯ čérā íštant: ar kas demā́ āt, adgáräi̯ čalláwā bzū́rīt. amé du^{y}én ki ša yak māsā́ átant, bẹ rāstén rāhā́ šútant. amé yáke ki ša yak māsā́ at, čappén rā^{h}ā́ šut. ša āwā́n bill o š-eší goš pkaš.

e yakkén šut bẹ me rā^{h}ā́. šápe ǰā́^{y}e, róče ǰā́ye, yak wáxte bẹ yak čóle tā dístī, yak mardúme ša dū́rā kā́i̯t. karā́-karā́ āt o salā́m-alā́i̯ke kúṛtant o amé pīramárd sóǰī ku: äi̯ parzínd, ta guǰā́ rawā́i̯? zāg gúštī: äi̯ bābā́, čé^{w}ā kanā́i̯, ša mán a-pursā́i̯? gúštī: na, parzínd, ar ǰā rawā́i̯, bguš go man. gúštī: šarr, gušín. mnī pisā́i̯ čam kór ant, man a-raín ki ša Nošīrwā́ni-ādíläi̯ bāgā́i̯ d^{a}raxtā́nī tā yak d^{a}ráxte š-amāí balgā́n p^{a} watí pisā́i̯ čamā́n kārín kẹ bálkẹ rošán a-bīt. gúštī: äi̯ parzínd, sakkén rā́ye, dū́r ^{u}m ast, ma^{r} ra b-é rā^{h}ā́, sakkén rā́ye, gandā́gen. gúštī: äi̯, omét bẹ xudā́, räín.

глазах без воды и без пищи, в пустынной дороге!» Юноша сказал: «чтó бы там ни было, я поеду с вами!» Они сказали: «хорошо».

Они выступили и отправились. Некоторое время они ехали по дороге. Однажды они доехали до распутья и здесь увидели камень. На камне было написано, что каждый, кто поедет вправо, вернется, а кто поедет влево, тот не вернется. Здесь трое братьев стали советоваться друг с другом. Они положили под камень свои перстни: кто раньше придет, тот возьмет и перстни других. Те двое, которые были от одной матери, отправились по правой дороге, а тот, который был от другой матери, отправился по левой дороге. Оставь их и послушай про него.

Он одиноко поехал по этой дороге. Ночь в одном месте, день в другом, однажды в пустынном месте он увидел, что издали подходит какой-то человек. Он медленно подошел. Они поздоровались, и этот старик спросил: «дитятко, куда ты едешь?» Юноша сказал: «батюшка, чтó тебе, что ты меня спрашиваешь?» Тот сказал: «нет, дитятко, куда ни едешь, скажи мне!» Он сказал: «хорошо, скажу: мой отец слеп, и я еду, чтобы с какого-нибудь из деревьев сада Нуширвана справедливого привезти листьев для глаз своего отца, может быть, тогда он прозреет!» Тот сказал: «трудная дорога, дитятко к тому же и далеко, не езди по этой дороге, трудная дорога, плохая!» Он сказал: «надежда на бога! я все же поеду». Тот сказал: «хорошо, раз едешь, по-

gúštī: šarr, ki rawā́i̯, bra, pa šárte kẹ man trā yak číze gušín kẹ amā́ čīzā́nā pai̯dā́ pkanäi̯: yak arráge o yak tešáge, amāwā́nā g^{o} wat bzū́räi̯, gúḍā š-āī ki šútäi̯, tī rā^{h}ā́ sarā́ yak šéräi̯ pādā nále šutá, ta amā́ šéräi̯ pādā́i̯ nalā́ búrräi̯, gúḍā ar če trā tawā́r kurt: biyā́ mní^{y}ā, ta ma^{r} ra. ar wáxte ai̯kállẹ rā́stā sogínd wártī, gúḍā ta brá. gúštī: šarr.

e zāg šut, dístī: yak róčäi̯ rāhā́ yak číze tawā́r int. e démẹ amā́ tawā́rā šútī, yak wáxte bẹ māí^{y}ā sar būt, dístī kẹ šére. pādā́i̯ nále šutá. e zāg gúḍā arrágā o tešágā zúrtī, ameší pādā́i̯ nalā́ burrítī, alā́sī kurt. gúḍā šer tawā́rī kurt: äi̯ kas, ta čonéne wäi̯ kẹ mnā š-erangén ǰā́ye alā́s kúrtäi̯? äi̯, gušt, man ādámi-zā́te un. šarr, gúštī, ar čonéne astā́i̯, biyā́ mní^{y}ā, ar če a-loṭā́i̯, man trā däín. e zāg trusítī, na šut. duwārág šer sogínd wart: mnā bẹ aptẹkálli rāst sogínd, trā ^{h}íččī na kanīn. gúḍā e zāg šut āí^{y}ā. šer gúštī: tī nām kā́i̯ int? gúštī: mnī nām Šā-niyā́z-xān int. gúštī: šarr, äi̯ Šā-niyā́z-xān, ta ma trusā́i̯, mnind amédā, man ar če šer ast, āwā́nī mazán-un, annū́^{n} múčānā tawā́r a-kanín, ta ma trusā́i̯. gúštī: šarr. e šer ar če ki šer at, ǰátī nāráye. bẹ me sāáttā múččī ā́tant, ǰam bū́tant. gúštī: äi̯ Šā-niyā́z-xān, trā yak šére daín. ar ǰā brawā́i̯, go ta góñ bīt. gúštī: šarr. šerā́nī ma-

---

сзжай, но только я тебе скажу одну вещь: раздобудь и возьми с собою пилу и топор; когда ты после этого поедешь, — а у одного льва на твоем пути в ногу попала заноза, — так ты эту занозу из ноги льва вырежь, но потом, сколько бы он ни кричал: „поди ко мне“, ты не подходи, а иди только тогда, когда он поклянется на своей правой ладанке». Он сказал: «хорошо».

Юноша поехал и увидел, что на расстоянии дневного пути кто-то кричит. Он поехал по направлению к тому крику, добрался туда и увидел, что это лев и что в его ногу попала заноза. Юноша тогда взял пилу и топор, вырезал занозу из его ноги и освободил его. Тогда лев закричал: «эй, кто ты, что высвободил меня из такой напасти?» — «Я», он сказал, «сын человека». — «Хорошо», сказал тот: «кто бы ты ни был, поди ко мне, и я тебе дам все, что ты захочешь». Юноша побоялся и не пошел. На второй раз лев поклялся: «клятва на правой ладанке, я тебе ничего не сделаю!» Тогда юноша подошел к нему. Лев сказал: «как твое имя?» Он сказал: «мое имя Ша-нияз-хан». Он сказал: «хорошо, Ша-нияз-хан, не бойся! я ведь, сколько ни есть львов, их наибольший, теперь я их всех созову, ты не бойся!» Он сказал: «хорошо». Этот лев издал рыканье, и сколько ни было львов, в тот же час все они пришли и собрались. Он сказал: «Ша-нияз-хан, я дам тебе одного льва, и куда ты ни пойдешь, он будет с тобой». Он сказал: «хорошо». Глава львов ударил по спине одного

zán dastā́ bẹ yáke puštā́ ǰat, kẹ ar ǰā Šā-niyā́z-xān šut, ta eší amrā́^{y} äi̯, go-ší bra. šer gušt: šarr. xudā-āpizí kúrtant, šútant. čunt waxt guḍ rā́ a-šútant.

yak róče nīmróčā bẹ yak d^{a}ráxte siā́^{i}gā wáptant. e daraxtā́i̯ sarā́ säi̯ sāl at kẹ yak sīmúrγe amédā ā-múrγ a-kú wa čūčág a-kúrt. eší čūčágānā kẹ wáxte sīmúrγ geābā́nā pa šikā́rā kẹ šut, ša pádā yak aždiyā̦́re kā́tī, eší čūčágānā wártī. maróčī Šā-niyāz-xān amédā draxtā́i̯ čérā ā́tī, wáptī. yak wáxte dístī pušpúse mārā́i̯. čo sā́i̯lī ku, dístī, mā́re bẹ daraxtā́ peč-péč a-bī́t o rā̊ut bẹ daraxtā́i̯ sarā́. Šā-niyāz-xān ša ^{w}atī ǰāhā́ ustát, zāmā́ zúrtī, ǰátī, e mārā́ kū́štī, búrtī, yak singā́i̯ čérā íštī.

yak wáxte sīmúrγ ā́tī watí čūčagā́nīyā, dístī, ādami-zā́te daraxtā́i̯ čérā waptá. sīṃúrγ watí dilā́ gúštī kẹ ^{h}ar sāl mnī čūčágānā amé ādami-zā́t kā̦̄i̯t o wart, šut pádā, yak ṭuén sínge zúrtī, āúrtī kẹ ame Šā-niyāz-xā́nī sarā́ prénīt. čūčágī čeγ-o-čáγ kúrtant. sīmúrγ gúḍā watí dilā́ pikr ku: e mnī čūčág pa če čeγ-o-páγ a-kanánt. singā́ pádā búrtī, bẹ mā ǰā́e íštī. pádā āt, čūčágānā pursítī: šumā́ pa če čeγ-o-páγ kúrtit? čūčág gúštant: ta čon sínge rā zúrtäi̯ kẹ ādamíäi̯ sarā́ prénäi̯? e ādamí pa mā nekí bā́zī kurt. sīmúrγ gušt: pa šmā čẹ nekí kurt? čūčág gúštant: a^{m}mā́ rā yak

---

передней лапой: «куда бы, дескать, ни пошел Ша-нияз-хан, ты его спутник, и иди с ним». Лев сказал: «хорошо». Они простились и пошли. Потом они некоторое время шли по дороге.

Однажды в полдень они легли под тенистым деревом. А уже было три года, как на этом дереве одна симург-птица несла яйца и выводила птенцов, и как только она уходила в пустынные места на охоту, вслед за ней приходил дракон и поедал ее птенцов. Ша-нияз-хан пришел сюда под это дерево и заснул. Вдруг он услышал шипение змеи. Он посмотрел и увидел, что одна змея извивается по дереву и ползет на вершину дерева. Ша-нияз-хан встал со своего места, схватил меч, ударил и убил эту змею; отнес и положил ее под камень.

Через некоторое время симург-птица подошла к своим птенцам и увидела, что под деревом спит какой-то человек. Симург-птица сказала про себя: «значит, это вот человеческое порождение каждый год приходит и поедает моих птенцов!» Она пошла обратно, взяла и принесла огромный камень, чтобы сбросить его на Ша-нияз-хана. Ее птенцы подняли шум. Симург-птица подумала про себя: «почему это мои птенцы шумят?» Она отнесла обратно камень и положила на место. Потом она вернулась и спросила птенцов: «почему вы подняли шум?» Птенцы сказали: «как это ты взяла камень, чтобы бросить на человека? ведь этот человек сделал нам много добра!» Симург-птица сказала: «какое он вам сделал добро?» Птенцы сказали: «одна змея при-

mā́re ā́tī kẹ b^{u}wārt, amé ādamí mā́rā kúštī, búrtī, amā́ singā́i̯ čérā kúrtī. gúḍā sīmúrγ zā́ntī kẹ ar waxt mnī čūčágānā amé mār wártī. gúḍā ša e Šā-niyāz-xā́nī sarā́ tawā́r kurt: äi̯ ādamí, ta édā čéwā kanā́i̯? Šā-niyāz-xān ǰawā́b dāt: äi̯ sīmúrγ, čéwā loṭā́i̯, ša man a-pursā́i̯? sīmúrγ gúštī: ar niyátte dārā́i̯, bguš. Šā-niyāz-xān gúštī: man p^{a}lāná šārā́ raín. sīmúrγ guštī: bāz zabr int, xäi̯r bīt, man š-amé watí čūčágān trā yáke daín, ^{h}ar ǰā brawā́i̯, tī sarā́i̯ sā^{y}ewā́n bīt. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr. sīmúrγ š-amé čūčágā yáke rā dā́tī. Šā-niyāz-xān sar gipt o šut.

čunt ayā́m guḍ bẹ mā šārā́ matlabíenā sar būt. ročā́ amāí nazzíkā wáptī. wābā́nī waxtā́ šútī bẹ mā matlabíen bāgā́. gúḍā Šā-niyāz-xān bāgā́i̯ tā putrít, gā́štī, amā́ d^{a}ráxtā matlabíenā paidā́i̯ ku, š-amāí balgā́n čítī, urǰínā púrrī ku, gúḍā watí dilā́ píkrī kurt: man amé argá ša wat ma kanín, na bīt. gúḍā šérā wa sīmúrγā wa watí urǰínā amédā íštī, šut démẹ argā́. dístī, yak kóreāi̯ dastā́ čil dānág kẹlí astant, amédā ništá. Šā-niyāz-xān kẹ ešā́ dístī, zāmā́ kašítī, ǰat, ešā́ kúštī, kẹlíyānā ša dastā́i̯ zítī. arg čil darwāzág dārít. ^{h}ar darwāzágāi̯ dapā́ yak buzlangí wapt-át. Šā-niyāz-xān ^{h}ar čillénānā kúštī, šut bẹ argā́i̯ sarā́.

ходила, чтобы пожрать нас, но этот человек убил змею, снес ее и положил под тот камень». Тогда симург-птица поняла: значит, это змея поедала каждый раз моих птенцов! Потом она́ закричала Ша-нияз-хану: «эй, человек, что ты тут делаешь?» Ша-нияз-хан ответил: «о симург, что́ тебе, что ты спрашиваешь меня?» Симург-птица сказала: «скажи всякое желание, какое ты имеешь?» Ша-нияз-хан сказал: «я направляюсь в такой-то город». Симург-птица сказала: «очень хорошо, да будет тебе благо! я дам тебе одного из своих птенцов, и куда ты ни пойдешь, пусть он будет тебе защитой от солнца!» Ша-нияз-хан сказал: «хорошо». Симург-птица дала ему одного из своих птенцов. Ша-нияз-хан собрался и пошел.

Через некоторое время он достиг вожделенного города. День он проспал поблизости от него, а ко времени сна пошел к вожделенному саду. Ша-нияз-хан проник в сад, стал искать, нашел нужное дерево, нарвал его листьев и наполнил свой мешок. Потом он стал думать про себя: «нельзя мне не овладеть этим замком!» Тогда он оставил здесь льва и птицу-симург и свой мешок, и пошел к замку. Он увидел, что в руках у одного слепца сорок ключей, а сам он здесь сидит. Как только Ша-нияз-хан его увидел, он выхватил меч, ударил и убил его, а ключи взял из его рук. Замок имел сорок ворот, и у каждых ворот спало по одному бузланги. Ша-нияз-хан всех их сорок убил и поднялся на вершину замка.

dístī, yak ǰäníke mā-o-róčen waptá, yak čirā́ge tillā́e sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, yak na^{h}ā́re sarū́näi̯ ér at, yáke pādū́näi̯ ér at, čil šalwā́r pādā́i̯ at, čil ǰāmág gwarā́i̯ at, čil dasmā́l sarā́i̯ bast-ā́t. Šā-niyāz-xān sī o nú šalwā́räi̯ ānǰágā páčī ku, sī o nú ǰāmágäi̯ zīyá páčī ku, sī o nú dasmā́lā páčī ku, sarū́näi̯ na^{h}ā́rā pādū́nā íštī, pādū́näi̯ na^{h}ā́rā sarū́nā íštī. yak lunkáe š-eší wā́rtī, yáke š-āí. čúkke š-é deme gíptī, čúkke š-ā́ deme, xáte nimíštī: ai̯ dilbár, tī duz mán un, Šā-niyāz-xān un, plānā́ pādšā́^{y}äi̯ zāg un, pa digá káse ma gardā́i̯, plānā́ šā́rā nindín. nimíst o dár būt, šut bāgā́i̯ tā, balgā́nā, šerā́, sīmúrγā zurt o ša bāgā́ dár būt, kaš kurt o pádā watí rāhā́ šut. šápe ǰā́ye, róče ǰā́ye, āt amā́ watí du-rāyā́ sarā́, singā́i̯ čérā sā́i̯lī ku, dístī ke mnī brāsā́nī čallā́ āngā́t-a singā́i̯ čérā ant. watí^{y}ā zúrtī, āwā́nīyā íštī. š-eší bill o š-āwā́n goš kaš.

ā du^{y}én ke šútant, šápe ǰā́ye, róče ǰā́ye, gúḍā be yak šā́re sar bū́tant. šā́rā́i̯ darwāzā́gäi̯ dapā́ yak ǰäníke xumā́r-bā́zen ešā́nā ke dístī, kāyánt, gúštī: čonén ǰ^{u}wānén warnā́ ant! wáxte ke ā be darwāzā́gā sar bū́tant, ǰäník tawā́rī ku: ai̯ šā-zādagā́n, b^{i}yā́it ke man šapí šmā rā memānī́^{y} a-kanín. šā-zādā́g gúštant: šarr. šapí sā́te núā ešā́nā búrtī be gisā́. na^{h}ā́re dāt, ša nahā́rā gúḍā gúštī: ai̯ šā-zādagā́n, b^{i}yā ke mašmā́ šapí yak gwāzíye pká-

---

Он увидел, что там спит девушка, подобная луне и солнцу; в головах у нее один золотой светильник, а в ногах другой, один завтрак у изголовья, а другой у ног, на ногах у нее сорок шальвар, на теле сорок одежд, а на голове повязано сорок платков. Ша-нияз-хан распустил тридцать девять поясов у шальвар, расстегнул у рубашек тридцать девять воротников, снял тридцать девять платков, переставил завтрак от изголовья в ноги, а завтрак от ног переставил в изголовье, отведал кусок от одного и кусок от другого, сорвал один поцелуй с одной стороны, второй — с другой, и написал письмо: «о пленяющая сердца, твой вор, это — я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя! не ищи никого другого! я живу в таком-то городе». Написал и вышел; пошел в сад, взял листья, льва и симург-птицу, вышел из сада и устремился прямо в обратный путь. Ночь в одном месте, день в другом, он пришел к тому распутью, посмотрел под камнем и увидел: перстни-то моих братьев до сих пор еще под камнем! Он взял свой, а их оставил. Оставь его и послушай про них.

А те двое, как отправились, так ночь в одном месте, день в другом, достигли, наконец, одного города. При входе в городские ворота одна разгульной жизни девушка, как только завидела, что они приближаются, так сказала: «какие пригожие молодцы!» Когда они достигли ворот, девушка закричала: «эй, царевичи, приходите! ночью я приготовлю вам угощение!» Царевичи сказали: «хорошо». Ночью в девять часов она повела их в дом, дала им ужин, а после ужина ска-

nan. šā-zādá gúštant: če gwāzíye pkánan? ǰāník ǰawā́b dāt: man yak šárte dārín. šā-zādá gúštant: če šárte dārā̂i̯? ǰāník gúštī: man yak pišíke dārín, amāé rā kārín, amāí puštā́ čirā́gā killín. agár čirā́gā tā tā́rī čappí kurt, har če blóṭit, šmā rā dāín, agár čirā́gā čappí na kúrtī, gúḍā šmā̂i̯ aspā́nā wa tūpákkānā wa zarrā́nā múččānā ša šmā zinín. šā-zādá gúštant: šarr. bẹ me karā́rā yáke bẹ adgā́rā xat dā́tant. ǰāník šut, pẹšíkā āúrtī, čirā́gā bẹ puštā̂i̯ íštī, ǰāník o šā-zādág tā tā́rī sâu̯bátt a-kúrtant. šā-zādág dístant kẹ bābā̂i̯! e pišík čirā́gā čappí na kurt, roč būt. ǰāník ša šā-zādágān aspā́niš wa tūpákāniš wa zarrā́niš múččānā zítī, ešā́nā rādágī kurt. šā-zādág šútant šārā́. watí pṓšānā bā̈iš kurt. sā̂i̯ čār roč xarǰí kúrtant. gúḍā xarǰíiš alā́s būt. gúḍā yáke šut, nānwā́ye muzū́r būt, róče yak karā́n muzū́r būt. yáke digár šut, āšpáze muzū́r ḅūt, ā ham róče yak karā́n. amédā muzū́r bū́tant.

Šā-niyāz-xān ā́tī singā̂i̯ sarā́, dístī: mnī brāsā́nī čalló ʸér ant, watíʸā zúrtī, āwā́nīʸā íštī, āt bẹ ešā́nī padā́. šápe ǰā́ye, róče ǰāye, ā́tī bẹ me šārā́, sṓǰī kurt yak mardúme rā: du me-rangén mardúm na dístit? mardúmān ǰawā́b dā́tant: du me-rangén kas āt, magár go plānā́ ǰāníkkā xumā́r ǰā́tant, ǰāník āwā́nā búrtī. nūn yáke nānwā́ye muzū́r int, yáke āšpā́zā̂i̯ muzū́r int.

зала: «царевичи, давайте-ка, поиграем сегодня ночью!» Царевичи сказали: «в какую игру поиграем?» Девушка ответила: «я буду держать заклад!» Царевичи сказали: «о чем будешь держать заклад?» Девушка сказала: «у меня есть кошка, я ее приведу и поставлю ей на спину светильник. Если она до утра перевернет светильник, я вам дам все, что вы захотите. Если же она не перевернет светильника, тогда я возьму от вас ваших лошадей, ружья и все деньги». Царевичи сказали: «хорошо». В этом уговоре они дали друг другу расписку. Девушка пошла, привела кошку и поставила ей на спину светильник. До утра девушка и царевичи беседовали. Царевичи увидели, что, увы! кошка не перевернула светильник, а день наступил. Девушка отобрала от царевичей их лошадей, ружья и все деньги, а самих выпроводила. Царевичи пошли в город, продали свою одежду и жили на эти средства три-четыре дня, потом их средства иссякли. Тогда один пошел и поступил в услужение к одному пекарю и стал получать один кран в день. Другой пошел и поступил на службу к одному повару, также за один кран в день. Оба поступили здесь в услужение.

Ша-нияз-хан подошел к камню, увидел, что вот они, перстни моих братьев свой взял, а их оставил и пошел по их следам. Ночь в одном месте, день в другом, он подошел к этому городу и спросил у одного человека: «не видели ли вы двух вот таких человек?» Люди отвечали: «два таких человека приходили, только они стали играть с такой-то девушкой, девушка их обыграла, и теперь один в услу-

gúštī: bāz ǰ^{u}wān int. Šā-niyāz-xān ā́tī šārā́i̯ tā, gáštī, āwā́nā dístī. híččī na gúštī, pádā šut, ša šārā́ dár būt. du mušk gíptī, watí bagálā kúrtī, zurt o āt bẹ šārā́, sóǰī kuṛt, amā́ ǰäník kẹ xumā́r a-ǰánt guǰā́ int. ā́e rā ǰawā́b dā́tant kẹ ā́dā int.

Šā-niyāz-xān namā́z-šā́mā šut bẹ ǰäníkkäi̯ā. gúštī: ai̯ ǰäník, šapí memā́nā na lóṭäi̯? ǰäník ǰawā́b dāt: tī am-rángäi̯ memán bāz ātā́ o ^{w}úrka pádā š^{u}ta. Šā-niyāz-xān guštī: man š-āwā́n getír nā́ un. ǰänik gúštī: šarr, biyā́, mnind. Šā-niyāz-xān níštī, na^{h}ā́r wártant. Šā-niyāz-xān gúštī: har sobátte dārā́i̯, bguš. ǰäník gúštī: man yak pẹšíke dārín, yak čirā́ge. amā́ pišíkā kārín bẹ majlísā, čirā́gā bẹ puštā́i̯ killín, agár čirā́gā čappí kurt, har če blóṭäi̯, man trā däín, agár čirā́gā čappí na kurt, tī aspā́ wa tūpákkā wa zarrā́nā ša ta zinín. Šā-niyāz-xān gúštī: bāz zábr int. agár čirā́gā čappí kurt, amā́ duyén šā-zādágäi̯ asp o tūpákkā wa zarrā́nā pádā bdäi̯ bẹ man. agár čappí na kúrtī, mnī asp o tūpákk o zarr — tī. gúštī: šarr. yak o adigárā xat dā́tant, ǰäník šut, pẹsíkā o čirā́gā āúrtī, pišíkā gúštī: pišt. pišík ǰā bẹ ǰā uštā́t. čirā́gā bẹ puštā́i̯ íštī. ǰíndiš pa så̯ubáttā bū́tant. šap kẹ nemá būt ǰäníkkā wābá gipt. Šā-niyāz-xān dastā́ bẹ bagálā kurt. yak múške rā watị

жении у пекаря, а другой—у повара». Он сказал: «очень хорошо». Ша-нияз-хан вошел в город, стал искать и нашел их. Он ничего не сказал, вернулся и вышел из города; поймал двух мышей, положил к себе за пазуху, взял и пришел в город; спросил, где та девушка, которая ведет разгульную жизнь. Ему ответили: вон там!

Ша-нияз-хан во время вечерней молитвы пошел к девушке и сказал: «девушка, не хочешь ли гостя сегодня ночью?» Девушка ответила: «вроде тебя много гостей приходили и порожнем уходили обратно!» Ша-нияз-хан сказал: «я не лучше их!» Девушка сказала: «хорошо, заходи, садись!» Ша-нияз-хан сел, они поужинали. Ша-нияз-хан сказал: «какой ни есть у тебя разговор, говори!» Девушка сказала: «у меня есть одна кошка и светильник. Я привожу эту кошку к гостям и ставлю ей на спину светильник. Если она уронит светильник, я дам тебе все, что пожелаешь. Если же не уронит, я возьму от тебя твою лошадь и ружье и деньги». Ша-нияз-хан сказал: «очень хорошо, если она уронит светильник, ты отдай мне лошадей, ружья и деньги тех двух царевичей; если же не уронит, тогда моя лошадь и ружье и деньги—твои». Она сказала: «хорошо». Они дали друг другу расписку. Девушка пошла, принесла кошку и светильник и сказала кошке: п-ш-т! Кошка неподвижно стала на месте. Она поставила ей на спину светильник, а сами они принялись беседовать. Когда половина ночи прошла, девушкой овладел сон. Ша-нияз-хан сунул руку за пазуху, взял

dastā́ kurt. muškā́ démāi̯ pẹšíkā kurt. pẹšík kẹ muškā́ di̯stī, gošā́nā kúrrī kurt. Šā-niyāz-xān muškā́ yālá kurt. pẹšík āt kẹ arkát pkant, ǰāník gúštī: pẹšt, ǰā bẹ ǰā! pišík watí ǰāhā́ wuštā́t. Šā-niyāz-xān gúštī: yā xudā́, amédā yak ābrū́ʸe. bdā́āi̯! duwārág dastā́ bẹ bagā́lā kurt. adigá muškā́ ša bagā́lā kašítī, dastā́ kurt, ǰāník um gidẹdít. Šā-niyāz-xān muškā́ démẹ pišíkā táčk a-kánt. do sāi̯ gašt pẹšíkā gwāzí dāt. gúḍā muškā́ yālá kurt. pẹšík čirā́gā čappí kurt, muškā́i̯ padā́ kapt. ǰāník ai̯rā́n mānt: e čonén kā́re būt!

gúḍā Šā-niyāz-xān watí brāsā́nī asp o tūpák o zarrā́nā pā́dā zítī. ša ǰānikāi̯ sarā́ dár būt, šut bẹ šārā́. e asp o tūpákkān o zarrā́nā yak ǰāye íštī, wat bẹ šārā́ āt. watí yak brā́se rā dístī kẹ āšpázāi̯ muzū́r int. šut, tawā́re ku, āi̯ rā gúštī: ai̯ siyā́d, édā čéwā kanā́i̯? brā́sī ǰawā́b dāt: man amédā muzzū́r un. gúštī: róče čínka dārā́i̯? gúštī: róče yak γarā́n dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: man trā mā́γe dā tumā́n dāín o yak áspe o tūpáke o ǰᵘwānén puč trā dāín, agár mnī nau̯kár bayā́i̯. gúštī: šarr, ta čunᵗ nau̯kár a-girā́i̯? gúštī: man du nau̯kár a-girín. gúštī: šarr, ā rang bīt, man digá brā́seʸ am dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr, āi̯ rā biyā́r, guǰá int? gúštī: nānwā́ye muzū́r int. gúštī: bra, tawā́rī pkan kẹ bā́i̯t. eší šut, watí brāsā́ tawā́rī kurt.

одну мышь в руки и подвинул мышь к кошке. Как только кошка завидела мышь, она насторожила уши. Ша-нияз-хан выпустил мышь. Кошка было шевельнулась, но девушка сказала: «п-ш-т! на место!» Кошка осталась на своем месте. Ша-нияз-хан сказал: «о боже! даруй честный исход!» Он опять сунул руку за пазуху, вытащил другую мышь из-за пазухи и стал держать ее в руках; девушка все еще дремлет. Ша-нияз-хан протянул мышь к кошке. Два-три раза он подразнил кошку, потом выпустил мышь. Кошка сбросила светильник и бросилась вслед за мышью. Девушка изумилась: как это так случилось?

Потом Ша-нияз-хан получил обратно лошадей, ружья и деньги своих братьев. Он вышел от девушки и пошел в город. Лошадей и деньги и ружья он оставил в одном месте, а сам пришел в город и нашел того своего брата, который был слугой у повара. Он пошел, позвал его и сказал: «что ты здесь делаешь, земляк?» Его брат ответил: «я здесь в услужении». Он сказал: «сколько ты получаешь в день?» Тот сказал: «в день я получаю один кран». Ша-нияз-хан сказал: «если ты будешь моим слугой, я дам тебе в месяц десять туманов, и, кроме того, дам тебе лошадь и ружье и хорошую одежду». Тот сказал: «хорошо, сколько слуг ты берешь?» Он сказал: «я беру двух слуг». Тот сказал: «если так, то у меня есть еще брат». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, приведи его, где он?» Тот сказал: «он в услужении у одного пекаря». Он сказал: «иди, позови его, пусть придет». Тот пошел, позвал своего брата и

gúštī: beyā́ édā, yak káse naukár a-gít, mā́ye dā tumā́n o asp o tūpák o libā́s a-dánt. gúštī: gujā int? brawán. gúštī: ā́dā ništá. ā́tant Šā-niyāz-xā́nīyā. Šā-niyāz-xān guštī: raít go man? gúštant: ān. Šā-niyāz-xān ešā́nā zurt o šut watí jāhā́.

jā́hā ke šútant, Šā-niyāz-xān gúštī: ai siyādā́n, man yak šárte dārín. āwā́n gúštant: če šárte dārā́i? Šā-niyāz-xān gušt: mnī šart amé̄š int: har gujā́mī ripā́gā yak dā́ge kanín. agár šumā́ p-amešī́ rāzí it, man šmā rā naukaríyā kabū́l dārín, agár rāzí ma baít, šmā rā naukára na kanín. e duyén brās go wat muslahát kúrtant: ai, biyā́ ke bóštan, bill tā dāg pkant. pádā ā́tant Šā-niyāz-xā́nīyā, gúštant: šarr, ammā́ tī šartā́ kabū́l dārán. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, watí morā́ sórī kurt, har gujā́mī ripā́gā yak dā́ge kurt. gúḍā ešā́nā juwānén libā́s zítī o dā́tī. asp o tūpákk um dā́tī. nū́n, gúštī, brawán. ša šārā́ dár bū́tant, šútant.

šápe jā́ye, róče jā́ye, čunt šapā́ guḍ be mā do-rāyíyā sarā́ sar bū́tant. amé duyén brās Šā-niyāz-xā́nā gúštant: ta amédā bošt, ammā́ amé singā́yā rawā́n o kāyán. gúštī: šarr. e šútant, singā́i čérā sā́il kúrtant ke Šā-niyāz-xā́nī čallā́u édā nā́int. pádā ke ā́tant, Šā-niyāz-xān guštī: šmā pa če šútit ódā? ša man čer ma kanít, gušít! gúštant: šarr, číze ke ša xudā́

сказал ему: «иди сюда, один человек набирает слуг, дает в месяц десять туманов, лошадь, ружье и одежду». Он сказал: «где он? пойдем!» Тот сказал: «там сидит». Они подошли к Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан сказал: «идете со мной?» Они сказали: «да». Ша-нияз-хан взял их и пошел к себе.

Когда они шли к месту назначения, Ша-нияз-хан сказал: «у меня есть одно условие, земляки». Они сказали: «что за условие?» Ша-нияз-хан сказал: «мое условие таково: каждому из вас я поставлю клеймо. Если вы согласны на это, я принимаю вас в слуги, если же вы не согласны, я не беру вас на службу». Двое братьев посоветовались друг с другом: «эх, давай, останемся! пусть его ставит клеймо!» Они вернулись к Ша-нияз-хану и сказали: «хорошо, мы принимаем твое условие». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо», раскалил свою печать и поставил каждому по клейму. Потом он взял для них хорошую одежду и дал им, дал также по лошади и ружью. «Теперь», сказал он, «отправимся!» Они выступили из города и поехали.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько ночей спустя, они добрались до того распутья. Те двое братьев сказали Ша-нияз-хану: «ты побудь здесь, а мы сходим к этому камню и вернемся». Он сказал: «хорошо». Они пошли, посмотрели под камнем и увидели, что Ша-нияз-ханова перстня там нет. Когда они вернулись, Ша-нияз-хан сказал: «зачем вы туда ходили? не скрывайте от

čer nä̯int, ša ta pa če čér kanán? ammā́ yak wáxte sä̯i̯ brās átan, š-utí šārā́ kẹ dar bū́tan tā mé do-rāyíä̯i̯ sarā́ yak jā ā́tan, gúḍā watí čallāwānā amé singä̯i̯ čérā ístan, amā́ do brās bẹ yak rā́ye šútan, yak brā́se ammä̯i̯ bẹ yak rā́ye šut. ar kas, gúštan, demā́ āt, āí čallā́wā bzū́rīt. annū́ ammä̯i̯ amā́ brāsä̯i̯ čallā́u̯ édā nä̯int. Šā-niyāz-xān gušt: šmä̯i̯ brās mán un. ʸédenā wat rā yáke adigā́rā durúst kúrtant. gúštī: šarr, nūn brawán. šútant.

sä̯i̯ čār šapā́ guḍ bẹ yak čóle šútant. ʸe duʸén brās go wat maslahát kúrtant: Šā-niyāz-xān ā wáxte kẹ mašmā́ ša gisā́ sar gíptan, Šā-niyāz-xān gúštī: man go šmā kāín, mašmā́ gúštan: ta ma yā go mā, gujā́ š-ammä̯i̯ demā́ ziyā́n baʸä̯i̯, gúḍā ā pa zor go mašmā́ āt. nūn balgā́nā āí āúrt, yak šére am dārít, yak sīmúrɣe am dārít, mašmā́ rā am gulāmíʸen dā́gī kurt. mašmā pa če xajālattí-guší brawán. ta biyā́, mašmā́ eší rā ziyā́n pkánan. adigá brā́sī gušt: čon ziyā́nī pkánan? gúštī kẹ mašmā́ maróčī āp ma dayán ešā́, wat ša tunn merít.

šútant bẹ čolén rāhā́, nīmróčī Šā-niyāz-xān tunnág bū́tī, gúštī: biyā́, lālā́, kẹ āp bᵘā́ran. brā́sī gúštant: āp nä̯int. Šā-niyāz-xā́nā āp na dā́tant. bāz tunnág bū́tī, gúštī: ä̯i̯ brāsān, man pa šmā če badí kúrtun?

меня, скажите!» Они сказали: «хорошо! что́ не скрыто от бога, зачем будем скрывать от тебя? Когда-то нас было трое братьев, и когда мы вышли из своего города, то до этого распутья мы шли вместе. Потом мы положили свои перстни под этот камень, и мы, двое братьев, пошли по одной дороге, а один наш брат пошел по другой дороге. Мы сказали, что кто раньше придет, тот и возьмет перстень. Теперь здесь нет перстня нашего брата». Ша-нияз-хан сказал: «ваш брат, это — я!» Тут они узнали друг друга. Он сказал: «хорошо, теперь отправимся!» Они отправились.

Спустя три-четыре ночи они пошли по пустынному месту. Те двое братьев стали друг с другом совещаться: «когда мы выступали из дому, Ша-нияз-хан говорил: „я пойду с вами“, мы же говорили: „не ходи с нами, еще пропадешь где-нибудь с нами!“ он потом силой пошел с нами, а теперь он достал листья, и у него еще есть лев и симург-птица, а на нас он поставил клейма рабов! на какое поношение мы пойдем! давай-ка, мы его сгубим!» Другой брат сказал: «как же нам его сгубить?» Тот сказал: «мы ему сегодня не дадим воды, и он сам помрет от жажды».

Они пошли по пустынной дороге. В полдень Ша-нияз-хан захотел пить и сказал: «давайте, братцы, попьем воды!» Братья сказали: «воды нет!» и не дали воды Ша-нияз-хану. Он почувствовал сильную жажду и сказал: «братья,

mašmā́ brā́s an. nūn mnā ā́pa na dä̯it. brā́sī gúštant: šarr, trā ā́p a-dä^{y}án pa yak šárte kẹ ta bíllä̯ kẹ tī yak čámme rā pkášan, gúḍā trā ā́p a-dä̯án. Šā-niyāz-xān gušṭ: šarr, lālā́, b^{i}yā̯́it, mnī čammā́ pkā́šit. ā́tant, yak čammā̯́ ka-šíttant, préntant, gúḍā ká^{m}me āp go wādā́ yak ǰā kúrtant, dā́tant Šā-niyāz-xā́nā. Šā-niyāz-xān wártī, gúštī: ä̯ dar-pa-dárān, e čé-w-atant, mnā dā́tit? gúštī: ā́p atant. gúštī: e āp ná-w-atant, wā́d atant! gúštant: šarr, ta biyā́, tī adigá čammā́ am pkášan, gúḍā trā ā́p a-dä̯án. gúštī: šarr, biā́it, pkā́šit! e digá čammā̯́ ā́tant, kašíttant, préntant. duwārág kámme āp o wādā́ yak ǰā kúrtant,* dā́tantī. gúḍā balgā́nā zúrtant, šútant watī́ šārā́.

šútant démẹ watī́ šārā́. šápe ǰā́e, róče ǰā́e, watī́ šārā́ sár bū́tant. balgā́nā watī́ pisā̯́ čammā́n múštant. pādšā́en čamm š^{a} awálā getír bū́tant. pādšā́ gúštī: Šā-niyāz-xān gúǰ int? gúštant kẹ ā bẹ digá rā́e šut, ammā́ bẹ digá rā́e šútan. duwārág sí na bū́tan š-āī́. Šā-niyāz-xā́nī mās gúštī: gúǰ int šmä̯ brās? gúštant: na zānán, ā digá rā́e šut, ^{a}mā digá rā́e. Šā-niyāz-xā́nī mās dād o bedā́d kúrtī o grétī, šut watī́ gẹsā́. š-āī́ bil, ša pādšā́ä̯ ǰäníkā goš pkaš.

какое зло я вам сделал? ведь мы братья, а вы теперь не даете мне воды!» Его братья сказали: «хорошо, мы тебе дадим воды, но с условием, что ты позволишь вырвать себе один глаз, тогда мы тебе дадим воды». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, братцы, идите, вырывайте глаз!» Они подошли, вырвали у него один глаз и бросили, а потом смешали немного воды с солью и дали Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан выпил и сказал: «эй, бродяги, что́ это было, что вы мне дали?» Они сказали ему: «вода была!» Он сказал: «это была не вода, это была соль!» Они сказали: «хорошо, давай, вырвем у тебя еще один глаз, а потом дадим тебе воды». Он сказал: «хорошо, идите, вырывайте!» Они подошли и вырвали у него другой глаз и бросили. Опять они смешали немного воды и соли, и дали ему. Потом они забрали листья и отправились в свой город.

Они пошли к своему городу, ночь в одном месте, день в другом, добрались до своего города. Они приложили листья к глазам своего отца, и царские глаза стали лучше прежнего. Царь сказал: «где Ша-нияз-хан?» Они сказали: «он пошел по одной дороге, а мы пошли по другой дороге, и больше не имели о нем известий». Ша-нияз-ханова мать спросила: «где ваш брат?» Они сказали: «мы не знаем, он пошел по одной дороге, а мы по другой». Ша-нияз-ханова мать стала жаловаться и сетовать, заплакала и пошла к себе домой. Оставь ее, послушай о царской дочери.

pādšā́äi̯ ǰäník tā́rī ša wābā́ ustát, dístī: sī o nu šalwā́rī ša pādā́i̯ kapt, sī o nu ǰāmā́gā́i̯ zī pā́č ant, sī o nu dasmā́lī ša sarā́i̯ kapt, watī́ išk-w-ā́škā sā́i̯lī kurt, dístī kẹ sarū́näi̯ čirā́g pādū́nā-i̯nt, pādū́näi̯ čirā́g sarū́nā-i̯nt. ādénkā zúrtī, watī́ demā́ sā́i̯lī kurt, dístī, yak ká^{s}se ša mnī demā́ čúkke giptá, gẹsā́i̯ tā watī́ išk-w-ā́škā sā́i̯lī kurt, dístī: xáte nimistá, diwā́läi̯ demā́ laččentá, šútī, xa^{t}tā́ wā́ntī kẹ xattā́ nimistá: äi̯ bībí, tī duz mán-ẹ Šā-niyāz-xān p^{a}lānā́ pādšā́äi̯ zāg un, p^{a}lānā́ šārā́ nindán, digá káse rā be-gunā́e rā azziyát ma kanā́i̯. ǰäník e xa^{t}tā́ wā́ntī, srenā́ watī́^{y}ā bástī, ša argā́ ér kapt, dístī, čillén buzlangī́^{y}ānā yak ǰā kuštā́ī šuta. gúḍā ǰäník trúmmā ǰátī, ^{h}ar če γošún dā́štī, ǰámī kurt. šewág būt démi Šā-niyāz-xā́nī pissā́i̯ šārā́.

šápe ǰā́e, róče ǰā́e, āt, Šā-niyāz-xā́nī pisā́i̯ šārā́ rast. xáte nẹmíštī, pa pādšā́ démī dāt, gúštī: man yak dúzze tī šārā́ dārín, amā́e rā tā bā́ndā mnī dastā́ ma daā́i̯, tī šārā́ čappí o rāstī́y a-kanín. ǰäník xai̯mā́ānā ǰíkkiš kurt, watī́ ǰindā́i̯ xai̯mā́äi̯ demā́ azā́r gāmā́i̯ kasā́ ša abréšumíen γālī́nā gíptī. š-āí bill o ša Šā-niyāz-xān goš pkaš.

Царская дочь утром встала от сна и увидела, что тридцать девять шальвар спали с ног, на рубашках раскрыты тридцать девять воротников, тридцать девять платков упало с головы. Она огляделась кругом и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах; взяла зеркало, посмотрела на свое лицо и увидела: кто-то целовал меня в лицо! она стала смотреть вокруг себя в комнате и увидела, что какое-то письмо написано и прикреплено к стене. Она пошла и стала читать письмо, а в письме написано: «о госпожа, твой вор, это—я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя, мы находимся в таком-то городе, никого другого без вины не обижай». Девушка прочитала письмо, снарядилась, спустилась с замка и увидела, что все сорок бузланги убиты. Тогда девушка собрала все войско, какое имела, и отправилась к городу Ша-нияз-ханова отца.

Ночь в одном месте, день в другом, она подошла и достигла города Ша-нияз-ханова отца. Она написала письмо и отправила царю, сказала: «у меня есть в твоем городе один вор, и если ты завтра его мне не выдашь, я разорю твой город». Девушка разбила шатры и на тысячу шагов покрыла шелковым ковром пространство перед своим шатром. Оставь ее и послушай о Ша-нияз-хане.

wáxte kẹ Šā-niyāz-xā́nī brās kẹ čammā́nī kašítant, préntant, amā́ waxtā́ šer čammā́nī zurt, watí zuwā́näi̯ čérā kurt. Šā-niyāz-xā́n amédā kápt-at, šér a-šut, ša āpsārā́n watí dummā́ tárr a-kurt o kāúrt Šā-niyāz-xā́nī dilā́i̯ sarā́ wa sar o demā́i̯ pā́š a-dāt. duwārág watí dummā́ tárrī ku, āwúrt Šā-niyāz-xā́nī sar o démā pā́š a-dāt. Šā-niyāz-x̣ān dummā́i̯ gipt, ustát. šer rādág būt démäi̯ āpsā́rā. Šā-niyāz-xā́nā búrtī, āpsā́rā sárī kurt. Šā-niyāz-xā́n ā́pī wart, gúštī: šukr^{u} alhámdul-illā́. duwārág gúštī: akikáttā sẹzā́i nekí badí int. Šā-niyāz-xā́n anū́ d^{a}raxtā́i̯ čérā wapt, šer pānā́däi̯ wapt.

do sīmúrg āt o ame āpā́i̯ sarā́ níštant. yáke gúštī: aǰáben warnā́e, čámmī kór ant. yáke digá gúštī: ša p^{a}lāná pādšā́e bāgā́i̯ d^{a}raxtā́nī balgā́n bīt, čammā́nī sarā́i̯ pkā́šäi̯, zábr a-bít. adigá gúštī: čammā́nī ṭīṭū́kī bayánt, gúḍā rošán a-bít. édā šer š^{u}-ụtí z^{u}wā́näi̯ čérā Šā-niyāz-xā́nī īnǰā́i̯ tā kéxī kurt. Šā-niyāz-xā́n watí čamā́nā zúrtī kẹ gúštī: ai̯, armā́n, š-amé balgā́n um kámme bū́tin! yak gašt dastā́ bẹ kitóā kurt, dístī kẹ balg kitóäi̯ tā ast, balgā́nā zúrtī, čammā́nā íštī bẹ ǰā́äi̯š, balgā́nā múštī bẹ sarā́i̯, čámmī š-awá-leā ǰgetír rošán būt. ustát, āp wártī, dastā́ bẹ šerā́i̯ puštā́ ǰátī, rādág būt démi watí šārā́.

Когда Ша-нияз-хановы братья вырвали и бросили его глаза, в то время лев подобрал его глаза и сунул себе под язык. Ша-нияз-хан здесь упал, а лев ходил, мочил в источнике свой хвост, приносил воды и брызгал Ша-нияз-хану на сердце, голову и лицо. Потом он опять мочил свой хвост, приносил воды и опять брызгал Ша-нияз-хану на голову и лицо. Ша-нияз-хан ухватился за его хвост и поднялся. Лев направился к источнику, повел Ша-нияз-хана и доставил его к источнику. Ша-нияз-хан попил воды и сказал: «благодарение и хвала богу!» и вновь сказал: «по истине награда за добро зло!» Ша-нияз-хан заснул теперь под деревом, а лев лег сбоку.

Приблизились две симург-птицы и сели возле воды. Одна сказала: «удивительный молодец, а слепой!» Другая сказала: «будь листья с садовых деревьев такого-то царя, приложить бы их к глазам, и он поправился бы!» Другая сказала: «если бы были зрачки, он был бы зрячим!» Тут лев сплюнул из-под своего языка в полу Ша-нияз-хана. Ша-нияз-хан взял свои глаза и сказал: «ах! если бы было хоть немножко тех листьев!» Он тотчас опустил руку в карман и увидел, что в кармане есть листья. Он набрал листьев, вставил глаза на место, приложил к ним листья, и его глаза стали видеть лучше прежнего. Он встал, попил воды, положил руку льву на спину и направился в свой город.

šápe ǰā́e, róče ǰā́e, āt, watí šārā́i̯ nazzíkā ništ. šap kẹ āxír būt, sar gipt, karā́-karā́ āt, watí māsā́i̯ gẹsā́ sar būt. darā́ ǰátī, mā́sī go: ta^{k} kái̯ äi̯? gū́štī: ar kas un, darā́ pā́č pkan. mā́sī Šā-niyāz-xā́nī tawā́rā durúst kurt. darā́ pā́čī ku. Šā-niyāz-xā́n gẹsā́i̯ tā šut. mā́sī guṭṭā́i̯ kapt. dād-bedā́d kúrtī. Šā-niyāz-xān gū́štī: mā́sī, mnā lóṭäi̯, ^{h}ẹč tawā́r ma kan. mā́sī be tawā́r būt. Šā-niyāz-xā́n gū́štī: šarr, mā́sī, če awā́l ast édā? mā́sī gušt: yak ǰäníke go čil azā́r γošúnā ātá, šārā́i̯ ḍannā́ xai̯mā́nā watí^{y}ānā amódā ǰíkk kurtá. xáte pa^{t} tī pisā́ nimistá o dem dātá: man bẹ^{t} tī šārā́ yak dúzze dārín, agár amé mnī duzzā́ pai̯dā́ má kanā́i̯, bẹ man má daā́i̯, tī šārā́ čappí o rāstí^{y} a-kanín. gū́štī: šarr, brās mnī ātág-ant yā na? mā́šī ǰawā́b dāt: ātág-ant, balgā́nā am ā^{w}urtág-ant, tī pisā́i̯ čam am rošán bū́tant. gū́štī: zānā́i̯, mā́sī, nūn čón int? yak sundū́xe mazánen pai̯dā́ pkan o biyā́r zū́tẹ. mā́sī šut, yak ṭūén sundū́xe pai̯dā́ ku, āúrt. Šā-niyāz-xān watí māsā́ gū́štī: mnā amé sundū́xäi̯ tā pkan. mā́sī gušt: šarr. sundū́xäi̯ dapā́ pā́čī ku, Šā-niyāz-xā́nā sundū́xäi̯ tā kurt. šérā o sīmúrgā digá ǰā́e čér ku.

tā́rī kẹ roč būt, ša ǰäníkkā digá xáte āt: äi̯ pādšā́, amā́ káse kẹ balgā́nā ša mnī šārā́ ā^{w}urtáī, bẹ me sāáttā ša^{t} ta loṭínī. pādšā́ loṭít watí ar do zāgā́nā,

---

Ночь в одном месте, день в другом, он подошел и остановился вблизи своего города. Когда ночь приблизилась к концу, он поднялся, потихоньку подошел, достиг дома своей матери и постучался в дверь. Его мать сказала: «кто ты?» Он сказал: «кто бы я ни был, открой дверь». Его мать узнала голос Ша-нияз-хана и открыла дверь. Ша-нияз-хан вошел внутрь, мать бросилась ему на шею, стала жаловаться и сетовать. Ша-нияз-хан сказал: «матушка, если хочешь меня сохранить, не голоси!» Его мать замолчала. Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, матушка, каковы здесь обстоятельства?» Его мать сказала: «подступила некая девица с сорокатысячным войском, расставила свои шатры снаружи города и написала и послала твоему отцу письмо: „у меня-де в твоем городе имеется вор, и если ты этого моего вора не сыщешь и мне не выдашь, я твой город в конец разорю“». Он сказал: «хорошо, а мои братья пришли или нет?» Его мать сказала: «пришли, принесли листья, и глаза твоего отца прозрели». Он сказал: «знаешь, матушка, что́ теперь? сыщи-ка какой-нибудь большой ящик и принеси поскорей». Его мать пошла, сыскала и принесла огромный ящик. Ша-нияз-хан сказал своей матери: «спрячь меня в этом ящике». Его мать сказала: «хорошо». Она подняла крышку ящика и поместила Ша-нияз-хана в ящик, а льва и симург-птицу спрятала в другом месте.

На утро, когда наступил день, пришло другое письмо от девушки: «о царь, я сейчас же требую от тебя того человека, который достал листьев из моего города». Царь призвал обоих своих сыновей и сказал: «сыновья, кто из вас

gúštī: äi̯ zāgā́n, balgā́nā ša šmā gujā́m yakkén š-amé ǰänī́kkäi̯ bāgā́ āwúrtit? mazánen zā́gī go: man āúrtun, bābā́. gúštī kẹ ta ā^{w}urtág äi̯, bra, ǰawā́b bdäi̯. gúštī: šarr. zāg šut, áspī s^{u}wār būt, šut ǰänī́kkäi̯ā. š-amé rā́e kẹ γālī́n prént-atant, š-ešā́nī sarā́ na šut, ša ḍigā́rā šut. šut ǰänī́käi̯ā, salā́mī dāt, wuštā́t. ǰänī́k gúštī: balgā́nā ša gujā́ āwúrtäi̯? eší go: ša tī bāgā́ ā^{w}úrtun. če nišā́ní dārā́i̯? čorí gúštī: nišā́ní amé nīšaní int: šapā́ ā́tun bāgā́i̯ tā, balgā́nā čítun, zúrtun, ā́tun. ǰänī́k gúštī kẹ š-amé rā́e kẹ ātág-äi̯, pádā bra, ma ^{w}ošt. čorí bír gašt.

ǰänī́k duwārā́g xáte nẹmístī pa pādšā́^{h}ā kẹ zū́tẹ, trā šīn, mnī duzzā́ pai̯dā́ pkan, mnī dastā́ bdäi̯. pādšā́ duwārā́g zāgā́nā loṭít, gúštī: äi̯ bābā́ rāst gušít, Šā-niyāz-xān gúǰ int? zāg ǰawā́b dā́tant: ā ǰẹtā́en rā́e šut, amā́ ǰẹtā́en rā́e šútan, duwārā́g ša yáke adigárā sí na bū́tan, kẹ ā gujā́ šut, ā ša ammā́ sí na būt, ammā́ gujā́ šútan. gúštī: nápa, e balgā́nā käi̯ ā^{w}úrtī? amé gwanḍén zā́ge go: man ā^{w}úrtun. písī go: napá, pa če zī na šútäi̯, ǰänī́kā ǰawā́b na dā́täi̯? zāg gúštī: balgā́nā man āwúrtun, magár watí mastíren brāsā́i̯ nāmā́ kúrtun. gúštī: napá, maróčī bra, ǰänī́kā ǰawā́b bdäi̯. zāg s^{u}wār būt o šut démi ǰänī́kkā, ša šārā́ kẹ dár būt, xai̯mā́nā dístī kẹ če bāzén xäi̯má-e. š-amé dū́rā šut ǰanī́käi̯ā, salā́mī dāt o uštā́t. ǰänī́k gúštī kẹ tá wäi̯

достал листья из сада этой девушки?» Старший сын сказал: «я достал, батюшка». Он сказал ему: «коли ты достал, так иди и отвечай!» Тот сказал: «хорошо». Юноша пошел, сел верхом на лошадь и отправился к девушке. По той дороге, где были набросаны ковры, он не пошел, а пошел по земле. Он пошел к девушке, поклонился и остановился. Девушка сказала: «откуда ты достал листья?» Он сказал: «из твоего сада достал». — «Какое у тебя доказательство?» Парень сказал: «доказательство? вот какое доказательство: ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и пришел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и уходи обратно, не оставайся!» Парень вернулся.

Девушка опять написала царю письмо: «я тебе говорю, скорее отыщи моего вора и выдай мне». Царь опять призвал сыновей и сказал: «дети, скажите правду, где Ша-нияз-хан?» Сыновья ответили: «он пошел по одной дороге отдельно от нас, а мы пошли отдельно от него по другой дороге, и больше мы друг о друге не имели известий: мы — куда он пошел, а он — куда мы пошли». Он сказал: «кто же достал эти листья?» Младший сын сказал: «я достал». Отец сказал: «почему же ты вчера не пошел и не отвечал перед девушкой?» Юноша сказал: «листья достал я, но от имени своего старшего брата». Он сказал: «ну, так сегодня иди и отвечай перед девушкой». Юноша сел верхом и отправился к девушки. Когда он выехал из города, он увидел: какое множество шатров! Он направился к девушке, и еще издали по-

mnī duz? čorí gúštī: ʰān, mán un. gúštī: balgā́nā čon āʷúrtä̯i, nišānī́ bdä̯i. čorí gúštī: šapā́ ā́tun bāgā̯́i tā, balgā́nā čítun, zúrtun, pā́dā ā́tun. ǰäník gúštī: digá če dístä̯i? čorí gušt: digá íččī na dístun. ǰäník go: š-amé rā́e kẹ ā́tág-ä̯i, pā́dā bra.

ǰäník duwārág pa pādšā́ xáte nẹmístī: ä̯i pādšā́, mnā masxaráʰ a-kanā̯́i, ānčo āškā́r mālū́m pkan bẹ man, yā nä̯int, duzzā́ mníā tā begā̯́i pa̯idā́ a-kanā̯́i, yā nä̯int, ǰawā́b bdä̯i. pādšā́ watí zāgā́nā lọtít, gúštī: ä̯i parzẹndā́n, šmā bzā́nit o xudā́, aslí duróg ma gušít, awā́l éš int kẹ Šā-niyāz-xā́n gúǰ int? doʰúm éš int kẹ amé balgā́nā kā̯́i āʷurtá? rāst gušít, bezā́r int ša mnī rošanī́ʸā, man š-eší, kor bū́tin uṇ, getír ā̀sūdág atun. ǰäník xáte duwārág dem dā́tī: ä̯i pādšā́, ʷutí kārā́ tayā́r pkan kẹ man ustát un, yā nä̯int, bẹ me sāʰáttā duzzā́ dā́tä̯i, dā́tä̯i, na dā́tä̯i, ǰawā́b bdä̯i, man watí kārā́ bzā́nīn.

Šā-niyāz-xān watí māsā́ gúštī: mā́sī, če abár ast? ta bra, goš pkaš o biʸā́. mā́sī šut, pisā̯́i gẹsā́ dístī: xáte wānánt kẹ amé sāʰáttā duzzā́ tá-i pādšā́ bdā́ä̯i, mnī dastā́ bdā̯́i, yā nä̯int, ǰawā́b bdā̯́i. mā́sī āt, gúštī: amé rangén awā́le ast. Šā-niyāz-xā́n gušt: če awā́l ast? mā́sī gušt: ǰäníkka xáte dem dātá kẹ amé sāʰáttā kẹ tá-i pādšā́, duzzā́ mnī dastā́ dā́tä̯i, dā́tä̯i, na

---

клонился и остановился. Девушка сказала: «это ты мой вор?» Парень сказал: «да, я». Она сказала: «как ты достал листья? представь доказательства!» Парень сказал: «ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и вернулся». Девушка сказала: «что еще ты видел?» Парень сказал: «больше ничего не видел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и ступай обратно».

Опять девушка написала царю письмо: «о царь, ты надо мной смеешься! ты открыто извести меня: либо ты до вечера отыщешь моего вора, либо нет, дай ответ!» Царь призвал своих сыновей и сказал: «дети, известно вам и богу, не лгите! во-первых, где Ша-нияз-хан? во-вторых, кто достал эти листья? скажите правду! я раскаиваюсь в своем прозрении: если бы я был слеп, я был бы более спокоен! Девушка опять прислала письмо: „о царь, делай свое дело, потому что я уже собралась; если ты сейчас же выдашь вора, то выдавай, если не выдашь, дай ответ, и я буду знать, что делать“».

Ша-нияз-хан сказал своей матери: «матушка, каковы новости? сходи-ка, послушай и приходи!» Его мать пошла и заглянула в дом его отца, а там читают письмо: сейчас же, дескать, ты, царь, выдай моего вора и вручи мне, если же нет, дай ответ. Его мать пришла и сказала: «положение вот каково!» Ша-нияз-хан сказал: «каково положение?» Его мать сказала: «девушка послала письмо: „ты, царь, если выдаешь мне вора, то выдавай сейчас же, а

dā́täi̯, ǰawā́b bdäi̯. tī pis ai̯rā́n at, če ǰawā́b bdant. Šā-niyāz-xā́n gúštī: mā́sī, be tawā́re bra, mnī pisā́ bguš: biyā́, brawán gẹsā́, trā yak mardúme lọṭít.

mā́sī šut, Šā-niyāz-xā́nī pisā́ gúštī: trā ódā yak mardúme lọṭít. āt bẹ gẹsā́. mā́sī sundū́xäi̯ dapā́ páčī ku. Šā-niyāz-xā́n ša sundū́xā dár kapt, salā́m-alä́i̯ke kúrtant. Šā-niyāz-xā́n gúštī: äi̯ bābā́, tī čam zabr būtág ant? pị́sī go: äi̯ bābā́, bezā́r at mnā š-ānčén rošaní^{y}ā. gúštī: pa če, bābā? písī go: yak ǰäníkke go čil azā́r γošū́nā ātá édā, mnī sarā́ γazáb kurtá kẹ amā́ káse kẹ balgā́nā ā^{w}urtá ša mnī šā́rā́, amāé rā mnī dastā́ bdäi̯. Šā-niyāz-xān gúštī kẹ balgā́nā nápa kā́i̯ ā^{w}úrt? písī gušt: tī brās ā^{w}úrtant. gúštī: pšútin ant, ǰawā́b bdā́tin ant! písī gušt: šútant, ǰawā́b dātág na kúrtant, pádā ā́tant. Šā-niyāz-xān gúštī: nūn zā́näi̯, čon int, bābā? písī go: čon int, bābā? Šā-niyāz-xān gúštī: bẹ me sā^{h}āttā čil s^{u}wār pai̯dā́ pkan, man ǰawā́b a-däínī. gúštī: šarr.

zū́tī čẹl s^{u}wār pai̯dā́ kúrtī, ^{h}ar čillén s^{u}wārā́nī aspā́i̯ nālā́ ša zarrā́ gíptī, mí^{y}äi̯ ǰāhā́ laṭṭíen mī kúrtī. gúḍā š-āí, čil s^{u}wā́rā čil čapóx o čil gogírd o tammák dā́tī. s^{u}wārā́nā gúštī kẹ ^{h}ar kas čilīm-kā́š int wa ^{h}ar kas kẹ näi̯nt, ^{h}ar mnū́te yak gašt čapóxā pur pkánit, bréčit γālīnā́nī sarā́. suwā́r gū́štant: bāz ǰ^{u}wān int. Šā-niyāz-xā́n demā́ būt, suwā́r bẹ padā́i̯ bū́tant. ša šā́rā́ kẹ

если не выдаешь, так дай ответ!“ Твой отец в недоумении, чтó ему ответить». Ша-нияз-хан сказал: «матушка, потихоньку сходи и скажи моему отцу: „давай, сходим домой, тебя зовет один человек“».

Его мать пошла и сказала отцу Ша-нияз-хана: «тебя там зовет один человек». Он пришел домой; его мать открыла ящик; Ша-нияз-хан вышел из ящика, и они поздоровались. Ша-нияз-хан сказал: «что, батюшка, поправились твои глаза?» Его отец сказал: «ох, сынок, отрекаюсь я от такого прозрения!» Он сказал: «чтó так, батюшка?» Его отец сказал: «одна девица подступила сюда с сорокатысячным войском и разгневалась на меня: выдай, дескать, мне того, кто достал листья из моего города!» Ша-нияз-хан сказал: «кто же достал листья?» Его отец сказал: «твои братья достали». Он сказал: «пускай бы они пошли и ответили бы!» Его отец сказал: «ходили, но ответить не смогли, пришли обратно». Ша-нияз-хан сказал: «теперь знаешь чтó, батюшка?» Его отец сказал: «что, сынок?» Ша-нияз-хан сказал: «собери сейчас же сорок всадников, я буду отвечать пред ней». Он сказал: «хорошо».

Он быстро набрал сорок всадников, и для лошади каждого из сорока всадников взял золотые подковы, а вместо гвоздей приделал деревянные шпильки. Потом он дал сорока всадникам сорок трубок, сорок коробок спичек и табаку, и сказал всадникам: «каждый, кто курит, и каждый, кто не курит, все вы ежеминутно набивайте трубки и бросайте на ковры!» Всадники сказали: «очень хорошо». Ша-нияз-хан поместился впереди, а всадники сзади него. Когда

dár bū́tant, Šā-niyāz-xā́n dístī, če γālíne bẹ ḍigárā tanákk int! š-amé γālīnā́nī sarā́ rāstám aspā́ ai̯ kúrtī, čilī́m am ^{h}ar ǰā kašíttant o rétant, čappī́^{y} a-kúrtant. asp kẹ watí pādā zúrtant, nā́liš ša pādā́i̯š káptant.

ǰäník dístī kẹ, če suwā́re kẹ š-amé γālīnā́nī sarā́ kā́i̯t! ǰäník watí dilā́ gúštī kẹ duzd améš int, kā́i̯t. trus bẹ ǰäníkkäi̯ dilā́ kapt. Šā-niyāz-xā́n nazzī́ke ā́tī, salā́m préntant yak o adigárā. ǰäník gúštī kẹ duzẓ tá wäi̯? Šā-niyāz-xā́n ǰawā́b dā́tī: bále, mán un. ǰäník gúštī: bguš nišāníānā! Šā-niyāz-xā́n gúštī: ^{h}āzír. awalī́^{y}en nišāní améš int-a kẹ korā́ kúštun, kilī́^{y}ānā ša dastā́i̯ zítun. domíen nišāní améš int kẹ har čillén buzlangī́^{y}ānā kúštun; säi̯míen nišāní améš int kẹ bẹ argā́ bālā́ bū́tun. agár lóṭäi̯ kẹ adigárānā ^{h}am bgúšīn. ǰäník xayā́l ku watí dilā́: akikáttā kẹ šā-zādág-e. gúštī: bás int, adigárānā ma guš. Šā-niyāz-xā́nī ǰindā́ gardéntī, čil suwā́räi̯ čil xal^{h}át dā́tī, ruxsát kúrtī: š^{u}mā brā́i̯t, Šā-niyāz-xā́nā šapí ruxsátta ́na kanín. Šā-niyāz-xā́n um watí suwā́rānā gúštī: brä́it, ruxsát-it. ǰäník watí γošúnā yak ǰā ruxsátī kurt: brä́it pádā watí šārā́.

ǰäník mullā́e loṭít: zū́tẹ mnī aγdā́ go Šā-niyāz-xā́n band. mullā́ ešā́nī aγdā́ bástī, gúḍḍā Šā-niyāz-xā́nī pis Šā-niyāz-xā́nīā āt pa mubārakíā. gúḍḍā

они очутились вне города, Ша-нияз-хан увидел, какие на земле тонкие ковры. Он погнал лошадь прямо по этим коврам, а они повсюду курили и рассыпали табак и разворачивали. А когда лошади поднимали ноги, подковы падали с их ног.

Девушка взглянула: чтó это за всадник приближается по этим коврам? Девушка сказала про себя, что это, наверное, приближается подлинный вор. Смятение запало в сердце девушки. Ша-нияз-хан подъехал близко, они бросили привет друг другу. Девушка сказала: «это ты вор?» Ша-нияз-хан ответил: «да, я». Девушка сказала: «говори доказательства!» Ша-нияз-хан сказал: «сейчас! первое доказательство, это то, что я убил слепого и взял из его рук ключи; второе доказательство то, что я убил всех сорок бузланги; третье доказательство то, что поднялся в замок, а если захочешь, скажу еще другие!» Девушка про себя подумала: «действительно, это царевич!» и сказала: «довольно, других не говори!» Самого Ша-нияз-хана она удержала, а сорока его всадникам пожаловала сорок одежд и отпустила: «вы идите, а Ша-нияз-хана на сегодняшнюю ночь я не отпущу!» Ша-нияз-хан также сказал своим всадникам: «идите, вы свободны!» Девушка вместе с тем отпустила свое войско: «идите обратно в свой город!»

Девушка призвала муллу: заключи, дескать, поскорее мой брак с Ша-нияз-ханом. Мулла заключил их брак. Потом пришел Ша-нияз-ханов отец с поздра-

watí sarā́i̯ tā́ǰā pādšā^{y}énā zúrtī, Šā-niyāz-xā́nī sarā́ íštī, gúštī: bābā́, ša maróčī ā́ngū pādšā́ ^{w}utí mulkā́i̯ astā́i̯. Šā-niyāz-xā́n gúštī: ša mnī dastā́ na bīt pādšā^{y}í, bābā́. písī gušt: agá bīt o na bīt, ša maróčī ā́ngū ixti^{y}ā́r walā^{y}áttäi̯ bẹ^{t} tā́ int, watí ixti^{y}ā́rā dārā́i̯ āngūrí. Šā-niyāz-xā́n gušt: šarr, nápa, ā rang int, man bẹ^{t} tī šārā́ do gulā́m dārín, ša^{t} ta xāhíšt a-kanín, amā́ mnī gulā́mā̆nā bẹ^{m} man bdā́äi̯. písī gušt: tī gulā́m kā́-int? mnī gulā́m tī ar do zāg ant. gúštī: šarr, bābā́, bā́ndā kāríniš.

bā́ndā ar do zāgā́nā watí^{y}ānā ā^{w}úrtī bẹ maǰlísā. Šā-niyāz-xā́n sad mardúmi digár bẹ dīwā́nā loṭítī. mardúm kẹ ā́tant, ǰám bū́tant, Šā-niyāz-xā́n gúštī: äi̯ ā́li maǰlís, ammā́ yak wáxte säi̯ brā́s atan; bẹ yak rā́e šútan. šápe ǰā́e, róče ǰā́e, yak wáxte du-rā^{y}íäi̯ sarā́ šụ́tan. mnī do brās bẹ yak rā́e šut, man bẹ yak rā́e šútun. watí čillā́wānā — amédā sínge^{y} at, amé singā́i̯ sarā́ nimist-át: ar kas rāstén rā bråut, pádā bā̈i̯t, ar kas čappén rā^{h}ā́ bråut, pádā ná^{y}-ā̈i̯t, — čallā́wānā bẹ mā singā́i̯ čérā íštan nišāní. ar kas demā́ bā̈i̯t, adigáräi̯ čallā́wā zūrít. mánẹ Šā-niyāz-xā́n čappen rā^{h}ā́ šútun o čínka-čínka sakkén kār mnī sarā́ āt. xudā́ mnā šapā́ dāt, ^{h}íččī na būt.

влением к Ша-нияз-хану. Он взял с своей головы царскую корону, возложил ее на голову Ша-нияз-хану и сказал: «отныне и впредь, сынок, ты царь своего государства!» Ша-нияз-хан сказал: «батюшка, несподручно мне царствование!» Его отец сказал: «сподручно или нет, отныне и впредь тебе принадлежит распоряжение страной! впредь твоя воля!» Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, и если так, то у меня в твоем городе есть два раба, и я хочу от тебя, чтобы ты выдал мне этих моих рабов!» Его отец сказал: «кто твои рабы?» — «Мои рабы — оба твои сына!» Он сказал: «хорошо, сынок, завтра я их приведу».

На другой день он привел обоих своих сыновей в собрание. Ша-нияз-хан призвал на совещание еще сто человек. Когда люди пришли и собрались, Ша-нияз-хан сказал: «члены совета! когда-то нас было три брата. Мы вместе пустились в путь. Ночь в одном месте, день в другом, однажды мы дошли до распутья. Мои два брата пошли по одной дороге, а я пошел по другой дороге. Тут был некий камень, и на том камне было написано: кто пойдет по правой дороге, тот вернется, а кто пойдет по левой дороге, тот не вернется. Под тот камень мы положили для приметы свои перстни: кто прежде придет, тот возьмет и другие перстни. Я, Ша-нияз-хан, пошел по левой дороге, и сколько тяжелых трудов пришлось на мою долю! Бог даровал мне избавление, и ничего не случилось!

pádā kẹ ā́tun du^{r}-rā^{y}íäi̯ sarā́, dístun, mnī brāsā́nī čallā̊w amédā āngā́ ér ant. man watī́^{y}ā zúrtun, āwā́nī padā́ šū́tun, bẹ yak šā́re sóč kúrtun ša yak mardúme: do e rangén warnā́ na dístit? gū́štant: do ame rangén warnā́ kẹ gušā́i̯, amédā ā́tant. amédā yak ǰäníkke xumār-bā́zen, go mā ǰäníkkā xumā́r ǰátant, ǰäník āwā́nī māl o zarr o asp o tūpákkānā búrtī. nūn yákẹ nānwāye muzzū́r int, yake — āšpázäi̯. bāz ǰuwā́n int. šū́tun bẹ ǰäníkäi̯ā, šapénā xumā́r ǰátun, xudā́ mnā ābrū́ dāt, ešā́nī asp o tūpákkānā wa zarrā́nā pádā zítun, ā́tun šārā́i̯ tā, yáke rā šạ āšpázäi̯ dukkā́nā, yáke rā ša nānwāyäi̯ dukkā́nā dár kúrtun, búrtun dallā́käi̯ā, sar o rī́šäi̯š trā́štun, búrtun xai̯ā́täi̯ dukkā́nā p-ešā́n ǰuwānén läbā́s dā tumānī́en wa bist tumānī́en ešā́nī gwarā́ dā́tun. gúḍā ešā́na āúrtun watí mänzílā, ar guǰā́me yak asp o yak tūpák, yak zām dā́tuniš, go wat brābír kúrtuniš. š-é šārā́ dár bū́tan, ā́tan. yak wáxte bẹ ǰā́e rast kẹ mnī ar do čammā́nā kašíttant, mnā bẹ yak čóle tā préntant o ā́tant.

awál xudā́, pai̯éni xudā́ yak šére dā́rī́n wa yak sīmúrge. amešā́n mnā duwārág pa xudā́äi̯ amrā́ rošā́n kúrtant. agár bāwár na dārít, ar do^{y}énānī ripágānā säi̯l pkánit kẹ dāg dāránt yā na dāránt. písiš ripágāniš sä^{i}l ku, dístī, ar guǰā́me ripágā yak gulāmī́en dāg aṣt. ā́li maǰlísā gúštī kẹ rāst ant

---

Когда я вернулся к распутью, я увидел, что перстни моих братьев еще лежат тут. Я взял свой и пошел вслед за ними. В одном городе спросил у одного человека: „не видели ли вы двух вот таких юношей?“ Мне сказали: „сюда пришли двое таких юношей, как ты говоришь; но здесь есть одна разгульная девушка, они стали играть с этой девушкой, и девушка выиграла у них имущество, деньги, лошадей и ружья, и теперь один в услужении у пекаря, а другой — у повара“. Очень хорошо, я отправился к девушке, ночью играл с ней, бог отличил меня, и я отобрал обратно их лошадей, ружья и деньги. Потом пришел в город, и одного извлек из съестной лавки, другого извлек из пекарни, сводил к цырюльнику и побрил им головы и бороды, сводил к портному и одел их в хорошую одежду по десять и двадцать туманов. Потом привел их на свою стоянку, дал каждому по лошади, по ружью и мечу, сравнял их с собою. Мы вышли из города и пошли. Однажды в одном месте довелось так, что они мне вырвали оба глаза, бросили меня в пустынном месте и ушли.

Прежде всего бог, а после бога у меня есть один лев и одна симург-птица. Они меня вновь, с помощью божьей, сделали зрячим. Если же мне не верите, то посмотрите у обоих, есть у них клейма или нет!» Их отец посмотрел и увидел, что на каждом есть клеймо раба. Он сказал членам совета:

yā duróg ant mnī abár? maǰlís gúštant: rāst ant tī abár. Šā-niyāz-xā́n gúštī: e zamānágā sezā́i̯ nekí badí int. amé rang kẹ ā bẹ murā́dā rastá, awál trā, gúḍā mnā, gúḍā āli ǰāmí bandagíāi̯ murā́dā xudā́ bdant.

VII

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādšā́e at. e pādšā́ dāšt du zāg. amé zāgā́nī nām yáke Gull at, yáke Momín at. amé Gull u Momínī mās yak róče būt, murt. amé Gull u Momín šútant bi digá šā́re pa wāntínā. yak čunt waxt amódā bi šārā́ wā́ntant. yak róče amešā́nī pis gis kúrtī, digá ǰinéne gíptī, go watí ǰinénā gúštī: man dārín du zāg, yáke nām Gúll int-a u yáke nām Momín int-a. amé pādšā́āi̯ ǰinén go pādšā́ gúštī: ta yak xáte binmís, dém bdā́i̯ pa watí zāgā́nī padā́, bí tā biā́yant ki man āwā́nā bgíndīn. amé pādšā́ yak xáte nimíst u dem dā́ti pa watí zāgā́nī padā́.

amé xat ki ódinā rast bi zāgā́nī dastā́, zāg ki wā́ntant, zā́ntant ki ammā́i̯ pis gis kurtagí, go wat abár dā́tant ki biyā́ ki anū́n mašmā́ brawán ki mašmā́i̯ pis gis kurtagí. š-amódinā sar gíptant u ā́tant, sar bū́tant bi watí pisā́i̯ gisā́, dístant tā amā́i̯ pis ídā nā́i̯nt-a. yak wār amešā́ni mātó go pādšā́ā mazánen zāgā́ go Gullā́ gúštī: bí tā tī gwanḍén brās amódinā mníndīt, ta

---

«правда или ложь мои слова?» Совет сказал: «твои слова правда!» Шанияз-хан сказал: «в эти времена воздаяние за добро зло!» Так же, как он достиг желаемого, пусть бог подаст исполнение смиренных желаний сначала тебе, затем мне, а потом всем вообще.

(VII. О Гуле и Момине)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было два сына. Имена этих сыновей были: одного — Гуль (цветок), другого — Момин. Настал день, и мать Гуля и Момина умерла. Гуль и Момин отправились в другой город учиться. Там в городе они некоторое время учились. Между тем их отец женился, взял другую жену и сказал своей жене: «у меня есть два сына; один по имени Гуль, другой — по имени Момин». Эта царица сказала царю: «напиши письмо и пошли за своими сыновьями, пусть придут, и я повидаю их». Царь написал письмо и послал за своими сыновьями.

Когда это письмо попало в руки сыновей, сыновья прочитали и узнали, что отец женился. Они стали говорить друг другу: «давай, поедем теперь, потому что наш отец женился». Они выступили оттуда, пошли и дошли до дома своего отца и увидели, что отца дома нет. Вдруг их мачеха сказала старшему царевичу, Гулю: «пусть твой младший брат посидит там, а ты подойди сюда».

ídinā biʸā́. amé Gull gúštī: ammā́ ič waxt ša wat ǰitā́ na būtág an, anū́n am ǰitā́ na bayán. amešānī mātó gúštī: amé yak daγīγá ta biʸā́ ki man go ta yak abáre dārín. amé Gull go Momín gúštī: ta, lālā́, amédinā mnind, man anū́n a-kāín. amé padšāāi̯ mazánen zāg šútī bi watí mātóāi̯yā, gúštī: ta ša man čé a-loṭāi̯? amešī́ mātó go Gullā́ gúštī ki man trā́ girín. yak wār amé Gull ǰawā́b dāt ki na bīt, ta mnī māsā́i̯ ǰāgā́ wāi̯, man trā ič waxtā́ na girín. amešī́ mātó gúštī: na bīt, mebāét, bgírāi̯. amé Gull dístī: ṁnā nā́i̯līt! gúštī: ammā́ anū́n a-rawán bi watī maktábā, watī́ kalukalā́na zūrán u kārán, gúḍinā man trā girín. amé mātóī rāzí būt, Gullā́ š-amódinā elá kúrtī. Gull ā́tī, go Momín gúštī: biā́ ki e ḍau̯lén abáre ā go man dā́tī. Momín gúštī: brawán, lālā́, ki mašmā́i̯ kār darbā́d a-bī́t. Gull u Momín pádā ā́tant bi watī́ maktab-xāná.

yak čunt waxt gwast. pādšā́ āt bi watí gisā́, ša watí ǰinénā pursít ki ta mnī zāgā́nā dístāi̯? amešī́ ǰinén ǰawā́b dāt ki ān, tī zag battíri tí ant; amé pādšā́ gúštī: pa če? amé ǰinénī ǰawā́b dāt ki tī zāg amé ki ā́tant, čo gušnágāi̯ā lagítant bi parzonágāi̯ sarā́. amé pādšā́ xaǰallát būt, gúštī: man anū́n pa āwā́n yak xáte binmisín u dem bdāín, ta bí tā biā́nt. amé pādšāāi̯ ǰinén gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, binmís. amé pādšā́ yak xáte

---

Гуль сказал: «мы никогда друг с другом не разлучались, и теперь не разъединимся». Их мачеха сказала: «ты подойди на минутку, потому что у меня есть тебе что-то сказать». Гуль сказал Момину: «братец, ты посиди здесь, а я сейчас приду». Старший царевич подошел к своей мачехе и сказал: «что ты от меня хочешь?» Его мачеха сказала Гулю: «я тебя беру (вместо мужа)!» Гуль сразу ответил: «нельзя, ты мне вместо матери, и я тебя никогда не возьму (как жену)!» Его мачеха сказала: «невозможно! необходимо, чтобы ты взял меня (вместо жены)!» Гуль увидел, что она не отстанет, и сказал: «мы теперь отправимся в свою школу, заберем и привезем свои пожитки, а потом я тебя возьму (как жену)». Его мачеха согласилась и отпустила отсюда Гуля. Гуль пришел и сказал Момину: «посмотри-ка, какого рода разговор она со мной имела!» Момин сказал: «братец, уйдем, потому что дела наши запутываются». Гуль и Момин вернулись в свою школу.

Прошло некоторое время. Царь вернулся к себе домой и спросил свою жену: «ты видела моих сыновей?» Его жена ответила: «да, твои сыновья хуже, чем ты!» Царь сказал: «почему?» Его жена ответила: «как только твои сыновья пришли, они точно голодные, бросились к скатерти (с угощением)». Царь был пристыжен и сказал: «я сейчас напишу и пошлю им письмо, а ты позволь им прийти!» Жена царя сказала: «очень хорошо, напиши!» Царь на-

nimíst u dem dā́tī pa watí zāgā́n. amé xat šut, rast bi pādšā́äi̯ mazánen zāgā́i̯ dastā́ bi Gullā́i̯yā. amé ki Gull wā́ntī, gúštī go Momín: äi̯ lālā́, biyā́ ki ša mašmā́i̯ pisā́ yak xáte āt. ā u Momín wā́nt-atant, tā pis nimistagī́ ki mutlaxán biā́it. amé Gull u Momín go wat abár dā́tant: brawán, lālā́. ar duén brās rāzī́ bū́tant, š-amódinā ā́tant bi watí pisā́i̯ gisā́.

amé ki ā́tant, dístant tā bi pisā́i̯ gisā́ dīwā́ne ništagī́. amé ki bi gisā́i̯ tā putrítant, yak wār pādšā́ go watí mardumā́n gúštī: bgíritiš, ar duénānā pkúšit. yak wār amé pādšā́äi̯ wazī́l go pādšā́ gúštī: pa če ta ešā́nā kušā́i̯? ma kuš, kau̯šḗš čapí pkan tā brawánt. go amé mardumā́n gúštī: šmā bgírit, amé Gullā́i̯ kau̯šā́ čapí pkánit u Momínī kau̯šā́ čapí má kanít. amé mardúm gíptant, Gullā́i̯ kau̯šā́nā čapí kúrtant u Momínī kau̯šā́nā čapí na kúrtant. yak wār amé Gull ša gisā́ dár káptī ki brau̯t, Momín am ša gisā́ dár káptī ki brau̯t. amé ki pādšā́ dístī ki Momín am dár káptī, yak wār go watí mardumā́n gúštī: bráit, Momínā biā́rit go zanǰī́rā bandít. amé mardúm šútant, Momínā čā́r dā́tant u āúrtant, go zanǰī́rā sak bástant. yak katráe digár ki būt, amé Momín gipt, amé zanǰī́rāna sist u watí pisā́ gúštī: ta ki āí pis am ná-wäi̯, mnī am ná-wäi̯, š-amódinā ǰist u šut. tāngāt Gull ša šārā́ dár ná kápt-at ki Momín raséntī. Gull gúštī go Momín ki ta pa če ā́täi̯? Momín gúštī: ā ki tī pis am näi̯nt-a, mnī am näi̯nt-a.

писал письмо и отправил своим сыновьям. Письмо пошло и попало в руки старшего сына, Гуля. Когда Гуль прочитал, он сказал Момину: «смотри-ка, братец, пришло письмо от нашего отца!» Он и Момин стали читать; отец написал: «непременно приходите». Гуль и Момин поговорили между собой: «отправимся, братец!» Оба брата были довольны и пошли оттуда к дому своего отца.

Когда они подошли, они увидели, что в доме их отца заседает совет. Как только они вошли внутрь дома, тотчас царь сказал своим людям: «схватите их и обоих убейте!» Царский визирь немедленно сказал царю: «за что ты их убиваешь? не убивай, а вели перевернуть им туфли (в знак немилости), и пусть они уходят!» Он сказал своим людям: «возьмите и переверните туфли Гуля, а туфли Момина не переворачивайте». Эти люди взяли, перевернули туфли Гуля, а туфли Момина не перевернули. Гуль сразу вышел из дому, чтобы уйти. Момин также вышел из дому, чтобы уйти. Как только царь увидел, что Момин тоже вышел, тотчас он сказал своим людям: «идите, приведите Момина и закуйте в цепи!» Эти люди пошли, окружили Момина, привели и крепко заковали в цепи. Немного погодя, Момин взял, порвал цепи и сказал своему отцу: «раз ты ему не отец, ты и мне не отец!» Он выбежал оттуда и пошел. Гуль еще не вышел из города, как Момин его догнал. Гуль сказал Момину: «зачем ты пришел?» Момин сказал: «раз он тебе не отец, он не отец и мне!»

karā́r Momín u Gull šútant bi yak ǰāgā́e, ešā́nā šap gipt. Gull u Momín amé šapénā go wat abár dā́tant, dérā wáptant. yak wār amé Gull ša wābā́ ustát u šut pa šikā́rā, šikā́rī kurt yak kargóške u amé kargóškā āúrt bi watī́ brāsā́i̯yā. yak wār šut, yak káme dār āúrt, amé kargóškā zabr pakítī u tayā́r kúrtī u gúḍinā watī́ brāsā́ pā́dī kúrtī. Momín uṡtátī, amé kargóškāi̯ goštā́nā ā u Gull wártant, pa duwārág Momín gúštī: anū́n wārī́ mnī́ int-a. amé Momín tūpá^{k}kā zurt u šut pa šikā́rā. amé Gull amédinā ki wápt-atī, bí tā amédinā wāb rau̯t, ta bzā́nāi̯ ša guǰā́ngūr yak aždiyā́ṛe brābír a-bī́t u kāi̯t pa amé Gullā́i̯ ǰānā́, Gullā́ bó a-kánt. yak wār amé Gull amédinā báṭ a-bī́t. yak wār am amé Momín ša šikā́r a-kā́i̯t, yak wār dístī: wā wäi̯lán, gúǰint-a mnī brās! yaḳ wār amé Momín ǰat bāzéne bi watī́ sarā́gā u gret. yak katráe digá būt, amé Momín š-amódinā šut pa wat.

amé Momín a-rā́u̯t bi yak ḋaryā́be pānā́dā. amé daryā́bāi̯ pānā́dā, ta bzā́nāi̯, mardúm būtág aut. amé mardúm Momínā gindánt, yak wār a-kāyánt, Momínā baránt bi watī́ gisā́. amé ki baránt, yak čunt waxt bīt, gúḍinā amešā́nī pādšā́ mirī́t. amé mardúm a-giránt, Momínā watī́ pādšā́ a-kanánt. amé Momín ar čẹ ki gull ast bi amé šārā́i̯ tā, Momín āwā́nā gīt u ziyā́n a-kant yā na, bi digá šārā́n dém a-dánt, nā́i̯līt bi watī́ šārā́. anū́n ša Momín bil u ša Gullā́ goš pkaš.

Итак, Момин и Гуль пошли в другое место. Их застигла ночь. Гуль и Момин разговаривали друг с другом и заснули поздно. Вдруг Гуль встал и пошел на охоту. Он добыл зайца и принес этого зайца своему брату; пошел еще, принес немного дров, хорошенько изжарил этого зайца и приготовил и потом уже разбудил своего брата. Момин встал; он и Гуль поели заячьего мяса. На второй раз Момин сказал: «теперь моя очередь!» Момин взял ружье и пошел на охоту. Тут Гуль лег спать. Оставь его, пусть он засыпает, только знай, что откуда-то появляется дракон и подходит с умыслом на Гуля. Он обнюхивает Гуля, и тут же Гуль превращается в кашу. Тотчас же подходит с охоты и Момин: увы! где же мой брат? Много бил себя по голове и плакал Момин. Прошло еще несколько времени. Момин пошел оттуда своей дорогой.

Момин идет к берегу большой реки. А тебе надо знать, что на берегу этой реки были люди. Эти люди видят Момина, тотчас приближаются и забирают Момина к себе домой. Пока они его ведут, проходит некоторое время, и тем временем их царь умирает. Эти люди берут и делают Момина своим царем. Момин тогда, сколько ни есть цветов в его городе, все их берет и уничтожает или же отправляет в другие города, а в своем городе не оставляет. Теперь оставь Момина и послушай про Гуля.

yak róče yak malánge ša gujā́ngūr eší sár a-kapít, kāi̯t bi amé Gullā́i̯ sarā́, gindít tā ajában juwānén warnā́e ídinā murtagí, yak wār amé maláng yak hū́e kašít wa gušít: yā xudā́, amé čoríyā zindág pkánāi̯. yak wār xudā́ am amé malángāi̯ arzā́ zúrtī u amé Gullā́ zindág kurt. amé ki Gull ustát, sā́i̯lī ku tā mnī brās ídinā nāi̯nt-a, yak wār amé malángā pursítī, gúštī: gú-jint-a mnī brās? amé maláng gúštī: man čé zānín ša tī brāsā́, man ič ā́e rā na distág un. man ki ā́tun, ta ídinā murt-átāi̯. amé Gull gúštī: nápa bāz juwā́n int-a, anū́n mán a-raín. amé maláng watí dastā́ jat bi amé Gullā́i̯ puštā́, gúštī: bra, xudā́ go ta amrā́ bīt u ič kas trā āzā́r ma dant. maláng pa wat šut u Gull pa wat šut.

amé Gull šut, bi yak daryā́be pānā́dā dístī tā amédinā yak jiníke. amé jinīk ki Gullā́ dístī, ā́tī bi Gullā́i̯ā, dast bi mardí u jinení dā́tant. yak wār ša amé rodā́i̯ ā́škā mardúm kištíe u yak sundū́xe rā bi sāi̯ mardúmāi̯ dastā́ dém a-dayánt ki šmā bráit, awálā Gullā́ bgúšit: suwā́r bā́i̯ kištíyā ki trā bgwazénan ša rodā́ ā́škā, amé ki Gull bi kištíyā suwā́r būt, šmā ā́e rā biyā́rit bi rodā́i̯ mānjínā bi sundū́xāi̯ tā pkánit u bi āpā́i̯ tā elá bdā́it. amé sāén mardúm amé kištíyā āúrtant, Gullā́ gúštant: suwā́r bā́i̯ kištíyā tā brawán bi ā́škā. Gull amé kištíyā ki suwā́r bū́tī, yak wār amé sāén

---

Однажды откуда-то появился дервиш; он подходит к Гулю и видит, что тут умер удивительно красивый юноша. Сразу этот дервиш взывает к богу и говорит: «о боже, оживи этого юношу!» Бог тотчас же внял молитве дервиша и оживил Гуля. Когда Гуль встал, осмотрелся и увидел, что брата здесь нет, он сразу спросил дервиша: «где мой брат?» Дервиш сказал: «что́ я знаю о твоем брате? я вовсе его не видал! когда я подошел, ты уже был здесь мертвым». Гуль сказал: «ну, очень хорошо, я теперь пойду!» Дервиш ударил Гуля рукой по спине и сказал: «иди, бог да будет с тобой, и никто тебя не обидит!» Дервиш пошел своей дорогой, и Гуль пошел своей дорогой.

Гуль пошел и на берегу одной большой реки увидел девушку. Когда эта девушка увидела Гуля, она подошла к Гулю, и они дали друг другу руки, как муж и жена. Между тем люди, которые были на той стороне реки, вручают трем человекам лодку и один ящик: вы, мол, отправляйтесь и сначала скажите Гулю: «садись в лодку, мы тебя переправим на ту сторону реки», а когда Гуль сядет в лодку, вы его привезите на середину реки, поместите в ящик и пустите в воду. Эти три человека пригнали лодку и сказали Гулю: «садись в лодку, и мы поедем на ту сторону». Как только Гуль сел в лодку,

mardúm amé kištíyā bi āpā́ dātant u ātant bi amé āpā́i̯ mānǰínā. yak wār amé mardúm gíptant, amé Gullā́ bi sundū́xäi̯ tā kúrtant u bi āpā́i̯ damā́ dātant tā amé ā́p a-bárt, ātant bi ǰiníkäi̯yā. amé ǰiník gúštī: tā mnī mard mā́it, man ī-ǰā na raín, amédenā nindín. karār amé mardúm šútant pa wat. amé ǰinikó amédinā pa wat yak γásre ǰat u amédinā ništ. anū́n ša ǰinikóā bil u ša Gullā́ goš pkaš.

karār amé Gullā́ ā́p a-bart, bi yak gudáre dapā́, yak mardúme watí aspā́ kārít ki āp bdant. gindít tā asp rúmm a-kánt. amé mardúm bi amé watí aspā́i̯ gošā́ bāzén γamčúne ǰant ki daū́sāi̯ asp pa če rúm a-kánt. amé ki kā́i̯t bi gudárāi̯ dapā́, gindít, alā́! čunén ǰwānén sundū́xe bi rodā́i̯ tā kaptagí. yak wār ā́tī, ša watí aspā́ ér káptī u āt, amé sundū́xā ša āpā́ kašítī u burt, bāl āúrtī u bi amé aspā́i̯ sarā́ kúrtī, aspā́ suwā́r bū́tī u šut bi watí gisā́. ódinā amé sundū́xāi̯ dapā́ páčī kúrtī, dístī aǰában ǰwānén čoríe bi amé sundū́xäi̯ tā wā́b int-a. yak wār amé Gullā́ pād kúrti ki bust. amé Gull ustát, amé mardúmā gúštī: ta pa man yak káme gull paidā́ pkan u biyā́r. amé mardúm gúštī: agár amā́i̯ pādšā́ búškint, amā́ rā ša sarā́ póst a-kánt, pa če ki āí brāsā́i̯ nām būtagí Gull. anū́n āí brās murtagí, pa améšā ídinā gullā́ nā́i̯līt. amé Gull gúštī: ta bra, biyā́r, man

---

эти три человека сразу пустили лодку в воду и попали на середину реки Вдруг эти три человека схватили Гуля, сунули его в ящик и пустили по течению, чтобы его унесла вода, а сами вернулись к девушке. Девушка сказала: «пока мой муж не придет, я никуда не пойду, а останусь здесь». Итак, эти люди отправились во свояси, а эта девушка построила для себя замок и осталась тут. Теперь оставь девушку и послушай про Гуля.

А Гуля вода уносит к месту переправы, и какой-то человек в это время приводит сюда свою лошадь на водопой. Он видит, что лошадь пугается. Этот человек нещадно бьет плетью по ушам свою лошадь: чего, дескать, пугается эта распутная лошадь! Когда он подъезжает к месту переправы, он видит: ах! какой красивый ящик упал в воду! Он тотчас приблизился, сошел с лошади, подошел и вытащил ящик из воды; отнес его, поднял и нагрузил на лошадь; сел верхом и поехал домой. Там он открыл крышку ящика и увидел, что в ящике спит удивительно красивый юноша. Он тотчас разбудил Гуля: вставай, мол. Гуль встал и сказал этому человеку: «принеси мне немножко цветов!» Этот человек сказал: «если наш царь услышит, он сдерет нам кожу с головы, потому что имя его брата было Гуль (цветок), а теперь его брат умер, и потому он не терпит здесь цветов». Гуль сказал: «ты сходи, принеси, а я сам буду отвечать

wat āí ǰawāb a-daín. amé mardúm gúštī: man awál a-raín, ša pādšā́ pursín, gúḍinā pa ta kārín. Gull gúštī: nápa, bāz ǰwā́n int-a.

amé mardúm ā́tī bi pādšā́i̯yā, go pādšā́ gúštī: äi̯ pādšā́, γábli ālám, ānčén mardúme rā zī man bi āpā́i̯ tā dístun, bi sundū́xāi̯ tā at, ā́p a-kāúrt, man kašítun u āúrtun bi watí gisā́, ānčén ǰwānén čoríe, amā́ čorí ša man gull loṭít, anū́n man ā́tun bi tíā, ta amā́ rā murxás a-däyā́i̯ yā na? amé pādšā́ gúštī: ta bra, amāí rā bzūr u biyā́r. amé mardúm ā́tī, amé Gullā́ gúštī: biyā́ ki brawán mašmā́ bi pādšā́i̯yā. ā u Gull ā́tant bi pādšā́i̯yā. amé ki Momín u Gull wat rā dístant, grétant, tā du sāt dast bi gardín bū́tant u grétant, dérā go wat wašāmáde kurtant. ša yak u agdárā pursítant ki čón int-a tī awā́. Gull gúštī: zabr int. Gull Momínā pursít: čón int-a tī awā́? Momín gúštī: zabr int-a. karā́r Gull go Momín gúštī: äi̯ lālā́, man dārín yak ǰinéne, amā́ mnī ǰinén bi plānā́ ǰā́ int-a, mašmā́ brawán, āe rā biyā́ran. Momín ašt salā́t-a zurt u šútant. karā́r Gull mānt go watí brāsā́. eší rā Momín zabr gísī dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant. man am bi amā́ arosíā čap kúrtun, š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak ʿimā́ne āúrtun, pa ta yak ǰiníke ā́úrtun.

перед ним». Этот человек сказал: «я сначала пойду спросить у царя, а потом уже принесу тебе». Гуль сказал: «очень хорошо».

Этот человек пришел к царю и сказал царю: «о царь, средоточие мира, вот какого человека я вчера нашел в воде! он был в ящике, и вода его несла, а я вытащил и принес к себе домой, такой красивый юноша! этот юноша просит у меня цветов, вот я и пришел к тебе, дашь ты ему разрешение или нет?» Царь сказал: «иди, возьми его и приведи». Этот человек пришел и сказал Гулю: «давай, пойдем к царю!» Он и Гуль пошли к царю. Как только Момин и Гуль увидели друг друга, они расплакались, часа два обнимались и плакали и долго обменивались приветствиями и спрашивали один у другого: «как ты поживаешь?» Гуль сказал: «хорошо» и спросил Момина: «как ты поживаешь?» Момин сказал: «хорошо». Наконец, Гуль сказал Момину: «братец, у меня есть жена, эта моя жена в таком-то месте, поедем, привезем ее!» Момин взял восемь солдат; они отправились и привезли жену Гуля. Итак, Гуль остался со своим братом, Момин пышно справил его свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабаны. И я на этой свадьбе плясал, оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благоденствие, для тебя доставил девушку.

VIII

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādšā́^{ey} at. e pādšā́ dā́štī yak zā́ge. e zā́gī yak róče bū̦t, šut pa šikā́rā, šut, dístī amédā yak róde, sā́i̯lī ku tā čé paríe ābāzí a-kanánt. e sā́i̯lī ku tā mešā́nī tā čonén ǰuwānén paríe ābāzí a-kánt. e watí dilā́ pígrī ku, gúštī ki man go ešā́n bā́ndā kār dārín. e š-amédā šut bi watí gisā́. yak búnḍe rā kaḍā́^{k}ke ku, zabr ǰóḍī kurt wa tāríenā āúrtī, bi gudárāi̯ dapā́ išt. wat bi^{t} tā́i̯ būt. pārí ā́tant pa ābāzíā, watí puččā́nā kašítant. agidá bi ḍigárā íštant, amé ǰwānén parí watí puččā́nā bi bunḍā́i̯ sará išt, watí amrā́nā gúštī ki šmā am biyā́rit, watí puččā́nā bi bunḍā́i̯ sará bíllit. ā gúštant ki na, ammā́ amédā kíllan. e gúštī: ǰwā́n int. e watí puččā́nā dárī kúrtī, išt, wat šut pa ābāzíā. amé čorí ša bunḍā́i̯ tā dár kapt, šútī, amé paríā puččā́nā zúrtī, ā^{w}úrtī, bi bunḍā́i̯ tā́ī kurt, wat bi bunḍā́i̯ tā būt. parí ša āpā́ dar káptant, ā́tant, watí puččā́nā gwarā́ kúrtant wa rādág bū́tant. amé ǰ^{u}wānén parí ā́tī, sā́i̯lī ku tā mnī puč édā ná ^{w}ant, watí amrā́nā sóǰī ku ki mnī puččā́nā kā́i̯ zurtā́i̯? ā gúštant ki ammā́ na zānán.

(VIII. О пэри Шар-шару)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был царь, у этого царя был сын. Однажды этот сын отправился на охоту. Он шел и увидел реку; посмотрел: там купаются пэри. Посмотрел еще: ух! какая красивая пэри купается среди них! Он подумал и сказал сам себе: «ужо́ завтра я с ними сделаю что-нибудь!» Он отсюда пошел домой, выдолбил бревно, хорошенько обделал его и на утро принес и поместил его у переправы, а сам спрятался внутри. Пэри пришли купаться и сняли с себя одежду. Другие положили ее на землю, а эта красивая пэри положила свою одежду на бревно и сказала своим подругам: «вы тоже принесите и положите свою одежду на бревно». Они сказали: «нет, мы оставим здесь». Она сказала: «ну, хорошо!» Она разделась и положила свою одежду, а сама пошла купаться. Этот юноша вышел из бревна, взял одежду этой пэри, положил в бревно и спрятался сам в бревне. Пэри вышли из воды, подошли, оделись и собрались уходить. Подошла и эта красивая пэри, посмотрела: нет моей одежды! Она спросила своих подруг: «кто взял мою одежду?» Они сказали: «мы не знаем».

ā šútant, e mā́ntī, íngo sā́ili̯ ku, ā́ngo sā́ilī ku, íččī na dístī, ā́tī bi me bunḍā́i̯ā, gúštī ki ta ínse ʷäi̯, ǰínse ʷäi̯, agár ādamíe ʷäi̯, mnī puččā́nā zurtág-äi̯, bdä́äi̯! ā gúštī ki man na ínse un, na ǰínse un, ādamíe un, tī puč go mán ant. gúštī: mnī puččā́nā bdäi̯. ā gušt: na däín tī puččā́nā. gúštī: bdäi̯ pa brāsí o gwārí. ā gúštī ki na däín. gúštī: bdäi̯ pa nākó-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäi̯ pa trū brā-zākí. gúštī: na däín. gúštī: bdäi̯ pa mardí o ǰänení. gúštī: ǰwān int, tī puččā́nā däín, tī bālā́nā na däín. puččā́nā dā́tī, eší rā bi bunḍā́i̯ tā́ī ku, bunḍā́i̯ dapā́ bast. wat bunḍā́ baḍḍā́ī kurt, búrtī, bi watí pissā́i̯ gisā́i̯ dapā́ íštī. watí māsā́ gušt ki mnā dost dārít, plānā́ pai̯γummárā dost dārít, amé bunḍā́ na ki dast dā́it. mā́sī gušt ki ǰwān int.

e š-amédā šut bi bāzā́rā, šut, gā́štī, gā́štī padóī āt. watí māsā́ gúštī ki pa man ārt bāz drúššit, ki man gís a-kanín. eší mās gušt: ta kā́i̯ rā girā́i̯? e gúštī: man amé bunḍā́ girín. eší mās go: ta padšā́äi̯ yakén zā́ge, ta čon búnḍe rā girā́i̯? e gúštī: na, māsí, man amé bunḍā́ girín. gúštī: ǰwān int.

p-eší ārt-u-bār tayār kúrtant. eší rā gis dā́tant. búrtant bi killá. tāríenā roč būt, bi molíde dastā́ gul dém dā́tant, bi yákäi̯ dastā́ purr dém dā́tant.

Они ушли. Она осталась, посмотрела там и сям, ничего не нашла, подошла к бревну и сказала: «дух ли ты какой-нибудь или же человеческого рода, кто взял мою одежду, — отдай!» Он сказал: «я отнюдь не дух, я человеского рода, и твоя одежда у меня». Она сказала: «отдай мою одежду!» Он сказал: «не дам твоей одежды!» Она сказала: «отдай ради побратимства и посестримства!». Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений дяди к племяннице!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений тетки к племяннику!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради супружества!» Он сказал: «хорошо, я отдам тебе одежду, но твоих крыльев не дам». Он отдал ей одежду, поместил ее в бревно, закрыл вход в бревно, потом взвалил бревно себе на спину, отнес, положил у входа в дом своего отца и сказал своей матери: «если вы любите меня и любите такого-то пророка, то не прикасайтесь руками к этому бревну!» Его мать сказала: «хорошо!»

Он пошел на базар, походил, походил, вернулся назад и сказал своей матери: «намелите мне побольше муки, потому что я женюсь». Его мать сказала: «кого ты берешь?» Он сказал: «я беру это бревно». Его мать сказала: «ты единственный сын у царя! как можешь ты брать какое-то бревно!» Он сказал: «нет, матушка, я возьму это бревно!» Она сказала: «хорошо!»

Для него приготовили муку и прочее, поженили его и отвели в помещение для новобрачных. На утро рассвело. С одной служанкой послали ему цветов, а с другой послали золы и сказали: «отнеси цветы и посыпь

gúštant: gulā́nā bar bi čoríä̯i sarā́ breč, purrā́nā bar, bunḍā́i̯ sarā́ breč. e š-amédā búrtant, sā́i̯l kurtant tā čoríä̯i pānā́dā čonén ǰwānén warnā́e ništá. e ki dístant, γiš kurtant. parí ā́tī, watí dasmā́lā námmī ku, bi ešā́nī demā́ pāšítī, eš sár kúrtant, padoí šútant. parí gulā́nā zúrtī, burtī, ā u̯ čorí watí sarā́ bār kúrtant. e molíd šútant bi gisā́, ódenā gúštant go čoríä̯i māsā́: bībí, bībí, bībí šmā nä̯it, bībí ā́ int ki mnī wājā́i̯ demā́ ništá. e gúštī: watí rangā́ γä̯ib pkan š-amédā, ta ammā́ rā ša búnḍe kamtír a-kanā́i̯! e gúštī: na, bībí, bībí šmā nä̯it, bībí ā́ int ki mnī wājā́i̯ demā́ ništá. e š-amédā šútant ódenā p-āí sä̯ilā́. ódā dístant tā rāstí bībí ammā́ ná ʷan, bībí améš int. pa duwārā́g eší rā ša sárä̯i nok gis dā́tant. tā apt šap o apt roč dol kúrtant.

e čoríā apt šap, apt roč bū́d bū́tī, gúštī go watí māsā́ ki ä̯i māsí, man a-räín pa kārwā́n-kašíʸā, mnī ǰänén biᵗ tī dastā́ int. agár mnā dost dārā́i̯, pᵃlā́nā pä̯iγummā́rā dost dārā́i̯, na ki mnī ǰänénā bālā́nā bdā́ä̯i ki ā bāl a-kánt o rot. eší mās gušt: na, māsí, man ič waxt āí bālā́nā na dä́ín. gúštī: ǰwān int, man digá räín. ǰā́ni tá wa ǰā́ni mnī ǰänénā! ki ā bāl má. kant o má rot, ki ič ka āí sarā́ sar-zorí ma kant. gúštī: ǰwā́n int, māsí, man ič kasā́ nā́i̯līn ki āí sarā́ sar-zorí kant. e čorí š-amédā šut.

голову юноше! отнеси золу и высыпь на бревно!» Они отнесли и стали всматриваться: что это за молодая красавица сидит рядом с юношей! Как только они рассмотрели ее, они лишились чувств. Пэри подошла, намочила свой платок и побрызгала им в лицо; они очнулись и пошли обратно. Пэри взяла цветы и унесла; она и юноша разделили их между собой. А служанки пошли домой и сказали матери юноши: «госпожа, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Она сказала: «сгинь отсюда! ты считаешь нас хуже какого-то бревна!» Та сказала: «нет, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Они пошли туда посмотреть на нее и там увидели: ведь правда! не мы госпожи, а она госпожа! Вторично и снова его поженили. Семь ночей и семь дней били в барабан.

Когда истекло семь ночей и семь дней, юноша сказал своей матери: «матушка, я отправляюсь с караваном, а моя жена остается у тебя на руках; если ты любишь меня и любишь такого-то пророка, ты не отдавай крыльев моей жене, а то она взлетит и исчезнет!» Его мать сказала: «нет, сынок, я ни в каком случае не отдам ей крыльев». Он сказал: «хорошо, тогда я пойду, но ради твоей души и души моей жены! пусть она не летает и не уходит и пусть никто ее не притесняет!» Она сказала: «хорошо, я никому не позволю, чтобы ее притесняли». Юноша ушел.

tāríenā bi digá alke arūsíe būt. amé alkā̃i̯ ǰäník wat rā ǰóḍ kurtánt. e wat rā ǰóḍī na kurt. eší duskíč āt, gúštī: äi̯ Šar-šarū́, ta pa če wat rā ǰóḍa na kanā́i̯ ki mašmā́ bⁱrawán bi arūsíā. e gúštī: tā mnī bāl má bayánt, man ič ǰā šutága na kanín. e gúštī: ǰwān int, man tī bālā́nā kārín, ta tānáxte wat rā ǰoḍ pkan. e gúštī: ǰwān int. e š-amédā šútī watí māsā́i̯ā, gúštī: äi̯ māsí, eší bālā́nā bdäi̯! mā́sī gušt: na, māsí, agár man āí bālā́nā bdā́īn, ā bā́l a-kánt o rot ki tī brās a-kā̃i̯t, ša man awā́l a-gī́t ki gúǰ int mnī ǰänén? gúštī: man bālā́nā na däín. gúštī: na, māsí, bālā́nī bdäi̯ ki ammā́ rawán bi arūsíā wa zū́ti kāyán. gúštī: ǰwān int. eší bālā́nā dā́tī, e š-amédā bālā́nā āúrtī, watí nišā́rā dā́tī. eší nišā́r pa gal o bal zúrtī watí bālā́nā, š-amédā rādág būtant ki šútant bi arūsíā, šútant bi arūsíā̃ panā́dā. e gúštī ki šmā brā́it, man annū́n a-kāín. yak wār bā́lī ku, šut bi awā́. e säi̯l kúrtant ki wā wäi̯lán! ā bā́lī kurt o šut. e wassū́ī o duskíčī wat rā ǰátant o grétant ki ā šútī, bā́ndā na, póšī Šäi̯-kalandár a-kā̃i̯t, ša ^ammā awā́l a-gī́t ki gúǰ int mnī ǰänén. ammā́ ā́e rā čẹ ǰawā́b däyán. amé Šar-šarū́ bi awā́ä demā́, abā́rī dāt ki man rāín, ša apt daryā́bā ā́škā bäín. amín-kasī gušt wa šut. eší mās yak sorén búze rā kúštī, burt, górī kurt.

На утро в другом селении была свадьба. Девушки этого селения принарядились, а она не наряжалась. Ее золовка пришла и сказала: «Шар-шару, почему ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!» Она сказала: «пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти». Она сказала: «хорошо, я принесу тебе крылья, а ты пока принарядись». Она сказала: «хорошо!» Та пошла к своей матери и сказала: «матушка, отдай ей крылья!» Ее мать сказала: «нет, дочка, если я отдам ей крылья, она полетит и исчезнет, а твой брат вернется и спросит про нее: где, мол, моя жена? Нет», — сказала она, — «я не отдам крыльев!» Та сказала: «нет, матушка, отдай ее крылья! мы сходим на свадьбу и скоро придем!» Она сказала: «хорошо!» Она дала ей крылья; та принесла крылья и отдала своей невестке. Ее невестка с радостью взяла свои крылья. Они собрались на свадьбу и пошли. Она сказала: «вы идите, я сейчас приду», а сама вдруг взлетела и очутилась в воздухе. Они взглянули, но увы! она взлетела и летит. Ее свекровь и золовка стали себя бить и плакать: «она ушла, а не завтра, так послезавтра вернется Ша-каландар и спросит у нас про нее: где, мол, моя жена? какой ответ мы ему дадим?» Шар-шару уже в воздухе сказала: «я ухожу и буду по ту сторону семи рек!» только это сказала и улетела. Его мать зарезала красную козу, отнесла и закопала.

tārī́enā būt, Šäi̯-kalandár āt, gúštī: äi̯ māsí, man čunt sāl int ki šutā́ un pa kārwā́n-kašī́^{y}ā. eší mās gušt: zī na, parérī šútäi̯ pa kārwā́n-kašī́^{y}ā. gúštī: na, māsí, e du sā́l int ki man šutá un pa kārwā́n-kašī́^{y}ā. gúštī: šarr, māsī, watí nānā́nā bor. gúštī: mnī ǰänén gúǰ int-a? mā́sí gušt: ā u tī gwār šútant bi alkā́ wa annū́n a-kāyánt, ta watí nānā́nā b^{u}ā̊r. gúštī: ǰwān int, māsí. e ki watí nānā́nā wártī, mā́sī gúšt: čī́ze ki ša xudā́ čer näi̯nt, ša^{t} ta um čéra na bīt: tī ǰänén ša^{t} tī γamā́ múrtī. gúštī: guǰā́madā gór kurtā́ it? mnā bárit, āí gorā́ nišā́n bdā́it. eší rā búrtant, gorā̊́ nišā́n dā́tant ki amédā tī ǰänén murtā́ī. eš tā apt šap o apt roč amédenā káptī ameší gorā́i̯ sarā́.

yak róče būt, ā́tī bi gisā́, amédā sūgí ní́štī, yak ǰänén zā́ge watí ǰäníkkā dušmā́n dā́tī ki annū́ trā čo Šarẹ-šarū́i̯ā bāl a-dä́ín. e uškítī, šútī, amā́ ǰänén zāgā́ loṭítī. gúštī ki Šar-šarū́ bā́lī kurtá magá? ā ǰänén zāg gušt: tā magá sí na dārā́i̯? ā gúštī: na, man sī na dārín. ǰänén zāg gušt: palāná ročā́ yak arūsíe būt, ammā́ wat rā ǰóḍ kurtan ki brawán bi arūsíā. Šar-šarū́ wat rā ǰóḍī na kurt, tī gwār āt, gúštī ki äi̯ nišā́r, ta pa če wat rā ǰóḍa na kanā́i̯ ki mašmā́ brawán bi arūsíā? ā gúštī ki äi̯ duskíč, tā mnī bāl ma bayánt, man ič ǰā šutága na kanín. ā gúštī ki man tī bālā́nā kārín, ta tānáxte wat rā ǰoḍ pkan, man annū́n tī bālā́nā kārín. e wat rā ǰóḍī kurt. ā am šut, bālā́nī āúrt

---

Настало утро. Ша-каландар вернулся и сказал: «о матушка, сколько лет прошло уже, как я ушел с караваном!» Его мать сказала: «не вчера, так позавчера ты ушел с караваном!» Он сказал: «нет, матушка, уже два года, как я ушел с караваном!» Она сказала: «ну, хорошо, сынок, кушай свой хлеб!» Он сказал: «где моя жена?» Его мать сказала: «они пошли с твоей сестрой по селению и сейчас придут, кушай свой хлеб!» Он сказал: «хорошо, матушка». Когда он поел, его мать сказала: «что́ от бога не скрыто, не должно быть скрыто также от тебя! твоя жена с горя по тебе умерла». Он сказал: «где вы ее похоронили? отведите меня и покажите ее могилу!» Его повели и показали ее могилу: вот здесь, дескать, твоя мертвая жена! Десять ночей и десять дней он лежал здесь, на ее могиле.

Однажды случилось, что он пришел домой и сидел здесь в горе, а одна женщина ругала свою дочку: «я теперь тебя, как Шар-шару, заставлю улететь!» Он услышал, пошел, позвал эту женщину и сказал: «разве Шар-шару улетела?» Та женщина сказала: «разве ты не знаешь?» Он сказал: «нет, не знаю». Женщина сказала: «в такой-то день была свадьба, и мы принарядились чтобы итти на свадьбу, а Шар-шару не наряжалась; твоя сестра подошла и сказала: „невестка, что же ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!“ она сказала: „золовка, пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти“; та сказала: „я принесу твои крылья! ты пока принарядись, а я сейчас

u dāt. e watí bālā́nā zurt, gúštī ki brawán. e š-amédā šútant bi arūsíā́ pānā́dā. āwā́nā gúštī ki šmā bräi̯t, man annū́n a-kāín. ā š-amédā šútant ki e yak wā bā́lī ku, šut bi awā́ wa bi mā awā́ä demā́ gúštī ki man raín, ša apt daryā́bā ā́škā bäín. e Šäi̯-kalandár gúštī ki man annū́n a-räín pa āí padā́.

Šäi̯-kalandár šútī, wat rā malangī́ pṓšī kurt wa šútī, šútī bi yak čóle. dístī tā yak molíde ā́p a-kašít. gúštī: äi̯ dādā́, mnā yak kámme āp bdäi̯. e gúštī: bra, gum bā́i̯, tī dil ušk bīt, Šar-šarū́äi̯ nimā́z kazā́ bīt, man trā ā́pa bdäín! e gúštī ki bra ki tī āp ón bayánt. e š-amédā watí āpā́nā búrtī ódenā, tā mnī āp ón ant! pa duwārág watí maškā́i̯ āpā́nā rétī, pa duwārág ā́tī bi čāā́ sarā́. e čorī́ gušt: äi̯ dādā́, ta mnā yak kámme āp bdäi̯. a gúštī: bra, gum bā́i̯, tī dil ušk bīt, Šar-šarū́äi̯ nimā́z ódā kazā́ bīt, man trā āp bdäi̯n! ā gúštī: bra ki tī āp rem bayánt. ā watí āpā́nā burt, ódenā säi̯l ku, tā mnī āp rem ant! watí maškā́i̯ āpā́nā gipt, rétī, ā́tī padā bi čāā́i̯ sarā́, watí maškā́ ā́pī ku. e čorī́ gúštī: äi̯ dādā́, ta mnā yak kámme āp bdäi̯. e gúštī bʰra, gum bā̃, tī dil ušk bīt, ki Šar-šarū́äi̯ nimā́z ódā kazā́ bīt! e gúštī: brā ki tī āp čirk bayánt. e š-amédā watí āpā́nā burt bi ódenā.

принесу твои крылья"; она принарядилась; та пошла, принесла крылья и отдала; она взяла свои крылья и сказала: „пойдемте!" они пошли на свадьбу, и она сказала им: „вы идите, а я сейчас приду"; они пошли, и вдруг она взлетела на воздух и уже в воздухе сказала: „я ухожу и буду по ту сторону семи рек!"» Ша-каландар сказал: «теперь я пойду за ней!»

Ша-каландар пошел, оделся в дервишеское платье и ушел. Пошел он в пустынное место, увидел, что одна служанка набирает воду, и сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, значит, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в кровь!» Она понесла отсюда свою воду: — «да ведь моя вода, это кровь!» Она вылила воду из меха и вторично пришла к колодцу. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, по твоему, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в гной!» Она понесла туда свою воду и посмотрела: «да ведь моя вода, это гной!» Она взяла и вылила воду из своего меха, опять пришла к колодцу и набрала воды в мех. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода станет грязью!» Она понесла отсюда свою воду.

Šar-šarū gušt: ta zūti pkan, pa man āptāwágāi̯ tā āp pkan wa biār ki man dásti-nimāz bgirín. e šut, watí āpānā sāi̯lī ku, tā mnī āp čirk ant! Šar-šarū́ gúštī ki zū́ti pkan, āp biār. pa duwārág gúštī: tī āp pa če ón ant u čirk ant u rem ant? ā ǰawā́b dāt ki bi čāā́i̯ sarā́ yak malánge ništá u ǰwānén sūratíen mardúme, ša man ā́pe loṭít u man ā́e rā gúštun: bʰra, gum bā̃i̯, tī dil ušk bīt, Šar-šarū́āi̯ nimā́z ódā kazā́ bīt wa man trā édā āp bdā́īn! ā gúštī: bra ki tī āp on u čirk bayánᵗ. Šar-šarū́ gušt: ta bra, ā́e rā āp bdāi̯, ziyātíānī ma réčāi, pa man biārāi̯.

e š-amédā šútī bi čāā́i̯ sarā́ tā čorī ništá-ī. watí maškā́ ā́pī kurt. e čorí gušt ki āi̯ dādā́, mnā yak kámme āp bdāi̯! e molíd gúštī: āi̯ lālā́, ta yak wā bošt ki man watí maškā́i̯ dapā́ bandín, gúḍā trā ā́p a-dāín. watí maškā́i̯ dapā́ bast, eší rā āp dāt, gúštī: watí ziyātíyānā ma réčāi̯ ki Šar-šarū go man guštāi̯ ki āí ziyātíyānā biārāi̯ pa man. e šā xudā́ loṭít ki e molíd mnā e ḍolén abáre dāt. eší dem ki āngūrí gašt, e watí čallā́wā gíptī, bi āpā́nī tā préntī, wa e molíd āpānā búrtī, bi Šāri-šarū́ dāt.

Šar-šarū́ wártī, sāi̯lī ku tā allā́! e čalló mní int-a! e čallā́wā zúrtī, ā́tī bi čāā́i̯ sarā́, sāi̯lī ku tā e Šāi̯-kalandár int-a. gúštī: āi̯ ādamí, múrg

---

Шар-шару сказала: «поскорее налей воды в кувшин для омовений и принеси, потому что я уже собираюсь встать на молитву!» Она пошла и посмотрела на свою воду: «да ведь моя вода, это грязь!» Шар-шару сказала: «скорее неси воду!» и сказала еще: «отчего это у тебя вместо воды то кровь, то гной, то грязь?» Она ответила: «у колодца сел один дервиш, человек молодой и красивый, он попросил у меня воды, а я ему сказала: „уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена, пока я буду здесь тебе давать воду!“ он сказал: „иди, и пусть твоя вода будет кровью и грязью!“» Шар-шару сказала: «иди и дай ему воды, а остатки не выливай, а принеси мне».

Она пошла отсюда к колодцу; юноша еще сидит. Она наполнила свой мех водой. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Служанка сказала: «братец, подожди немножко, я завяжу свой мех и тогда дам тебе воды». Она завязала отверстие своего меха, дала ему воды и сказала: «остатки не выливай, потому что Шар-шару мне сказала: „что̀ после него останется, принеси мне!“» Это он выпросил у бога, чтобы служанка произнесла такие слова Как только она отвернулась, он взял свой перстень и опустил в воду. Служанка отнесла воду и дала ее Шар-шару.

Шар-шару стала пить, взглянула: «ах, да ведь это мой перстень!» Она взяла перстень, пошла к колодцу и стала смотреть, а там Ша-каландар. Она

be bāl, ta édenā čon ātāi̯? e gušt: man amé ḍol ātun. eší rā gíptī, sūččnī kurt, bi watí zīʸāī ǰat. š-amédā šútī bi watí ǰāgā́. parí ātant, gúštant ki āi̯ Šar-šarū́, boi̯, boi̯ ādamí! e gúštī ki brā́it, gum bāi̯t, édā gúǰ int ādamíe? e gúštant ki na, Šar-šarū́, boi̯, boi̯ ādamí! Šar-šarū́ gúštī ki brā́it, gum bā́it pa wat, édā ādamí nā́int-a wa múččī parí ant. e š-amédā šútant pa wat.

Šar-šarū́ š-amédenā šútī bi dū́rā, eší rā gíptī, bi watí bālā́n ǰā́tī, bā́lī kúrtī, šútī bi watí ǰāgā́. ódenā mās u písī gúštant ki āʷúrtāi̯ watí ǰānénā? ā gúštī: ān, šᵘmā go man bāz gandā́gen kār kúrtit ki man watí ǰānénā bi šmāi̯ dastā́ dā́tun, šmā go man e ḍol kúrtit. š-amódenā man ǰístun u bástun, ā́tun, bi watí ǰāgā́, níštun.

IX

būt būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír ič kas na būt. yak pādšā́e at, e šútant pa gardíštā. e pādšā́ oš ku: mnī tazbī́ édā nāi̯nt, gisā́ māntá, ša šmā yáke brā́it, mnī tazbī́ā biyārit. wazíl gu: āi̯ pādšā́, man a-rāín, tī tazbī́ā kārín. pādšā́ gúštī: bra, tazbī́ā biā́r. e wazíl šut, der kúrtī. Šā-trasā́n gúštī ki

---

сказала: «о человек, птица без крыльев! как ты попал сюда?» Он сказал: «вот так и попал!» Она взяла его, обратила в иголку, воткнула себе в воротник и пошла отсюда к себе. Подошли пэри и стали говорить: «о Шар-шару, запах! человечий запах!» Она сказала: «уходите, пропадите! откуда здесь человечье!» Они сказали: «нет, Шар-шару, запах! человечий запах!» Шар-шару сказала: «уходите, убирайтесь к себе! здесь человечьего нет, все пэри!» Они ушли отсюда к себе. А Шар-шару пошла отсюда подальше, взяла его, поместила к себе на крылья, взлетела и отправилась к себе домой. Там его мать и отец сказали: «ты привел свою жену!» Он сказал: «да! вы со мною очень скверно поступили: я поручил вам свою жену, а вы так со мной поступили!» Оттуда я выскочил, завязал, пришел к себе, уселся.

(IX. О Ша-трасане)

Было-было, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. (Однажды царь и его приближенные) отправились на прогулку. Вдруг царь спохватился: «здесь нет моих четок, они остались дома; кто-нибудь из вас пусть съездит и привезет мои четки». Визирь сказал: «царь, я съезжу и привезу твои четки». Царь сказал: «поезжай и привези четки». Визирь поехал, но задержался. Тогда Ша-трасан сказал: «я съезжу и привезу четки». Царь сказал

man a-räín, tazbíā kārín. pādšā́ gúštī: bra, zū́ti biā́āi̯. Šā-trasā́n šútī, rā́stī ódenā bi pādšā́āi̯ gisā́, dístī ki wazíl go padšā́āi̯ ǰänénā ǰant u wart. e zū́tī ku, tazbíā zúrtī u amé wazílä̯i linguṭá go tazbíā zúrtī u áspe rā suwā́r būt u šut. wazíl zū́tī kurt, šútī, ša bāzā́rā pa wat linguṭáe zítī, watí sarā́ bast, ā́tī, ša kamā́ndā áspe gíptī, suwā́r būt u ā́ī ku, šut, ša Šā-trasā́n demā́ bū́tī, šut bi pādšā́āi̯ā. pādšā́ gúštī: mnī tazbí gúǰ int? wazíl gu: pádā go Šā-trasā́n int, ā kārítī. gúštī: šarr. yak sāā́te būt, Šā-trasā́n āt.

š-amédā šútant, ā́tant bi yak ǰā́e, dístant ki aǰā́ben ǰwānén ḍigáre. wazíl gu ki e ḍigár bā́bi tī šār u kalā́t-a dārít, tī šār u kalā́t edenā́ bīt! pādšā́ gušt: kār kí kār ant? wazíl gu: kār Šā-trasā́nī^y ant. pādšā́ gúštī ki äi̯ Šā-trasā́n bābā́, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ilā́ǰe na dārín. pādšā́ gúštī ki kanā́i̯ yā na? gúštī ki kanín. e pādšā́ u wazíl šútant, Šā-trasā́n tanā́ mā́ntī, šútī, dástẹ nimā́z gíptī, ā́tī, nimā́z kúrtī. yak pīramárde ā́tī, gúštī: äi̯ bābā́, édā ta čéw a-kanā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki pādšā́ bi mnī sarā́ úkme kurtá ki ta édenā šā́r u kalā́te ǰóḍ kanā́i̯. e pīramárd gušt: äi̯ bābā́, ta pạ eší sargardā́n äi̯? Šā-trasā́n gúštī ki ān, bābā́, man p-ameší sar-gardā́n un. e pīramárd watí asā́ zúrtī, bi ḍigárā yak wār čóšī kašít, šār u kalā́te ǰóḍ būt.

ему: «поезжай, но возвращайся скорее». Ша-трасан отправился, прибыл в царский дворец и увидел, что визирь забавляется с царской женой. Он поспешил, взял четки и вместе с четками захватил чалму визиря; сел верхом и поехал. Визирь заторопился, вышел, купил на базаре для себя чалму, повязал голову, взял лошадь из конюшни, сел на нее, погнал, поехал, опередил Ша-трасана и подъехал к царю. Царь сказал ему: «где мои четки?» Визирь сказал: «сзади, у Ша-трасана, он привезет». Он сказал: «хорошо». Прошло некоторое время, Ша-трасан подъехал.

Они отправились оттуда, приехали в одно место и увидели, что местность удивительно хороша. Визирь сказал: «эта местность подходит для устройства поселения и города, пусть здесь будет основан твой город!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода!» Царь сказал: «что же, сделаешь или нет?» Он сказал: «сделаю». Царь и визирь уехали. Ша-трасан остался один, совершил омовение и стал на молитву. Подошел один старец и сказал: «что ты здесь делаешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «царь приказал мне, чтобы я заложил здесь город». Старец сказал: «этим-то ты расстроен, сынок?» Ша-трасан сказал: «да, отец, я этим расстроен». Старец взял свой посох, провел один раз по земле, и образовался город.

bándā pādšā́ ātī pa säi̯lā́, sā́i̯lī ku ki aǰáb ǰwānén šār u kaláte-e. e wazī́l dist, go pādšā́ gúštī: äi̯ pādšā́, e šār u kalā́t bā́bi dráxtẹ gul-xandū́n u gul-gurū́n dārī́t ki édenā dráxtẹ gul-xandū́n bū́tin. pādšā́ gu ki kār kī́ kār-ant? wazī́l gu ki kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gu ki äi̯ bābā́ Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ilā́ǰe na dārī́n, mebāét pkanī́n. e šútant.

Šā-trasā́n mānt u šútī, dast-nimā́z gíptī, nimā́zī ku, pīramárd ā́tī Šā-trasā́nīyā, gúštī: äi̯ bābā́, pa če sar-gardā́n äi̯? Šā-trasā́n gušt ki ša man dráxtẹ gul-xandū́n u gul-gurū́n a-loṭā́nt. gúštī: p-amešī́ sar-gardā́n äi̯? gúštī: ān. gúštī: bra š-amédenā, bẹ palānā́ ǰā yak buzlangī́-e, pādā́i̯ ṭūén nále sabz kurtá, amā́ nalā́i̯ čérā pa wat kúrme dẹ́, wat bi mā kurmā́[i] tā mnind, amé nalā́i̯ rīšā́gā go watī́ dastā́ bgir, péš kaš, ā buzlangī́ wat paryā́d a-kā́nt. buzlangī́, kā́yant, amédenā kót a-bayā́nt. šant ki bi azrā́ti Slei̯mā́nī čáppäi̯ aptekā́llā sogī́nd ki trā íččīa na kanā́n, ar kas-ā́i̯, dā́r kap, biā́, trā íččīa na kanā́n. ta mäi̯l, pa duwārā́g péš pkaš. ā wat a-gušā́nt: bi azrā́ti Slei̯mā́nī rā́stäi̯ aptekā́llā sogī́nd, trā íččīa na kanā́n. gúḍinā ta bil. Šā-trasā́n gúštī: nápa bāz ǰwā́n int-a.

На следующее утро царь прибыл для осмотра и усмотрел, что поселение и город удивительно хороши. Визирь поглядел и сказал царю: «царь, этот город вполне достоин дерева с цветами смеха и плача (гуль-хандун и гуль-гурун)! если бы здесь было это дерево!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что ты скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, приходится сделать». Они уехали.

Ша-трасан остался, совершил омовение, сотворил молитву. Явился старец и сказал: «ну, сынок, чем ты расстроен?» Ша-трасан сказал: «с меня требуют дерева с цветами смеха и плача». Он сказал: «так ты этим расстроен?» Он сказал: «да». Он сказал ему: «иди отсюда; в таком-то месте есть один бузланги, и в ноге у него вырос большой отросток; ты под тем отростком выкопай для себя яму, сядь в яму, захвати рукой корни отростка и потяни: тот (бузланги) закричит, и другие бузланги придут туда к нему на помощь и скажут: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем! кто бы ты ни был, выйди наружу и подойди, мы тебе ничего не сделаем!“ ты не отпускай, а опять потяни; они снова скажут: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем!“ тогда ты отпусти». Ша-трасан сказал: «очень хорошо!»

š-amódinā šútī bi amā́ nalā́i̯yā ki bi amé buzlangī́äi̯ pādā sabz kurt-át. šut, amā́ī čérā pa wat yak kúrme ǰátī u bi amā́ kurmā́i̯ tā wat čer káptī u amā́ nalā́i̯ rīšágānā gipt, péš kašít u yak wār amé buzlangī́ grétī u čičā́l kúrtī. yak wār buzlangī́ gírdī ā́tant, tawā́r kúrtant ki ta ādamī́e wä̯i̯ yā ínse wä̯i̯ yā ǰínse wä̯i̯, ar čée wä̯i̯, bil. bi azráti Slei̯mā́nī čáppä̯i̯ aptekállā sogínd, trā́ íččia na kanán, bil. e nā́i̯štī, pa duwārág peš kašítī, pa duwārág amé buzlangī́ čičā́l kurt. yak wār amé buzlangī́ gírdī gúštant: bẹ azráti Slei̯mā́nī rā́stä̯i̯ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanán. e dár kapt. gúštant ki ä̯i̯ ādamí, ta š-e badbáxtā če lotā́i̯ ki e badbáxtā e ḍol sizā́ dārā́i̯? čẹ dard dārā́i̯ b-ešī? e gušt ki man yak murā́de dārī́n, ki šmā āsíl pkanít. buzlangī́ gúštant ki čẹ murā́de dārā́i̯? e gušt kẹ man amé murā́dā dārī́n ki dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nā ša man pādšā́ lotī́t. e gúštant: tī murā́d amḗš int? Šā-trasā́n gúštī ki ān. gāmǰánā gúštant ki ešī́ rā bzūr u bar, bi dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́nī sarā́ s^{u}wār kan, dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n rā ša rīšágā pkaš u bar, bi pādšā́äi̯ šārā́ bil u wat biā́. eš Šā-trasā́nā búrtī, bi draxtā́i̯ šarā́ s^{u}wār kurt, búrtī, bi pādšā́ä šārā́ ístī, wat bi pádā ā́tī.

šā́i̯pū́r tawā́r ku, poǰ ā́tant pa sä̯i̯lā́. sä̯i̯l kúrtant, wazī́l dist, go pādšā́ gušt: ä̯i̯ pādšā́, e dráxtā gul-xandū́n u gul-gurū́n bāb dāšt kẹ p-ešī́ yak

---

Оттуда он пошел к тому тростнику, который вырос на ноге у бузланги. Пошел, вырыл под ним для себя яму, спрятался в яме, схватил корни тростника и потянул; тотчас бузланги заплакал и застонал. Сразу подошли все бузланги и закричали: «человек ли ты, или дух, кто бы ты ни был, отпусти! клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем, отпусти!» Он не отпускал, а потянул вторично. Вторично тот бузланги застонал. Тотчас все бузланги сказали: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем!» Он вышел. Они сказали: «человек, чтó ты хочешь от этого бедняги, что ты этого беднягу подвергаешь такому наказанию? какую обиду он причинил тебе?» Он сказал: «у меня есть одно желание, которое вы могли бы исполнить». Бузланги сказали: «какое у тебя желание?» Он сказал: «у меня такое желание, что царь требует от меня дерево с цветами смеха и плача». Они сказали: «таково-то твое желание?» Он сказал: «да». Они сказали скороходу: «возьми его, отнеси и посади на дерево смеха и плача, вытащи с корнем дерево с цветами смеха и плача, снеси и поставь в царском городе, а сам приходи». Он понес Ша-трасана, посадил его на дерево, отнес и поставил в царском городе, а сам вернулся.

Протрубили в трубу, и стража пришла для осмотра; стали осматривать. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево с цветами смеха и плача требует,

ƀálle bū́tin, dráxti čil-muγā́m édenā bū́tin. pādšā́ gušt: kār kí kār ant? wazī́l gušt: kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā gušt ki äi̯ bābā́ Šā-trasā́n če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki man ilā́je na dārī́n, amé kārā́ kanī́n. gúḍā e šútant.

Šā-trasā́n šut, daste-nimā́z gipt, nimā́z ku, spe-rī́še ā́tī, gúštī: äi̯ bābā́, édā čeʷ a-kanā́i̯? gúštī ki pādšā́ go man guštā́ī ki dráxti čil-muγā́mā šaᵗ ta lotī́n. gúšti ki p-amešī́ γussā́ warā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ān. gúštī ki bra, pᵃlā́nā́ jā yak buzlangī́ā jänéne nān a-pačī́t, amé ki pádāi̯ girdā́gā mān bast, ta bgir, ša pā́dā godā́nānī čuš-čúšā binā́ pkan. āí nān a-sučā́nt, ā gušī́t ki ta ar kas-ā́i̯, bil, ki mnī nān sótant, ta mā́i̯läi̯, āí nān sučā́nt, ā wat a-gušī́t: bi azrā́ti Slei̯mā́nī čáppäi̯ aptekā́llā sogī́nd, trā íččīa na kanī́n, ar kas-ā́i̯, bil, ta mäi̯l. amé ki nā́nī bāz sótant, ā wat gušī́t ki bi azrā́ti Suleimā́nī rā́stäi̯ aptekā́llā sogī́nd, trā íččīa na kanī́n. guḍā ta am bäⁱl.

Šā-trasā́n ā́tī bi jänā́käi̯ā, dī́stī ki nān a-pačī́t, uštā́tī. pā́däi̯ girdā́gā ki mān bast, ša pā́dā godā́nānī čuš-čúšā binā́ kurt. ešī́ nān sótant, gúštī: ta ar kas-ā́i̯, bil, ki mnī nān sótant. e nā́ⁱštī, buzlangī́ä jänénä nān sótant. gúštī: ta ar kas-ā́i̯, bi azrā́ti Slei̯mā́nī čáppäi̯ aptekā́llā sogī́nd ki trā íččīa na kanī́n, bī́l, ki mnī nān sótant. e nā́i̯štī. nā́nī bāz sótant, gúštī:

чтобы для него была пара! если бы здесь было дерево сорока песней!» Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь сказал: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «что скажешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «у меня исхода нет, сделаю и это». Они уехали.

Ша-трасан пошел, сделал омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «что здесь делаешь, сынок?» Он сказал: «царь сказал мне: „я хочу от тебя дерево сорока песен“». Тот сказал: «ты этим опечален?» Ша-трасан сказал: «да». Тот сказал: «иди! в таком-то месте жена бузланги печет хлеб; как только она прилепит последнюю лепешку, ты изловчись и примись сзади сосать ее грудь; ее хлеб будет сгорать, и она скажет: „кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!“ ты не отпускай; ее хлеб будет сгорать, и она снова скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, кто бы ни был, отпусти!“ ты все же не отпускай; когда хлеб сильно подгорит, она снова скажет: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ тогда ты отпусти».

Ша-трасан пошел к женщине, увидел, что она печет хлеб, встал, и как только она прилепила последнюю лепешку, принялся сзади сосать ее грудь. Ее хлеб стал подгорать, и она сказала: «кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал, хлеб жены бузланги горел. Она сказала: «кто бы ты ни был, клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал. Ее хлеб сильно подгорел, и она

bi azrátī Slei̯mā́nī rā́stäi̯ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín, bil. eš am íštī. eší rā sūčéne kúrtī, bi watí kulā́ī ǰat. watí nānā́nā pač sist, búrtī bi watí gisā́, zā́gī ā́tant, gúštant: mā́sī, mā́sī, boi̯, boi̯ ādamí. mā́sī gušt: albát šmā ādamíe čīz wartág-it ki bi šmā̃ gīnā́ ast. ā gúštant: na, mā́sī, boi̯, boi̯ ādamí. mā́siš gušt ki yak ādamíe ast, eš am čo š^{u}mā́i̯ā yak brā́se.

eší rā dárī kurt, āwúrtī, b-ešā́nī mānǰínā íštī. e gúštant: äi̯ lālā́, če murā́d dārā́i̯? e gušt: man yak murā́de dārín, agár š^{u}mā āsíl pkanít. e gúštant ki če murā́de. e gušt: mnī murā́d dráxti čil-muγā́m ast. e gúštant: ammā́ yak murā́de dārán, agár ta āsíl kanā́i̯. e gušt: če murā́de? e gúštant: yak buzlangíe ast ki ammā́i̯ dištárā wāūndí kurtá, bi amā́ na dant, agár ta brawā́i̯, š-āí ammā́i̯ dištárā alā́s pkanā́i̯, amā́-m tī murā́dā āsíl a-kanán. e gušt: ša šmā yáke go man bā̃i̯t, mnā nišā́ní b^{i}dánt. e gúštant ki ammā́ trusán, na rawán. amé ammā́i̯ tūlá bi^{t} tī demā́ bīt, trā bart rāstám bẹ māí sarā́. e gúštī: nápa ǰuwā́n int. tūlá b-eší demā́ bū́tī, eší rā búrtī, rāstám bi buzlangíäi̯ sarā́.

ódā šut, sā́i̯l a-kú ki čāā́ tā buzlangí waptá, ǰänikkū́ sarā́i̯ā paṭṭít, ǰänikkū́ eší rā dist, gušt: man bi balā́e kaptá un, ta wat rā bi balā́e

---

сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти». Он ее отпустил. Она его превратила в иголку и воткнула в свою шапку, а свой хлеб вынула и отнесла домой. Ее дети подошли и сказали: «матушка, матушка, запах! человеческий дух!» Мать сказала: «должно быть, вы поели какой-нибудь человечины, что вам чудится запах!» Они сказали: «нет, матушка, запах! человеческий дух!» Их мать сказала: «здесь есть один человек, но он, подобно вам, один из братьев».

Она его вынула, подвела и поставила между ними. Они сказали: «какое у тебя желание, братец?» Он сказал: «у меня есть одно желание, только исполните ли вы его?» Они сказали: «какое желание?» Он сказал: «мое желание — дерево сорока песен!» Они сказали: «и у нас есть одно желание, исполнишь ли ты его?» Он сказал: «какое желание?» Они сказали: «есть один бузланги, который овладел нашей невестой и не дает ее нам; если ты пойдешь и освободишь от него нашу невесту, и мы твое желание исполним». Он сказал: «пусть один из вас пойдет со мной и покажет мне». Они сказали: «мы боимся и не пойдем, а вот наш щенок будет впереди тебя и отведет тебя прямо к нему». Он сказал: «ну, хорошо». Щенок шел впереди и повел его прямо к местообитанию бузланги.

Он пошел туда, стал смотреть и увидел в колодце спящего бузланги; девушка перебирает у него волосы на голове. Девушка его увидела и сказала: «я попала

ma pren. e gúštī: man náʸ-ā́tun ki napás drūāén pádā barín, yā eší rā kušín, yā na kẹ e mnā kušít. watí zāmā́ bi buzlangíä pā̧dā́ índ̦ dāt. buzlangí gúštī ki mnī pādā́ bóḍe wart. gúštī go ǰänikkū́ā kẹ amé boḍā́ bgir. ā badtír pādā́i̯ tā inḍ dāt. e gušt ki trā gušín: boḍā́ bgir. ā gušt: e bóḍe näi̯nt, watí burzágā säi̯l pkan. e ki sā́i̯lā kurt tā mardúme bi mnī sarā́i̯ čérā uštātá, ša čā arkát ku, dár kapt. e gúštī: ta dẹ́ mnā! ā gúštī: ta dẹ́ mnā. Šā-trasā́n gu ki wārí tí-int, ta mnā dẹ! buzlangí Šā-trasā́nā ǰátī zā́me, e zām Šā-trasā́nā ṭap na kurt, e zām šut bi ḍigárā. Šā-trasā́n bi buzlangíā gušt ki tī zāmā́i̯ ǰatín améš būt? buzlangí gu: mnī zāmā́i̯ ǰatín améš int, ta wat rā bⁱšān. Šā-trasā́n wat rā šānt. buzlangí dist ki b-eší ṭap na kurtá. Šā-trasā́n gušt kẹ annū́n wārí mní-int. buzlangí gušt ki ān. Šā-trasā́n eší rā ǰat yak zā́me. eš gúštī: tī zāmā́i̯ ǰatín améš būt? Šā-trasā́n gu: ān. Šā-trasā́n gúštī: wat rā pšān. buzlangí wat rā šā́ntī, néme éškā kapt, néme ā́škā kapt. adigá buzlangí dístant ki dūt ziyā́n būt, ā am rástant, ǰänikkū́ā kašítant, búrtant, gām-ǰánā gúštant ki eší rā bar, bẹ dráxti čil-muγā́mä sarā́ sᵘwā́r kan, dráxtā ša bunā́ pkaš, bar, bi pādšā́äi̯ γasrā́ dapā́ dẹ. e Šā-trasā́nā gúštī ki brawán ódenā bi dráxti čil-muγā́mäi̯ā, eší rā búrtī, bi dráxti čil-muγā́mäi̯

в беду, хоть ты себя в беду не взергай!» Он сказал: «я не затем пришел, чтобы уходить назад здравым и невредимым: или я его убью, или же он меня убьет!» и своим мечем уколол бузланги в ногу. Бузланги сказал: «меня в ногу укусила вошь!» и велел девушке: «убери эту вошь!» Он еще хуже уколол его в ногу. Он сказал: «я тебе говорю, убери вошь!» Она сказала: «это не вошь, посмотри над собой!» Как только он рассмотрел, что над его головой стоит человек, он поднялся из колодца и вышел наружу. Этот сказал: «ударь меня!» и тот сказал: «ударь меня!» Ша-трасан сказал: «очередь твоя, ты меня ударь!» Бузланги нанес Ша-трасану удар мечом. Этот удар не поранил Ша-трасана, меч ушел в землю. Ша-трасан сказал бузланги: «так-то ты бьешься мечом!» Бузланги сказал: «я так бьюсь мечом, ты отряхнись!» Ша-трасан отряхнулся, бузланги увидел, что он его не поранил. Ша-трасан сказал: «теперь моя очередь!» Бузланги сказал: «да». Ша-трасан нанес ему удар мечом. Он сказал: «так-то ты бьешься мечом!» Ша-трасан сказал: «да». Потом Ша-трасан сказал: «отряхнись!» Бузланги отряхнулся, и одна половина упала на одну сторону, другая — на другую. Другие бузланги увидели, что поднялся большой дым. Они также приблизились, девушку взяли и увели с собою, а скороходу сказали: «отведи его, посади на дерево сорока песен, а дерево выдерни с корнем, снеси и посади у входа в царский замок». Он сказал Ша-трасану: «отправимся к дереву сорока песен!» повел его и посадил на дерево сорока песен;

sarā́ s^{u}wārī ku, dráxti cil-muγā́m rā ša bunā́ kašítī, búrtī, bi padšā́äi̯ γasrā́i̯ dapā́ íštī.

tārī́enā šäi̯pū́r tawā́r ku, poǰ ā́tant pa säi̯lā́. wazī́l dist, go pādšā́ gušt ki e dráxti čil-muγā́m u dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n u e tī šār bāb dāšt, duxtári Šāri-sabz édā bū́tin. pādšā́ gu ki kār kī́ kār ant? wazī́l ǰawā́b dāt ki kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gu ki äi̯ bābā́ Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ilā́je na dārī́n, mebāyét pkanī́n. pādšā́ gušt: kanā́i̯ yā na? Šā-trasā́n gušt: kanī́n. gúštī ki nápa ǰwān int. ā šútant.

Šā-trasā́n šut, dast-nimā́z gipt, nimā́zī kurt, pīramárd ā́tī, gúštī: äi̯ bābā́, pa če sargardā́n äi̯? Šā-trasā́n gušt: pādšā́ ša man duxtárẹ Šāri-sábzā ša man loṭíta-ī. e gúštī: ta p-ameší γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ān. watí ar panččén čangúlānā bi puštā́i̯ ǰátī, gúštī: bra, pa xudā́i̯ ukmā́ ādamīzā́t wa zinda-ǰā́n tī puštā́ bi ḍigárā kurtá ma kant.

Šā-trasā́n š-amédā šútī, yak ǰā́e buzlangíe dédẹ yak nā́ne prenī́t bi wārā́, yáke kašít u wart. Šā-trasā́n gušt ki ta pa če e ḍol a-kanā́i̯? ā gúštī ki man e ḍā́u̯l a-kanī́n, bálkẹ zor pai̯dā́ a-kanī́n ki go Šā-trasā́n kuštī́ bgirī́n. Šā-trasā́n gušt ki man Šā-trasā́n ná un, magár Šā-trasā́nī dastā́i̯

вытащил с корнем дерево сорока песен, отнес и посадил у входа в царский замок.

Утром затрубили в трубу, и стража пришла для осмотра. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево сорока песен, это дерево с цветами смеха и плача, этот твой город требуют, чтобы здесь была девушка из Зеленого города». Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь ответил: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «ну, что скажешь, сынок Ша-трасан?» Ша-трасан сказал: «у меня нет исхода, я должен сделать!» Царь сказал: «сделаешь или нет?» Шатрасан сказал: «сделаю». Он сказал: «ну, хорошо». Они уехали.

Шатрасан пошел, совершил омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «чем ты расстроен сынок?» Ша-трасан сказал: «царь потребовал с меня девушку из Зеленого города». Тот сказал: «так ты этим опечален?» Шатрасан сказал: «да». Он ударил его всеми пятью пальцами по спине и сказал ему: «иди! по божьему повелению, никто, рожденный от человека и с живою душой, не сможет положить тебя спиной на землю!»

Ша-трасан пошел отсюда. В одном месте бузланги один хлеб бросает в золу, а другой хлеб вынимает и ест. Ша-трасан сказал: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы приобрести силу, потому что я буду бороться с Ша-трасаном». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много

nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntä̯i, Šā-trasā́n am wāpenā́i̯. eš ar duén kuští gíptant. Šā-trasā́n eší rā wāpént, xanǰárā kašit ki pkúšītī. e gu: mnā ma kuš ki man tī yakumíen brās un. Šā-trasā́n gušt: ǰwān int.

š-édenā e ar duén šútant, bi yak ǰā́e dístan[t] tā yáke š-é watánā tâu̯r a-ǰánt bi[y]-ā́ watánā, š-ā́ watánā tâu̯r a-ǰánt b-é watánā. eší rā pursítant ki ta pa če e d̦âu̯l a-kánā́i̯? e gušt ki man e d̦âu̯l a-kanín ki Šā-trasā́n ša mnī demā́ ma ǰīt, ki man g[w]a āí kuští[y] a-girín. Šā-trasā́n gušt ki man Šā-trasā́n ná un, magár Šā-trasā́nī dastā́i̯ nānā́ wártag un, agár mnā wāpéntä̯i, Šā-trasā́nā wāpenā́i̯. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasā́n eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšītī. buzlangí gu ki mnā ma kuš, man tī dūmíen brās un. gúštī: napá ǰwān int.

š-amédā šútant, bi yak ǰā́e dístant tā yak buzlangíe š-é watánā goš a-kašít bi[y]-ā́ watánā, š-ā́ watánā goš a-kašít b-é watánā, eší rā pursítant: ta pa če e d̦âu̯l a-kanā́i̯? e gúštī kẹ man ẹ d̦âu̯l a-kanín, ki Šā-trasā́n ša mnī demā́ ma ǰīt ki man g[w]a āí kuští[y] a-girín. e gušt ki man Šā-trasā́n ná un, magár Šā-trasā́nī dastā́i̯ nānā́ wartā́ un, bi[y]ā́ ki man u ta kuští bgíran. ar duén kuští gíptant. Šā-trasā́n eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšītī. e gušt: mnā ma kuš ki man tī säyumíen brās un. gúštī ki ǰwān int.

кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня свалишь, то повалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим первым братом». Ша-трасан сказал: «хорошо».

Отсюда они отправились вдвоем, и в одном месте увидели, что кто-то мечет пращей из этой страны в другую страну, а из той страны мечет пращей в эту страну. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Он сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан не убежал от меня, потому что я с ним буду бороться». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня повалишь, то свалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим вторым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они отправились отсюда и в одном месте увидели, что какой-то бузланги из этой страны слушает, что делается в другой стране, а из той страны слушает, чтó в этой стране. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал, потому что я с ним буду бороться». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они стали бороться. Ша-трасан его повалил и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим третьим братом». Он сказал: «хорошо».

š-amédenā šútant kẹ yak ǰā́e dístant tā yak buzlangíe š-é watánā gām a-ǰánt biʸ-ā́ watánā, š-ā́ watánā gām a-ǰánt b-é watánā. eší rā gúštant: ta pa če e ḍā̊u̯l a-kanā́i̯? e gúštī: man e ḍā̊u̯l a-kanín ki Šā-trasā́n ša mnī demā́ ma ǰīt. e gušt ki man Šā-trasā́n ná un, magár Šā-trasā́nī dastā́i̯ nānā́ wartág un, biʸā́ ki man u ta kuští bgirán. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasā́n eší rā wāpént, xanǰárā kašít ki pkúšitī, e gušt ki·mnā ma kuš ki man tī čārumíen brās un. gúštī: nápa ǰwān int.

šā́-i̯denā šútant, bi yak ǰā́e dístant tā bāzén morínke ant. awálā amédā yak ǰūwáke būtá, āp na dāštá, amé morínk š-amédenā šútant u ā́tant. maróčī amé ǰūwák āp dāštá, amé morínk némiš bi éškā mā́ntant, némiš bi ā́škā mā́ntant. Šā-trasā́n watí asā́ gíptī, bi ämé ǰūwákä sarā́ išt. morínk gírdī š-ameší laṭṭā́i̯ sarā́ gwástant, ā́škā šútant, ša pádā amešā́nī mazán āt, gúštī: š-amé mnī puṭā́n yak kámme bzūr, ar ǰā dūt pkánäi̯, man āzír a-bäín.

e š-amédā šútant, bi ǰänikkū́äi̯ γasrā́i̯ pānā́dā er kúrtant. Šā-trasā́n gušt: äi̯ gām-ǰan, šaᵗ ta loṭín kẹ mnā bi ǰänikkū́äi̯ā barā́i̯. Šā-trasā́n š-amédenā go gām-ǰánā šútant. gām-ǰán Šā-trasā́nā go dastā́ gipt, ša gisā́i̯ sarxolū́kā Šā-trasā́nā érī ku. Šā-trasā́n ā́tī, sarū́näi̯ čirā́gā bi pādū́nā išt, pādū́-

---

Они пошли отсюда, и в одном месте увидели, что какой-то бузланги как шагнет из этой страны, так прямо в другую страну, а из той страны, как шагнет, так прямо в эту. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они принялись бороться. Ша-трасан его повалил и вытащил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим четвертым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они пошли отсюда и в одном месте увидели много муравьев. Раньше там была канава без воды, и муравьи с этой стороны уходили и приходили. В этот день в канаве была вода, и половина муравьев осталась с этой стороны, а половина с той. Ша-трасан взял свой посох и положил его через канаву. Все муравьи перешли по его посоху и пошли на ту сторону. Потом пришел их старейшина и сказал: «возьми немного из моих волосков, и как только ты заставишь их дымиться, я тотчас явлюсь».

Они отправились отсюда по направлению к замку девушки и остановились. Шатрасан сказал: «скороход, я требую от тебя, чтобы ты меня доставил к девушке». Ша-трасан отправился вместе со скороходом. Скороход взял Ша-трасана за руки, и спустил его через отверстие в крыше. Ша-трасан подошел и светильник от изголовья переставил в ноги, а светильник от ног переставил

nä̯ā bi sarū́nā išt, ša brinǰānī yak du lunká wart, gúḍā ša ǰänikkū́ä demā́ yak du čuk gipt. gām-ǰán eší rā bālā́ kašít, búrtī pádā.

tārī́enā ǰänikkū́ ustát ša wābā́, dístī ki sarū́nä̯ čirā́g pādū́nä̯ ér int, pādū́nä̯ čirā́g sarū́nä̯ ér int. šapénā ki wápt-at, wāb díst-at ki amé mardúmā nām Šā-trasā́n ast, pªlānā́ pa̯γammā́rä ar pančén čangúl bi puštā̯́ zilä ǰatá, bi mā wābā́ ki tārī́enā kustít, watí dast u démā šodít, ādénkā zūrít, sä̯l a-kánt tā bi mnī demā́ ṭāpe ast. molídānā gúštī ki šᵘmā albát mnī demā́ čukkítag it. molíd gúštant ki na, bībí, amā́ ič waxt e ḍā̯ulén kār na kanán. ǰänikkū́ gu: albát gisā̯́ dapā́ kulp na kurtág it. molíd gúštant ki na, kilí b-ẹmmā̯́ dastā́ int, ša gisā̯́ dapā́ ič kas nā̯́-ātá. ǰänikkū́ gušt: šarr, nápa brā́it, ša kassā́bā pīg biā́rit. e šútant, pīg āʷúrtant. édenā e pīgā́nā koṭítī, amé čāxū́nā gipt, pa γast bi watí čangúlā mān dā́tī. čangúlä̯ čāxū́n ƀurt. e gípt, pīgā́nā bi molídānī dastā́ dāt. amé čangúlā ki čāxū́n búrt-at, gipt, wād rétī. amé wād e dastā̯́ sótant, šapí na wapt.

Šā-trasānā duwārā́g gām-ǰán āúrtī ƀ-e ǰänikkū́ä̯ā. e Šā-trasān sarūnä̯ čirā́gā pādū́nā ístī, pādū́nä̯ čirā́gā sarū́nā ístī, ša brinǰān yak du lunká wártī, e ā́tī ki ǰänikkū́ä̯ demā́ pčúkkīt. ǰänikkū́ dastā̯́ bandā̯́ gipt, gúštī: xabardā́-

---

к изголовью, съел горсть или две рису и поцеловал раз-другой лицо девушки. Потом скороход вытащил его наверх и отвел обратно.

На утро девушка пробудилась от сна и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах. А когда она ночью спала, она видела во сне, что имя этого человека Ша-трасан и что такого-то пророка все пять пальцев оставили след на его спине. Как только она пробуждается от сна, она умывает лицо и руки, берет зеркало и видит, что на ее лице остался след. Она сказала служанкам: «вы, должно быть, целовали меня в лицо?» Служанки сказали: «нет, госпожа, мы никогда не совершим такого поступка!» Девушка сказала: «должно быть, вы не заперли дверь на замок?» Служанки сказали: «нет, ключ в наших руках, и через двери никто не приходил». Девушка сказала: «ну, хорошо, идите и принесите от мясника сала». Они пошли и принесли сала. Она стала резать его, взяла нож и нарочно приложила его к своему пальцу. Нож обрезал палец. Она взяла сало и отдала его служанкам, а на палец, который был порезан ножом, посыпала соли. Эта соль жгла ее руку, и ночью она не спала.

Скороход вторично привел Ша-трасана к девушке. Ша-трасан от изголовья светильник переставил в ноги, от ног светильник переставил к изголовью, съел одну-две горсти рису и собирался поцеловать лицо девушки. Девушка схватила его за кисть руки и сказала: «будь осторожен! здесь птица теряет

räi̯ ta bīt, ke̦ murg édā parr a-rečít, mār édā post a-prenít, ta édā čon ā́täi̯? Šā-trasā́n gušt: ādamí múrge be bā́l int, man ki āšíx un, ātá un ki trā barín. ǰänikkū́ gu: ta magár ša mnī pisá sí na dārā́i̯? Šā-trasā́n gušt ke̦ na, man sī na dārín. ǰänikkū́ gušt: mnī pis säi̯ šart dārít, agár amā́ šartā́nī búrtäi̯, mnā um barā́i̯. Šā-trasā́n gušt: tī pis če šart dārít? ǰänikkū́ gušt: mnī pisā́i̯ säi̯ šart ant ki ānčén tī amrangén warnā́ bāz ātá, e šartā́nā burtá na kurtá. Šā-trasā́n gušt: magár man am š-ā́ warnā́n getír ná un. ǰänikkū́ gušt: man watí pisā́i̯ šartā́nā go ta gušín. mnī pisā́i̯ säi̯ šárt astā́nt ke̦ ar šárte sákk int. e Šā-trasā́n gušt ki magár če ḍā́u̯lā́i̯ šart ant? ǰänikkū́ gušt ki yak man gallá go yak man arzúnā yak ǰā kant, tā́rī tā begā́ī ešā́nā mebāét ǰitá pkanā́i̯. gúštī: ešā́nā man dārín. gúḍā gúštī ki e gidá šártī čé int? e gušt: e gidá šártī: tī gāmǰā́nā go watí gāmǰā́nā dem a-dánt, ar kasā́ gāmǰán ša plā́nā ǰā demtírā angū́r āúrtī, šartā́ amā́ a-bárt. e gúštī: š-e šartā́i̯ uddá man dár a-kāín, e gidá šártī če int? ǰänikkū́ gušt: e gidá šártī: tā begā́ī kassābčí pas a-kušánt, nānwā́ nān a-pačánt, āšpáz góšt a-pačánt, ešā́nā tā́rī tā begā́ī magá bóräeš. Šā-trasā́n gušt: š-ešā́nī uddá man dár a-kāín. ǰänikkū́ gušt: mnī pisā́i̯ šart améš ant. gāmǰán Šā-trasā́nā ša gisá zúrtī, bālā́ kašítī, búrtī bi watí ǰāgā́.

перья, змея сбрасывает кожу! ты как сюда попал?» Ша-трасан сказал: «человеческая птица без перьев, а я, влюбленный, пришел, чтобы взять тебя!» Девушка сказала: «разве ты ничего не знаешь о моем отце?» Ша-трасан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «мой отец ставит три условия, и если ты их исполнишь, то получишь меня». Ша-трасан сказал: «каковы условия твоего отца?» Девушка сказала: «три условия моего отца таковы, что приходило много юношей, подобных тебе, но удовлетворить условиям не смогли». Ша-трасан сказал: «я ведь не лучше тех юношей!» Девушка сказала: «я скажу тебе условия моего отца, все три условия таковы, что одно другого труднее». Ша-трасан сказал: «но какого же рода условия?» Девушка сказала: «смешивается один ман пшеницы и один ман проса, и нужно, чтобы ты разобрал их от утра и до вечера». Он сказал: «с этим я справлюсь». Потом он сказал: «каково другое условие?» Она сказала: «вот другое условие: он посылает твоего скорохода вместе со своим скороходом; чей скороход раньше с такого-то места принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Он сказал: «с этим требованием я также справлюсь, каково еще условие?» Девушка сказала: «вот еще условие: с утра до вечера мясник режет баранов, пекарь печет хлеб, повар варит мясо, и ты должен это съесть от утра и до вечера». Ша-трасан сказал: «с этим я также справлюсь!» Девушка сказала: «условия моего отца таковы!» Скороход взял Ша-трасана из дома, вытащил наверх и отвел его на место.

tāríenā roč dar ātī, eš šútī bi pādšāāi̯ā. pādšā́ gušt: äi̯ bābā́, édā če a-loṭā́i̯? e gúštī: man ātag un kẹ tī ǰāníkkā barín. e gušt: man sä̑i̯ šart dārín, agár ta mnī šartā́nā barā́i̯, man watí ǰāníkkā bi[t] ta dāín. eš gušt ki watí šartā́nā bguš. pādšā́ gušt: mnī sä̑i̯ šart ant: yak šárte améš int ki yak man gallá go yak man arzúnā yak ǰā́ kanín, ta tā́rī tā begā́ī agár ešā́nā ǰitā́ kúrtäi̯, man trā watí ǰāníkkā dāín. yak šárte digár améš int ki tā́rī tā begā́ī kassābčī pas a-kušā́nt, nānwā́ nān a-pačā́nt, āšpáz gošt a-pačā́nt, tā́rī tā begā́ī ešā́nā bórä̑i̯. eš gušt: ešā́nā man mardúme dārín ki b[u]ā́rt. pādšā́ gušt: yak šárte digár dārín. eš gušt: watí šartā́ bguš. pādšā́ gušt ki mnī šart améš int ki tī gāmǰánā go watí gāmǰánā dem a-dāín, ar kasä̑i̯ gāmǰān demā́ angū́r āúrt, šartā́ amā́ bart. Šā-trasā́n gúštī ki bāz ǰwān int.

tāríenā būt, Šā-trasā́n āt go watí mardúmān. pādšā́ go kassābčíā, go nānwā́, go āšpázān gúštī ki š[u]mā tā́rī tā begā́ī nānwā́ nān pačít, kassābčí pas pkušít, āšpaz gošt pačít. e tā́rī tā begā́ī nān u gošt pakítant, tayā́r kúrtant, go Šā-trasā́n gúštant: biā́r watí mardúmā kẹ ešā́nā buā́rt. Šā-trasā́n loṭít wārīxórā. wārīxór laggít b-ešā́nī sarā́, tā́rī tā begā́ī ešā́nā alā́sī ku. maxlū́k šābā́š kašítant ki Šā-trasā́n pādšāäi̯ ǰāníkkā burt.

На утро взошло солнце, и он отправился к царю. Царь сказал: «что хочешь, сынок?» Он сказал: «я пришел взять твою дочь!» Тот сказал: «у меня три условия, и если ты мои условия выполнишь, я выдам за тебя свою дочь». Он сказал: «скажи свои условия!» Царь сказал: «вот мои три условия: одно мое условие таково, что я смешаю один ман пшеницы с одним маном проса, и если ты от утра и до вечера их разберешь, я дам тебе свою дочь; другое условие таково, что с утра до вечера мясник будет резать баранов, пекарь будет печь хлеб, повар варить мясо, и ты от утра и до вечера должен это съесть». Он сказал: «у меня есть человек, который сможет съесть это». Царь сказал: «у меня есть еще условие». Он сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «мое условие таково, что я пошлю твоего скорохода со своим скороходом, и чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан сказал: «очень хорошо».

Наступило утро. Ша-трасан пришел со своими людьми. Царь сказал мяснику, пекарю и поварам: «пусть с утра и до вечера пекарь печет хлеб, мясник режет баранов, повар варит мясо!» Они с утра до вечера пекли хлеб и варили мясо, изготовили и сказали Ша-трасану: «приведи своего человека, пусть съест это!» Ша-трасан позвал золоеда. Золоед подошел к этим кушаньям и от утра и до вечера прикончил их. Люди закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

e gidá šartā́ pādšā́ gallā́nā go arzúnān yak jāe ku, āúrtī bi Šā-trasā́nīā. Šā́-trasā́n dūt ku morínkäi̯ puṭā́, morínk ā́tant. Šā-trasā́n gušt: ša šmā loṭín, tā́rī tā begā́ī ešā́nā, ša yak digā́rā jitā́ pkanít, gallā́nā édenā kot pkanít, arzúnānā éškā kot pkanít. eš tā́rī tā begā́ī gallā́nā u arzúnānā jitā́ kúrtant ša yak u agdā́rā, gallā́nā éškā kot kúrtant, arzúnānā ā́škā kot kúrtant. pādšā́ ā́tī, go Šā-trasā́n gúštī kẹ alā́s kurtäi̯? Šā-trasā́n gúštī: ān. tranzū́ā āʷúrtī, ešā́nā kašítī tā arzún nem dānā́g kammí kúrtant. šābā́š kúrtant ki pādšā́ šartā́ burt. Šā-trasā́n gušt: äi̯ pādšā́, mnā nem daγīγá mulhát bdäi̯. pādšā́ gúštī: šarr. morínkäi̯ dapā́ amā́ nem arzún ā́tī, āúrtī, ístī. pa duwārā́g tranzū́ā āúrtant, kašítant tā brābír ā́t. šābā́š kašítant ki pādšā́äi̯ jāníkkā Šā-trasā́n burt.

édā pādšā́ gušt: man yak šárte digā́r dārín. Šā-trasā́n gušt: watí šartā́ bguš. pādšā́ gušt: tī gāmjā́nā u watí gāmjā́nā yak jā dem a-däín, ar kasā́ gāmján demtírā angū́r āúrtī, šartā́ amā́ bart. Šā-trasā́n watí gāmjā́nā u pādšā́äi̯ gāmjā́nā dem dāt pa angū́rā. e š-amédā šútant bi angū́räi̯ draxtā́i̯ā, sar bū́tant, pādšā́äi̯ gāmján angū́r čit, Šā-trasā́nī gāmján bi draxtā́i̯ čérā wapt, pādšā́äi̯ gāmján čit u rādā́g būt. Šā-trasā́n dístī ki e dér kúrtant. bi goš-kašókā gúštī ki goš kaš. goš-kašók goš kašít, dístī ki pādšā́äi̯

Для другого испытания царь смешал пшеницу с просом и доставил Ша-трасану. Ша-трасан заставил дымиться муравьиные волоски; муравьи пришли. Шатрасан сказал: «я хочу, чтобы вы от утра и до вечера отделили их друг от друга: пшеницу соберите здесь, а просо соберите с той стороны». Они от утра и до вечера отделили друг от друга пшеницу и просо: с этой стороны собрали пшеницу, а с той стороны просо. Царь пришел и сказал Ша-трасану: «кончил?» Ша-трасан сказал: «да». Принесли весы, взвесили; вышло, что проса на ползерна меньше. Закричали ура: царь выиграл, мол, заклад! Ша-трасан сказал: «царь, дай мне полмгновения отсрочки». Царь сказал: «хорошо». Та половина зерна была во рту у муравья, ее принесли и положили. Вторично принесли весы и взвесили, оказалось поровну. Закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

Тут царь сказал: «у меня есть еще условие». Ша-трасан сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «я одновременно пошлю твоего скорохода и своего скорохода; чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан послал за виноградом своего скорохода и царского скорохода. Они отправились. Дошли до виноградного куста, и царский скороход сорвал виноград, а скороход Ша-трасана улегся под деревом. Царский скороход сорвал и пустился в путь. Ша-трасан увидел, что они запоздали. Он сказал слушальщику: «прислушайся». Слушальщик прислушался, понял, что еще немножко осталось,

gām̥ján nazík māntá ki brasít. tå̰ur-jánā gúštī ki uštātag ä̰i? tå̰ur-ján ḍónke bi tå̰urä̰i tā ku, jat, bi āí pādā́ laggít. ā yak sar arkát kurt. ša watí jā ustát, sā̰ilī ku tā ā ša[m] man demā́ angū́r burtá, amé angū́rä̰i draxtā́ ša bunā́ kašít u búrtī š-āí demtírā. šābā́š kašítant ki Šā-trasā́n šartā́ burt. édenā pādšā́ Šā-trasānā gis dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant.

eš gúḍā watí jänénā zúrtī ki man a-räín bi watí jāgā́. š-édenā šútant, bi rāā́ čérā mántant, yak šápe wáptant, eš amé watí zāmā́ gipt, bi mānjínā išt. jänikkū́ gušt: ta pa če e ḍå̰ulā́ kanā̰́i? Šā-trasā́n gušt: man trā pa wát-a na barín. jänikkū́ gušt: man agár bzā́ntin-un ki ta mnā pa wat na barā̰́i, kå̰uli ki ta sar drūāén ma[y]-āwurtín-ä̰i! Šā-trasā́n gušt: man trā barín pa pādšā́, ta albátta z[u]wān dārā̰́i. pādšā́ ša ta pursít ki ta mnā a-girā̰́i yā Šā-trasā́nā girā̰́i? ta bguš ki xudā́ ič muzū́re rā be ak ma kant u ič šwānáge rā be muz ma kant. albát ā am bi watí dilā́ zānt ki Šā-trasā́n zāmát bāz kašitágī, albát trā gušít ki parzíndi man, ta bā́be̥ Šā-trasā́n dārā̰́i. eš am gušt ki bāz jwān int.

š-amédā šútant bi pādšā́ä̰jā. pādšā́ gušt: ä̰i bābā́, ta mnā girā̰́i yā Šā-trasā́nā? e gušt ki xudā́ ič muzū́re rā be ak ma kant wa ič šwānáge rā be muz ma kant, man Šā-trašā́nā girín pa če ki ā zāmát bāz kašitágī,

---

и царский скороход вернется. Он сказал пращнику: «ты готов?» Пращник вложил в пращу комок земли, бросил и попал ему в ногу. Тот сразу встрепенулся, вскочил с места и посмотрел: да ведь он раньше меня унёс виноград! Он с корнем выдернул виноградный куст и отнес раньше его. Прокричали ура: Ша-трасан выиграл заклад! Потом царь справил Ша-трасанову свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабан.

Потом он взял свою жену: пойду, дескать, к себе. Они отправились отсюда и на пути остановились и заночевали; он взял свой меч и положил посередине. Девушка сказала: «почему ты так делаешь?» Ша-трасан сказал: «я тебя беру не для себя». Девушка сказала: «если бы я знала, что ты берешь меня не для себя, даю слово, что ты не сносил бы головы невредимой!» Ша-трасан сказал: «я тебя беру для царя, а у тебя ведь есть язык! царь спросит у тебя: ты, мол, меня предпочитаешь или Ша-трасана? ты скажи, что бог никакого слугу не лишает его прав и никакого пастуха не оставляет без вознаграждения; конечно, он сам поймет, что Ша-трасан понес много трудов, и, наверное, скажет тебе: „дитя мое, ты подходишь к Ша-трасану“». Она сказала: «очень хорошо».

Отсюда они отправились к царю. Царь сказал: «ну, дочка, ты меня предпочитаешь или Ша-трасана?» Она сказала: «бог не оставляет без награды никакого слуги и никакого пастуха не лишает вознаграждения! я предпочитаю Ша-трасана, потому что он понес много трудов, даже мог быть убит на этом

bálki bi me rā́ kuštá bū́tin, ā zāmát bāz kašitá. pādšā́ gušt ki ta bábi amāí dārā́i̯. Šā-trasā́nā pa duwārág gis dāt, tā apt šap u apt roč dol ku.

gúḍā ki būt, yak wáxte wazī́l dístī, go pādšā́ gúštī kẹ e tī šār u kalā́t, e tī dráxti gul-xandū́n u gul-gurū́n wa dráxtẹ čil-muγā́m bāb dāšt ki áspẹ čil-kurrá édā bū́tin, go čillén kurrágān gáštin. e gušt ki kār kí kār ant? wazīl gušt: kār Šā-trasā́nī kār ant. pādšā́ gušt: äi̯ bābá Šā-trasā́n, če a-gušā́i̯? Šā-trasā́n gušt ki ilā́je na dārín, räín.

š-amédā šut, nimā́ze ku, amā́ spe-rī́š ā́tı, gúštī: äi̯ bābá, édā če a-loṭā́i̯? gúštī ki pādšā́ ša man áspẹ čil-kurrá loṭitagí. gúštī ki ta p-amešī́ γussá warā́i̯? Šā-trasā́n gušt: ān. gúštī: bra, š-amédenā apt bār uštúräi̯ pašm bzū́r, bar, p^{a}lānā čammágäi̯ dapā́ pren. ā wat maróčī kā́i̯t, sárā ǰā́l a-kant ki āp b^{u}ā́rt, gindī́t ki āp gandágen tā́me däyánt, š-amédā gúḍā padoí a-rót. tā́rī bāz b-e ā́pā kā́i̯t, gindít ki tāngā́t āp gandágeṅ tām a-däyánt, gušít ki bi azráti S^{u}leịmānī čáppäi̯ aptẹkállā sogínd ki ar kas-ā́i̯, trā íččīā na kanín, āpā́i̯ dapā́ páč pkan. ta páč ma kan, maróčī am rot, tā́rī kẹ š-amā́ngū paidā́ bīt, tawā́r a-kánt ki ar kas-ā́i̯, āpā́i̯ dapā́ páč pkan! bi azráti S^{u}leịmāni rāstäi̯ aptẹkállā sogínd, trā íččīā na kanín. ta gúḍā āpā́i̯ dapā́ páč pkan!

пути! он много вытерпел!» Царь сказал: «ты подходишь к нему». Вторично сыграли свадьбу Ша-трасана, семь ночей и семь дней били в барабан.

После того как это случилось, однажды визирь посмотрел и сказал царю «это твое поселение и город, это дерево с цветами смеха и плача, это дерево сорока песен требуют, чтобы здесь была и здесь бы бегала лошадь с сорока жеребятами!» Царь сказал: «чье же это дело?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, братец, Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, отправлюсь».

Он пошел отсюда и сотворил молитву. Пришел тот же старец и сказал: «чего ты хочешь здесь, сынок?» Он сказал: «царь потребовал от меня лошадь с сорока жеребятами». Тот сказал: «этим-то ты озабочен?» Шатрасан сказал: «да». Тот сказал: «иди, возьми отсюда семь вьюков верблюжьей шерсти, свези и брось в такой-то колодец; как раз в этот день эта лошадь сама придет, чтобы напиться воды, наклонит голову, увидит, что вода издает гадкий запах, и уйдет обратно; на утро она опять придет к этой воде, увидит, что все еще вода издает гадкий запах, и скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, кто бы ты ни был, я ничего тебе не сделаю, открой воду!“ но ты не открывай, и в этот день она также уйдет; на утро она, как только оттуда покажется, закричит: „кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ только тогда ты открой воду».

š-amédenā Šā-trasān šut, apt bār uštúrāi̯ pašm zúrtī, búrtī, plānā čammāgāi̯ dapā bástī, wat amódā srappítī, dístī ki áspe̥ čil-kurrá go watí čillén kurrágān ātī bi āpā, sarā jālī ku, dístī ki āp gandágen tāme dayánt, āp na wart, išt u šut. tāríenā būt, š-amāngūr ātī, gúštī ki bi azráti S^uleįmānī čáppāi̯ apte̥kállā sogínd, trā íččīā na kanín, ar kas-āi̯, āpāi̯ dapā páč pkan. eš páč na kúrtī, ātī, sarā jāl ku, dístī ki āp gandágen tāme däyánt, š-āmédenā padoí šut. tāríenā pa duwārág ātī wa gúštī ki ta ar kas-āi̯, āpāi̯ dapā páč pkan, bi azráti S^uleįmānī rāstāi̯ apte̥kállā sogínd ki trā íččīā na kanín. eš zūtī kurt, āpāi̯ dapā páč kurt, gandágen āp šut, j^uwānén āp āt, áspe̥ čil-kurrá āp wart, go watí čillén kurrágān wat rā šād-āp kúrtant. áspe̥ čil-kurrá watí kurrágānā gúštī ki e mardúm Šā-trasān int-a, eš šmā rā bart, awálā go watí jindāi̯ γošúmā, go watí maxlūkā swār a-bīt, šmā ānčo brāit ki múrge āzār ma gindít, ša pádā pādšā go watí maxlūkā s^uwār a-bít, pa āí^y-am amé d̦ol brāit ki múrge āzār ma gindít, š-āí padā wazíl go watí maxlūkā s^uwār a-bít, du gām jéit, gúd̦ā bāl kanít, bi awā brāit. bgúšit-iš: agár šmā rā bi āpā de̥yán yā bi kóā. agár gúštant: ammā rā bi āpā dit, šmā āwānā bi koā dit. gúštant: jwān int.

Ша-трасан пошел отсюда, взял семь вьюков верблюжьей шерсти, связ и заткнул отверстие у такого-то источника, а сам спрятался там же и увидел, что пришла лошадь со своими сорока жеребятами. Она нагнула голову к воде, увидела, что вода издает гадкий запах, не стала пить воды и ушла. Наступило утро; она пришла оттуда и сказала: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю! кто бы ты ни был, открой воду!» Он не открыл; она подошла, нагнула голову, увидела, что вода издает гадкий запах и ушла обратно отсюда. На следующее утро она опять пришла и сказала: «кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю!» Он поторопился и открыл воду; гадкая вода ушла, хорошая вода пришла. Лошадь с сорока жеребятами попила воды и со своими сорока жеребятами в волю насладилась водой. Потом лошадь с сорока жеребятами сказала своим жеребятам: «этот человек — Ша-трасан; он уведет вас и сядет верхом сначала со своей свитой и со своим людьми, и вы так бегите, чтобы даже курица не могла пострадать; потом на вас сядет царь со своими людьми, и для него вы тоже так скачите, чтобы и курица не пострадала; после него сядет визирь со своими людьми, — тут вы сделайте два шага, а потом взлетите, поскачите по воздуху и скажите им: „сбросить вас в воду или на горы?“ если они скажут: „сбросьте нас в воду!“ вы их бросьте на горы». Они сказали: «хорошо».

Sā-trasā́n āwā́nā āúrtī bi pādšāāi̯ā. pādšā́ gušt: awā́lā ta go watí γošúmā s^{u}wār bāi̯. Šā-trasā́n go watí γošúmā s^{u}wār būt. amé ḍol šútant ki múrge š-ešā́n āzā́r na dist. ša pádā wazīl go watí γošúmā s^{u}wār būt. du gām šútant, säyumíenā bāl kúrtant bi awā́. ešā́nā búrtant bi awā́, gúštant ki šmā rā bi āpā́ deyā́n yā bi kóā. e gúštant: ammā́ rā bi āpā́ dit. ešā́nā ǰā́tant bi koā́. ešā́nī burrág kásä gošā́š būt. š-amódenā Šā-trasā́n āsūdág mānt, wazī́lä̯i xatā́ kórī ku. man am āsūdág būtun.

X

yak pādšāe at, ič āí rā zā́gă na būt. pikr u xayā́l a-ku, šut, tandū́rä̯i sarā́ ništ, maxlū́k kā́tī, gúštī: ä pādšā́, ta édenā purrā́nī sarā́ pa če ništág-ä̯i? gúštī: šmā rā kā́re nä̯int. būt yak wáxte, yak malánge^{y} āt, gúštī: ä pādšā́ pa če ništág-ä̯i purrā́nī sarā́? gúštī: ä maláng sāíb, trā kā́re nä̯int. gúštī: ä̯i pādšā́, ta pa če édā ništág-ä̯i, ta pādšāe astä̯i, watí pādšāíā birá, bar. pādšā́ gúštī: maláng ǰān, ša xudā́ am čer nä̯int, ša^{t} ta am čer nä̯int, awā́l xudā́ pkant, pāyéni xudā́ tá wä̯i: mnā ič zā́ge na bīt. gúštī: ä̯i pādšā́, zāg bi^{t} tī pešānī^{y}ā ič nä̯int. agár bīt, yak murdáge, zindagéne nä̯int. pādšā́ gušt:

Ша-трасан привел их к царю. Царь сказал: «сначала поезжай ты со своими людьми». Ша-трасан со своими людьми поехал. Они так бежали, что и курица не могла бы пострадать. Потом визирь со своей свитой сели верхом. Они прошли шага два, а на третьем взлетели на воздух и понесли их по воздуху. Понесли их по воздуху и спросили: «сбросить вас в воду или на горы?» Те сказали: «сбросьте нас в воду!» Они сбросили их на горы, и клочки их были не больше их ушей. После этого Ша-трасан освободился, даже след визиря исчез. Я также освободился.

(X. О Джантеге и Деде-гаргашанге)

Был один царь, и у него совсем не было детей. Он думал и размышлял; пошел и сел около очага. Люди подходили и говорили: «о царь, зачем ты сел здесь на пепле?» Он говорил: «вам нет дела». Однажды случилось, что подошел один дервиш и сказал: «о царь, зачем ты сел на пепле?» Он сказал ему: «почтенный дервиш, тебе нет дела до этого!» Тот сказал ему: «о царь, зачем ты сел здесь? ты ведь царь, иди, правь своим царством!» Царь сказал: «голубчик дервиш, что́ от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! сначала творит бог, а после бога ты; у меня нет детей!» Тот сказал ему: «о царь, тебе вовсе не предназначено детей; а если бы и был ребенок, то мертвый, а не

šarr, murdáge bīt. man bräín bi mā goristā́nā ki, pādšā́ gušt, man bi me goristā́nā yak zā́ge dārín. maláng gušt: šarr, pādšā́, ta bāz na mānā́i̯. yak sébe dā́tī, gúštī: bar, eší rā ar ǰanénā ki tī dost int, amāé rā bdäi̯, tā b^{u}ǻrt. ǰanénī sebā́ wart.

yak sāl gwast. pādšā́äi̯ ǰanén zāg dist. awā́l búrtant pa pādšā́ ki tī ǰanén zāg distá. gúštī: šarr, bra, mnī zāgā́ biā́rit tā man bgíndīn, čonén číze. šútant ki biā́rantī, zāgā́ šúštant, maǰmā̈́i̯ tā kúrtant. Azrāíl ā́tī, zāgā́ burt āsmā́näi̯ demā́. awā́l búrtant pa pādšā́: tī zāgā́ Asrāíl búrtī. pādšā́ gušt: mnī kismát zā́na nā́i̯-atī ki bgíndīn. Azrāíl eší rā burt, zindágī kurt, ki zāg ṭū́ bū́tī.

čunt sāl gwast, Azrāíl ā́tī, gúštī: äi̯ J̀ānteγ, ta watí pi^{s}sā́i̯ā na rawā́i̯? gúštī: man če a-zānín, ki pí^{s}se dārín yā na. Azrāíl gúštī: ta murdáge būtág-äi̯ ki man trā ā^{w}úrtun. gúštī: šarr, mnā barä́i̯. gúštī: ān, trā barín tī pissā́i̯ šārā́. eší rā búrtī, āí pisā́i̯ šārā́i̯ kiníkkā íštī. gúštī: ā́ tī pissā́i̯ šār int. Azlāír padā́ šútī, watí ǰindā́i̯ gisā.

J̌āntéγ šut, tā dístīt yak uštúr-suwā́re dā́dẹ engūrí a-kā̈́i̯t. J̌āntéγ gúštī ki tī nām kā́-i̯nt? gúštī: mnī nām Istārá-šnā́s int. gúštī: guǰā́ rawā́i̯? gúštī:

живой!» Царь сказал: «хорошо, пусть будет мертвый! я могу пойти на то кладбище, думая, что у меня», — сказал царь, — «на этом кладбище есть ребенок». Дервиш сказал: «хорошо, о царь, ты не долго будешь оставаться (бездетным)!» Он дал ему яблоко и сказал: «отнеси его той жене, которая тебя любит, и дай ей, пусть она съест!» Его жена съела яблоко.

Прошел год, и жена царя родила ребенка. Царя известили: «твоя жена родила ребенка!» Он сказал: «хорошо, сходите за моим сыном, посмотрю, каков он!» Пошли, чтобы его принести, ребенка вымыли и положили на блюдо. Появился Азраил и унес ребенка на небо. Царя известили: «твоего сына унес Азраил!» Царь сказал: «значит, не судьба была мне его увидать!» Азраил его отнес и оживил; ребенок вырос.

Прошло несколько лет. Азраил пришел и сказал: «Джантег, ты не хочешь сходить к своему отцу?» Он сказал: «разве я знаю, есть у меня отец, или нет?» Азраил сказал: «ты был мертвым, когда я принес тебя!» Он сказал: «хорошо, отведи меня!» Тот сказал: «да, я отведу тебя в город твоего отца!» Он повел его, оставил на краю отцовского города и сказал ему: «это город твоего отца!» Азраил вернулся к себе домой.

Джантег шел, пока не увидел, что кто-то приближается верхом на верблюде. Джантег сказал: «как твое имя?» Тот сказал: «мое имя Звездочет». Он сказал ему: «ты куда едешь?» Тот сказал: «я еду за девушкой Волосы-

rāín pa Čil-gaz-mūdā̯i padā́. Jāntéγ gúštī: man um rāín p-amāí padā́. gúštī: šarr, ša yáke do getír ant. ar duén dast bi brāsí dā́tant. maróčī tā begā́ī šútant, bā́ndā dístant: yak asp-suwā́re ā́nčo ʰā̯i kurtá u kā̯it. šā eší pursítant: ta gujā́ a-rawā̯i? gúštī: man pa Čil-gaz-mūdā̯i padā́ rāín. Jāntéγ gúštī ki ammā́ duén um rawā́n. āí nām Āu̯-šnā́s at, gúštī: šarr, do brās šmā́ it, säyumíen man un.

e du sā̯i roč šútant, šapénā wā́ptant amódā, šap néme Jāntéγ ustā́t, gušt: ā̯i lālā́, man sardí a-warín. sā̯il kúrtant tā dū́rā yak ātíše sučī́t amā́ngū. gúštī: ā̯i lālā́, brā́it, pa man yak ātíšā š-amódā biā́rit. amā́ yak brā́sī šútī tā dístī ki amé ātíšā̯i sarā́ buzlangíe ništá. buzlangíā salā́m dāt. buzlangí gušt: agár tī salā́m ma bū́tin, trā yak lunkáe kúrtun. Istārá-šnā́s gušt ki mnā ātíše bdā̯i. gúštī: bzū́r š-amódā! Istārá-šnā́s āt ki ātíšā bzū́rīt, buzlangí ā́e rā gipt, watí mozágā̯i tā kurt.

Jāntéγ dist ki mnī brās nāy ā́tī, der kurt. Jāntéγ Āu̯-šnā́sā rāí kurt. Āu̯-šnā́s ā́tī, buzlangíā̯iā sár būt. Āu̯-šnās buzlangíā salā́m dāt. buzlangí gúštī: agár tī salā́m ma bū́tin, trā yak lunkáe kúrtun. Āu̯-šnās gušt: mnā ātíše bdā̯i. buzlangī gušt: š-amódā bzū́r. amé ki āt ki ātíšā bzū́rīt, eší rā am gipt u e digá mozágā̯i tā kurt.

в-сорок-аршин». Джантег сказал: «я тоже поеду за ней!» Тот сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они дали друг другу руки и побратались. В тот день они ехали до вечера; на другой день увидели, что кто-то приближается верхом на лошади, и гонит-гонит. Они спросили его: «ты куда едешь?» Он сказал: «я еду за девушкой Волосы-в-сорок-аршин». Джантег сказал: «и мы оба едем за ней же» Его имя было Водовед; он сказал: «хорошо, два брата вы, а третий — я!»

Ехали они два-три дня, на ночь остановились ночевать. В полночь Джантег встал и сказал: «братья, мне холодно!» Они стали смотреть и увидели что вдали горит огонь. Он сказал: «братья, сходите и принесите для меня оттуда огня!» Один из братьев пошел и увидел, что у огня сидит бузланги; он поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Звездочет сказал: «дай мне огня!» Тот сказал: «вон там возьми!» Звездочет потянулся за огнем, как вдруг бузланги схватил его и сунул в сапог.

Джантег увидел: не вернулся мой брат, задержался! Он послал Водоведа. Водовед дошел до бузланги, приблизился к нему. Водовед поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Водовед сказал: «дай мне огня!» Бузланги сказал: «вон там возьми!» Как только он собрался взять огня, он и его схватил и сунул в другой сапог.

J̌āntéγ dist ki mnī brās dér kurtant. wat pa āwā́nī padā́ šut, āt, buzlangīā̈i̯ā, sar būt. amé ki buzlangī J̌āntéγā dístī, ustát, J̌āntéγā salā́m dāt. J̌āntéγ gušt: alā̈i̯kum salā́m, mnī brās gúǰ ant? buzlangī gúštī: man sī na dārín. J̌āntéγ gušt: ā mnī brāsā́nī asp u uštúr ant. buzlangī gúštī: ta ki watí brāsā́nā bgíndä̯i, drúst a-kanā̈i̯? J̌āntéγ gúštī: ān. buzlangī brāsā́nī ša mozágä̯i tā kašít, J̌āntéγä̯i dastā́ dā́tī, gušt: e tī brās ant. tā́rī roč būt. buzlangī gušt: sä̯i brās šmā it, čārumíen man un. J̌āntéγ gušt: čārumíen ta wä̯i, watí pasā́nā bᵘā́r. buzlangī J̌āntéγā gušt: šmā yak páse pa wat ná kušit? J̌āntéγ gušt: kušā́n. gúštī: yak ǰuwānén páse biā́r ki pkúšan. buzlangí šut, yak ūke āwúrt. J̌āntéγ gušt: ä̯i murdā́r, eší rā gujā́ āwúrtä̯i? gúštī: ä̯i lālā́, bra, ar gujā́m ǰuwānéne biā́r, man na zānín. J̌āntéγ šut, yak ǰuwānén páse āúrtī, kúštant eší rā, tānāden ki eší rā pakkítant, buzlangí watī pasā́nā múččānā wart, ā́tī J̌āntéγä̯iā, gušt: brawán, man watī pasā́nā wártun. J̌āntéγ watí goštā́nā wártant, alā́s kúrtant, nūn pa wat šútant.

do sä̯i šap ki šútant, dístant ki šā́re. amé šārā́i̯ nazdíkā ki ā́tant, dístant: pādšāä̯i ǰaník go čil gulā́mā, go čil maǰmā́ brinǰā́ pa aždiā́rā baránt.

Джантег увидел, что запоздали, де, мои братья! отправился сам вслед за ними, дошел до бузланги и приблизился к нему. Как только бузланги увидел Джантега, он встал и приветствовал его. Джантег сказал: «и тебе привет! где мои братья?» Бузланги сказал: «понятия не имею!» Джантег сказал: «а вон лошадь и верблюд моих братьев!» Бузланги сказал: «если ты увидишь своих братьев, ты их узнаешь?» Джантег сказал: «да». Бузланги вытащил его братьев из сапог, вручил Джантегу и сказал: «вот твои братья!» На утро взошло солнце. Бузланги сказал: «вас трое братьев, я буду четвертым!» Джантег сказал: «если ты четвертый, съешь своих баранов!» Бузланги сказал Джантегу: «а для себя вы не убьете барана?» Джантег сказал: «убьем». Потом он сказал ему: «приведи-ка хорошего барана, и мы его зарежем». Бузланги пошел и привел кабана. Джантег сказал: «ах, ты, падаль! куда ты привел его?» Тот сказал: «братец, сходи ты и приведи, что ни есть наилучшего, я ведь не понимаю!» Джантег пошел и привел хорошего барана. Его зарезали, и пока его варили, бузланги съел всех своих баранов, подошел к Джантегу и сказал: «пойдем, я всех баранов съел!» Джантег (и его товарищи) стали есть свое мясо, покончили и пошли своей дорогой.

Две-три ночи они шли, потом увидели город. Как только они приблизились к городу, они увидели, что ведут к дракону царскую дочь, вместе с сорока

J̌āntéγ pursít: guǰā́ räwít? gúštī: maróčī gazák pādšā́ int ki mnā pa aždiā́rā rāī́ a-kánt ki kámme āp billít ki ǰūā́i̯ tā b^{i}āi̯t ki maxlū́k tunnág ant. J̌āntéγ gušt: šmā bír gardít, ki man tanā́ räín. mardúm padū́ī šútant. J̌āntéγ šut, tā dístī ā aždiā́r int. yak ṭapúre watí ǰānā́ sakk patápt, zāmā́ watí dastā́ sātít, amā́e šut aždiārā́ kiníkkā, aždiā́r dístī, gúštī: maróčī yak nä^{h}āre zi^{y}ātí āt. J̌āntéγ gušt: agár wartág kanā́i̯, zabr int. aždiā́r damā́ kašít J̌āntéγā ki b^{u}ártī. zāmā́ watí pešāníā sātít at. aždiā́r āt pa J̌āntéγäi̯ ǰānā́. amé ki ā́tī, wártī, aždiā́r du kap bū́tī. J̌āntéγ tā yak sāát γiš ku, gúḍā ustát, silúme ša aždiā́räi̯ ǰānā́ kašít. amā́ buzlangí, ešī nām Bābā́-γarγašáŋg at, ā́tī, aždiā́rā wart. J̌āntéγ u Bābā́-γarγašáng šútant, āp šut bi šārā́, mardúm awā́l búrtant pa pādšā́ ki ǰūā́i̯ āp múččī āt. pādšā́ gúštī: brā́it, amā́ mardúmānā biārit. amé ki ā^{w}úrtant, pādšā́ gúštī: aždiā́rā šmā kuštág-it? J̌āntéγ gúštī: ammā́ na kuštág-an. pādšā́ gúštī: man ša édā kārín ki šmā kuštág-it, ma trussít, man watí ǰaníkkā bi šmā a-däín. J̌āntéγ gúštī: číze ki ša xudā́ am čer näi̯nt, ša ta am čer näint, ammā́ aždiā́rā kuštág-an. pādšā́ gušt ki watí ǰaníkkā trā däín. J̌antéγ gušt: mán-a na girín, bi mnī brāsā́ bdäi̯. watí ǰaníkkā bi

---

рабами и вместе с сорока блюдами рису. Джантег спросил: «куда вы идете?» Она сказала: «сегодня очередь царя отправить меня к дракону с тем, чтобы он пустил немного воды в каналы, потому что народ томится от жажды». Джантег сказал: «возвращайтесь, я пойду один!» Люди вернулись. Джантег шел, пока не увидел дракона. Он плотно обернул свое тело войлоком, покрепче сжал руками меч и так пошел к дракону. Дракон увидел его и сказал: «сегодня мне попался обильный обед!» Джантег сказал: «если сможешь съесть, так хорошо!» Дракон вдохнул воздух со стороны Джантега, чтобы поглотить его, а тот держал меч перед своим лбом. Дракон подошел к Джантегу вплотную, но как только подошел и проглотил его, сам распался на две части. Джантег некоторое время был без чувств, затем встал и вырезал ремень из тела дракона. Тот бузланги, — а его имя было Дед-гаргашанг, — подошел к нему и съел дракона. Джантег и Дед-гаргашанг ушли. Вода потекла в город, народ сообщил царю, что вода пошла по всем каналам. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы убили дракона?» Джантег сказал: «нет, мы не убивали!» Царь сказал: «я так заключаю, что вы убили; не бойтесь, я отдам вам свою дочь!» Джантег сказал: «что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! это мы убили дракона!» Царь сказал: «отдаю тебе свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай моему брату!»

Istārá-šnás dāt. apt šap o apt roč dol o sāz kúrtī. Istārá-šnásā gis dāt. J̀āntéγ āwā́n šútant pa wat.

du šap o du roč ki šútant, dístant ki šā́r int, laškár ātá, pādšā́ā̯i šārā́i̯ išk-w-ā́škā giptá. pādšā́ am ša trusā́ dár-a na bū́tī. J̀āntéγ āwā́n ā́tant, go me laškárā jang kúrtant, laškárā múččānā kúštant, yak pādšā́ jist. Bābā́-γarγašáng mardumā́nī lāšágānā wártī. pādšā́ gušt: brā́it, biā́rit amā́ mardúmānā. amé ki āúrtant, pādšā́ gušt ki šmā́ atit ki amé laškárā kúštit? J̀āntéγ gušt ki ān, amā́ atan ki laškárā kúštan. pādšā́ go watī́ wazī́lā o wakī́lā muslahát kúrtant ki mašmā́ e mardumā́nā čé^y^ā bdāyā́n? wazī́l gúštī: ä̯i pādšā́, watī́ janíkkā bdā̯i. pādšā́ gúštī: čonén jwānén abáre dā́tā̯i, wazī́l, brā́it ā mardúmānā biā́rit, ki watī́ janíkkā bdāín. šútant, ā mardúmānā āúrtant. pādšā́ gúštī: man watī́ janíkkā bi šmā a-dāín. J̀āntéγ gušt: mán-a na girī́n, bi Ā̯ušnās bdā̯i. janíkkā bi Ā̯ušnās dā́tant, dol u sāz kúrtant, gis dā́tī. J̀āntéγ o Bābā́-γarγašáng šútant.

yak čunt-šap rā́ šútant, bi Čil-gaz-mū́dī jā rástant. Čil-gaz-mū́dī jā bi daryā́bā̯i miānjī́nā ā́tī. J̀āntéγ Bābā́-γarγašángā gušt ki anū́n mnā čón a-barā́i̯ bi Čil-gaz-mū́dī gisā́. Bābā́-γarγašáng gušt: tī burtín āsā́n int. ešī́

Он отдал свою дочь Звездочету. Семь ночей и семь дней били в барабан и пели, справляли свадьбу Звездочета. Джантег и его спутники пошли своей дорогой.

Когда они прошли две ночи и два дня, они увидели город, а к нему подступило войско и захватило окрестности царского города. Даже царь от страха не выходил наружу. Джантег и его спутники подошли и стали сражаться с этим войском. Они истребили все войско, только царь убежал. Дед-гаргашанг поел людские трупы. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы те, кто перебил это войско?» Джантег сказал: «да, это мы те, кто перебил это войско!» Царь стал совещаться со своим визирем и наместником: что́ мы, дескать, дадим этим людям? Визирь сказал: «о царь, отдай свою дочь!» Царь сказал: «какое хорошее мнение ты высказал, визирь! идите и приведите этих людей, я отдам свою дочь!» Пошли и привели этих людей. Царь сказал: «я отдаю вам свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай Водоведу!» Девушку отдали Водоведу, били в барабан и пели, справили свадьбу. Джантег и Дед-гаргашанг ушли.

Несколько дней они шли по дороге, дошли до жилища девушки Волосы-в-сорок-аршин. Жилище девушки Волосы-в-сорок-аршин было на середине реки. Джантег сказал Деду-гаргашангу: «как же ты меня теперь доставишь к дому девушки Волосы-в-сорок-аршин?» Дед-гаргашанг сказал: «тебя доставить

rā gipt, watí baḍḍā kurt, bi me daryābā xaṭ ǰat, yak pādā éškā išt, yak pādā ā́škā, Jāntéγā ā́škā er kurt. J̌āntéγ šut bi Čil-gaz-mū́dī gisā́i̯ tā, dístī, yak tā́me ér int, dastā́nā šušt, š-amešā́n wártī, šut, Čil-gaz-mū́dī bagā́lā wáptī. Čil-gaz-mū́d āgā́ būt, ar duén ǰā́tant u wā́rtant. e bill tā-médā bayā́nt.

Bābā́-γarγašā́ng ša daryā́bā ā́šk at, šagā́le, ū́ke gíptī, wā́rtī. yak čunt waxt ki gwast, digā́r pādšā́e pa Čil-gaz-mū́dī padā́ laškā́r kurtā́, ātā́. Bābā́-γarγašā́ng dístī, čonén laškā́re ṭuén ātā́, šut, yak ṭuén drā́xte rā ša buná kašít, wat go laškā́rā ǰang ku, go d[a]raxtā́ mardū́mānā ǰat, kū́štī. amé ki alā́s bū́tant, pādšā́iš ǰist, pā́dā šut watí gisā́, gū́štī: ar kas Čil-gaz-mū́dā biā́rīt, man āí tolā́ zarr u sor a-kašī́n. yak pīrazā́le dár āt, gū́štī: man a-kārī́n ki pa[m] man yak sundū́xe ǰoḍ pkan, čappí tā́[b] bdā́īn, burzā́gā brot, rāstí tā[b] bdā́ī́n, ǰālā́gā biā́i̯t. pādšā́ gušt: āzír wastā́ gušī́n ki pa[t] ta ǰoḍ pkant. sandū́γe amé ki ǰoḍ kū́rtant, pīrazā́l bi[t] tā́i̯ būt, dapā́i̯ γulp kurt, pečā́i̯ tāb dāt ki šut pa wat, amé ki āt, rodā́i̯ sarā́ rā́stī. Bābā́-γarγašā́ng dístī, gušt: ta guǰā́ ra[w]ā́i? pīrazā́l gū́štī: man yak miskíni āǰí astun ki ša aǰ ā́tun, mnī amrā́k šū́tant pa wat, man mā́ntun. J̌āntéγ dístī: go Bābā́-γarγašā́ng yak

---

легко!» Он взял его, посадил к себе на спину, расставил над рекой ноги, одну ногу поставил с этой стороны, другую с той стороны, и спустил Джантега на ту сторону. Джантег вошел в дом девушки Волосы-в-сорок-аршин и увидел, что там приготовлено кушанье. Он помыл руки, поел и пошел и лег спать в объятиях девушки Волосы-в-сорок-аршин. Девушка Волосы-в-сорок-аршин проснулась, и они ласкались и забавлялись. Оставь их пребывать там.

Дед-гаргашанг перешел на ту сторону реки и стал ловить шакалов и кабанов и поедать их. Когда прошло некоторое время, другой царь снарядил войско за девушкой Волосы-в-сорок-аршин и подступил. Дед-гаргашанг увидел, как велико подошедшее войско, пошел, выдернул с корнем большое дерево, вступил в бой с войском, стал побивать людей этим деревом и перебил их. Когда они погибли, их царь обратился в бегство, отправился домой и сказал: «всякому, кто доставит девушку Волосы-в-сорок-аршин, я дам равное по величине количество денег и золота». Вышла одна старуха и сказала: «я доставлю, только изготовь для меня ящик, чтобы он, если поверну влево, двигался вверх, а если поверну вправо, шел вниз». Царь сказал: «сейчас же прикажу мастеру, чтобы он для тебя изготовил». Когда сделали ящик, старуха поместилась в него, заперла на замок вход, повернула винт, и он стал двигаться сам собою; он дошел и достиг берега реки. Дед-гаргашанг увидел ее и сказал: «куда ты идешь?» Старуха сказала ему: «я бедная паломница, возвращаюсь с паломничества, мои спутники ушли своей дорогой, а я отстала». Джантег увидел, что

pīrazāle ništá, amā́ int J̌āntéγ tawā́r kurt Bābā́-γarγašā́ngā, gū́štī ki ā čonénen go ta ništá? Bābā-γarγašáng gušt: miskínen ājíeg int. J̌āntéγ gušt: ā́e rā bgwazén ki tā bā̆it éškā. Bābā-γarγašáng eší rā gwazént ā́škā.

čunt roč gwast, ša Čil-gaz-mū́d pursít ki ša watī́ mardā́ purs ki tī napás čéʷäi̯ dastā́ int, tī mard γār a-kánt, ta ič gw-āī́ abár ma däi̯, dérā go ta gušī́t ki mnī napás yak čízäi̯ tā int. J̌āntéγ ki āt watī́ gisā́, yak sāátte ništ, ǰanénī gušt ki tī napás čéwäi̯ dastā́ int? J̌āntéγ γār kurt pa watī́ ǰanénäi̯ ǰānā́, pīrazā́l am goš a-kašít. der ki būt, J̌āntéγ gušt watī́ ǰanénā: äi̯ napás ǰān, ta pä če š-erangén abáre pursā́i̯? ǰanén gušt ki man um sí bäín šaᵗ tī napásā ki bi čéwäi̯ dastā́ int. J̌āntéγ gušt: äi̯ napás ǰān, mnī napás íččīä dastā́ näi̯nt, mnī napás amé zām int, ki ša pošā́i̯ yak mardúme pkašít, man gúḍā mirín. pīrazā́l ki uškítī, gū́štī: man tī pikrā́ dārín.

amé ki J̌āntéγ wā́pt-atī, ǰanénäi̯ pīrazā́l gušt: brawā́n mäšmā́ rodā́i̯ sarā́. Čil-gaz-mū́d gū́štī: brawā́n. amé ki šútant, sar bū́tant rodā́i̯ sarā́, pīrazā́l gušt: allā́, čonén ǰwānén sundū́xe ér int. dapā́i̯ páč ku pīrazā́l, Čil-gaz-mū́dā gušt: ta biā́, mnind biᵗ tā́i̯, mäšmā́ säi̯l pkanán, ki mäšmā́ rā gīt,

---

с Дедом-гаргашангом сидит какая-то старуха; поэтому Джантег позвал Деда-гаргашанга и сказал ему: «кто это сидит с тобой?» Дед-гаргашанг сказал: «это бедная паломница». Джантег сказал: «переправь ее, пусть идет сюда!» Дед-гаргашанг переправил ее на ту сторону.

Несколько дней прошло, и она спросила девушку Волосы-в-сорок-аршин: «спроси у своего мужа: „в чьих руках твоя душа?“ он рассердится, и ты с ним больше не разговаривай, а попозже он скажет тебе: „моя душа в такой-то вещи!“» Когда Джантег вернулся домой и немножко посидел, его жена спросила: «в чьих руках твоя душа?» Джантег рассердился на свою жену, а старуха стала прислушиваться. Прошло много времени, и Джантег сказал своей жене: «душечка, почему ты спрашиваешь о таких вещах?» Жена сказала: «пусть и я буду осведомлена о твоей душе, в чьих она руках!» Джантег сказал: «душечка, моя душа не находится ни в чьих руках, моя душа — вот этот меч. Если кто-нибудь вытащит его из ножен, тогда я умру!» Как только старуха услышала это, она сказала: «я уж о тебе подумаю!»

Как только Джантег заснул, старуха сказала его жене: «пойдем с тобой на берег реки!» Девушка Волосы-в-сорок-аршин сказала: «пойдем!» Когда они пошли и дошли до берега реки, старуха сказала: «боже, какой тут красивый ящик!» Старуха открыла вход в него и сказала девушке Волосы-в-сорок-аршин: «поди сюда и сядь внутри, посмотрим, вместит он нас с тобой или нет!»

agár na. Čil-gaz-mūd bi[t] tā̄i̯ ništ, pīrāzāl dapā̄i̯ γulp ku, šútī, J̌ānté γī nīpādā säi̯l ku tā dist, zā̄mī amédā ér int, zāmā̄i̯ zurt, ša pošā̄i̯ kašít, zāmā̄i̯ ǰindā̄ rodā̄i̯ tā prent, pošā̄i̯ tandū́rā purānī čérā kurt. amā́ int ki šut sundū́xäi̯ā, dapā̄i̯ pā́č kurt, eš am bi[t] tā̄i̯ ništ, dapā̄i̯ γulp ku, pečā̄i̯ tāb dāt ki šut pa wat, šut, watī̄ gisā̄ sar būt. awā̄l búrtant pa pādšā̄: pīrazā̄l āt. pādšā̄ ā̄tī, gušt ki āúrtäi̯ ǰaníkkā. pīrazā̄l gúštī: aúrtun. pādšā̄ gušt: brawán bi gisā̄ kī tī tolā̄ zarr u sór a-kašín. pīrazā̄l am šut go pādšā̄, tolā̄i̯ zarr u sor kašít, pīrazā̄l zurt u burtī́t-iš. ǰaníkkā pādšā̄ loṭít, gúštī: trā man a-girín. ǰaník gušt: sabr kan tā čil šab. ešī́ abár alā̄s būt tā čil šab.

Istārá-šnā̄s säi̯l ku pa [wa]tī brāsā̄i̯ istā̄rā, dist tā mnī brāsā̄i̯ istā̄r näi̯nt. ya digá šapénā duwārdág säi̯l ku, tā dist ki mnī brāsā̄i̯ istā̄r näi̯nt. tāríenā roč būt, watí aspā̄ zen kurt, suwā̄r būt u šut bi Ā̄u̯-šnā̄säi̯ā. Ā̄u̯-šnā̄sā gušt: ā lālā̄, mäšmā̄i̯ brāsā̄i̯ istā̄r näi̯nt. šapénā säi̯l kúrtant pa [wa]tī brāsā̄i̯ istā̄rā, tā dístant ki wadía na bīt. tāríenā ki roč būt, ar du brās rādág bū́tant u šútant, bi J̌ānté γäi̯ā rástant, tā dístant Bābā̄-γarγašáng amédā waptá. Bābā̄-γarγašángā pād kúrtant, gúštant: gúǰ int J̌ānté γ? Bābā̄-γarγašáng gušt:

Девушка Волосы-в-сорок-аршин села внутрь. Старуха заперла вход на замок, а сама пошла посмотреть постель Джантега и увидела, что его меч там лежит; она взяла меч и вытащила из ножен: самый меч бросила в реку, а ножны спрятала в золу очага. Потом она пошла к ящику, открыла дверцу и сама села внутри; заперла вход на замок и повернула винт, чтобы ящик пришел в движение; он двинулся сам собою и достиг своего дома. Царю принесли весть: «старуха вернулась!» Царь пришел и сказал: «привезла девушку?» Старуха сказала: «привезла!» Царь сказал: «пойдем домой, и я отвешу тебе по твоей величине денег и золота!» Старуха пошла с царем, и ей отвесили по ее величине денег и золота; старуха их взяла и унесла. Царь позвал девушку и сказал: «я тебя возьму (в жены)!» Девушка сказала: «потерпи сорок ночей!» Рассказ о ней кончился на сорок ночей.

Звездочет стал искать звезду своего брата, смотрит: «нет звезды моего брата!» На другую ночь он вторично стал искать, опять смотрит: «нет звезды моего брата!» На утро взошло солнце; он оседлал свою лошадь, сел верхом и поехал к Водоведу. Водоведу он сказал: «братец, нет звезды нашего брата!» Ночью они стали высматривать звезду своего брата, пока не убедились, что ее нет. Когда на утро взошло солнце, оба собрались в путь, отправились и добрались до жилища Джантега; увидели, что Дед-гаргашанг спит. Они разбудили Деда-гаргашанга и сказали: «где Джантег?» Дед-гаргашанг сказал: «вон Джантег,

J̌āntéγ ā́ int, gisā́i tā go ǰaníkkā t́amāšā́ a-kánt. Istārá-šnā́s gúštī: ammā́ rā bgwázen, bar J̌āntéγäi̯ā. ešānā gwazéntī ša rodā́ ā́škā.

e šútant gisā́ tā, Istārá-šnā́s säi̯l kurt tā dístī: mnī brās amédā waptā́. lepā́i̯ bāl āúrt tā dístī ki mnī brās amédā kirm ǰatá, murtá. Āu̯-šnā́sā gušt: annū́n mäšmā́ čón kanán? gúštī: čoní améš int ki zāmā́ wadí pkánan. binā́ kúrtant bi gaštínā. ākā́nī čérā, purrā́nīā gā́štant, zāmā́i̯ pošā́ tandū́räi̯ purrā́nī čérā dístant. Āu̯-šnā́s säi̯l ku bi āpā́i̯ tā, tā dist, bi nihíngä dapā́ band giptā́. gúštī ki nūn do xaltá pog wadí pkánant, b[1]ārant ki man zāmā́ pkašín. Bābā-γarγašángā rāí kúrtant bi pogā́, šut, do xaltá pog āúrtī, daságā bástant bi xaltā́. Āu̯-šnā́sī ǰind xaltā́nī sarā́ suwā́r būt, gúštī: amé ki xaltá ér šut, šmā daságā peš kašít. amé ki Istārá-šnā́s dist ki xaltá ǰāl bū́tant, Āu̯-šnā́s um ša nihíngäi̯ dapā́ zāmā́ gipt, Istārá-šnā́s daságā kā́š kurt, zāmā́ kašítant tā dístī ki zām zang ǰatá. zāmā́ gíptant, šúštant, zangā́nī pāk kurtá pošā́i̯ tā kúrtant. amé ki pošā́i̯ tā kúrtant, J̌āntéγ ustát, sábre ǰat, gušt: čon wā́b atun! Āu̯-šnā́s gušt: trā wābíä čé-ā̆ loṭít! kirmā́nā säi̯l pkan ki murt-átäi̯! gúštī: gúǰ int tī ǰanén? J̌āntéγ gušt: man čéw a-zānín. Istārá-šnā́s gúštī: mäšmā́ tanák bayán, šārā́nā bgárdan, tā ki ǰaníkkā wadí pkanán.

с девушкой дома развлекается!» Звездочет сказал: «переправь нас и доставь к Джантегу». Он их переправил на ту сторону реки.

Они вошли в дом; Звездочет стал смотреть и увидел: вот здесь спит мой брат! Он приподнял одеяло и увидел: моего брата изъели черви, и он умер! Он сказал Водоведу: «что же мы теперь будем делать?» Тот сказал: «способ один, надо отыскать меч!» Они принялись разыскивать; стали искать под землей, в золе, и в золе от очага увидели ножны. Водовед стал смотреть в воду и увидел, что он застрял в пасти у чудовищной рыбы. Он сказал: «пусть теперь найдут и принесут два мешка соломы, и я вытащу меч!» Деда-гаргашанга послали за соломой; он пошел и принес два мешка соломы; к мешкам привязали веревку. Водовед уселся сверху на мешки и сказал: «как только мешок дойдет до низу, вы тащите за веревку». Как только Звездочет увидел, что мешки спустились вниз и что Водовед взял меч из пасти чудовищной рыбы, Звездочет потянул за веревку. Меч вытащили, и увидели, что меч поеден ржавчиной. Взяли меч, вымыли, очистили от ржавчины и вложили в ножны. Как только его вложили в ножны, Джантег встал, чихнул и сказал: «как я заспался!» Водовед сказал: «какая тут сонливость! посмотри-ка на червей, ведь ты был мертвым!» Потом он сказал: «где твоя жена?» Джантег сказал: «откуда я знаю?» Звездочет сказал: «мы разделимся и будем ходить по-одиночке по городам, пока не найдем девушку». Они пошли. Звездочет и Водо-

šútant. Istārá-šnās, Āu̯-šnās gā́štant, na dístant. Bābā́-γarγašáng gušt ki man bi éngūräi̯ šārā́ dístun. J̌ānteγ gúštī: bra, ma wušt, ǰaníkkā biā́r. Bābā́-γarγašáng šut pa ǰaníkkäi̯ padā́ ki biārīn.

Bābā́-γarγašáng šut tā dist ǰaníkkäi̯ čil šap bū́t būtá, nūn dol u sāz kurtág ant ki pādšā́ gís a-kant. Bābā́-γarγašáng wat rā pīramárde kurt, šut ǰaníkkäi̯ā. ǰaník Bābā́-γarγašángā drust kurt, gušt ki pādšā́ loṭít, mnā bgīt, kā́re pkan ki mnā bzū́r u bra. Bābā́-γarγašáng gust: γussá ma war ki trā šapí a-barín. Bā́bā-γarγašáng šut, bi arūsíā pādšāi̯ā ništ. pa Bābā́-γarγašáng nān u gošt āúrtant. ešā́nā wártī, gúštī: man ser na kúrtun. e čonén pādšā́e gušnág int ki mnā nān dātága na kant. pādšā́ gušt: ar če nā́n u gošt int, bdā́it amešī́ rā, tā bᵘwart ki mnā bad-nām a-kánt. tā begā́ī ar če ki nān dā́tant, ar če ki pas kúštant, e ser na kurt. tā ki šap būt, šut pīrazā́lā wadí kurt, āúrtī, gúštī: biā́, brawā́n ā́denā, trā pādšā́ gušít: biā́. amé ki pīrazā́l yak ṭukkúre šut, ešī́ rā gipt u wártī. šut, ǰaníkkā zurt, watí puštā́ suwā́r kurt u šut, J̌āntéγäi̯ ǰā sár būt. J̌āntéγ gušt: bārikállā, bārikállā Bābā́-γarγašángā. šapí mā́ntant.

tārīenā J̌āntéγ š-édā laḍḍít ki brā́u̯t watí pissā́i̯ šār u kalā́tā. ša rodā́ ki gwástant, yak do šap gwast, šútant, bi Āu̯-šnā́sī ǰā sar bū́tant, šapí

вед ходили-ходили, не нашли. Дед-гаргашанг сказал: «я видел в городе по близости». Джантег сказал: «не сиди, а иди и приведи девушку». Дед-гаргашанг пошел, чтобы привести девушку.

Дед-гаргашанг пошел и увидел, что сорок ночей девушки окончились, а теперь забили в барабан и заиграли, так как царь женится. Дед-гаргашанг обратил себя в старика и пошел к девушке. Девушка узнала Деда-гаргашанга, и сказала: «царь хочет меня взять (в жены), придумай что-нибудь, чтобы забрать меня и уйти». Дед-гаргашанг сказал: «не печалься, сегодня ночью я увезу тебя!» Дед-гаргашанг пошел и уселся на свадебном пиру у царя. Деду-гаргашангу принесли хлеба и мяса. Он съел и сказал: «я не наелся! что это за царь-голодранец, что меня не может накормить!» Царь сказал: «сколько ни есть хлеба и мяса, дайте ему, пусть ест, потому что он меня срамит!» До вечера, сколько ни давали хлеба, сколько ни убивали баранов, он не наедался. Когда наступила ночь, он пошел, отыскал старуху, привел ее и сказал: «давай, пойдем туда, царь велит тебе прийти!» Как только старуха прошла немножко, он схватил ее и съел, а сам пошел, забрал девушку, посадил ее к себе на спину, пошел и добрался до Джантега. Джантег сказал: «да благословит бог! да благословит бог Деда-гаргашанга!» Эту ночь они оставались там.

На утро Джантег снарядился, чтобы отправиться в город и крепость своего отца. Когда они переправились через реку и прошла одна ночь или две, они

mā́ntant, tā́rī Āu̯-šnā́s am go āwā́n laḍḍít. wasírkī gušt ki äi̯ zāmā́s, ar če gulā́m a-loṭā́i̯, ar če asp u dau̯lát a-loṭā́i̯, go wat bar. Āu̯-šnā́s gúštīt: én ka mnā pa kā́r näi̯nt. gúštī: šarr, yak o do gulā́m go yak o do aspā́ bzūr. amé aspā́nā ša dau̯láttā laḍḍít. amešā́nā Au̯-šnā́s zurt u šut pa wat. šútant ki e digár ročénā Istārá-šnā́säi̯ ǰā rástant. šapí mā́ntant Istārá-šnā́säi̯ā. tārī́enā Istārá-šnā́s am rādág būt, eší wasírk am gušt: dau̯lát ar če pa kār dārī́t, bzūr. eší aspā́nā laḍḍít ša dau̯láttā, gulā́mā rāí kurt. tārī́enā zurt u šútant. tā yak mā ki rā́ šútant Bābā́-γarγašangī ǰā rastant. Bābā́-γarγašáng gušt: nūn go šmā man na raín, man amédā nindín. e amédā níštī. J̌āntéγ āwā́n šútant ki bi Āu̯-šnā́sī rāíā sár būtant, Āu̯-šnā́s gušt: man annū́n na raín go šmā. J̌āntéγ gušt: šarr, ki na raā́i̯, pa tī ruxsáttā. mā́ntant annū́n J̌āntéγ u Istārá-šnā́s. ar duén šútant bi J̌āntéγī pissā́i̯ šārā́i̯ nazzī́kā. Istārá-šnā́s gušt: man am na raín go ta, mnī rā́ amé̄š int. J̌āntéγ gušt: pa^t tī ruxsáttā ki rawā́i̯.

J̌āntéγ yak ṭukúrre šútīt tā dístī, amédā ramā́ge čārī́t. J̌āntéγ šuwānā́gā pursít, gušt ki e ramág kí-int? šuwānā́g gušt ki e pādšā́en ramág. gušt: bra, awā́l bar pa pādšā́ ki tī zāg ā́tī. e šuwānā́g šut, go pādšā́ gušt: tī zāg

---

пошли дальше и дошли до жилища (жены) Водоведа. Ночь переночевали, а на утро и Водовед снарядился. Его тесть сказал: «зять, возьми с собой слуг, лошадей и имущества, сколько захочешь!» Водовед сказал: «мне столько не надо!» Тесть сказал ему: «ну, хорошо, возьми одного или двух слуг с лошадью или двумя». Он нагрузил имуществом этих лошадей; Водовед их взял и отправился к себе. Они пошли дальше. В один из следующих дней они дошли до жилища (жены) Звездочета. Ночь они провели там, а на утро Звездочет собрался в путь, его тесть также сказал: «возьми себе имущества, сколько нужно!» Он нагрузил ценностями его лошадей и прислал слуг. На утро они отправились. Целый месяц они были в дороге, пока дошли до жилища Деда-гаргашанга. Дед-гаргашанг сказал: «я теперь с вами не пойду, а останусь здесь». Он остался. Джантег со спутниками пошли и дошли до дороги Водоведа. Водовед сказал: «я теперь с вами не пойду!» Джантег сказал: «хорошо, если не пойдешь, прощай!» Остались теперь Джантег и Звездочет. Вдвоем они приблизились к городу отца Джантега. Звездочет сказал: «я тоже не пойду с тобой, это — моя дорога!» Джантег сказал: «прощай, если не идешь!»

Джантег немного прошел и увидел, что пасется стадо овец. Джантег спросил пастуха и сказал: «это чье стадо?» Пастух сказал: «это царское стадо». Он сказал: «иди и снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Пастух пошел и сказал

āt. gúštī ki man zāge na dārín. šuwānág pa dūríā āt. J̌āntéγ dístī ki bágge čārít, sarwānā gušt: bra, awāl bar pa pādšā, bguš ki tī zāg āt. sarwān šut, go pādšā gušt ki tī zāg ātī. pādšā gušt: man zāge na dārín. sarwān padūī bír gašt, āt. J̌āntéγ demtírā šut, tā dist ki gokčaréne, gušt: awāl bar pa pādšā ki tī zāg āt. gokčarén ki šut pādšāājā, gušt: tī zāg ātī. pādšā gušt: man zāge na dāštun. gúštī, én ka mardúm a-kāit, gušít ki pādšā, tī zāg āt, brāit, yak do suwār rāí pkanít. e sᵘwār šútant tā dístant ki mardúm a-kāiánt. go eń mardúmān wašāmád kúrtant, ša e pursítant: ta čonéne wāi? J̌āntéγ gušt: man pādšāāi zāg un. e šútant, bi pādšāāi gisā sar bútant. pādšā pursít: tā čonéne wāi? J̌āntéγ jawāb dāt ki man tī zāg un. gúštī: ta čon mnī zāg āi? gúštī: man amā tī zāg un murtágen ki mnā Azrāíl burt, mazán kurt, nūn ātun. pādšā kapt bi guṭṭāi, bāzénī gret. tārī ki roč būt, duwārdág pādšā dol u sāz kurt, J̌āntéγā gis dāt. jístun u bástun, pa wat imāne āúrtun, paᵗ ta dištáre āúrtun.

царю: «твой сын пришел!» Тот сказал: «у меня нет сына!» Пастух ушел в даль. Джантег увидел, что пасется стадо верблюдов, и сказал погонщику: «иди, снеси весть царю, скажи: „твой сын пришел!“» Погонщик верблюдов пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня нет сына!» Погонщик верблюдов пошел и вернулся назад. Джантег пошел вперед и увидел коровьего пастуха; он сказал ему: «снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Коровий пастух пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня не было сына!» потом он сказал: «столько людей приходит и говорят: „царь, пришел твой сын!“ идите и пошлите одного-двоих верховых!» Эти верховые отправились и увидели, что приближаются люди. Они поздоровались с этими людьми и спросили: «кто ты таков?» Джантег сказал: «я царский сын!» Они отправились и пришли к царскому дому. Царь спросил: «кто ты таков?» Джантег ответил: «я твой сын!» Тот сказал: «как это ты мой сын?» Он сказал: «я тот твой мертвый сын, которого Азраил унес и вырастил, а теперь я пришел!» Царь бросился ему на шею и долго рыдал. На утро, когда взошло солнце, опять били в барабан и играли, опять праздновали свадьбу Джантега. Я убежал и завязал, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XI

būt, būt, ša xudā́ káse getír na būt. yak pādšāe ʸat, čil u yak zāg dāšt. yak wáxte būt ki pādšāā̰i zāg gúštan[t]: ā̰i bābā́, ammā́ rā gis bdā̰i. e pādšā́ watī zāgā́nā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na däín, man bi pādšāe däín kı čil u yak ǰiník dāštá bīt. biyā́ ki mäšmā́ nūn kāsíd kanán bi yak pādšāe ki čil u yak ǰiník dāštá bīt. amédā xat nẹmištá kúrtan[t] p-ā́ pādšā́. nūn ša e pādšā́ bill u ša digár pādšā́ goš kaš.

e pādšā́ dāšt čil u yak ǰiník. yak wáxte at ki ǰiníkān gúštan[t]: ā̰i bābā́, ammā́ rā pa če gis na dā́ā̰i? pādšā́ gušt ki man šmā rā yak-yak gis na däín, šmā rā bi pādšāe däín ki čil u yak zāg dāštá bīt. biyā́ mäšmā́ kāsíd kanán pa pādšāe ki čil u yak zāg dāštá bīt. nūn yak xáte nẹmištá kurt, kāsídā̰i dastā́ dāt ki[t] ta eší rā bar, bi pādšāe bdā̰i kẹ čil u yak zāg dāštá bīt. e kāsíd š-amédā rādág būt, šut. ša e kāsídā bill u ša digár kāsíd goš kaš.

e kāsíd ar dokén ā́tan[t], yak ǰā níštan[t]. yáke gušt ki ta ša guǰā́ kā́ā̰i? gušt ki man ša pādšāe kāsíd astun ki mnā dém dātá bi pādšāe ki čil u yak ǰäník dāštá bīt. e kāsíd gušt: ša wat bil, ša man goš kaš, man am yak pādšāe kāsíd astun, ki mnā dém dātá bi pādšāe ki čil u yak zāg dāštá bīt.

(XI. Об Амат-ша и Сорокавьючнике)

Было-было, никого лучше бога не было. Был один царь, у него был сорок один сын. Однажды царские сыновья сказали: «батюшка, жени нас!» Царь сказал своим сыновьям: «я не буду женить вас порознь, а отдам (вас в зятья) такому царю, у которого будет сорок одна дочь; давайте, снарядим теперь вестника к такому царю, у которого будет сорок одна дочь». Тут же составили письмо к царю. Теперь оставь этого царя и послушай о другом царе.

У этого царя была сорок одна дочь. Однажды девушки сказали: «батюшка, почему ты не выдаешь нас замуж?» Царь сказал: «я вас порознь не буду выдавать замуж, а отдам вас такому царю, у которого будет сорок один сын; давайте, теперь отправим вестника к царю, у которого будет сорок один сын». Он тотчас составил письмо и дал его вестнику: снеси, мол, и отдай такому царю, у которого будет сорок один сын! Этот вестник снарядился в путь и отправился. Оставь теперь этого вестника и послушай о другом вестнике.

Оба эти вестника сошлись и остановились в одном месте. Один сказал: «откуда ты идешь?» Другой сказал: «я вестник одного царя, который меня послал к царю, у которого была бы сорок одна дочь». Первый гонец сказал: «оставь себя, послушай обо мне! я тоже царский гонец, посланный к такому царю,

e kāsíd gušt ki e rang būt, ta b^{i}yā, mnī xatā́ bzūr, man am tī xatā́ zūrín, ta b^{i}ra watí ǰindā́i̯ šārā́, man am watí ǰindā́i̯ šārā́ räín. ešā́n watí xatā́nā zúrtan, ar kas pádā šut.

e kāsíd šut bi pādšāāi̯ demā́, gušt ki b^{i}yā ki wadí kurtā́ un, b^{i}yā ki nūn brawán, watí zāgānī ǰänénā b^{i}yār. e pādšā́ watí zāgā́nā loṭít ki b^{i}yā́it, ša šmā yak guǰām bi mnī pādšāíäi̯ sarā́ búštīt, ki man bräín šmäi̯ ǰänénānā b^{i}yārīn. e zāgā́n yak guǰā́m rāzí na bū́tan^{t}, gúštan^{t}: ammā́ múččī rawán. pādšā́ dāšt yak gwanḍén zāgā́, gúštī: äi̯ bābā́, man tī pādšāíäi̯ sarā́ nindín. mnī ǰänénā bi mnī amé zāmā́ nikā́ pkanā́i̯. pādšā́ bi amé abár rāzí būt, š-amédā watí γošúnā zurt u rādág būt, šut bi amā́ šāre ki ǰiníkān ast, šārā́i̯ išk-u-ā́škā xäi̯mág ǰat.

tā́rī mullā́ ustát ki azā́n bdant, dist ki šārā́i̯ išk-u-ā́škā xäi̯mág ǰatág-an^{t}. š-amédā ǰist bẹ padšāāi̯ demā́, uštā́t, gušt: e pādšā́, b^{i}yā ki šārā́i̯ išk-u-ā́škā xäi̯mág bāz ǰatág-an^{t}, bra, säi̯ kan ki yā dóst an^{t} yā́ dušmán an^{t}. pādšā́ š-amédā kāsíd dem dāt ki šmā dost it yā dušmán it. agár dost it, biyā́it bi šārā́i̯ tā, agár dušmán it, ammā́i̯ ǰawābā bdā́it. ā pādšā́ gušt ki ammā́ tī dušmán nā́yan, tī dóst an. darwāzágäi̯ dapā́ páč kan ki ammā́ b^{i}yā́yan bi šārā́ tā. e pādšā́ darwāzágäi̯ dapā́ páč kurt ki pādšā́ watí urdū́

у которого будет сорок один сын». Тот гонец сказал: «раз так, давай, ты возьми мое письмо, а я возьму твое, и ты иди в свою страну, а я пойду в свою!» Они взяли письма, и каждый отправился обратно.

Первый гонец отправился к царю и сказал: «ну, я нашел! давай, теперь поедем, и ты привезешь жен своим сыновьям». Царь позвал своих сыновей: приходите, мол, пусть кто-нибудь из вас останется во главе моего царства, а я поеду и привезу вам жен! Никто из сыновей не согласился; они сказали: «мы все поедем!» А у царя был младший сын, он сказал: «батюшка, я останусь во главе твоего царства, а ты повенчай мне жену на этом моем мече!» Царь остался доволен этими словами; он тотчас снарядил свою свиту и войско, собрался, выступил к тому городу, где находились девушки, и разбил свои палатки вокруг города.

Рано утром мулла встал, чтобы прочесть призыв к молитве, и увидел, что вокруг города разбиты палатки. Он побежал к царю, остановился и сказал: «царь, посмотри, вокруг твоего города разбито много палаток, пойди, посмотри, друзья это или враги!» Царь тотчас отправил гонца: вы, де, друзья или враги? если друзья, войдите в город; если враги, сообщите ваши требования. Тот царь сказал: «мы не враги тебе, а друзья, открой ворота, и мы войдем в город». Царь открыл ворота, и другой царь ввел свою свиту и войско

wa γušā́nā āwúrt bi šārā̃ tā. édā šap būt. pādšā́ watī́ urdū́ u γušā́nā nān dāt, murxás ku, wa watī́ zāgā́nā loṭít, wa digá pādšā́ watī́ ǰaníkkānā loṭít wa kattā́r nādént, bi pādšā́äi̯ zāgā́nī sarā́ bā́r ku. e pādšā́ gušt ki äi̯ pādšā́, tī yak zāg nā́int? e pādšā́ ǰawā́b dāt ki mnī zāg bi mnī pādšāī́äi̯ sarā́ ništā́g int wa āī́ ǰänénā bi amé zāmā́i̯ nikā́ kanít. nūn alā́s būt š-édā.

e pādšā́ yak dā roč bi amédā zindagānī́ kurt, gúḍā gušt ki biyā́ ki brawán. e pādšā́ watī́ urdū́ u γušā́nā sí ku ki bā́ndā mäšmā́ rawán. tā́rī pādšā́ ša e šār laḍḍít, šut yak manzíl rā, er ku bi yak kalā́täi̯, watī́ aspā́nā kā u ǰau̯ dāt wa ǰíndī čā wa nān wártanᵗ. amḗdā tā tā́rī wáptanᵗ. tā́rī kⁱ ustátanᵗ, dístanᵗ ki yak buzlangī́e ešā́nī išk u ā̃škā giptá. pādšā́ yak kāsíde dem dāt, gušt: ta dóst äi̯ yā dušmán äi̯? buzlangī́ gušt ki na, man dušmán ná un, man dost un, man ša šmā Ámát-šāä ǰanénā loṭín. pādšā́ gušt ki agár digáre rā loṭā́i̯, man trā däín, Amat-šāä ǰanénā na däín. buzlangī́ gušt ki agár ma dä́äi̯, man šmā rā múččānā warín. pādšā́ nā-čā́r būt, gušt ki biyā́ ki Amat-šāä ǰanénā bi me buzlangī́ däyán. édā watī́ zāgā́nā loṭít, gušt ki bābā́, šmā čéwā gušít? pādšā́äi̯ zāg ruzā́ bū́tanᵗ. e Amat-šāä ǰanénā ístanᵗ wa ǰíndī rādā́g bū́tan u šútan pa wat. e buzlangī́ Amat-šāä ǰanénā gušt ki

---

в город. Наступила ночь. Царь роздал продовольствие своей свите и войску, отпустил их и позвал своих сыновей, а другой царь позвал своих дочерей, рассадил их и разделил их между царскими сыновьями. Этот царь сказал: «царь, одного твоего сына нет!» Царь ответил: «мой сын остался во главе моего царства, обвенчайте его жену на этом мече!» На том и покончили.

Затем этот царь дней десять прожил там, а потом сказал: «ну, поедем!» Этот царь известил свою свиту и войско, что завтра, дескать, мы с вами выступаем. На утро царь снарядился, выступил из города на один перегон, и остановился в одной своей крепости; своим лошадям дали сена и ячменя, а сами стали пить чай и есть хлеб и проспали здесь до утра. Когда на утро встали, они увидели, что какой-то бузланги окружил их со всех сторон. Царь послал гонца и спросил: «ты друг или враг?» Бузланги сказал: «нет, я не враг, я друг, только я хочу от вас жену Амат-ша (младшего сына царя)». Царь сказал: «если ты захочешь кого-нибудь другого, я тебе выдам, но жену Амат-ша не дам». Бузланги сказал: «если ты не дашь, я вас всех пожру!» Царь не имел выхода и сказал: «пожалуй, отдадим этому бузланги жену Амат-ша!» Он созвал своих сыновей и сказал: «дети, что вы скажете?» Царские сыновья согласились. Жену Амат-ша оставили, а сами собрались в путь и пошли к себе. Бузланги сказал жене Амат-ша: «ты не горюй, что я тебя

ta γussá ma wår ki man trā gardentā́ un, bálkẹ Amat-šā́ rā ša watí čammā́ bgindín. ša e bill u ša pādšā́ goš kaš.

e pādšā́ watí urdū́ wa γušā́nā gušt ki agár Amat-šā́ ša šmā soč pkant, bgúšit ki tī ǰanén murtá. gušt: wā bi ǰā́ni yáke ki bgúšīt ki tī ǰanénā spetén deb gardentá! ša pādšā́ bill u ša Amat-šā́ goš kaš.

Amat-šā́ bi γasrā́i̯ sarā́ ništ-át, go dūrbī́n sä̯ilā́ kurt, kadén mnī pisā́i̯ kušā́n kā̰it. dist ki yak dūláxte ustát. ā́dā Amat-šā́ watí gulā́mā gušt ki mnī asp u erā́γā bi^{y}ā́r. gulā́m asp u zen u erā́γā ā^{w}úrt. Amat-šā́ watí aspā́ suwā́r būt, dem watí pi^{s}sā́i̯ā rādág būt, šut watí pissā́i̯ā, dist ki písī siyā-pṓš int. gušt ki äi̯ bābā́, pa če ta si^{y}ā-pṓš äi̯? písī gušt ki bi^{y}ā́, bābā́, ki tī baxt kamí kurtá ki tī ǰanén murtá. e Amat-šā́ bāz gret, āt watí ǰindā́i̯ gisā́.

édā šap būt. Amat-šā́ púčči durbeší gwarā́ ku, šut pa durbešī́yā, dist ki čār warnā́ arák wartág-an^{t}, mast būtág-an^{t}. yáke gušt ki armā́n, sad armā́n ki Amat-šā́ä ǰanénā spetén deb gardént. yak warnā́e gušt ki armā́n, ki Amat-šā́ amédā bū́tin ki šut, watí ǰanénā kāwúrt. yak gašt Amat-šā́ wat rā gisā̄́ tā prent. gušt: äi̯ warnā́, ta watí amé abáre ki annū́n gúštäi̯, bguš. e warnā́ bi Amat-šā́ gušt ki agár man watí abára go ta bgúšīn, pādšā́ mnā goš u póz a-kánt. Amat-šā́ bi warnā́ gušt ki ta ša

---

вернул: я хочу только увидеть своими глазами Амат-ша». Оставь его и послушай о царе.

Царь сказал своей свите и войску: «если Амат-ша у вас спросит, скажите: „твоя жена умерла!“» и прибавил: «и горе тому, кто скажет, что твою жену отнял белый див!» Оставь теперь царя и послушай об Амат-ша.

Амат-ша сидел на замке и смотрел в подзорную трубу: когда, мол, придет войско моего отца? увидел, что поднялась пыль. Тут Амат-ша сказал своему слуге: «приведи мне оседланную лошадь». Слуга привел лошадь с седлом и со всем убором. Амат-ша сел верхом на свою лошадь и отправился к своему отцу. Он увидел, что его отец одет в черное, и сказал ему: «батюшка, почему ты в черном?» Отец сказал ему: «вот, сынок, твое счастье потерпело ущерб: твоя жена умерла!» Амат-ша горько заплакал и пошел к себе домой.

Наступила ночь. Амат-ша надел дервишеское платье и отправился странствовать дервишем. Он увидел, что четверо юношей напились водки и опьянели. Один сказал: «досадно, сто раз досадно, что жену Амат-ша отнял белый див!» Другой сказал: «досада! ведь если бы Амат-ша был здесь, он отправился бы и привел свою жену!» Амат-ша стремительно бросился внутрь дома и сказал: «юноша, повтори то, что ты сейчас сказал!» Юноша сказал Амат-ша: «если я скажу тебе свои слова, царь отрежет мне уши и нос». Амат-ша сказал:

dādšā́ ma trus ki man Amat-šā́ un. e warnā́ gušt ki tī ǰanénā spetén deb gardentá. b^{i}ra, watí ǰanénā padā dẹi̯.

Amat-šā́ š-amédā rādág būt, watí asp u zen u erā́γā múččānā zurt u watí aspā́ s^{u}wār būt u šut. bẹ yak ǰā́e rasít, dist ki du buzlangíyā bastág an^{t} u yak buzlangí ša pádā langár a-kánt, go šīpáng ǰant. gušt: salā́m alā́i̯k, äi̯ buzlangí. buzlangí gušt ki agár tī salā́m ma bū́tin, trā man ā́rt a-kúrtun, bi gwātā́i̯ dapā́ dā́tun. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki xudā́ trā če zóre dātā́ ki du buzlangíā bastág-äi̯, langár a-kanā́i̯, go šīpánk am ǰanā́i̯. e buzlangí gušt ki xudā́ zorā́ bi man na dātá, bi Amat-šā́ dātā́. Amat-šā́ bi buzlangí gušt ki äi̯ buzlangí, agár ta Amat-šā́ā bgíndäi̯, durústī am kanā́i? buzlangí gušt ki yak wáxte man āe rā distā́ un, agár nūn bgíndīn, durústī am kanín. Amat-šā́ gušt ki Amat-šā́ mán un. e buzlangí gušt ki man ā́tun ki trā dar asmā́n bgirín, nūn bi ḍigárā bẹ mnī gīrā́ kaptág-äi̯, trā nā́i̯līn ki ša mnī demā́ bẹǰiā́i̯. Amat-šā́ gipt buzlangíäi̯ srená, watí xudā́ yāt ku, buzlangíā bāl āwúrt, ǰat bi ḍigárā, watí zāmā́ kašít ki eší sarā́ burrít. e buzlangí gušt ki ta mnī sarā́ ma bur, ki man tī yak gulā́me baín. Amat-šā́ gušt: šarr, ša yákke do getír int. rādág bū́tan u šútan.

bi yak ǰā́e rasítan^{t}, dístan: yak buzlangíe e singā́ zūrít, bi ā singā́ ǰant, ā́rt a-kant o wart. salā́m dāt ki äi̯ buzlangí, xudā́ če zóre trā dātá ki

---

«ты царя не бойся: я Амат-ша!» Юноша сказал: «твою жену отнял белый див! иди вслед за своей женой!»

Амат-ша пошел оттуда, взял свою лошадь с седлом и убором, сел верхом и поехал. Приехал он в одно место и увидел, что запряжены два бузланги, а один бузланги сзади, он пашет на них и бьет их бичем. Он сказал: «привет тебе, бузланги!» Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы превратил тебя в муку и развеял по ветру!» Амат-ша сказал бузланги: «что за силу бог дал тебе, что ты запряг двоих бузланги, пашешь на них и бьешь бичом!» Бузланги сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Амат-ша сказал бузланги: «бузланги, если бы ты увидел Амат-ша, ты его узнал бы?» Бузланги сказал: «я раз его видел, и если теперь увижу, узнаю!» Амат-ша сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался достать тебя с неба, а теперь ты и на земле попался мне в руки; не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша схватил бузланги за пояс, помянул своего бога, приподнял бузланги и бросил на землю. Он выхватил свой меч, чтобы отрезать ему голову, но бузланги сказал: «не отрезай мне головы, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они собрались и пошли.

Они пришли в одно место и увидели, что один бузланги берет камень, ударяет его о другой, приготовляет муку и ест. Он поздоровался и ска-

e singā́ bẹ ā singā́ ǰanā́i̯, ā́rt a-kanā́i̯ u warā́i̯? e buzlangí ǰawā́b dāt kĭ xudā́ zorā́ bẹ man na dātá, bi Amat-šā́ dātá. Amat-šā́ gušt ki agár ta Amat-šā́ā bgíndāi̯, durústī am kanā́i̯? e buzlangí gušt ki yak zamā́ne man go Amat-šā́ bāz dawā́ kurtā́ un, agár bgíndīn, drústī-m kanín. e gušt ki Amat-šā́ mán un. buzlangí gušt ki man ā́tun ki trā dar asmā́nā bgírīn, ta nūn bi ḍigárā bi mnī gīrā́ kaptág-āi̯, trā nā́i̯līn ki ša mnī demā́ bǰíāi̯. e Amat-šā́ gušt ki šarr, ta pa če ruzā́ wāi̯: pa kuští ruzā́ ^{w}āi̯ yā pa gurz? buzlangí gušt ki man pa kuští ruzā́ un. Amat-šā́ gušt: man am ruzā́ un. Amat-šā́ gipt buzlangíāi̯ srenā́, bāl ā^{w}úrt, ǰat bẹ ḍigárā, zāmā́ kašít ki buzlangíāi̯ sarā́ burrít. buzlangí gušt ki ta mnā ma kuš kẹ man tī yak gulā́m a-bāín Amat-šā́ gušt: šarr, ša du sāi̯ getír int. biyā́ ki mā́šmā́ brawán.

šútan^{t} bi yak ǰā́e. yak āūe šikā́r kúrtan^{t}. gogírd na dā́štant, dístan^{t} ša yak koé tā yak dū́te ustát. yak buzlangí rā Amat-šā́ gušt ki ta b^{i}ra, š-amódā yak ātíše bi^{y}ā́r. e buzlangí rādág būt, šut bẹ mā ǰā́e ki amā́ dūt būt. dístī ki yak Čil-xarwāríe čil xarwā́r ā́rtā bẹ ātíšāi̯ čérā kurtá. e Čil-xarwārí bẹ buzlangí gušt ki pa če ātág āi̯? e buzlangí gušt ki man pa ātíše ātág un. e Čil-xarwārí gušt: biyā́, bar! e buzlangí watí dastā́ tā́čke ku ki

---

зал: «бузланги, чтó за силу бог тебе дал, что ты ударяешь один камень о другой, изготовляешь муку и ешь?» Бузланги ответил: «бог дал силу не мне а Амат-ша!» Амат-ша сказал: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Бузланги сказал: «я раз порядком потягался с Амат-ша, и если увижу, узнаю его». Он сказал: «Амат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался на небе тебя достать, а ты теперь на земле попался мне в руки! не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша сказал: «хорошо! ты что выбираешь: борьбу или палицы?» Бузланги сказал: «я согласен бороться». Амат-ша сказал: «и я согласен». Амат-ша схватил бузланги за пояс, поднял кверху и бросил на землю. Он вытащил меч, чтобы отрезать бузланги голову, но бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим рабом!» Амат-ша сказал: «хорошо, трое лучше, чем двое, давай, пойдем!»

Они дошли до одного места, поохотились и застрелили газель, но у них не было спичек (чтобы развести огонь). Они увидели, что с одной горы поднялся дым. Амат-ша сказал одному бузланги: «сходи, принеси оттуда огня». Бузланги отправился, дошел до того места, где был дым, и увидел, что некто Сорокавьючник положил под огонь сорок ослиных вьюков муки (и печет хлеб). Сорокавьючник сказал бузланги: «зачем ты пришел?» Бузланги сказал: «я пришел за огнем». Сорокавьючник сказал: «ну, возьми!» Бузланги протянул руку,

ātíše bzūrīt. Čil-xarwārí gipt eší gardínā, watí zānā̂i̯ čérā ku. ša Čil-xarwārí bíll u ša Amat-šā̂ goš kaš.

Amat-šā̂ dist ki e buzlangí na āt. e digá buzlangíā gušt ki ta bⁱra, ātíšā biʸā̂r. e buzlangí rādág būt, amā̂ ǰā̂e ki dūt ustát-at, šut, dist ki āí amrā̂kä̂i̯ sarā̂ bi Čil-xarwaríä̂i̯ zānā̂i̯ čérā kurtá. ša Čil-xarwārí pursít ki pa če eší rā amé rang kurtág ä̂i̯? Čil-xarwārí gušt ki e be-adabí kurt-át, ta biʸā̂, ātíše bzūr u bra. e buzlangí watí dastā̂ táčke ku pa ātíšā. ya gašt Čil-xarwārí gipt ša eší gardínā, watí čappén zānā̂i̯ čérā kurt. ša Čil-xarwārí yak kámme bill u ša Amat-šā̂ goš kaš ki bi rā̂ int u kā̂i̯t.

āt Čil-xarwārīä̂i̯ nazdíkā, dist ki du buzlangíä̂i̯ sarā̂ watí zānā̂i̯ čérā kurtá. Amat-šā̂ š-amā̂ngū rast, ša Čil-xarwāríä̂i̯ nān sist u wart. Čil-xarwārí bi Amat-šā gušt ki e čẹ be-adabí at ki ta kurtā̂i̯? Amat-šā̂ gušt bi Čil-xarwārí kẹ ā̂i̯ni adáb ameš int. Amat-šā bāz duwārág gušt ki ä̂i̯ Čil-xarwārí, e čẹ zór int ki ta dārā̂i̯ ki mnī du brāsā̂i̯ sarágā watí zānā̂i̯ čérā kurtág ä̂i̯? Čil-xarwarí gušt ki xudā̂ bẹ man zorā̂ na dātá, bi Amat-šā̂ dātá. e gušt ki agár Amat-šā̂ā bgíndä̂i̯, drustí am kanā̂i̯? Čil-xarwārí gušt ki man āe rā yak wáxte distág un. gušt ki Amat-šā̂ mnī ǰínd un. Čil-xarwārí

чтобы взять огня, но Сорокавьючник схватил его за шею и сунул к себе под колено. Оставь теперь Сорокавьючника и послушай про Амат-ша.

Амат-ша увидел, что бузланги не пришел. Он сказал другому бузланги: «сходи ты и принеси огня!» Бузланги собрался и пошел к тому месту, откуда поднимался дым. Там он увидел, что голова его товарища засунута под колено Сорокавьючника, и спросил у него: «за что ты так поступил с ним?» Сорокавьючник сказал: «он невежливо себя вел! пойди ты, возьми огня и уходи». Бузланги протянул свою руку за огнем, как вдруг Сорокавьючник схватил его за шею и подсунул к себе под левое колено. Оставь не на долго Сорокавьючника и послушай про Амат-ша, который уже на дороге и подходит!

Он приблизился к Сорокавьючнику и увидел, что головы его бузланги подсунуты к нему под колени. Амат-ша подошел, выхватил хлеб у Сорокавьючника и съел. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «что́ это за невежливость ты сделал?» Амат-ша сказал: «это-то и есть настоящая вежливость!» Потом Амат-ша вторично сказал: «что́ это за сила, которою ты обладаешь, что ты сунул себе под колени головы двоих моих братьев!» Сорокавьючник сказал: «бог дал силу не мне, а Амат-ша!» Он спросил: «если ты увидишь Амат-ша, ты его узнаешь?» Сорокавьючник сказал: «однажды я его видел!» Он сказал: «Амат-

gušt ki man ātag un ki trā dar asmā́n bgirī́n, nūn ki bi ḍigā́rā bi mnī gīrā́ kaptā́g-äi̯, trā nā́i̯līn, ša mnī demā́ bǰī́äi̯. Amat-šā́ gušt ki ta pa če rāzī́ äi̯: pa kuštī́ ruzā́ äi̯? pa gurz ruzā́ äi̯? pa če rāzī́ äi̯? Čil-xarwārī́ gušt ki man pa kuštī́ rāzī́ un. Amat-šā́ gipt ešī́ srenā́. tā do šap u do roč watī́ yak digā́rā na ǰā́tan. Amat-šā́ watī́ xudā́ yāt ku, ešī́ rā bāl āʷū́rt, ǰat bi me ḍigā́ra, zāmā́ kašī́t k-ešī sarā́ burrī́t. Čil-xarwārī́ gušt ki mnī sarā́ ma bur ki man ar ǰā tī dardā́ warī́n. ḗdā Amat-šā́ gušt ki ša säi̯ čār getī́r int.

Amat-šā́ gušt ki mnī ǰanḗnā spetḗn deb gardḗntī, man räī́n spetḗn dḗbäi̯ā. Čil-xarwārī́ gušt ki äi̯ lālā́ Amat-šā́, man trā yak farsā́xā́ sarā́ barī́n, āngūrī́ burtā́ga na kanī́n, mnī par u bāzū́l sučī́t. Amat-šā́ gušt: šarr, mnā šmā tā yak farsā́xā́ sarā́ barī́t, āngūrī́ mnī ǰind tānā́ raī́n. ešā́n čār mardū́m bi Čil-xarwārī́äi̯ sarā́ sᵃwā́r bū́tan. yak farsā́xā́ sarā́ ʸḗr kaptan. Čil-xarwarī́ bi Amat-šā́ gušt ki äi̯ lālā́ Amat-šā́, amḗ watī́ aspā́ bdäi̯ ammā́ rā ki ammā́ warā́n. Amat-šā́ gušt ki e mnī asp bórit. Amat-šā́ ǰī́ndī tānā́ rādā́g būt, šut bi spetḗn dḗbäi̯ā. amḗ ki bi γasrā́i̯ā nazdī́k but, dist ki γasrā́i̯ išk u wāškā mū́čī buzlangī́ anᵗ, waptā́g anᵗ. Amat-šā́ š-ešā́n na trusī́t, rāst šut bi γasrā́.

ша, это я сам!» Сорокавьючник сказал: «я стремился и на небе захватить тебя, а теперь, когда ты на земле попался мне в. руки, я не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Амат-ша спросил: «ты что выбираешь: борьбу или палицы? что выбираешь?» Сорокавьючник сказал: «я выбираю борьбу». Амат-ша схватил его за пояс. Две ночи и два дня они не могли бросить друг друга на землю. Амат-ша помянул своего бога, потом поднял его кверху и бросил на самую землю. Он вытащил меч, чтобы отрубить ему голову, но Сорокавьючник сказал: «не отрубай мне головы, потому что я, где бы ни случилось, помогу тебе в беде!» Амат-ша тогда сказал: «четверо лучше, чем трое!»

Потом Амат-ша сказал: «мою жену отнял белый див, и я иду к белому диву». Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я тебя донесу до одного фарсаха пути, а дальше нести не смогу, потому что у меня сожгутся перья и крылья». Амат-ша сказал: «хорошо, отнеси меня до одного фарсаха пути, а оттуда я уже и сам доберусь». Они вчетвером уселись на Сорокавьючника. На границе последнего фарсаха спустились. Сорокавьючник сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, дай нам съесть твою лошадь». Амат-ша сказал: «можете есть мою лошадь». Сам Амат-ша один собрался в путь и пошел к белому диву. Когда он приблизился к его замку, он увидел, что вокруг замка всё бузланги, и они спят. Амат-ша не испугался их, а пошел прямо к замку.

amé ki bi γasrā́ šut, dist ki spetén deb waptá, āí ǰänén amódā ništā́ īnt. spetén debā́i̯ sar bi āí zānā́i̯ sarā́ int. Amat-šā́ gušt ki agár eší rā bẹ wābā́i̯ ǰā pkúšīn, nā-mardī́ a-bít. getír int ki eší rā sī pkanín u pkúšīn. Amat-šā́ watí zāmā́ kašít bi pādā́i̯ dilā́i̯ šíg dāt. spetén deb ša watí wābā́ yak sar ustát, Amat-šā́ā ǰanénā yak čapóḍ ǰat, gušt: ai̯ gísi burīdá, ta pa če magísānā (‖masiskā́nā) killā́i̯ ki mnā waránt? duwārā́g Amat-šā́ watí zāmā́ bi čappén pādā́i̯ šīg dāt, e spetén deb duwārā́g ustát, Amat-šā́āi̯ ǰanénā ǰat, Amat-šā́āi̯ ǰanénā sot, bāz gret, gušt ki tī māsā́i̯ mard bi^t tī sarā́i̯ čérā ustatá! spetén deb ustát ša wābā́, gušt ki aǰáb lunkái čárme bi mnī gīrā́ kaptá. Amat-šā́ gušt ki bále, agár mnā er burtā́g pkánāi̯! Amat-šā́ spetén debā́ gušt ki ta pa če rāzí-ā́? spetén deb bi Amat-šā́ gušt ki man pa gurz rāzí un. Amat-šā́ am rāzí būt. spetén deb gurzā́ bāl ā^{w}úrt, ǰat bẹ Amat-šā́āi̯ sarā́i̯ mānǰínā. Amat-šā́ watí ǰāgā́ šor na wart, ša spetén deb pursít ki tī zor améš at? gúḍā burzā́ ša spetén debā́i̯ dastā́ zīt, watí xudā́ā yāt ku, ǰat bẹ spetén debā́i̯ sarā́i̯ mānǰínā. spetén debā́ ša mānǰínā du kap kurt. kápe éškā kapt, kápe ā́škā kapt. gúḍā watí ǰanénā zurt u rādā́g būt, ša γasrā́ ér kapt. buzlangíān ustátan ša wābā́, dístan ki spetén debā́ ǰanénā búrtī. néme

---

Когда он подошел к замку, он увидел, что белый див спит, а его жена сидит возле, и голова белого дива у нее на коленях. Амат-ша сказал: «если я убью его во сне, это будет не достойно мужчины; лучше дам ему знать, а потом убью!» Амат-ша выхватил свой меч и уколол его в подошву. Белый див сразу очнулся от своего сна, дал пощечину жене Амат-ша и сказал: «ах, ты, бесстыжая! почему ты позволяешь мухам есть меня?» Амат-ша еще раз уколол своим мечом его левую ногу. Белый див опять вскочил и ударил жену Амат-ша. Она вспыхнула, разрыдалась и сказала: «муж твоей матери встал у тебя в головах!» Белый див совсем проснулся, встал и сказал: «какой жирный кусок попался мне в руки!» Амат-ша сказал: «да, если только ты сможешь меня проглотить!» Потом Амат-ша сказал белому диву: «ты что выбираешь?» Белый див сказал Амат-ша: «я выбираю палицы!» Амат-ша согласился. Белый див поднял палицу и ударил Амат-ша как раз по середине головы. Амат-ша не сдвинулся со своего места и спросил белого дива: «это-то твоя сила?» Потом он выхватил палицу у белого дива, помянул своего бога и ударил белого дива как раз по середине головы. Он расколол белого дива по середине на две части; часть упала на одну сторону, часть на другую. Потом он взял свою жену и отправился в путь. Он спустился с замка. Бузланги проснулись и увидели, что он увел жену белого дива. Половина их приготовилась

ustátan pa ǰangā́, néme̜ digár šútant ki spetén débā sī kanánt. šútant, dístan^{t} ki spetén deb ša mānǰínā du ka^{p}p int. buzlangíān múččī ǰístan^{t}.

Amat-šā́ watí ǰanénā zurt u watí brāsā́nīyā šut. dístī ki ar säi̯ amédā ništág ant. Čil-xarwārī́ gušt ki äi̯ bābā́ Amat-šā́, watí ǰanénā āwúrtäi̯, bi^{y}ā́ ki brawán. ešā́n čār mardúm be̜ Čil-xarwārī́äi̯ sarā́ s^{u}wār bū́tant, šútan^{t} tā wáxte ki bi yak šā́re rástant. Amat-šā́ dist ki šārā́i̯ išk-w-ā́škā muč mardúmī sarā́g ǰatā́g ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumā́nī sarā́gān pa če buritā́g ant? ā mardúm bi Amat-šā́ gušt ki bi e šār pādšā́e ast, yak šárte dārī́t: ar ka amā́ šartā́ burt, watí ǰaníkā bi amāí a-dánt. Amat-šā́ gušt ki man bā́ndā räi̯n bi amé padšā́äi̯ darbā́rā, man šárt a-kanín. bā́ndā Amat-šā́ šut bi pādšā́i̯ā. pādšā́ pursít ki äi̯ warnā́, ta čé^{y} a-loṭā́i̯? Amat-šā́ gušt ki amé mardúm gúštant ki e pādšā́ e-rangén šárte dārī́t, man ātā́ un pa^{t} tī amā́ šartā́, ta če^{y} a-gušā́i̯? pādšā́ gušt ki äi̯ warnā́, ta ša watí onā́ na trusā́i̯, ki šárt a-kanā́i̯ go man? Amat-šā́ gušt ki mnī on ša é̜n-kas mardúm getír nā́int. pādšā́ gušt: man am rāzí un. Amat-šā́ šut Čil-xarwārī́yā, gušt: äi̯ lālā́ Čil-xarwārī́, e pādšā́ e-rangén šárte dārī́t, ta če^{y} a-gušā́i̯? Cil-xarwārī́ gušt ki man um rāzí un.

к битве, а половина пошла известить белого дива. Они пошли, увидели, что белый див с середины рассечен на две части, и разбежались.

Амат-ша взял свою жену и отправился к своим братьям. Он увидел, что все трое еще сидят там. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, ты привел свою жену, давай, поедем!» Они вчетвером уселись на Сорокавьючника и двигались так, пока не достигли до одного города. Амат-ша увидел, что вокруг города всюду разбросаны человеческие головы. Он спросил у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «в этом городе есть царь; им поставлено одно условие, и всякому, кто это условие выполнит, царь отдаст свою дочь». Амат-ша сказал: «завтра я пойду на прием к этому царю! я выполню это условие!» На утро Амат-ша отправился к царю. Царь спросил: «что ты хочешь, юноша?» Амат-ша сказал: «люди говорят, что здешний царь делает такой-то вызов; я пришел на твой вызов, ты что скажешь?» Царь сказал: «юноша, ты разве не боишься за свою кровь, что хочешь тягаться со мной?» Амат-ша сказал: «моя кровь ведь не лучше крови стольких людей!» Царь сказал: «ну, я согласен!» Амат-ша пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, этот царь делает такой-то вызов; ты что скажешь?» Сорокавьючник сказал: «я тоже согласен».

bāndā ki būt, Amat-šā watí ǰindā̈i̯ puččānā dāt bi Čil-xarwārī́ä̈i̯ gwarā, āwúrt āe rā bi pādšāä̈i̯ šartä̈i̯ sarā. pādšā gušt: e singā bzūr, mnī šārā̈i̯ išk u āškā čār bdä̈i̯, agár búrtä̈i̯, man watí ǰaníkkā trā däín. Čil-xarwārī́ zurt amé singā, pādšāä̈i̯ šārā̈i̯ išk-w-āškā čār dāt, āwúrt, bi mā awwáli ǰāe išt, gúštant ki biyā, šartā burt. pādšāä̈i̯ ǰaníkā nikā kúrtant, bi mā buzlangí dātant ki ḍigárānā langár a-kúrt. buzlangí gušt bi Amat-šā: ä̈i̯ lālā Amat-šā, man čon tī dardā bórīn. Amat-šā bi buzlangí gušt ki ta amé kāságā mās kan, bil watí demā, ar wáxte ki amé kāság on gašt, ta bi mnī dardā bóräi̯.

ešā́n sä̈i̯ mardúm Čil-xarwārī́ä̈i̯ sarā suwār būtan[t], šútant bi yak šāre. dístan, šārā̈i̯ išk-w-āškā muč mardúmī sarág ant. ša yak-mardúme pursít ki e mardumānī sarāgā pa če burritág an[t]? ā mardúm bi Amat-šā gušt ki e pādšā e-rangén šārte dārít: čil xarwār ārt kúrtan, čil am gok a-kušán, čil am pas a-kušán, ar kas amešānā wartág pkant, pādšā watí ǰaníkā amāe rā dant. agár wartág na kurt, āí sarā burrān[t], lakatāb a-kanān[t]. Amat-šā š-amédā rādág būt dem pādšāyā, šut bi pādšāä̈i̯ darbārā. pādšā gušt ki ä̈i̯ warnā, ta pa če ātag ä̈i̯? Amat-šā gušt ki man pa[t] tī šartā ātag un. pādšā gušt ki āipe tī warnāí nä̈int? Amat-šā gušt ki magár tī šartā man barín.

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника и привел его на состязание с царем. Царь сказал: «возьми этот камень и обнеси его вокруг моего города, и если сможешь, я выдам за тебя свою дочь». Сорокавьючник взял камень, обнес его вокруг царского города, принес и положил на первоначальное место. Все сказали: «смотри-ка, он выполнил условие!» Царскую дочь обвенчали; ее отдали тому бузланги, который пахал землю. Бузланги сказал Амат-ша: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал бузланги: «налей в эту чашку кислого молока и поставь перед собой; как только чашка станет кровавой, спеши мне помочь!»

Они втроем уселись на Сорокавьючника, направились к одному городу и увидели, что вокруг города всюду человеческие головы. Они спросили у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «здешний царь устраивает такое состязание: мелют сорок ослиных вьюков муки, убивают сорок быков, убивают сорок баранов, и всякому, кто сможет все это съесть, царь отдаст свою дочь; если же не съест, ему режут голову и вешают». Амат-ша отсюда направился к царю и пошел к царю на прием. Царь сказал: «зачем ты пришел, юноша?» Амат-ша сказал: «я пришел на твой вызов!» Царь сказал: «разве у тебя нет жалости к своей молодости!» Амат-ша сказал: «но, может быть, я выиграю заклад!»

e pādšā́ gušt ki annū́n bra, tā́rī byā. Amat-šā́ š-amédā šut Čil-xarwarī́äi̯ā, gušt: äi̯ lālā́ Čil-xarwārī́, bi^{y}ā́ ki e pādšā́ e-rangén šárte dārī́t, ta čé^{y} a-gušäi̯? Čil-xarwārī́ gušt ki zäláre na dārī́t, man rāzī́ un.

tā́rī ki būt, Amat-šā́ watī́ puččā́nā bi Čil-xarwārī́äi̯ gwarā́ dāt, rādā́g būtan^{t} u šútan bi pādšā́äi̯ šartā́i̯ sarā́. čil xarwár ártā Čil-xarwārī́ wart, čil gok am wart wa čil pas am wart. Čil-xarwārī́ gušt ki amé čil gokā́ postā́ wa čil pasā́i̯ postā́ yak dóle bdočī́t. ešā́nā yak dóle dótan^{t}, dā́tan bi Čil-xarwārī́äi̯ dastā́. e Čil-xarwārī́ dolā́ zurt, šut daryā́ā sarā́. watī́ yak pādā́ išt bi daryā́ā sarā́, watī́ rāstén pādā́ išt bi bāgā́i̯ sarā́. e bā́gā pur ku ša āpā́. mardúm gúštan ki b^{i}yā ki Čil-xarwārī́ pādšā́äi̯ šartā́ burt. pādšā́ dāt watī́ ǰanī́kā bi me buzlangī́e ki e singā́ bi ā singā́ ǰat, ā́rt a-kúrt u wart, e ǰanī́kkā dā́tan^{t} bi amā́ī. e buzlangī́ gušt ki äi̯ lālā Amat-šā́, man čon tī dardā́ bórīn? e Amat-šā́ gušt ki kāsā́gā mās pkan, ar wáxte ki amé kāsā́g ón gašt, ta bi mnī dardā́ bóräi̯.

Amat-šā́ g-otī́ ǰanénā s^{u}wār būt bi Čil-xarwārī́äi̯ sarā́. šútan^{t}, bi yak γásre ér kurtan^{t}. Čil-xarwārī́ gušt ki äi̯ lālā́ Amat-šā́, man nūn waspī́n. Amat-šā́ gušt ki ta ki nūn waspā́i̯, pa man dār bāz b^{i}yār. Čil-xarwārī́ šut

---

Царь сказал: «ну, теперь иди! приходи утром!» Амат-ша отсюда пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, посмотри-ка, какое состязание устраивает здешний царь! что ты скажешь?» Сорокавьючник сказал: «ничего, я согласен!»

Когда наступило утро, Амат-ша надел свою одежду на Сорокавьючника. Они отправились и пришли на состязание с царем. Сорокавьючник съел сорок ослиных вьюков муки, съел сорок быков, съел также сорок баранов. Потом Сорокавьючник сказал: «из кож этих сорока быков и сорока баранов сшейте мех». Из них сшили мех и дали Сорокавьючнику. Сорокавьючник взял мех и пошел к реке; одну ногу он поставил у реки, а правую ногу поставил у сада, и наполнил сад водой. Люди сказали: «смотри-ка, Сорокавьючник выполнил условие!» Царь выдал свою дочь за того бузланги, который ударял один камень о другой, приготовлял муку и ел; ему отдали девушку. Этот бузланги сказал: «братец Амат-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Амат-ша сказал: «налей в чашку кислого молока, и как только она станет кровавой, поспеши ко мне на помощь!»

Амат-ша со своей женой уселись на Сорокавьючника и отправились в дорогу. В одном замке они остановились. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, я теперь посплю!» Амат-ша сказал: «раз ты заснешь, принеси мне пока побольше дров». Сорокавьючник пошел в лес, и сколько ни увидел дров,

pa ǰangálā. ar če ki dār dist, názd āwúrt, bi daságä̯i̯ tā bast, watí baḍḍā́ kurt, āúrt, bi γasrā́i̯ dapā́ prent, ǰíndī wapt.

yak róče Amat-šā́ä̯i̯ ǰanén šut bi daryā́ä̯i̯ sarā́ ki watí sarā́ pšódīt. yak mū́de ša sarā́i̯ sist, eší ra nazd āwúrt, gurenáge ku^{rt}, prent bi daryā́ä̯i̯ dapā́. e mūd šut u bi māíä̯i̯ dapā̋ tā kapt. e māí eší rā wart. amé māíe ki amé mūdā́ wart, eší rā sayā́dä̯i̯ zāg gipt. sayā́dā zāg gušt ki bi^{y}ā́ ki man eší rā pa pādšā́ä̯i̯ zāg barín. e sayā́dä̯i̯ zāg amé māíā zurt u rādág būt bi pādšā́ä̯i̯ zāgā́i̯ demā́, amé māíā dāt bi pādšā́ä̯i̯ zāgā́i̯ dastā́. e pādšā́ä̯i̯ zāg sä̯i̯l kurt, dist ki e māí murtá, zindág nä̯i̯nt. watí gulā́mā gušt: ta amé māíä̯i̯ lāpā́ páč kan, ki man bgíndīn bā́rä^{i} če int. gulā́mī māíä̯i̯ lāpā́ páč ku, dist ki yak mū́de ast. pādšā́ä̯i̯ zāg gušt ki ar kas amé mūdā́i̯ wāū́ndā biā́rīt, āí du brebírā zárr a-dä̯ín. yak pīrazā́le āt ki ič dandā́n bi sarā́i̯ na at, gušt ki pa^{m} man yak sundū́xe ǰoḍ pkan ki čappí tā^{b} bdā́īn, bi ḍigárā mníndīt, rāstí tā^{b} bdā́īn, bi asmā́nā brot. e pādšā́ä̯i̯ zāg zū́ti ǰoḍ kurt u dāt bi pīrazā́lä̯i̯ dastā́. pīrazā́l bi sundū́xä̯i̯ tā ništ. rāstí tāb dāt, šut bi asmā́nā, šut bi yak ǰā́e, bi daryā́ä̯i̯ kirrá, ér ku, šut bi γasrā́.

Amat-šā́ šutá bi šikā́rā. améš at ki āt, dístī āí rāā̋ sarā́ yak pīrazā́le ništá, gušt: ä̯i̯ māsí, tā́ i̯dā če^{y} a-kanā́i̯? ā pīrazā́l gušt ki man ša zawā́r

---

собрал их; обвязал веревкой, взвалил на спину и принес; бросил при входе в замок, а сам заснул.

Однажды жена Амат-ша пошла на берег реки, чтобы помыть голову, и у нее выдернулся волос из головы. Она его подняла, завязала узелком и бросила в реку. Волос понесло, и он попал в пасть рыбе; рыба его проглотила. Сын охотника поймал эту рыбу, которая проглотила волос. Охотников сын сказал: «давай-ка, я снесу эту рыбу царевичу!» Охотников сын взял эту рыбу, направился к царевичу и вручил ему эту рыбу. Царский сын стал смотреть и увидел, что эта рыба уже мертва, а не жива. Он сказал своему рабу: «вскрой брюхо этой рыбе, я посмотрю, чтó у нее внутри». Раб вскрыл брюхо рыбе и увидел, что там волос. Царский сын сказал: «каждому, кто сыщет обладателя этого волоса, я дам двойное количество золота!» Пришла одна старуха, у которой зубов совсем не было и сказала: «изготовь для меня такой ящик, чтобы он, если я его закручу влево, останавливался на земле, а если вправо закручу, поднимался на небо». Царский сын быстро его изготовил и вручил старухе. Старуха села в ящик; она закрутила вправо и полетела к небу. Потом она опустилась в одном месте на берегу реки и направилась в замок.

Амат-ша отлучился на охоту. Вышло так, что он пришел и увидел, что на его дороге уселась какая-то старуха. Он сказал: «что ты, матушка, здесь

māntá un. Amat-šā́ gušt ki b^{i}yā, go man brawán ki man yak ǰänéne dārín, ā am tanā́ int. Amat-šā́ e pīrazā́lā zurt, burt watí ǰindā́i̯ gisā́. amé ki ǰänénī dist ki Amat-šā́ ša^{r} rā́ yak pīrazā́le āwúrt, e ǰänén γār kurt, gušt ki ta pa če watí māsā́i̯ mardā́ āwurtág ä̯i? Amat-šā́ gušt ki ä̯i ǰänén, eš am bil tā bīt go ta, ki ta tanā́-ā̄.

yak róče būt ki amé pīrazā́l bi Amat-šā́ä̯i ǰänén gušt: ta bi Amat-šā́ bguš ki amé tī šīšági umr čé int? Amat-šā āt, gisā́ ništ. āí ǰänén gušt ki ä̯i nākó-zā́g, amé tī šīšági umr čé int? Amat-šā́ watí ǰinénä̯i dapā́i̯ tā ǰat. yak sā^{h}áte níštan^{t}. amé Amat-šā́ dasmā́lā zurt, watí ǰinénä̯i onā́nā pā́kī ku, gušt: ä̯i mnī nipás, mnī šīšági umr mnī amé zām int. šap būt. e pīrazā́l Amat-šā́ā̄ zāmā́ kašít ša srenā́i̯, burt, bi čā́ā̄ tā prent.

tā́rī būt, e pīrazā́l Amat-šā́ā̄ ǰänénā gušt: ta watí mardā́ ša wābā́ pād ma kan, mäšmā́ biyā́ ki b^{i}rawán, watí sarā́nā pšódan. e pīrazā́l Amat-šā́ä ǰinénā zurt u šut bi daryā́ä̯i kirrá, burt amā́ sundū́xä̯i kiníkkā, gušt: biyā́, māsí ǰān, mäšmā́ amé sundū́xä̯i tā mníndan, bgíndan, mäšmā́ rā ar dokénā ǰā́h a-bít. Amat-šā́ä̯i ǰinén go pīrazā́l bi sundū́xä̯i tā ništ. yak gašt pīrazā́l bi sundū́xä̯i tā ništ. yak gašt pīrazā́l sundū́xä̯i pečā́ rāstí tāb dāt. sundū́x ustát, šut bi asmā́nā, šut, bi pādšā́ä̯i zāgā́i̯ gisā́i̯ dapā́, er būt. pādšā́ä̯i zāg

---

делаешь?» Старуха сказала: «я отстала от паломников». Амат-ша сказал: «давай, пойдем со мной: у меня есть жена, и она тоже совсем одна». Амат-ша взял старуху и отвел к себе домой. Как только его жена увидела, что Амат-ша привел с дороги какую-то старуху, она рассердилась и сказала: «зачем это ты привел мужа своей матери?» Амат-ша сказал: «жена, оставь ее, пусть она побудет с тобой, ты ведь одна!»

Однажды случилось так, что эта старуха сказала жене Амат-ша: «спроси у Амат-ша: „в чем заключается сосуд твоей жизни?“» Амат-ша вернулся и сидел дома. Его жена сказала: «о сын моего дяди, в чем заключается сосуд твоей жизни?» Амат-ша ударил жену по рту. Некоторое время они посидели, потом Амат-ша взял платок, вытер кровь своей жены и сказал: «душа моя, сосуд моей жизни — вот этот меч!» Наступила ночь. Старуха стащила с пояса Амат-ша его меч, отнесла и бросила в колодец.

Наступило утро. Старуха сказала жене Амат-ша: «ты не буди своего мужа, а давай, мы пойдем и помоем головы!» Старуха взяла жену Амат-ша, пошла к берегу реки, повела к ящику и сказала: «давай, дитятко, посидим в этом ящике, посмотрим, хватит ли места нам обоим!» Жена Амат-ша уселась вместе с старухой в ящике. Тотчас старуха уселась в ящике и повернула винт ящика вправо. Ящик поднялся, направился к небу, понесся и спустился у входа

ša pīrazā́l pursít ki āwúrtäi̯ yā na? pīrazā́l gušt ki āúrtun. Amat-šā́äi̯ ǰinén gušt ki äi̯ pādšā́äi̯ zāg, tā čil roč ta mnī šórā ma dā́ ki man márde dārín. ša e pādšā́äi̯ zāg bill u ša Amat-šā́ am bill u ša buzlangíān kámme goš kaš.

amā́ buzlangí ki ḍigárānā langár a-kurt, watí kāságā mās kurt, watí demā́ išt, dist ki ón gaštá, wat rā kapóte kurt, rādág būt, āt déme̩ amé buzlangí ki e singā́ bi ā singā́ ǰat, ā́rt a-kurt u wart, āt, gušt ki äi̯ lālā́ buzlangí, man kāságā mās kurtā́ un, watí demā́ ištág un, ón gaštá. biyā́ ki brawán bi Amat-šā́äi̯ā. ā buzlangí gušt ki biyā́ ki brawán. ar dokén wat rā kapóte kúrtan, šútan bi Amat-šā́äi̯ā, dístan ki Amat-šā́ā išk-u-ā́škā múčī kirm ǰatá. dístan ki Čil-xarwārí am waptág int. e Čil-xarwāríā ar če ki tawā́r kúrtan^{t}, e ša watí wābā́ na ustát. amé dārā́ne ki Čil-xarwārí pa Amat-šā́ āwúrt-at, múččānā bi sarā́i̯ xarmán kúrtan^{t}, gogírde ša čéräi̯ ǰátan. e Čil-xarwārí sot, ustát ša watí wābā́, gušt: čé^{y} a-loṭít ša^{m} man? e du buzlangí gúštan^{t} ki biyā́ ki Amat-šā́ murtá, āí ǰänénā burtág ant. Čil-xarwārí gušt ki šmā brā́it, Amat-šā́ā ǰanénā pai̯dā́ kanít u biyā́it. e duén šútan. ša e ḍuén bíll u ša Čil-xarwārí kámme goš kaš.

во дворец царевича. Царский сын спросил старуху: «привезла или нет?» Старуха сказала: «привезла!» Жена Амат-ша сказала: «царевич, сорок дней не трогай меня, потому что я замужняя!» Оставь теперь царского сына, оставь также Амат-ша, а послушай немного о бузланги.

Тот бузланги, который пахал землю, налил кислого молока в чашку, поставил перед собою и увидел, что получилась кровь. Он обернулся в голубя и пустился в путь. Он приблизился к тому бузланги, который ударял один камень о другой, получал муку и ел, приблизился и сказал: «брат бузланги, я налил в чашку кислого молока и поставил перед собой, получилась кровь; давай, пойдем к Амат-ша!» Тот бузланги сказал: «давай, пойдем!» Они оба обернулись в голубей и отправились к Амат-ша. Там они увидели, что вокруг Амат-ша повсюду завелись черви, увидели также, что Сорокавьючник спит. Сколько они ни кричали Сорокавьючнику, он не вставал. Тогда они сложили в кучу около головы Сорокавьючника все те дрова, которые он принес для Амат-ша, и зажгли под ними спичку. Сорокавьючник обгорел, проснулся и сказал: «что вам от меня нужно?» Эти двое бузланги сказали: «смотри-ка, Амат-ша мертв, а его жену похитили!» Сорокавьючник сказал: «идите, найдите жену Амат-ша и приходите!» Они оба пошли. Оставь их обоих и послушай немножко про Сорокавьючника.

e Čil-xarwārí ustát, šut, bi čā́ā̄ tā ér kapt, zāmā́ kašít, āwúrt, bi Amat-šā́äi̯ srenā́ ǰat. Amat-šā́ ustát ša watí wābā́, gušt: aǰáb wā́be átun ki mnā sí kurtít. Čil-xarwārí gušt ki gúǰ int tī ǰanén? guǰā́ būtá? Amat-šā́ gušt ki agár burtá, amā́ pīrazā́l burtá. ša Čil-xarwārí bil, ša ā du buzlangí goš kaš.

ā du buzlangí wat rā kapóte kúrt-atan, bi šārā́i̯ tā čā́r a-kúrtan, Amat-šā́äi̯ ǰanénā wadí kúrtan^{t}. e du buzlangí šútan^{t} bi Čil-xarwāríäi̯ā, go Čil-xarwārí gúštan ki ä lālā́ Čil-xarwārí, biyā́ ki Amat-šā́äi̯ ǰanénā distág an, ta bra, bi^{y}ā́rī. Čil-xarwārí š-amédā rādág būt, šut bi Amat-šā́ā̄ ǰanénī^{y}ā. dist ki amā́ ǰanén bi gisā́i̯ tā ništág int. e Čil-xarwārí go mā gis u mis, go mā pīrazā́lā watí baḍḍā́ kurt, āwúrt bi Amat-šā́äi̯ā, gušt: äi̯ lālā́ Amat-šā́, man ki tī ǰanénā ā^{w}úrtun, mnī gīrā́ yak pīrazā́le kapt.

e Amat-šā́ ā du buzlangíyā ruxsát ku, ki šútan^{t}. Amat-šā́ bi Čil-xarwārí gušt ki äi̯ lālā́ Čil-xarwārí, man a-räín watí ǰindā́i̯ šārā́. Čil-xarwārí gušt ki zäláre na dāṛít. šut, du asp āwúrt, gušt: äi̯ lālā́ Amat-šā́, ta ki rawā́i̯, biyā́, bra. yak áspe rā Amat-šā́ā̄ ǰanén suwā́r būt, yak áspe rā Amat-šā́ā̄ ǰind suwā́r būt u šútant bi watí pisā́i̯ šārā́. gúštant ki biyā́ ki Amat-šā́ āt.

Сорокавьючник встал, пошел к колодцу, спустился, вытащил меч, принес и надел его Амат-ша на пояс. Амат-ша пробудился от своего сна и сказал «странно! значит, я спал, раз вы меня разбудили?» Сорокавьючник сказал: «где твоя жена? куда она делась?» Амат-ша сказал: «если она похищена, так это та старуха похитила!» Оставь Сорокавьючника и послушай о тех двух бузланги.

Те двое бузланги обернулись в голубей, стали кружиться над городом и нашли жену Амат-ша. Оба бузланги отправились к Сорокавьючнику и сказали ему: «братец Сорокавьючник, смотри-ка, мы нашли жену Амат-ша, сходи за ней!» Сорокавьючник выступил оттуда и отправился за женой Амат-ша. Он увидел, что она сидит дома. Сорокавьючник взвалил ее вместе со всем домом и утварью и с той старухой к себе на спину, принес к Амат-ша и сказал: «братец Амат-ша, вот я принес твою жену! ко мне в руки попалась еще одна старуха!»

Амат-ша отпустил тех двух бузланги, и они ушли. Амат-ша сказал Сорокавьючнику: «братец Сорокавьючник, я хочу ехать в свой город!» Сорокавьючник сказал: «вреда не будет!» Он пошел, привел две лошади и сказал: «братец Амат-ша, раз едешь, пора ехать!» На одну лошадь села жена Амат-ша, а на другую сам Амат-ша. Они отправились в город своего отца. Там заговорили: «смотри-ка, прибыл Амат-ша!» Царь взял свою свиту и войско и высту-

pādšā́ watí urdū́ γušā́nā zurt u šut bi Amat-šā́ä demā́. ān čo ki bi Amat-šā rast, pādšā́ āt ki demā́ wat rā prenít, Amat-šā́ ša watí pisā́ wat rā demtírā prent. šútan^{t} bi šārā́^{i} tā, apt šap u apt roč dol u sāz kúrtant, Amat-šā rā duwārág gis dā́tant. man āwā́nā amódā íštun, mnī ǰind ǰístun u ā́tun, pa^{t} ta dištáre āwúrtun, pa e warnā́ am dištáre āwúrtun, pa wat īmā́ne āwúrtun. e padšā́ā̈ urdū́^{y}ā múččānā bástun, préntun,mnī ǰind ǰístun u ā́tun.

XII

būt na būt, ša maŝmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt yak zā́ge. amé pādišā́äi̯ zāg ša du-sālagīyā bi maktab-xānā́ wānt bi yak tārínken gisā́i̯ tā. yak wáxte būt, amé zāgā́ būt nozdá sāl. amé zāg watí dilā́ pígrī kurt wa gúštī: biyā́ ki man maróčī ša amé gisā́ dar pkapín bi ḍanā́. amé ki dár kapt bi ḍanā́, sā́i̯lī kurt, dístī tā amé gisā́i̯ dapā́ yak ādénke. amé zāg šut, bi amé ādénkäyā oštā́t, sā́i̯lī kurt, wat rā dístī tā man čunén speténe-un. watí dilā́ gúštī: bil tā mnī pis bā́i̯t, gúḍinā man go āíyā gušín ki ā pa man yak ǰuwānén ǰiníke päi̯dā́ pkant. š-amídinā šut bi watí ǰāgā́.

пил на встречу Амат-ша. Как только царь подъехал к Амат-ша, он хотел первым броситься с лошади, но Амат-ша соскочил раньше отца. Они отправились в город; семь ночей и семь дней били в барабан и пели, вторично справляли свадьбу Амат-ша. Я их там оставил, а сам убежал; пришел и привел тебе невесту, и этому юноше тоже привел невесту, а себе приобрел благополучие. Войско этого царя я все перевязал и бросил, а сам прибежал.

(XII. О Гарам-богатыре)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был сын. Этот царевич с двухлетнего возраста обучался в школе, в темном помещении. Настала пора, и юноше исполнилось девятнадцать лет. Юноша подумал про себя и сказал: «дай-ка, я выйду сегодня из этого дома наружу!» Когда он вышел наружу, он посмотрел и увидел, что при входе в дом есть зеркало. Юноша пошел, остановился перед зеркалом, посмотрел и увидел: какой я белый! Он сказал про себя: «пусть придет мой отец, и тогда я скажу ему, чтобы он сыскал для меня пригожую девушку!» Он пошел отсюда к себе.

tāríenā būt, amé zāgā̑i̯ pis ātī bi watí zāgäyā. amé zāg gúštī go watí pisā́ ki ä̑i̯ bābā́, man ša ta loṭín yak ǰiníke ki mnī am-ránge bīt. amé zāgā̑i̯ pis gúštī: man ānčén ǰiníke pȃi̯dā́ kurtága na kanín. amé zāg go watí pisā́ gúštī: agár ta amé ḍȃu̯lén mnī am-rángen ǰiníke pa man pä̑i̯dā́ na kanā̑i̯, man š-amídā raīn pa wat. amé pādišā́ gúštī: ta, bābā́, yak wār ma ra, man a-raīn, gardīn bi mašmā̑i̯ alkā̃ tā, agár dístun tī am-rángen ǰiníke, gúḍā man amā́ ǰiníkā pa ta alā́s a-kanīn.

amé ki amé zāgā̑i̯ pis rādág būt démi watí gisā́, amé ki ṭukúre šut, amé zāg rādág būt u šut bi ḍanā́. dístī tā amé gisā̑i̯ demā́ yak ǰinén zāge ništagī́. amé ǰinén zāg š-amódinā ustát u āt bi amé zā́gäyā, go amé zāgā́ gúštī: ä̑i̯ ǰuwānén čorī́, tī am-rángen ǰiník bi amé šārā̑i̯ tā nā̑i̯nt-a wa ič kas na dārīt, bi yak ǰāgā́e ast. amā́ ǰinikóä̑i̯ ẹšk u ā́ška mudā́m γarāúl a-gardánt. agár ta amā́ ǰinikóā pa wat āúrtä̑i̯, amā́ ǰiník tī am-rángen ǰiníke. amé ǰinén zāg š-amídinā šut bi watí gisā́, amé zāg am šut bi watí gisā́.

tāríenā ki būt, amé zāgā̑i̯ pis āt bi watí zāgä̑i̯yā. amé zāg pursít ša watí pisā́ ki ä̑i̯ bābā́, ta pa man yak ǰiníke pä̑i̯dā́ kúrtä̑i̯? amé zāgā̑i̯ pis gúštī: ä̑i̯ bābā́ ǰān, man šútun, gā́štun, bi amé maxlūkānī gisā́, gā́štun, gā́štun, ič ǰiník na dístun. amé zāg gúštī: agár, bābā́, ta pä̑i̯dā́ kurtága ná kanä̑i̯,

---

Наступило утро. Отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша сказал своему отцу: «я хочу от тебя девушку, которая была бы мне под стать». Отец юноши сказал: «я не могу сыскать такой девушки». Юноша сказал своему отцу: «если ты не отыщешь девушки мне под стать, я уйду отсюда». Царь сказал: «ты, сынок, сразу не уходи, я пойду и поищу в нашей округе, и если найду тебе девушку под стать, тогда я ее тебе высватаю».

Когда отец юноши отправился к себе домой и прошел немного, юноша собрался и вышел наружу. Он увидел, что перед домом сидит женщина. Эта женщина встала, подошла к юноше и сказала ему: «о пригожий юноша, в этом городе нет тебе девушки под стать, ни у кого нет, а она есть в другом месте, только вокруг этой девушки всегда ходит стража! но если ты приведешь для себя эту девушку, то эта девушка будет под стать тебе!» Эта женщина отсюда пошла к себе домой, юноша также пошел к себе домой.

Когда наступило утро, отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша спросил у отца: «батюшка, ты сыскал для меня девушку?» Отец юноши сказал: «голубчик сынок, я ходил здесь и искал по домам у жителей, искал, искал, никакой девушки не нашел!» Юноша сказал: «если, батюшка, ты не можешь оты-

man š-amé tī šārā raín. amé pādišā́ gúštī: äi̯ bābā́, ta ki rawā́i̯, bra, ā ta u ā tī rā. amé zāg digár íčī na gúštī, š-amídinā ustát u šut bi yak ǰāgā́e.

yak sä̯i rṓči digár būt. amé pādišā́ go amé watí salātā́n gúštī: šmā brā́it pa mnī zāgā́i̯ padā́ ki agár amé mnī zāg brau̯t bi amé kāpéren Гарám-bātúrä̯iyā, amé Гарám-bātúr mnī zāgā́ bgíndīt, gúḍinā amé Гарám-bātúr mnī zāgā́ kušít. šmā rā man mardúme yak asp a-daín, šmā demtírā brā́it bi Гарám-bātúrä̯iyā, amódinā mníndit. agár mnī zāgā́ dístit u biyā́rit, agár na dístit, gúḍinā šmä̯i ǰind padoí biyā̈it. amé salā́t gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int. watí aspā́nā lagā́m kúrtant, zen u sanǰ kúrtant u watí zāmā́nā wa watí tūpákānā zúrtant, bi watí baḍā́ kúrtant. š-amódinā šútant, bi amé Гарám-bātúrä̯iyā šútant, dístant tā Гарám-bātur ídinā bi watí ǰāgā́ nā́i̯nt-a. amé salā́t amódinā ér kurtant, watí aspā́nā gíptant, amódinā bástant, yak ǰāgā́e níštant, pa wat čā ǰoš dā́tant wa amédinā níštant, dédi amédinā čā wā́rtant.

yak wār amé Гарám-bātúr, ta bzā́nä̯i, amé salā́t čilím am kašánt, amé Гарám-bātúr amešā́nī čilímä̯i boā́ kuškínt, wat š-amódinā rāstám a-kā́i̯t bi amé salātā́nīyā. amé ki ā́tī, amé watí γurzā́ gipt, amā́ngūr prent u wat ā́tī, go wat gúštī: agár man amé watí γurzā́ go wat barín, amā́ salā́t amé mnī γurzā́i̯ boā́ kuškinánt. gúḍinā amé watí γurzā́ gīt, amā́ngūr a-prenít

---

скать, я уйду из твоего города!» Царь сказал: «раз ты уходишь, сынок, иди! вот тебе дорога!» Юноша больше ничего не сказал, встал и пошел отсюда в другое место.

Прошло дня три. Этот царь сказал своим воинам: «отправляйтесь вслед за моим сыном, потому что, если мой сын пойдет к этому нечестивому Гарам-богатырю и Гарам-богатырь увидит моего сына, тогда он убьет моего сына. Я дам вам каждому по лошади, и вы поезжайте вперед к Гарам-богатырю и там оставайтесь. Если найдете моего сына, приведите, если не найдете, тогда возвращайтесь сами». Воины сказали: «очень хорошо», взнуздали своих лошадей, оседлали и снарядили их, взяли свои мечи и закинули ружья себе за спину. Они отправились отсюда, направились к Гарам-богатырю и увидели, что Гарам-богатыря у себя нет. Воины здесь спешились, взяли и привязали своих лошадей, а сами расположились в одном месте, вскипятили себе чай и сидели здесь, попивая чай.

Вдруг Гарам-богатырь, — а нужно знать, что воины курили табак, — слышит запах их кальяна, и прямо направляется к этим воинам. Когда он подходил, он взял свою палицу и бросил ее в сторону, а сам подошел; он сказал себе: «если я понесу с собой палицу, воины услышат запах моей палицы». Поэтому он берет

u wát a-kā̤it pádā bi amé salātánīyā. amé ki ā́tī amé salātánī nazíkā, amé salā́t trusítant. yak wār amé Гarám-bātúr tawā́rī kurt ki ma trusít, man šmā rā íčīyā̆ na kanín. amé salā́t na ǰístant. amé Гarám-bātúr š-amángūr ki ā́tī, lagít, bi amé čilímānī sarā́ kapt. amé ki amé Гarám-bātúrī sar démi amé čilímānīyā būt, amé salā́t watí zāmā́na zúrtant, arkā́t kúrtant pa amé Гarám-bātúrī ǰānā́. Гarám-bātúrī sar bi čilímā ǰāl at. yak wār amé salā́t gírdī amé watí zāmā́nā šīwā́g kúrtant bi amé Гarám-bātúrī sarā́. amé Гarám-bātúrā čist go zāmā́ ṭukúr-ṭukúrī kúrtant, amé gardínā̤i tāngā́t na murt at.

yak wār, ta bzā́nā̤i, ša gujā́ngūr amé pādišā́ā̤i zāg kā̤it. amé ki ā́tī, tāngā́t amé Гarā́m-bātúr, ta bzā́nā̤i, na murtagí, tāngā́t zindág int-a. amé padišā́ā̤i zāg go amé watí pisā̤́i salātā́n gúštī: šmā amé Гarám-bātúrā bā́ ná kanit ki man ša šmā zinín, pa ar čínka ki šmā bdáit, man ša šmā zinín. amé salā́t go wat gúštant: agár amā́ amé Гarám-bātúrā go wat barán, amé pādišā́ mašmā́ rā albatā́n yak bārikaláe dant; digár íčīya na gušī́t. biyā́ ki mašmā́ amé Гarám-bātúrā bi amé zāgā́ bdáyan. amé salā́t go amé zāgā́ gúštant: ta amā́ rā mardúme sad γarā́n zar bidā̤́i, gúḍinā ^am^mā amé Гarám-bātúrā bi ta dayán. amé zāg watí dastā́ burt bi watí kitóā, zarā́nā dārī kurt, amé salātā́nā mardúme sad γarā́n zar dā́tī. amé salā́t amé

свою палицу и бросает ее в сторону, а сам подходит опять к воинам. Когда он приблизился к воинам, они испугались. Тотчас Гарам-богатырь закричал: «не бойтесь, я вам ничего не сделаю». Воины не убежали. Когда Гарам-богатырь подошел, он сразу припал к кальяну. Как только голова Гарам-богатыря склонилась к кальяну, воины схватили свои мечи и двинулись на Гарам-богатыря. Голова Гарам-богатыря была опущена к кальяну. Сразу все воины замахнулись своими мечами на Гарам-богатыря. Прямо на части изрубили мечами Гарам-богатыря, только еще шея его не была мертва!

Вдруг, нужно знать, откуда-то подходит тот царевич. Когда он подошел, Гарам-богатырь, нужно знать, еще не умер, еще был жив. Этот царевич сказал воинам своего отца: «вы не продадите этого Гарам-богатыря, чтобы я его мог у вас купить? за сколько вы его ни отдадите, я его у вас выкуплю!» Воины сказали друг другу: «если мы повезем с собой этого Гарам-богатыря, конечно, царь скажет нам только спасибо! и больше ничего; давай-ка, отдадим этому парню Гарам-богатыря!» Воины сказали юноше: «дай нам каждому по сто кранов денег, и тогда мы отдадим тебе Гарам-богатыря!» Юноша опустил свою руку в карман, вынул деньги и дал каждому из воинов по сто кранов. Воины

zarāṇā zúrtant, amé watī aspānā suwār būtant u šútant bi pādišāā̯ gisā. ódinā ki šútant, pādišā ša ešān pursít ki šmā mnī zāgā na dístit? amé salāt ǰawāb dātant ki amā tī zāgā na dístan. š-āwān bil u ša Гarám-bātúr u ša amé zāgā goš pkaš.

amé zāg amé Гarám-bātúrā burt bi duxtūrāi̯ā, amé Гarám-bātúrā zabr drūā kant. amé ki Гarám-bātúr ša awālā getír drūā būt, go amé zāgā gúštī: biyā ki man u ta dast bi pisī u zāgī bdāyan. amé Гarám-bātúr u amé zāg dast bi pisī u zāgī dātant, amé Гarám-bātúr amé zāgā̯ pis būtī, amé zāg Гarám-bātúrī zāg būtī.

š-amódinā ātant bi yak ǰāgāe. yak wār Гarám-bātúr go amé zāgā gúštī: ä̯i bābā, mnī γurz bi plānā watánā ast, man tānáxten rāín, amé watī γúrzā kārīn, ta tānáxten amídinā bošt, man anūn a-kāín. šútī pa watī γurzā̯ padā. du daγīγá na gwast, zāg dist tā mnī pis ātī.

š-amódinā šútant bi yak ǰāgāe. amé zāg go amé watī pisā gúštī: ä̯ bābā Гarám-bātúr, man dāštun yak píse. amé mnī pis mnā ša du-sālagīyā bi maktáb-xāná nādéntī, bi yak tārínken gisā tā ki mardúm wat rā pa šarīyā na dist. yak čunt waxt gwast, yak róče man šútun bi ḍanā, dístun tā amé gisā̯ dapā yak ādénke ér int-a. man šútun bi amā ādénkāyā, wat rā sā̯il kúrtun, dístun: pūk! xānā̯ xaráb bīt! man čunén speténe un.

взяли деньги, сели на своих лошадей и поехали в царский дом. Когда они туда прибыли, царь спросил их: «вы не нашли моего сына?» Воины ответили: «мы твоего сына не нашли». Оставь их и послушай о Гарам-богатыре и об этом юноше.

Юноша повел Гарам-богатыря к врачу; он хорошо вылечивает Гарам-богатыря. Когда Гарам-богатырь стал здоровее прежнего, он сказал юноше: «давай, подадим друг другу руки и будем отцом и сыном!» Гарам-богатырь и юноша дали друг другу руки, чтобы стать отцом и сыном. Гарам-богатырь сделался отцом юноши, а юноша сыном Гарам-богатыря.

Отсюда они пошли в одно место. Вдруг Гарам-богатырь сказал юноше: «моя палица в такой-то стране! я пока схожу и принесу свою палицу, а ты пока побудь здесь, я сейчас приду!» Он пошел за своей палицей, и двух минут еще не прошло, как юноша увидел: вот пришел мой отец!

Они пошли отсюда в одно место. Юноша сказал этому своему отцу: «батюшка Гарам-богатырь, у меня ведь был отец! Этот мой отец поместил меня с двухлетнего возраста в школу, в такое темное помещение, что человек себя хорошо не мог видеть. Прошло несколько времени; однажды я вышел наружу и увидел, что у входа в дом лежит зеркало. Я пошел к тому зеркалу, посмотрел на себя, увидел: „тфу, пропасть! какой я белый!“

amédinā níšt-atun, dístun tā š-amíngūr yak ǰinén zāge mnā tawār a-kánt ki ta bošt, man go ta yak abáre dārín. man oštātun. amé ǰinén zāg go man gúštī: tī am-rángen ǰiník ídinā nāi̯nt-a, bi e tī pisāi̯ šār u kalātā, bi yak ǰāgāe ast, ámmā bi amāí ǰiníkāi̯ ešk-u̯-āškā mudām pai̯rá a-gardánt. amā ǰinikó am bi yak sundūxā tā int. ta bra, go watí pisā bguš ki amā ǰiníkā pa ta agár alāsī kurt, kurt, digá tī am-rángen ǰiník nāi̯nt-a. man go amé ǰinén zāgā gúštun: anūn ta bra, ki anūn mnī pis a-kāi̯t. yak sāte digár būtī, dístun tā éš int, mnī pis ātī. man go watí pisā gúštun: äi̯ bābā, ta yak kāre pkan ki maróčí bra bi watí gisā, pa man yak ǰwānén mnī am-rángen ǰiníke pai̯dā pkan. mnī pis š-amódinā šut bi watí gisā, du róči digár būt, amé mnī pis ātī bi mníyā, go man gúštī: man šútun, bi gisān gāštun, tī am-rángen ǰiníke na dístun. man go watí pisā gúštun ki man a-raín pa wat. amé mnī pis gúštī: nápa bāz ǰuwān int-a, bābā, ta ki rawāi̯, bra. man íčī na gúštun, šútun, améš int-a, bi tíyā ātun. anūn agár ta amā ǰiníkā pa man pai̯dā pkānäi̯ u biyārāi̯! amé Гarám-bātúr gúštī: äi̯ bābā, ā ǰiník bi mnī dastā int-a, ta pa amešī γusá wartág-äi̯? brawán!

amé Гarám-bātúr u amé zāg šútant, bi yak ǰāgāe dístant tā amídinā säi̯ gwandáken gidanúk ant buzlangíäi̯. amé zāg u amé Гarám-bātúr ātant

---

Я посидел здесь и увидел, что отсюда меня зовет какая-то женщина: подожди, мол, я хочу тебе словечко сказать! Я остался, и женщина мне сказала: „здесь, в этом городе твоего отца, нет девушки тебе под пару, а есть в другом месте; только вокруг этой девушки всегда ходит стража, и сама та девушка находится в ящике; иди и скажи своему отцу, что если удастся ему просватать для тебя эту девушку, так хорошо, а иначе нет девушки тебе под пару!“ Я сказал этой женщине: „ты теперь уходи, потому что придет мой отец!“ Прошло немного времени, и я увидел, что мой отец пришел. Я сказал своему отцу: „батюшка, ты уж как-нибудь постарайся! сходи сегодня домой и подыщи мне под пару хорошую девушку“. Мой отец пошел домой; прошло еще два дня, и мой отец пришел ко мне и сказал мне: „я ходил-ходил по домам, но не нашел девушки тебе под пару“. Я сказал своему отцу, что я уйду. Мой отец сказал: „очень хорошо, сынок! раз уходишь, иди!“ Я ничего не сказал, пошел, и вот, пришел к тебе! О если бы ты теперь сыскал и привел мне ту девушку!» Гарам-богатырь сказал: «та девушка, сынок, в моих руках! значит, ты по ней тоскуешь! пойдем!»

Гарам-богатырь и юноша пошли и увидели в одном месте, что там три маленьких шатра бузланги. Юноша и Гарам-богатырь подошли поближе

bi amé gisānī nazīkā. yak wār ki amé gisānī puštā ātant, dístant tā amídinā yak pīra-zāle ništagí. amé Гarám-bātúr amé ki bi amé pīra-zālä̯i pānādā ātī, gúštī: salām alā̯ik. amé pīra-zāl gúštī: alā̯ik-u salām. amé ki Гarám-bātúr u amé zāg āngūrí šutant, yak wār amé pīra-zāl go wat gušt: agár amešī salām ma būtin, man ešī rā yak lunkáe kúrtun! yak wār amé Гarám-bātúr uškítī wa bir gāštī u ātī padā, go amé pīra-zālā gúštī: man Гarám-bātúr baīn, ta mnā ānčén abáre bdā́yä̯i! amé watí γurzā zurt, ǰat bi amé pīra-zālä̯i sarágā. amé pīra-zāl múrtī wa wat š-amídinā sútant bi amé gisānīyā, pa wat nān zítant u wártant u š-amódinā šútant bi yak ǰāgáe, amā ǰuwānén ǰiníkä̯i pisā̯i šārā̯i pānādā, bi dūrā šútant, dístant tā roč níštī. amé Гarám - bātúr go amé zāgā gúštī: anūn ta amídinā mnind, ša amé tāgazān bzūr u bún bdä̯i, amé watí ātíšā na ki pkúšä̯i, mudām dār bāz bír bdā́yä̯i. agár ta watí ātíšā pkúšä̯i, amé buzlangí kāyánt, trā kušánt. amé zāg gúštī: nápa bāz ǰuwān int-a.

amé Гarám-bātúr š-amódinā šútī amé ǰiníkä̯i pisā̯i šārā̯i pānādā, dístī tā ič kas ídinā nā̯int-a. amé Гarám-bātúr šut bi amé ǰinikóä̯i gisā, dístī tā ā int-a ǰinikó, ódinā bi yak sundūxä̯i tā ništagí. amé Гarám-bātúr šut, amé ǰinikóā go amé sundūxā zurt, bi watī badā kúrtī u š-amódinā ki rādág būt, šútī, amé ki ša gisā dar kapt u bi ḍanā šut, yak wār amé

к этим домам. Когда они подошли сзади к этим домам, они увидели, что там сидит старуха. Когда они подошли к этой старухе, Гарам-богатырь сказал: «мир тебе!» Старуха сказала: «и тебе мир!» Когда Гарам-богатырь и юноша прошли мимо, вдруг старуха сказала сама себе: «если бы не было его приветствия, я бы его разом проглотила!» Гарам-богатырь услышал, тотчас повернулся, подошел обратно и сказал старухе: «я Гарам-богатырь, а ты мне говоришь такие слова!» Он схватил свою палицу и ударил старуху по голове; старуха умерла. Они пошли в те дома, взяли себе хлеба, поели и оттуда пошли в другое место. Они подошли к дальним окраинам города отца той пригожей девушки и увидели, что солнце село. Гарам-богатырь сказал юноше: «посиди теперь здесь, только набери хворосту, зажги и не давай потухнуть твоему огню, а все время подкладывай побольше дров: если ты упустишь свой огонь, придут бузланги и тебя убьют». Юноша сказал: «очень хорошо».

Гарам-богатырь пошел отсюда к городу той девушки и увидел, что там никого нет. Гарам-богатырь пошел к дому этой девушки и увидел, что вот она, девушка! сидит там в ящике! Гарам-богатырь пошел, взял девушку с ее ящиком, взвалил себе на спину и пошел. Когда он пошел оттуда, вышел уже из

ǰinikóä̯i̯ pai̯rá amé Γarám-bātúrā dístant. yak wār tawār kúrtant ki äi̯ bošt! amé Γarám-bātúr íčī na gúštī u šútī. amé pai̯rá am ša amé Γarám-bātúr trusítant, ič kas bi amé Γarám-bātúräi̯ā ātág na kúrtant.

amé Γarám-bātúr amé ǰinikóā āúrtī bi zāgäi̯yā. amé zāg amé sundū́xäi̯ dapā́ páčī kurt, yak wār amé ǰinikó yak čapóḍe ǰat bi amé zāgā́i̯ demā́i̯ gwarā́, amé zāg grétī. amé Γarám-bātúr amé watī́ γurzā́ zúrtī ki amé zāgā́ dit. yak wār bi watī́ ošā́ kapt wa gúštī: agár tī am-awáläi̯ nekī́ ma bū́tin ki ta pa man kúrt-atäi̯, anū́n man trā go yak γurzā́ kúštun, pa če ki ta ša yak ǰinikóā̃ čapóḍā grewā́i̯. amé Γarám-bātúr amé watī́ γurzā́ zúrtī, ǰat bi amé sundū́xā, yak wār amé sundū́x palk-palk būt. amé ǰinikó š-amódinā ustát u oštát. amé zāg šut, amé ǰinikóäi̯ dastā́ gipt u āúrt, bi watī́ pānādā nādéntī.

amé šapénā amídā wáptant, tārī́enā ki roč bū́tī, amé Γarám-bātúr u amé zāg u amé ǰinikó š-amódinā átant bi yak ǰāgā́e, dístant tā amédinā yak šā́re. améš šútant bi amé šā́räi̯yā, dístant tā bi amé šārā́i̯ tā ič kas nā́i̯nt-a. amé Γarám-bātúr amešā́nā zurt u burt bi amé šārā́i̯ tā, ódinā amešā́nā bi yak gisé tā kúrtī wa amé gisā́i̯ dapā́ γúlpī kúrtī wa wat š-amódinā šútī pa šikārā, šikārī kúrtī u āúrtī, bi amešā́n dā́tī. yak čunt waxt būt, pa duwārā́g amé Γarám-bātúr šut pa šikārā. amé ki Γarám-

---

дому и пошел наружу, вдруг стража этой девушки увидела Гарам-богатыря. Они тотчас закричали: «стой!» Гарам-богатырь ничего не говорил и шел. Стража испугалась Гарам-богатыря, и никто не мог подойти к Гарам-богатырю.

Гарам-богатырь принес эту девушку к юноше. Юноша открыл ящик, как вдруг девушка дала ему пощечину. Юноша заплакал. Гарам-богатырь схватился за свою палицу, чтобы ударить юношу, но тотчас опомнился и сказал: «если бы не было твоего первоначального добра, которое ты для меня сделал, я бы теперь убил тебя одним ударом палицы, потому что ты плачешь от одной пощечины девушки!» Гарам-богатырь взял свою палицу и ударил по ящику; ящик сразу разбился в дребезги. Девушка поднялась оттуда и стала. Юноша пошел, взял девушку за руки, привел и посадил рядом с собой.

Эту ночь они здесь переночевали, а на утро, когда наступил день, Гарам-богатырь, юноша и девушка пришли оттуда в одно место и увидели там город. Они пошли к этому городу и увидели, что в городе никого нет. Гарам-богатырь взял их и отвел в этот город; поместил их в один дом и запер на замок дверь этого дома. Сам он пошел на охоту; поохотился, принес добычу и отдал им. Прошло несколько времени, и Гарам-богатырь вторично отпра-

bātúr rādág būt u šut, yak wār amé zāg u amé ǰinikó go wat gúštant ki amé Гarám-bātúr mašmā́ rā pa če nāi̯līt ki mašmā́ brawán bi ḍanā́, biyā́ ki mašmā́ maróčī dár pkapan bi ḍanā́. amé ki bi ḍanā́ šútant, dístant tā amédā bi yak gisā́ dapā́ ǰik ast u amā́ ǰikā́nī sarā́ du leḍá bastagí u dédi go wat ǰáng a-kanánt. amé zāg u amé ǰinikó ā́tant pa amé dukén leḍā́nī säi̯lā́. amé ki bi amé dukén leḍā́nīyā sar bū́tant, yak wār amé dukén leḍá ǰukítant, yak wār amé zāg u amé ǰinikó pursítant ki áxtī šmā ǰáng a-kúrtit, anū́n pa če oštā́tit u ǰukítit? amé dukén leḍá gúštant: ša šmā yáke bā́i̯t, bi mnī sarā́ suwā́r bīt, yáke brau̯t bi āí sarā́ suwā́r bīt, gúḍinā ammā́ zabr ǰáng a-kanán. amé ǰiník u amé zāg go wat abár dā́tant, gúštant: biyā́ ki suwā́r bayán. amé leḍā́nā suwā́r bū́tant. yak wār amé leḍá bā́l kúrtant, amé zāgā́ bā́l āúrtant, ǰátant bi amé ǰikā́nī sarā́ u amé ǰinikóā go wat búrtant.

yak du sā́te digár būt, yak wār Гarám-bātúr āt, dístī tā alā́! ā zāgā́ säi̯l pkan ki bi ā ǰikā́nī tā kaptagí. ā́tī, amé zāgā́ ša amé ǰikā́nī tā dár kúrtī, búrtī, bi ḍanā́ íštī. amé zāgā́i̯ ǰānā́i̯ ǰikā́nā kašítī, amé zāgā́ pursítī ki ta pa če bi e ǰikā́nī tā kaptág-äi̯? amé zāg gúštī: biyā́ ki amā́ e ḍol ša gisā́ dár káptan u ā́tan bi ḍanā́, dístan tā amídinā yak du leḍá ǰáng

---

вился на охоту. Когда Гарам-богатырь собрался и пошел, юноша и девушка тотчас сказали друг другу: «почему это Гарам-богатырь не позволяет нам выйти наружу? давай, выйдем сегодня наружу!» Когда они вышли наружу, они увидели при входе в один дом кусты колючки, и около них на привязи два верблюда дерутся друг с другом. Юноша и девушка подошли посмотреть на этих двух верблюдов. Как только они дошли до этих верблюдов, те вдруг улеглись. Юноша и девушка тотчас спросили: «вы давеча дрались, почему же теперь остановились и улеглись?» Оба верблюда сказали: «пусть один из вас подойдет и сядет на меня, а другой пусть пойдет и сядет на него, и тогда мы хорошенько подеремся!» Девушка и юноша поговорили друг с другом, сказали: «давай, сядем верхом!» и сели на верблюдов. Эти верблюды сразу взлетели, подняли юношу и сбросили на колючку, а девушку унесли с собой.

Прошел еще час-другой. Гарам-богатырь пришел и увидел: ах! посмотри-ка на этого юношу! как он лежит в колючке! Он подошел, вынул юношу из колючки, отнес его и положил снаружи. Потом он вытащил колючки из тела юноши и спросил его: «почему ты упал в эту колючку?» Юноша сказал: «вот мы так-то вышли из дому и пошли наружу, увидели, что здесь дерутся два

a-kanánt. yak wār amā́ ā́tan. amé dukén leḍā́ ǰukít-atant. amā́ go amé dukén leḍā́n gúštan ki šmā áxtī dédi ǰáng a-kúrtit, amé ki amā́ ā́tan, šmā oštā́tit u ǰukítit. amé dukén leḍá gúštant ki amā pa ešā́ ǰukítan ki šmā biyā́it bi ammā́i̯ sarā́ suwā́r bä́i̯t, gúḍinā amā́ zabr ǰáng a-kanán. amā́ suwā́r bū́tan. yak wār amé dukén leḍá bā́l kúrtant, mnā ša awā́ ǰā́tant bi ḍigárā u ǰiníkōā búrtant. amé Гará-bātúr bi amé zāgā́i̯ ǰānā́ dārū́ mū́štī u wat š-amídinā šut bi amé dukén leḍā́nī padā́.

šut bi yak ǰāgā́e, dístī: āmenī́ amídinā yak gíse ast. amé gisā́i̯ dapā́ yak mazanen láxe ast. amé Гarám-bātúr amé laxā́ zúrtī, ā́škā íštī, dístī tā amé nī ǰinikó bi amé gisā́i̯ tā ništagī́. amé Гarám-bātúr íčī na gúštī, amé ḍau̯l amé ǰinikóā gúštī: ar waxt ki tī mard ā́tant, ta yak wār bguš ki šmä́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int? ā awálā pa tī ǰānā́ γā́r a-kanánt, gúḍinā ta bgre, gúḍinā ā wát a-gušánt ki ǰā́ni man, imā́ni man, amā́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int, gúḍā ā wát a-gušánt. man amídinā srapī́n, ta bguš go watī́ mardā́n, na ki ptrúsä́i̯. man amédinā nindī́n bi šmä́i̯ gisā́i̯ pallā́. amé ǰinikó gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. amé Гarám-bātúr šútī, bi amé gisā́i̯ pānā́dā čer kā́ptī. yak katrā́e digā́r bū́t, amé ǰinikóä́i̯ mard ā́tant bi gisā́. yak sā́te digā́r bū́t, amé ǰinikó go amé watī́ mardā́n gúštī: šmä́i̯ napás bi čéwä́i̯ dastā́ int?

верблюда, и тотчас подошли, а эти два верблюда улеглись; мы сказали этим двум верблюдам: „давеча вы дрались, а когда мы подошли, вы остановились и легли!“ оба верблюда сказали: „мы для того легли, чтобы вы подошли и сели на нас, и тогда мы хорошенько подеремся!“ мы сели верхом, и вдруг оба верблюда взлетели, сбросили меня с воздуха на землю, а девушку унесли». Гарам-богатырь помазал тело юноши лекарством, а сам отправился отсюда вслед за верблюдами.

Он пошел в одно место и увидел, что вот здесь есть дом, и при входе в дом лежит большая каменная глыба. Гарам-богатырь взял эту глыбу, отложил в сторону и увидел, что вот она, моя девушка! сидит себе в этом доме! Гарам-богатырь ничего больше не сказал, только так сказал этой девушке: «как только придут твои мужья, ты вдруг скажи: „в чьих руках находится ваша душа?“ они сначала на тебя рассердятся, тогда ты заплачь, и тогда они сами скажут: „душа моя, упование мое, наша душа вот в чьих руках!“ они сами скажут! я спрячусь здесь, и ты говори со своими мужьями, не бойся! я буду сидеть здесь около вашего дома». Девушка сказала: «очень хорошо». Гарам-богатырь пошел и спрятался около этого дома. Немного погодя, мужья девушки пришли домой. Прошел час-другой, и девушка сказала своим мужьям: «в чьих

yak wār amé dukén buzlangī́ γā́r kurtant pa amé ǰinikóä̯ ǰānā́. yak sā́te digā́r būt, amé buzlangī́ gúštant: ä̯i̯ ǰā́ni man, imā́ni man, amā́i̯ napás du čūčā́g ant u amā́ čūčā́g bi du šīšā́gānī tā ant u amā́ sīšā́g bi yak sundū́xä̯i̯ tā ant-a u amā́ šundū́x bi apt daryā́bä̯i̯ mānǰīnā int-a.

amé Гarā́m-bātúr š-amódinā ustā́t u šut, bi amé apt daryā́bä̯i̯ mānǰīnā wat rā prent u sundū́xā kašítī u bi ḍanā́ íštī u šut, watī́ pučā́nā watī́ gwarā́ kúrtī u amé sundū́xä̯i̯ dapā́ pā́čī kúrtī u amé dukén šīšā́gānī dapā́ pā́čī kúrtī u amé dukén čūčā́gāna ša amé šīšā́gānī tā dā́r kúrtī u ā́ pānā́dā búrtī, amé ar duén čūčā́gānī guṭā́ gipt ki pkúšīt. amé ki guṭā́iš gipt, dístī tā ā́w-ant buzlangī́ dédiy a-kāyánt. amé ki ā́tant, yak wār bi amé Гarā́m-bātúrī dast u pādā́n wat rā préntant, gúštant: amā́ tī gulā́m a-bayā́n, amé amā́i̯ napā́sā ma gir. Гarā́m-bātúr gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man šmā rā na kušī́n. amešā́nā zurt u burt bi amešā́nī gisā́. ódinā ki burt, amé ǰiníkā gúštī: anū́n biyā́ ki mašmā́ brawā́n. amé ǰinikó pa gāl-u-bal watī́ ǰwānén pučā́nā bi watī́ gwarā́ī kurt u gúštī: brawā́n. amé Гarā́m-bātúr amé ǰinikóā u amé buzlangī́yānā zurt u āúrtī bi amé zā́gä̯i̯yā. ídinā āúrtī, sā́i̯lī kúrtī, dístī tā amé zāg ša awā́lā getír ǰoḍ būtagī́. amé Гarā́m-bātúr gúštī: ä̯i̯ bābā́, anū́n ā ta u ā tī ǰinén u ā am tī gulā́m ki man pa ta āúrtun. ǰinikó šut go watī́ awā́lä̯i̯ mardā́. amé Гarā́m-bātúr

---

руках находится ваша душа?» Сразу оба бузланги рассердились на девушку. Прошел час-другой, и бузланги сказали: «душа моя, упование мое, наша душа, это — два птенчика, и эти птенчики находятся в двух склянках, а эти склянки — в сундуке, а тот сундук — меж семи рек».

Гарам-богатырь встал, пошел оттуда, перебросил себя в середину этих семи рек, вытащил сундук и поставил его снаружи. Потом он пошел, надел свою одежду, открыл сундук, открыл обе склянки, вынул из этих склянок обоих птенчиков, отнес их в сторону и схватил за шею обоих птенчиков, чтобы убить их. Как только схватил их за шею, он увидел, что вот они, бузланги! подходят! Как только они подошли, они сразу бросились к рукам и ногам Гарам-богатыря и сказали: «мы будем твоими рабами, не бери только нашу душу!» Гарам-богатырь сказал: «ну, хорошо, я вас не убью». Он взял их и повел в их собственный дом. Когда он отвел их туда, он сказал девушке: «теперь, давай, пойдем!» Девушка с радостью и весельем надела на себя свою хорошую одежду и сказала: «пойдем!» Гарам-богатырь взял девушку и бузланги и повел к юноше. Он привел их туда, посмотрел и увидел, что юноша поздоровел лучше прежнего. Гарам-богатырь сказал: «ну, сынок, вот тебе твоя жена, и вот тебе твои рабы, которых я привел к тебе!» Девушка пошла

go amé zāgā́ gū́štī: ä̯i bābā́, biyā́ ki mašmā́ bladā́n u brawā́n bi tī pisā́i̯ šā́rä̯iyā.

š-amédinā laḍítant u šū́tant bi watī́ pisā́i̯ šārā́i̯ pānā́dā. yak wār amešā́nā šap gipt. amé amídinā ér kurtant, amé šapénā amédinā wā́ptant. tārī́enā ki roč bū́tī, amešā́nā yak mardū́me gindī́t, amé pādišā́äi̯ zāgā́ drúst a-kā́nt, amé ǰinikóā am drúst a-kā́nt, zānt ki amé amā́ ǰwānén ǰiník int. amé mardū́m a-rā́u̯t bi pādišā́äi̯ gisā́, go pādišā́ gušī́t, ki tī zā́g ātagī́, bi plānā́ ǰāgā́ ātā́g-ant u waptā́g-ant. amé pādišā́ ai̯rā́n mā́ntī u go amé watī́ gulā́mā gū́štī ki ta amé aspā́i̯ zenā́i̯ sarā́ bgir u dārū́ muš bi amé aspā́i̯ zenā́i̯ sarā́, bar u wat suwā́r ma bā́i̯. ódinā ki búrtä̯i, amā́ mnī zāgā́ bguš ki trā tī pis guštagī́: amé aspā́ suwā́r bā́i̯ u biyā́. amé gulā́m amé aspā́ zurt u burt bi zāgā́i̯yā, gū́štī: e aspā́ tī pis pa tī padā́ dem dātagī́, ta biyā́ ki mašmā́ brawā́n. amé Гarā́m-bātū́r go amé gulā́mā gū́štī: ta awā́lā amé aspā́ suwā́r bā́i̯, gū́ḍinā ā suwā́r a-bī́t. amé gulā́m gū́štī: man agár amé aspā́ suwā́r baī́n, pādišā́ gū́ḍinā mnā kušī́t, pa če ki e aspā́ ā pa watī́ zāgā́i̯ padā́ dem dātagī́ u man ič-waxt suwā́r būtā́ga na kanī́n. yak wār amé Гarā́m-bātū́r γārī kū́rtī u gū́štī: man trā gušī́n, ta suwā́r bā́i̯, ta suwā́r bā́i̯, tī pādišā́ drógī guštagī́. amé gulā́m íčī na gū́štī u amé aspā́ suwā́r bū́tī. amé ki amé aspā́ suwā́r bū́tī, yak wā̯r bun gíptī. Гarā́m-bātū́r íčī na gū́štī.

со своим прежним мужем. Гарам-богатырь сказал юноше: «давай, снарядимся и отправимся в город твоего отца!»

Они снарядились и отправились отсюда к городу своего отца. Однажды их застигла ночь. Они остановились и эту ночь переночевали здесь. На утро, когда наступил день, их видит один человек. Он узнает царевича, узнает также эту девушку и понимает, что это — та красивая девушка. Этот человек идет к царю в дом и говорит царю: «прибыл твой сын! они прибыли в такое-то место и заночевали». Царь изумился и сказал своему рабу: «возьми седло этой лошади и поверхность этого седла помажь снадобьем, и отвези его, но сам верхом не садись! а когда туда отвезешь, скажи моему сыну, что, тебе, мол, твой отец сказал: „садись на эту лошадь и приезжай!“» Раб взял эту лошадь, отвел к юноше и сказал ему: «твой отец прислал за тобой эту лошадь, давай, поедем!» Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты садись на эту лошадь, а потом сядет и он!» Раб сказал: «если я сяду на эту лошадь, царь меня убьет, потому что эту лошадь он послал за своим сыном, и я никак не могу сесть на нее». Гарам-богатырь сразу разгневался и сказал: «раз я говорю тебе: „садись верхом“, значит, садись верхом! твой царь сказал неправду!» Раб ничего не сказал и сел на эту лошадь. Лишь только он сел на эту лошадь, он сразу сгорел. Гарам-богатырь ничего не сказал.

tāríenā būt, amé pādišā́ bi watí digā́ gulā́mā gúštī: ta marṓčī nān ǰoḍ pkan u bar ódinā bi mnī gisā́ u š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n bgir, bi nānā́nī tā pren. amé nānā́nā bzūr u bar ódinā bi mnī zā́gā́iyā, bguš ki e nānā́nā tī pis pa ta dem dātagí, ta amé nānā́nā bor. amé gulā́m nān ǰóḍī kurt u burt bi pādišā́āi̯ gisā́, š-amā́ dārū́ān ki mardúm a-kušánt, š-amāwā́n yak ašt čánkāi̯ kasā́ zurt u ret bi amé nānā́nī tā u amé nānā́nā zurt u burt bi zā́gā́iyā, gúštī: e nānā́nā tī pis u tī mātó pa ta dem dātā́g ant, šmā amé nānā́nā bórit. yak wār amé Гarā́m-bātúr go amé gulā́mā gúštī: ta awā́lā amé nānā́nā bor, gúḍinā amā́ waran. amé gulā́m gúštī: man agár e nānā́nā borīn, gúḍinā pādišā́ mnā kušít. amé Гarā́m-bātúr pa amé gulā́mäi̯ ǰānā́ γā́rī kúrtī, gúštī: man trā gušín: awā́lā ta bor, agár ta na warā́i̯, trā man yak γúrze bā́r a-kanín. amé gulā́m amé nānā́nā wā́rtī. amé ki awalíen lunká bi dapā́i̯ kúrtī, yak wār múrtī.

karār amé zāgā́i̯ pis dístī tā e ḍāu̯la na bīt, magár go eší ǰang pkanín, digár ḍau̯l ič na bīt. amé pādišā́ amé watí ǰārčínā gúštī: ta marṓčī bra, bi amā́ burzā́gäi̯ sarā́ bošt u amé maxlū́kānā ǰār bjan ki bā́ndā mū́čī wat rā ǰoḍ pkā́nit ki ǰáng a-bít. tāríenā būt, amé maxlū́k gírdī yak ǰā bū́tant u ā́tant. šútant pa amé zāgā́i̯ u Гarā́m-bātúrī ǰangā́. amé ki Гarā́m-bātúr ešā́nā

Наступило утро. Царь сказал своему другому рабу: «приготовь сегодня хлеб и снеси ко мне домой! возьми тех снадобий, которые убивают человека, и положи в хлеб! а эти хлебы возьми и отнеси туда моему сыну и скажи, что эти хлебы, дескать, тебе послал твой отец, и ты их откушай!» Этот раб приготовил хлеб, отнес его к царю домой и взял горстей восемь тех снадобий, которые убивают человека, и насыпал в хлеб. Он взял этот хлеб, отнес юноше и сказал: «этот хлеб послали тебе твой отец и твоя мачеха, отведайте этого хлеба!» Тотчас Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты поешь этого хлеба, а потом и мы будем есть». Раб сказал: «если я поем этого хлеба, потом меня царь убьет!» Гарам-богатырь разгневался на этого раба и сказал: «я говорю тебе, сначала ешь ты! если ты не будешь есть, я тебя сделаю добычей одного удара палицы!» Раб стал есть этот хлеб, и как только он положил первый кусок в рот, он сразу умер.

Итак, отец этого юноши увидел, что эти способы не удаются; остается только воевать с ним, иначе ничего не выходит. Царь сказал своему глашатаю: «сегодня иди, стань на этом возвышении и объяви народу: „завтра все приготовьтесь, потому что будет война!“» Наступило утро. Весь народ собрался и пришел, и они пошли на войну с этим юношей и Гарам-богатырем. Когда Гарам-богатырь их увидел, он тотчас сказал обоим своим бузланги:

dístī, yak wār go amé dukén buzlangīyān gúštī: anūn šmā̈i̯ wār int-a, šmā agár amešā́nā bi yak daγīγá íštit, gúḍinā man šmā rā kuṣ̌ín. amé buzlangī́ gúštant: amā́ wat gušnág an, maróčī amā́ ešā́nā kilán? amé ki amé pādišā́ā̈i̯ maxlū́k ā́tant pa ǰangā́, yak wār amé dukén buzlangī́ gā́l kúrtant ki pa mā nān ātág ant. yak wār amé buzlangī́ šútant, bi amešā́nī demā́ lagítant, amé pādišā́ā̈i̯ maxlū́kānā gírdānā wártant, gírdānā alā́s kúrtant u amé pādišā́ā̈i̯ ǰindā́ gíptant u āúrtant bi Гarám-bātúrā̈i̯yā. amé ki Гarám-bātúr amé pādišā́ dístī, go amé buzlangīyān gúštī: ma yā́ritī, amā́ngūr pkúšitī. amé buzlangī́ amé pādišā́ búrtant u kúštant. Гarám-bātúr u amé zāg šútant, bi šārā̈i̯ tā čā́r kúrtant, dístant tā ič kas bi šārā́i̯ tā ná̈int-a. š-amódinā pádā ā́tant, amé ǰinikóā zúrtant u búrtant, buzlangīyānā ruxsát kúrtant ki šútant. ā́tant bi šārā́. karā́r pādišā́ Гarám-bātúr būt u wazī́l zāg būt.

XIII

būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. e pādišā́ dāšt šaš zāg. yak róče būt, amé pādišā́ watī čā́r zāgā́ gísī dāt wa dúi digā́rā gísī na dāt. amé duén zā́gī go wat gúštant ki mašmā́i̯ pis mašmā́ rā gísa na dant, biyā́ ki mašmā́ brawán bi yak ǰāgā́e ki amé mašmā́i̯ pis mašmā́ rā

«теперь ваш черед! если вы оставите их на одну минуту, я вас тогда убью!» Бузланги сказали: «сами мы голодны! как можем мы их сегодня оставить?» Когда подданные царя подступили, чтобы сразиться, тотчас оба бузланги обрадовались: для нас, мол, хлеб пришел! Бузланги тотчас подошли к ним и поели всех царских подданных, всех прикончили, а самого царя схватили и привели к Гарам-богатырю. Как только Гарам-богатырь увидел царя, он сказал этим бузланги: «не приводите его, а там же убейте!» Бузланги отвели царя и убили. Гарам-богатырь и этот юноша пошли, обошли город и увидели, что в городе никого нет. Они вернулись оттуда, девушку взяли и отвели, бузланги позволили уйти, а сами пришли в город. Итак, Гарам-богатырь сделался царем, а юноша — визирем.

(XIII. О богаче)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей. Случилось так, что этот царь четверых своих сыновей женил, а двоих других не женил. Эти два сына сказали друг другу: «наш отец нас не женит! давай, отправимся в другое

gísa na dant. amé gda brā́sī gušt: biyā́ ki brawán. amé zāg šútant bi watī́ pisā́i̯ā, gúštant: äi̯ bābā́, ta pa če amā́ rā gísa na däyā́i̯? amešā́nī pis gúštī ki šmā tā́ngāt zāg it, man ič waxt šmā rā gis dātága na kanī́n. amé zāg go watí pisā́ gúštant: äi̯ bābā́, ta ki amā́ rā gísa na daā́i̯, amā́ rā mardúme yak asp bdäi̯. amešā́nī pis gúštī: bráit, bābā́, ā šmā, ā asp. amé š-amídā šútant, pa wat mardúme yak asp gíptant wa š-amídā šútant bi yak ǰāgā́e.

dístant tā amídā yak áu̯ze. e š-amídā šútant, bẹ me au̯zā́i̯ sarā́ wā́ptant. amídā ki wā́pt-atant, amídā wāb šútant. bi amé šapā́i̯ nemágā amešā́nī asp pā́č a-bayánt, š-amídā rawánt bi yak ǰā́e. amódenā ki amešā́nī ásp a-rawā́nt, yak pādišā́e murtá būtagī́. amé maxlū́k amé aspā́nā watī́yāna āurtá būtág ant, amešā́nī asp rāst bi amé aspā́nīyā rawánt. amé maxlū́k gúštant ki du asp ā́tant. amé maxlū́k ā́tant, amé duén zāgā́nī aspā́nā gíptant wa bástant.

yak wār amé mazánen brā́sī āgā́ būt, sā́i̯lī kurt tā amé asp édā ná-want. ā́tī ki watī́ brāsā́ pā́d pkant. sā́i̯lī kurt tā mnī brās čo wāb int. ešī́ rā dil na būt ki watī́ brāsā́ pā́d pkant. wat š-amídā šut, šut, dístī tā amídā če mardúme ast. amé zāg sā́i̯lī kurt tā ā́nī amā́i̯ asp ant, ódinā bastág-ant. amé zāg š-amídā šut amé mardumā́nīyā, pursít ki amé aspā́nā kā́i̯ édinā bastagī́? amé mardúm gúštant ki amā́ amídā pādišā́ dédi gór

---

место, так как наш отец нас не женит!» Другой брат сказал: «давай, отправимся!» Сыновья пошли к отцу и сказали: «батюшка, что ты нас не женишь?» Их отец сказал им: «вы еще дети, я никак не могу вас женить!» Сыновья сказали своему отцу: «батюшка, раз ты нас не женишь, дай нам каждому по лошади!» Их отец сказал: «идите, дети, вот вам лошади!» Они вышли, взяли каждый себе по лошади и отправились в одно место.

Они увидели, что там есть озеро. Они туда отправились, расположились у озера на ночлег, улеглись и заснули. К ночи их лошади распутываются и идут оттуда в другое место. А там, куда идут их лошади, умер царь, и его подданные привели туда своих лошадей. Их лошади направляются прямо к тем лошадям. Эти люди сказали, что пришли две лошади. Эти люди подошли, поймали этих двух лошадей и привязали.

Вдруг старший брат проснулся, взглянул: нет лошадей! Он хотел разбудить своего брата, посмотрел: как сладко спит мой брат! У него не хватило духу разбудить своего брата, и он сам пошел оттуда. Он пошел и стал смотреть: что́ это там за люди? Юноша стал всматриваться: да ведь это наши лошади там привязаны! Юноша пошел оттуда к этим людям и спросил: «кто здесь привязал этих лошадей?» Эти люди сказали: «мы собирались здесь хоро-

a-kúrtan, dístan tā š-amī^{n}go du ásp a-ǰiyánt u kāyánt. amā́ amé maxlū́k gū́štan: biyā́it ki amé aspā́nā bgíran u bándan, amé ki wāū́ndiš āt, bdā́yan. karā́r amạ̄́ amé tī aspā́nā gíptan, bástan. amā́i̯ pādišā́ murtagī́, biyā́ ki mašmā́ brawán ódinā bi ammā́i̯ gisā́n, ódinā sīmúrγe bā́l a-dayán. bi ar kasẹ́ sarā́ ki ništ, amā́e rā pādišā́ girán. amé mardák ki go eší e ḍol gušt, amé zāg watī́ gwanḍén brāsā́ be-óšī kurt, š-amídā go amé mardumā́n šū́tī, ódinā sīmúrγe bā́l dā́tant. amé sīmúrγ āt, bi amé zāgā́i̯ sarā́ ništ. amé zāgā́ pādišā́ kúrtant. amé zāg watī́ gwanḍén brāsā́ čist be-óšī kúrtī.

amé gwanḍén brā́sī tārī́enā āgā́ būt wa ustā́tī, sā́i̯lī kurt, amā́i̯ asp édā ná-want, mnī brās am édā nā́i̯nt. amé gwanḍā́ken zāg š-amé watī́ ǰāgā́ ustā́t wa ǰist. šut, amé watī́ aspā́nī padā́nā dist, amé watī́ brāsā́i̯ padā́nā am dist tā amé mnī brās ammā́i̯ nī aspā́nī padā́nā burtagī́. amé zāg amé aspā́nī padā́nā búrtī, dístī tā amé nī asp ātā́g ant, amídā digā́r asp būtā́g ant, amé amā́i̯ asp ātā́g ant, amídā oštātā́g ant. amé, amā́i̯ aspā́nā am gíptag ant wa bastā́g ant, amení mnī brāsā́i̯ pā́d ant ki ātagī́ amé mardumā́nīyā, pursitagī́ ki amā́i̯ aspā́nā kā́i̯ édinā bastagī? amé mardúm š-amídā šutā́g ant, mnī brāsā́ am go wat burtā́g ant. amé gwanḍén zāg š-amídā ǰist, amé aspā́nī padā́nā zurt u burt, š-amídā šut u šut.

нить царя и увидели, что с этой стороны подбегают две лошади; мы сказали вон тем людям: „подойдите, поймаем и привяжем этих лошадей, а когда придет их хозяин, отдадим!“ поэтому мы поймали и привязали твоих лошадей. Наш царь умер! давай, пойдем туда к нам, там мы выпустим летать симург-птицу, и на кого она сядет, того мы возьмем в цари!» Когда этот человек так с ним говорил, юноша совсем забыл своего младшего брата и пошел с этими людьми. Там пустили летать симург-птицу, и симург-птица приблизилась и села на юношу. Юношу сделали царем. Юноша совсем забыл своего младшего брата.

Его младший брат на утро проснулся и встал, взглянул: наших лошадей здесь нет! моего брата тоже нет! Этот младший юноша поднялся со своего места и поспешно пошел. Он пошел и увидел следы своих лошадей, а потом увидел также следы своего брата: вот здесь мой брат напал на следы наших лошадей! Юноша пошел по следам лошадей и стал всматриваться: вот здесь лошади прошли, а здесь были другие лошади, наши лошади подошли, и здесь остановились; а вот здесь наших лошадей взяли и привязали! вот это следы моего брата, который подошел к этим людям спросить, кто привязал здесь наших лошадей! вот отсюда эти люди ушли и увели с собой моего брата! Младший юноша поспешно вскочил и пошел по следам лошадей; он шел и шел.

bi amé watī brāsä̯i̯ šārä̯i̯ pānā́dā ki rast, ešī́ ra salā́t dístant, amé zāgā́ čār dā́tant wa gú̄štant ki ta ša gujā́ ᵃkāä̯i̯? amé zāg gú̄štī: āmā́ du brās ātan, ša pᵃlānā́ ǰāgā́ ātan, bi yak ǰāgā́e, dístan amídā yak̥ ā́u̯ze, amā́ ātan bi amé au̯zā́i̯ sarā́ wā́ptan, amé watī́ aspā́nā amódinā bástan u wat wā́ptan, amídā ta bzā́näi̯, wāb šutā́g an. amé amā́i̯ asp pā́č būtā́g ant wa šutā́g ant. amé mnī mazā́nen brās der āgā́ bīt, sā́i̯l a-kā́nt tā asp édinā ná-want. amé mnī brās wat a-kustī́t wa mnā pā́da na kant.

amé salā́t dédi go ešī́ abā́r a-dā́tant, amešā́nī ā́škā yak róde, ta bzā́näi̯, būtagī́, yak tajā́re watī́ dau̯lā́tā āurtā́ ki bgwazenī́t ša amé rodā́ ā́škā. amé watī́ dau̯lā́tā bi kištī́äi̯ tā ᵃkant ki bgwazenī́t ā́škā. amé kištī́ bi rā́ na rå̄u̯t. amé tajā́r a-pursī́t ša amé kištīwā́nā ki tī kištī́ pa če rā́ na rå̄u̯t? amé kištīwā́n gú̄štī: e kištī́y a-loṭī́t mardú̄mäi̯ on, ta bra, bgard, yak kóre yā yak šā́le pai̯dā́ pkan, biyā́r, pkuš u onā́nī bi amé kištī́yā muš. guḍā amé kištī́ bi rā́ rå̄u̯t.

amé tajā́r š-amódā ā́tī bi amé salātā́nīyā. amé salā́tānā pursī́tī ki šmā́äyā ič kor u šā́le yā atī́men zā́ge íčī ḷnä̯i̯nt? amé salā́t gú̄štant ki amā́yā yak zā́ge ast, magā́r ā zāg ā ḍoléne nä̯i̯nt ki ta ᵃgušā́i̯. e zāg yak ḷā́le, ešī́ rā amā́ rā díla na bīt ki amā́ ā́ī rā bi ta bdäyán. amé tajā́r gú̄štī:

Когда он дошел до окраины города своего брата, его увидели солдаты; они окружили этого юношу и сказали: «откуда ты идешь?» Юноша сказал: «нас было два брата, мы из такого-то места пришли в другое место, увидели там озеро и подошли переночевать у этого озера; привязали своих лошадей и расположились на ночлег; здесь, нужно знать, мы заснули, а наши лошади развязались и ушли; было уже поздно, когда мой старший брат просыпается и смотрит: лошадей здесь нет! мой брат сам встает, а меня не будит».

Солдаты так с ним разговаривали, а по ту сторону от них, нужно знать, была река, и один купец привез свое имущество, чтобы переправить его на ту сторону реки. Он грузит на судно свое имущество, чтобы его переправить, но судно не двигается в путь. Купец спрашивает у корабельщика: «почему твое судно не отправляется?» Корабельщик сказал: «судно требует человеческой крови, иди, поищи какого-нибудь слепого или калеку; отыщи, приведи и убей и помажь его кровью судно, тогда судно пойдет».

Купец пришел оттуда к этим солдатам и спросил солдат: «нет ли у вас какого-нибудь слепого или калеки или сироты?» Солдаты сказали: «у нас есть один юноша, только этот юноша не таков, как ты говоришь; этот юноша подобен рубину, и у нас не хватит духу отдать его тебе». Купец

magár ā šmä̯i pis u māsā̯i zā́g-u nä̯int, yáke-m digár: man āī rā ā́nčoš ša šmā na zinī́n, šmā rā ī́n-kar zár a-däī́n. šmā āī rā bi man bdā́it. amé salā́t gū́štant: amā́ rā sad azā́r γarā́n zar bdä̯i, amā́ gū́ḍā āī rā bi ta dayán. amé tajā́r gū́štī: nápa bāz ǰwān int, man bi šmā däī́n. amé salā́tānā sad azā́r γarā́n zar dā́tī wa amé zāgā́ zurt u burt bi kištī́yä̯iyā̯.

ódinā ki burt, amé tajā́r gū́štī ki anū́n ta bwasp ki man trā kušī́n. amé zāg pursít ki ta pa če mnā kušā̯i? amé tajā́r gū́štī ki man trā kušī́n ki amé kištī́yä̯i demā́ ón a-kanī́n ki amé kištī́ bi rā́ brot. amé zāg gū́štī: ta mnā ič ma kuš, man anū́n amé kištī́yā pa ta bi rā́ prenī́n. amé tajā́r gušt: nápa bāz ǰwān int, ta mul amé kištī́yā bi rā́ prenā́i̯, man trā digár íčīya na kanī́n. amé zāg gipt, watī́ čangúlā šā́xī kurt. ša čangúlä̯i on āt. amé onā́nā gipt, bi amé kištī́ä̯i demā́ mušt. yak wār amé kiští bi rā́ būt. amé kāperén tajā́r amé zāgā́ go wat búrtī. amé zāgā́ pa wat sarwā́ne kurt.

čunt waxt būt, amé tajā́r š-amídā šut bi pādišā́äyā. amé ki rástī bi pādišā́äyā, amé pādišā́ watī́ wazī́l u wakī́lānā mū́čānā loṭít wa watī́ mullā́nā am loṭít. gū́štī ki man došī́ ānčén wā́be distág un. amé wazī́l u wakī́l gū́štant ki čunén wā́be? amé pādišā́ gū́štī ki man došī́ wā́pt-atun, wāb dístun tā amé mnī demā́ čil kāság ér int. amídā man nī́št-atun, dístun tā

сказал: «но ведь он не сын ваших родителей! к тому же еще одно: я ведь не так хочу его взять, а дам вам много денег, отдайте его мне!» Солдаты сказали: «дай нам сто тысяч кранов, и мы тогда отдадим его тебе». Купец сказал: «очень хорошо, я дам!» Он дал солдатам сто тысяч кранов, взял юношу и отвел его на судно.

Когда купец отвел его туда, он сказал ему: «теперь ложись, я тебя убью!» Юноша спросил: «за что ты хочешь меня убить?» Купец сказал: «я тебя убью, чтобы твоей кровью смазать поверхность судна, и тогда оно двинется в путь». Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе сдвину это судно». Купец сказал: «очень хорошо, ты мне только заставь двигаться это судно, и я тебе больше ничего не сделаю!» Юноша взял и порезал себе палец. Из пальца пошла кровь. Он взял эту кровь, помазал ею поверхность судна, и судно тотчас двинулось в путь. Этот нечестивый купец взял с собой юношу и сделал его своим приказчиком.

Прошло некоторое время. Этот купец отправился к царю. Когда он пришел к царю, царь призвал всех своих правителей и наместников, призвал также своих мулл и сказал: «вот какой сон я видел прошлую ночь!» Правители и наместники сказали: «что за сон?» Царь сказал: «прошлую ночь я спал и видел во сне, что передо мной сорок чаш; я сидел тут же и увидел, что пришло

čil siyáen tūlá ātant, amé kāságānā čatítant. amé wābā̈i̯ māníyā šmā pa man bgúšit. amé wazīl u wakīl gúštant: amā́ e wābā̈i̯ māníyā na zānán. amé tajār gúštī ki man yak zā́ge dārín, amā́ mnī zāg a-zānt. amé pādišā́ gúštī ki nápa ta bā́ndā watí zāgā́ biyār. amé tajār šut bi watí gisā́.

tāríenā amé watí zāgā́ zurt u āúrt bi pādišā́āyā. amé pādišā́ go amé zāgā́ gúštī ki ä̈i̯ bābā́ man doší wābe distág un. amé zāg gušt: ǰuwānén wābe! ame pādišā́ gúštī: man wāb dístun tā man amídā ništág un, amé mnī demā́ čil kāság ast. amé kāságānā čil tūlá ātant, ar tūláe yak kāságä̈i̯ demā́ čatítant. amé zāg gúštī: agár man bgúšīn, ta yā mnā pkúšä̈i̯ yā tīr-bārā́n a-kanā̈i̯. amé pādišā́ gúštī ki man ič waxt trā na kušín wa trā tīr-bārā́n am na kanín, amé watí ǰiníkā bi ta am dä̈ín. amé zāg gúštī: ä̈i̯ pādišā́ γábli ālám, ta dā́rä̈i̯ čil ǰinén wa čil gulā́m, amé tī ar ǰinén go yak gulā́m ant. amé pādišā́ gúštī: man bā́ndā watí muzū́rānā gušín ki amé mnī ǰinénānī pānā́dā bgírant, agár rāst būt ki mnī ǰinén go amé gulā́mān átant, gúḍā man watí ǰiníkā bi ta dä̈ín. agár rāst na būt, gúḍā man trā kušín. amé zāg š-amídenā šut bi watí gisā́.

yak cunt waxt gwast. amé pādišā́ go watí muzū́rān gúštī: šmā maróčī amé mnī ǰinénānī padā́ bgirít ki go ešā́n ānčén kā́re ast. amé muzū́r šútant, amé pādišā́ä̈i̯ ǰinénānī pānā́dā gíptant. amé ki roč pešín būt, amé pādišā́ä̈i̯

сорок черных щенят и они стали лизать эти чаши; скажите мне значение этого сна!» Правители и наместники сказали: «мы не знаем значения этого сна!» Купец сказал: «у меня есть один юноша, этот юноша знает!» Царь сказал: «ну, так приведи завтра своего юношу!» Купец пошел домой.

На утро он взял своего юношу и привел к царю. Царь сказал юноше: «сынок, я прошлую ночь видел сон!» Юноша сказал: «хороший сон!» Царь сказал ему: «я видел во сне, что я здесь сидел, а передо мной сорок чаш: пришло сорок щенят, и каждый щенок облизал одну чашу». Юноша сказал, «если я скажу, ты меня или убьешь или расстреляешь!» Царь сказал: «я не только не убью тебя и не расстреляю, но даже выдам за тебя свою дочь». Юноша сказал: «о царь, средоточие мира, у тебя есть сорок жен и сорок невольников, и каждая из твоих жен в общении с одним невольником!» Царь сказал: «я завтра скажу своим наемникам, чтобы они последили за моими женами, и если окажется справедливым, что мои жены были с моими невольниками, я выдам за тебя свою дочь; если же окажется неправда, тогда я тебя убью». Юноша пошел отсюда домой.

Прошло некоторое время, и царь сказал своим наемникам: «сегодня последите за моими женами, потому что с ними вышло такое дело!» Наемники пошли и стали следить за царскими женами. Когда уже прошел полдень,

ǰinén ā́tant, gírdī yak ǰā būtant, amé gulā́m am gírdī ā́tant, yak ǰā bū́tant. ar gulā́me yak ǰinénä̯i dastā́ gíptant u šútant pa mailā̯. amé pādišā́ä̯i muzū́r ki dístant, ā́tant, go pādišā́ gúštant ki amé abár ki amā́ zāg gū́štī, rāst int: tī ǰinén ar yáke go yak gulā́m ant. amé pādišā́ gušt go watí muzū́rān ki šmā bráit, amā́ zāgā́ biyārit. amé muzū́r ā́tant pa amé zāgā́i̯ padā́, ā́tant bi gisā́i̯š, go amé zāgā́ gúštant ki trā pādišā́ guštagí: biyā́. amé zāg u amé taǰā́r u amé muzū́r gírdī ā́tant. ān-čo ki ā́tant, sar bū́tant bi pādišā́ä̯i gisā́, salā́m u alā́i̯k kúrtant. wašāmád ki kúrtant, amé pādišā́ go amé zāgā́ gū́štī ki amā́ abáre ki ta dā́tä̯i, amā́ abár rā́st int-a u man am watí γaulā̯ na prošín, amā́ ḍol ki go ta gū́štun, amā́ ḍol am kanín, watí ǰiníkā bi ta am daín.

amé pādišā́ loṭít amé watí maxlū́kānā. maxlū́k gírdī ā́tant, ǰám bū́tant. pādišā́ gū́štī: man watí ǰiníkā bi amé zā́gā dä́ín. watí dolčī́nānā gū́štī: šmā dol bǰā́nit, kasābā́nā gū́štī: šmā pas pkū́šít, āšpázānā gū́štī: šmā gošt pačít, nānwā́nā gū́štī: šmā nān pačít, dārkā́šānā gū́štī: šmā dār biyārit. bi amé yak damā́ nān ǰóḍ kurtant. maxlū́k nān wártant wa oštā́tant bi čāpā́, čā́p kúrtant. maróčī amé zāgā́ gis dā́tant, säyumíen roč ki purá būt, amé taǰā́r du asp zurt u āū́rt, pa watí zāgā́i̯ padā́ ā́tī, go pādišā́ gū́štī ki man maróčī watí zāgā́ barín. amé pādišā́ gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int, brawā́n ki man

---

царские жены пришли и собрались все в одном месте, а эти невольники также все пришли и собрались, и каждый из невольников взял руку одной из жен, и они пошли развлекаться. Когда наемники это увидели, они пришли к царю и сказали: «то, что сказал тот юноша, правда: каждая из твоих жен в общении с невольником!» Царь сказал своим наемникам: «пойдите и приведите того юношу!» Наемники пошли за юношей, пришли к нему и сказали: «царь сказал, чтобы ты пришел». Юноша с купцом и наемники, все пришли. Когда они подошли и дошли до царского дома, они обменялись приветствиями. После приветствий царь сказал юноше: «то, что ты сказал, правда! я тоже не нарушу своего слова, и как я тебе сказал, так и сделаю: я выдам за тебя свою дочь!»

Царь созвал своих подданных. Весь народ пришел и собрался. Царь сказал: «я выдаю свою дочь за этого юношу!» Барабанщикам он сказал: «бейте в барабаны!» мясникам сказал: «режьте скотину!» поварам сказал: «варите мясо!» пекарям сказал: «пеките хлеб!» дровосекам сказал: «таскайте дрова!» В один миг приготовили угощение. Народ поел и пустился в пляс. В этот день юношу оженили, а когда исполнился третий день, тот купец взял и привел двух лошадей и пришел за своим юношей. Он сказал царю: «сегодня я возьму своего сына!» Царь сказал: «очень хорошо, пойдем, я тоже попрощаюсь со своей

am go watí ǰiníkā ruxsatí pkanín. amé taǰā́r u pādišā́ ā́tant pa amé zāgā́i̯ padā́. amé ki ā́tant bi amé zāgā́i̯ gisā́, wašāmáde kúrtant. amé pādišā́ pursít ki mubārák bīt šmä̂i̯ arūsí! amé zāg ǰawā́b dāt ki salāmát bīt šmä̂i̯ sar! yak katráe níštant, amé taǰā́r gúštī ki ä̂i̯ bābā́, man ā́tag un ki tī gísā barín, amé tī wasírk ātagí ki watí ǰiníkā rādág pkant. šmā zū́tẹ pkánit, watí gisā́ bḍalénit tānā́xten. amé zāg watí gisā́ ḍaléntant, watí ǰulā́nā gíptant, bi amé aspā́nī sarā́ kúrtant. amé pādišā́ burt, watí ǰiníkā, rādágī kurt u amé watí ǰiníkä̂i̯ demā́ čukít wa íštī tā šut.

amé ki š-amídā šútant, bi rā́ä̂i̯ nemā́gā dístant tā amídā yak róde. amé zāg u amé ǰinikó u amé taǰā́r gírdī tunā́g bū́t-atant, gā́štant pa tā́se. amé ǰinikó gúštī ki tā́se ast, bi amā́ mazā́nen sundū́xä̂i̯ tā int. amé taǰā́r gúštī: ä̂i̯ bābā́, ta bra amé sundū́xä̂i̯ tā, amé tāsā́ biyā́r. amé zāg ki putrít bi sundū́xäi tā, yak wār amé taǰā́r gipt, amé sundū́xä̂i̯ dapā́ bast u amé sundū́xä̂i̯ bandā́nā gipt u burt bi amé rodā́i̯ tā prent. amé ǰiníkā zurt u āúrt bi watí gisā́. yak čunt waxt bū́tī. amé taǰā́r watí gisā́ ša amé rodā́ ā́škā burt. amé zāgā amé rod burt.

pa amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgā́n yak ǰū́e ā́p a-bárt, amé sundū́x a-rā̂u̯t bi amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgā́n, amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ bāgwā́n a-gindít tā ap čo ušk būt. amé watí pīrazā́len ǰinénā gúštī ki āp čo ušk būt, mán a-rä̂ín démi amé āpā́, ta am biyā́. amé pīramárd u amé pīrazā́l š-amídā ā́tant. amé ǰūwā́i̯

дочерью!» Купец и царь пошли за юношей. Когда они пришли к нему в дом и поздоровались, царь сказал: «да благословится ваша свадьба!» Юноша ответил: «да будет благополучие над вами!» Они немного посидели, и купец сказал: «ну, сынок, я пришел перевезти твою семью, а твой тесть пришел проводить свою дочь, поторопитесь и соберите пока свое хозяйство!» Юноша (с женой) собрали свое хозяйство, взяли свои пожитки и нагрузили на лошадей. Царь вывел свою дочь, проводил ее, поцеловал ее в лицо и пустил ехать.

Когда они отсюда отправились, на пути они увидели реку. Юноша и девушка и купец, все они хотели пить и стали искать чашку. Девушка сказала: «есть чашка! она в большом сундуке!» Купец сказал: «сынок, сходи-ка в тот сундук, достань чашку!» Когда юноша проник в сундук, купец вдруг взял и закрыл крышку сундука. Он взял сундук за ремни, отнес его и бросил в реку, а девушку взял и привез к себе домой. Прошло некоторое время. Купец переселился на ту сторону реки. Юношу унесло рекой.

В сады брата юноши выводит воду один канал, и этот сундук плывет в сады брата юноши. Садовник брата юноши видит, что вдруг вода высохла. Он сказал своей старой жене: «что это вода высохла! я пойду к воде, и ты тоже

kirrá āúrtant, dístant amānī́ sundū́xe bi amé ǰūwákäi̯ dapā́ band giptagī́. amé pīrazā́l u amé pīramárd gā́l kurtant, zū́tẹ kúrtant, ā́tant, amé sundū́xā ša amé ǰūwákäi̯ tā kašítant wa búrtant bi watí gisā́. ódinā ki búrtant, amé sundū́xäi̯ dapā́ páč kurtant, dístant tā amé sundū́xäi̯ tā yak zā́ge ništagī́. pīramárd amé zāgā́ pursítī ki trā käi̯ amé sundū́xäi̯ tā kurtagī́ u prentagī́ bi apā́i̯ tā? amé zāg guštī: mnā āñčén mardúme prentagī́, šmā awálā pa man, agár nān dā́rit, yak káme biyā́rit. amé pīrazā́l šut, zū́tī kurt pa amé zāgā́ nā́n ǰóḍī kurt wa āúrt, amé zāgā́ dāt. amé zāg gúštī ki šmā mnā ša amé sundū́xäi̯ tā dár pkánit. amé pīramárd u amé pīrazā́l amé zāgā́i̯ dastā́ gíptant, ša amé sundū́xäi̯ tā dár kurtant wa búrtant bi watí gisā́. ódinā ki búrtant, amé nānā́nā āúrtant bi amé zāgā́i̯ demā́ dā́tant. amé zāg amé nānā́nā wártī. yak katráe digár būt, amé zāgā́ pa duwārā́g amé pīramárd pursítī ki ta go amā́ bguš, trā käi̯ bi amé sundū́xäi̯ tā kurtagī́ wa čon bi āpā́i̯ tā prentagī́? ame zāg ǰawā́b dā́tī... anū́n man šmā rā gušín ki ar waxt amé pādišā́äi̯ ǰārčín tawā́r kurt ki ič kas pa kārā́ ma rå̯t ki bā́ndā amé taǰā́räi̯ arūsíy a-bīt, gúḍinā šmā mnā bárit, bi amé pādišā́äi̯ pānā́dā, bílit. amé pīramárd gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int.

karā́r tāríenā būt, amé zāgā́i̯ brāsā́i̯ ǰārčín ǰār ǰat ki bā́ndā ič kas pa kārā́ ma rå̯t ki taǰā́räi̯ arūsíy a-bīt. tāríenā būt, amé pīramárd amé

иди!» Старик и старуха пошли, обошли кругом канала и увидели, что какой-то сундук застрял при входе в канал. Старик и старуха обрадовались заторопились, вытащили сундук из канала и отнесли домой. Когда они его отнесли и открыли крышку сундука, они увидели, что в сундуке сидит юноша. Старик спросил юношу: «кто тебя поместил в сундук и бросил в воду?» Юноша сказал: «меня бросил такой-то человек, но сначала, если у вас есть хлеб, дайте мне немного!» Старуха пошла, заторопилась, приготовила юноше хлеба и принесла. Юноша сказал: «высвободите меня из сундука!» Старик и старуха взяли юношу за руки, высвободили его из сундука и отвели к себе домой. Когда они его туда отвели, они принесли хлеба и поставили перед юношей. Юноша поел. Прошло немного времени, и вторично старик спросил юношу: «скажи нам, кто тебя поместил в сундук и как бросил в воду?» Юноша отвечал:... (*следует изложение всех приключений юноши*) «...теперь же я говорю вам, что как только царский глашатай провозгласит, чтобы никто не шел на работу, потому что на утро будет свадьба того купца, тогда вы меня отведите к царю и оставьте там!» Старик сказал: «очень хорошо».

Итак, наступило утро. Глашатай брата юноши провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что будет свадьба купца.

zāgā́i̯ dastā́ gipt u burt, bi amé pādišāā́i̯ pānā́dā nādént. ān čoš ki wašāmáde kúrtant, amé zāg go pādišā́ gúštī: ā́i̯ pādišā́, γábli ālám, man pa ta yak asmānáke gušín. amé pādišā́ gúštī: bguš. amé zāg gúštī: būt na būt, ša mašmā́i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādišā́e at. amé pādišā́ dāšt šaš zāg. čā́rā gísī dāt, dúi digárā gísī na dāt. amé pādišā́ bi watí ošā́ kapt wa íčī na gúštī. amé kāpéren taǰā́r gúštī: ta mnā zū́tẹ pkan, gis bdā́i̯. amé pādišā́ gúštī: ta yak wār sabr pkan...

karā́r amé zāg amé naklā́ am gúštī, amé ḍā́u̯l am gúštī ki man go ta gúštun. gúḍā gúštī: amā́ tī brās am mán un, améš am amā́ taǰā́r int, anū́n ta ar číyă kanā́i̯, amé taǰā́rā wa amé watí pai̯rā́nā, pkan. karā́r amé pādišā́ wat rā prent bi amé zāgā́i̯ guṭā́ wa grétī. yak wār go amé watí muzū́rān gúštī: šmā brā́it, amā́ salātā́nā pkúšit. amé pādišāā́i̯ muzū́r š-amédinā šútant, amā́ salātā́nā kúštant wa wat padoí ā́tant. ān čoš ki padoí ā́tant bi pādišāā́i̯ gisā́, yak wār amé pādišā́ amé watí muzūrā́nā gúštī: šmā anū́n amé kāpéren taǰā́rā bgírit, pkúšit wa go naptā́ bun dā́itī, amé dau̯látā́i̯ bgírit, bárit bi amé mnī bāgwā́nā bdā́it. karā́r amé muzū́r šútant, amé taǰā́rā gíptant, kúštant wa go naptā́ bun dā́tant, amé dau̯látā́i̯ búrtant bi amé bāgwā́nā dā́tant. amé zāgā́ pa duwārā́g gis dā́tant. man š-amódinā ǰístun, ā́tun pa wat imā́ne āúrtun, pa ta dištáre āúrtun.

На утро старик взял юношу за руку, повел и посадил около царя. Когда они обменялись приветствиями, юноша сказал царю: «о царь, средоточие мира, я расскажу тебе сказку!» Царь сказал: «говори!» Юноша сказал: «было ли, не было ли, никого не было лучше нашего с вами бога. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей, четверых он женил, а двоих других не женил». Царь задумался и ничего не говорил, но этот нечестивый купец сказал ему: «поспеши с моей свадьбой!» Царь сказал: «подожди немножко!» (*следует вторичный рассказ о всех приключениях юноши*).

Итак, юноша рассказал свои приключения точно так же, как я тебе рассказал. Потом он сказал: «этот твой брат — я, а он — тот купец! теперь делай с купцом и с той своей стражей все, что ни сделаешь!» Царь бросился на шею юноше, заплакал и сказал своим наемникам: «идите и убейте тех солдат!» Царские наемники пошли отсюда, убили тех солдат и пришли обратно. Как только они вернулись в царский дворец, царь сказал им: «теперь схватите этого нечестивого купца, убейте его и сожгите на нефти, а его имущество возьмите, отнесите и отдайте тому моему садовнику!» Наемники пошли, схватили купца, убили его и сожгли на нефти, а его имущество отнесли и отдали садовнику. Юноше вторично справили свадьбу. Я оттуда выскочил, пришел, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XIV

būt na būt, ša mašmā̆i̯ xudā́ getír káse na būt. yak pādšā́e at. e pādšā́ dā́št sā̆i̯ zāg. du zā́gī mās dā́štant, yak zā́ge mās na dā́št. yak róče būt, amé sā̆i̯ zā́gī mazán bū́tant wa go watī́ pisā́ gúštant ki ā̆i̯ bābā́, amā́ rā sáre yak asp bdā̆i̯ ki amā́ suwā́r bayán. pādšā́ gúštī ki man kadé ša šmā̆i̯ demā́ gíptun? ā šumā́, ā asp! bráit, pa wat asp bgírit. e šútant, pa wat sāre yak asp gíptant. amā́ duén zāg ki mās dā́štant, pa wat ǰuwānén asp gíptant. amé be-mā́sen zā́gī pa wat yak pīrakī́en áspe gipt. amā́ māsī́en zāgā́nī asp bai̯raγī́en átant. mudā́m bi ar ǰā pa bai̯ráγā búrtant. ĕsī́ asp mudā́m elá at.

yak róče būt, ešī́ asp bi zānkā́ būt. e watī́ aspā̆́ padā́ gipt. ešī́ asp š-amédā šut u šut bi yak ǰā́e, bi yak daryā́bā̆ pānā́dā šut. e asp watī́ kūnā́ bi āpā́ ǰat ki bzā̆i̯t. ā́nčo ki zāt ki kurágā̆i̯ pād dár ātant, e kurágā̆ yak dastā́ amé zāg gipt, yáke digá ša āpā̆́i̯ tā kurrágā̆i̯ pādā́ gipt. e pa wat kā́šī kurt, ā pa wat kā́šī kurt. e gušt ki bil, ā pa wat gúštī: bil. e gúštī ki ta bil. ā ki āpā̆́i̯ čérā at, gušt ki ta sātitága na kanā̆́i̯! e gúšṭī ki man pādišā́ā zāg baín, man sātitága na kanīn! amā́ ki āpā̆́ čérā at, gušt: ǰuwā́n

---

(XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына. У двоих из его сыновей была мать, а у одного матери (в живых) не было. Настал день, когда трое его сыновей выросли и сказали отцу: «батюшка, дай нам каждому по лошади, и мы будем ездить верхом!» Царь сказал: «когда я отказывал вам? вот вам лошади! идите и выбирайте!» Они пошли и взяли себе каждый по лошади. Двое сыновей, у которых была мать, взяли себе хороших лошадей, а сын, у которого не было матери, взял себе старую лошадь. Лошади тех сыновей, у которых была мать, были скакунами, всегда всюду скакали и получали призы, а его лошадь всегда паслась на воле.

Однажды его лошадь стала жеребой, и он стал следить за своей лошадью. Его лошадь пошла и пошла, пришла в одно место на берегу реки и пригнула к воде свой зад, чтобы ожеребиться. Как только она ожеребилась, и ноги жеребенка очутились снаружи, юноша взял жеребенка за переднюю ногу, но кто-то изнутри воды схватил жеребенка за заднюю ногу. Он стал тащить к себе, а тот тащил к себе. Он сказал: «пусти!» и тот сказал: «пусти!» Он сказал: «ты пусти!» Тот, кто был под водой, сказал: «ты не сможешь его уберечь!» Он сказал: «я царский сын, и не смогу его уберечь!» Тот, кто был под водой, сказал:

int, nápa bar! magár tā sī roč eší rā siyǟen pasǟi̯ šīr bdäi̯. e gušt: nápa ǰuwān int, mán a-barín, däín. e š-amédā burt bi watí gẹsā́. ódenā tā sī roč siyǟen pasǟi̯ šírī dā́tī. amé kurág bi yak sāáttā apt rangā́ gašt. e duén zāgā́nī mās ki e kurágā dístī, watí dilā́ gū́štī: man go eší kā́r dārín.

e zā́g mudā́m bi maktábā wā́ntī. ar waxt ki alā́s a-bū́t, demtírā bi kurā́gä̯iyā kāt.

yak róče amé duén zāgā́nī mās gū́štī ki man pa eší nān ǰóḍ a-kanín wa nānā́nī tā zā́r a-rečín ki ā́nčo buwárt, mirít ki kurág mānít pa mnī zāgā́n. amé atímen zāg maróčī ša maktábā ā́tī bi watí gẹsā́, awā́lā ā́tī bi kurágäyā. amé kurág gū́štī ki tī mātó pa ta nān tayā́rī kurtā́ī, ta bra, íčī ma guš, ā wat tī dastā́nā šodít, nānā́nā kārít, ta awā́lā ma war, du daγīγá sabr pkan, yak pišíke kǟi̯t, awā́lā ta amā́ pišíkā yak lunkáen nā́ne bdā̃, dístā̃ ki na murt, gū́ḍā bor. e gušt: ǰuwā́n int. amé zāg š-amédā šut bi watí gisā́, ódenā eší mātó pa eší nān āúrt. eší dastā́nā šū́štī wa gū́štī: anū́n watí nānā́ bor. e sā́lī kurt ki pišík bāt, yak sā́ªte digá būt, pišík āt. e yak lunkáen nā́ne írrī dāt bi pišíkā demā́. e pišík ki wā́rtī, murt. e zāg nānā́nā gipt, írrī dāt bi watí mātóā demā́. eší mātó íčī na gušt, watí nānā́nā zurt

---

«хорошо, бери! только тридцать дней давай ему молока от черной овцы!» Он сказал: «хорошо, я возьму и буду давать!» Он повел его отсюда к себе домой и там тридцать дней давал ему молока от черной овцы; жеребенок в один час сменил семь цветов. А мать тех двух сыновей, как только увидела этого жеребенка, так про себя сказала: «я уж с ним разделаюсь!»

Этот юноша постоянно учился в школе, и каждый раз, когда освобождался, сначала шел к жеребенку.

Однажды мать тех двух сыновей сказала: «я приготовлю для него хлеб и положу в него яду: он поест и умрет, и жеребенок достанется моим сыновьям». В этот день этот осиротелый юноша вернулся домой и сначала пошел к жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха приготовила для тебя хлеб; ты иди и ничего не говори! она сама помоет тебе руки и принесет хлеб, но ты сначала не ешь, а потерпи минуты две; потом подойдет кошка, и ты сначала дай кусок кошке, и если увидишь, что она не умерла, тогда ешь сам!» Он сказал: «хорошо!» Юноша отсюда пошел домой. Там мачеха принесла ему хлеб, помыла ему руки и сказала: «теперь ешь свой хлеб!» Он подождал, чтобы подошла кошка. Прошло немного времени, и кошка подошла. Он бросил кусок хлеба кошке. Как только кошка поела, так тотчас умерла. Он взял хлеб и швырнул его своей мачехе. Его мачеха ничего не сказала, взяла свой хлеб,

u burt, írrī dāt bi giyābā́nā. e zāg šut, ša bāzā́rā pa wat nān zítī u wā́rtī. pa duwārā́g šútī bi watí maktábā, watí sabáxā buwā́nīt.

bāz tāríenā ešī́ mātó watí dẹlā́ pígrī kurt. gū́štī: man marṓčī bi watí gẹsā̄ dapā́ yak čā́e ǰanín ki ša man dūr bīt, bẹ me čā́ā tā pkapít. eš yak čā́e bi watí gẹsā́i̯ dapā́ ǰat wa yak kā́me xašpā́l bi sarā́i̯ ret wa γālī́nā bi sarā́i̯ prent wa íštī. yak sā́t digā́r būt, amé zāg ša watí maktábā āt. awā́lā bi kurā́gäyā āt, dístī tā amé kurā́g a-grét. e gū́štī: ǰā́ni man, imā́ni man, pa če grewā́i̯? kurā́g gušt: ä́i̯ ādamí, tī mātó pa ta marṓčī ódenā bi šmā̄ gisā̄ dapā́ yak čā́e ǰant, bi čā́ā sarā́ ya kā́me ā́k a-rečít u ya kā́me xašpā́l a-rečít u γālī́nā bi sarā́yā prenít. ta ki ā́nčo šútāi̯, š-amé gẹsā̄ dapā́ kúp kan, ša čā ā́škā pren. ā wā́t a-gušít ki ta pa če e ḍól a-kanā́i̯? ta bguš ki maktabíen zāg múčī amé ḍól a-kanā́nt. zāg gū́štī: nā́pa ǰuwā́n int. e š-amédā šut bi watí gẹsā́. ā́nčo ki š-amé gẹsā̄ dapā́ ki rast, kúpī kurt, ā́škā prent. ešī́ mātó ešī́ rā gū́štī: ä́i̯ māsí, ta pa če e ḍól a-kanā́i̯? e gū́štī ki man ša maktabíen zāgā́n a-zūrín. e š-amédā šut, watí nānā́nā wart, pa duwārā́g padoí āt wa šut bi watí maktábā.

ešī́ mātó watí dẹlā́ pígrī kurt. amé mullā́nā múčānā loṭítī wa go ešā́n gū́štī ki man šmā rā mardúme sat tumā́n zā́r a-dā́in, amé ki pādišā́ āt, šmā

отнесла его в степь и бросила. Юноша пошел на базар, купил себе хлеба, поел, и опять пошел в школу заниматься своими уроками.

На утро его мачеха стала размышлять и сказала про себя: «сегодня я вырою колодец при входе в дом, чтобы он свалился в этот колодец, когда будет еще вдали от меня». Она вырыла колодец при входе в дом, а сверху насыпала соломы, набросила ковер и так оставила. Прошло некоторое время. Юноша вернулся из школы, пошел сначала к жеребенку, увидел, что жеребенок плачет, и сказал ему: «душа моя, мое благополучие, что ты плачешь?» Жеребенок сказал: «о человеческое существо! сегодня твоя мачеха при входе в дом выроет для тебя колодец, насыпет на него сверху немного песку и соломы и набросит сверху ковер; когда ты пойдешь, ты сделай прыжок через вход в дом и перепрыгни через колодец; она скажет: „зачем ты так делаешь?“ ты скажи: „все школьники так делают!“ Юноша сказал: «ну, хорошо!» Он пошел отсюда домой, и когда дошел до входа в дом, сделал прыжок и перепрыгнул на ту сторону. Его мачеха сказала ему: «что ты, сынок? зачем так делаешь?» Он сказал: «я научаюсь от школьников!» Он прошел, поел свой хлеб, вернулся и опять пошел в свою школу.

Его мачеха стала размышлять. Она созвала всех мулл и сказала им: «я дам вам каждому по сто туманов, а когда вернется царь, вы скажите:

bgúšit ki tī ǰinén nā-ǰóḍ int. ā wát a-gušít ki pa eší čé zabr int? e go mullā́n gúštī ki man bi watí pālúnkān lawā́š a-bandínušk-uškén ki pādišā́ ā́t, šmā bgúšit ki pa eší ā́bi-daryābíen aspā́i̯ kurágäi̯ post zábr int. e mullā́ gúštant ki zabr int. amé ki pādišā́ ā́tī, dístī tā mnī ǰenén nā-ǰóḍ int. e pādišā́ gúštī ki trā če būtā́ī ki ta nā-ǰóḍ būtágäi̯? ā gúštī ki man pālúnk-prós būtág un. e pādišā́ mulā́nā loṭít ki mnī ǰinén pa če nā-ǰóḍ būtagí. e gúštant ki tī ǰinén pālúnk-prós būtagí. pādišā́ gúštī ki pa mnī ǰinénā če zabr int? e mullā́ gúštant ki pa tī ǰinénā ā́bi-daryābíen aspā́ kurág zabr int. e gúštī ki édā kai̯ ā́bi-daryābíen kuráge dārít? e mullā́ gúštant ki tī zāg dārít. e gušt ki nápa bāz ǰuwā́n int. man āe rā gušín ki watí kurágā bdant. gúštant ki ta bra, go watí zāgā́ bguš ki ā watí kurágā dant yā na. agár dā́tī, ta pkúšī, postā́i̯ bar, bi watí ǰinénā́ gwarā́ bdäi̯, ā ki watí gwarā́ pkant, gúḍā zábr a-bít. agár na dā́tī, gúḍā drūā́ na bīt. ta yak kā́re pkan ki amé ā́bi-daryābíen aspā́i̯ kurágäi̯ post bāz zábr int. e pādišā́ gúštī: mán a-raín, āe rā gušín, agá ā watí kurágā bdant. e š-amédā šut bi watí zā́gäyā ki āí kurágā bzint.

āí zāg demtírā ā́t-atī bi watí kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó watí pālúnkānā lawā́š bastagí ki man nā-ǰóḍ un ki mnā ša tī dastā bgīt

---

„твоя жена больна!“ тогда он спросит: „что может ей помочь?“» Она еще сказала муллам: «я привяжу к своим ребрам сухарей, сухих-пресухих, и когда царь придет, вы скажите, что ей поможет кожа жеребенка от водяной лошади». Муллы сказали: «хорошо!» Когда царь пришел, он увидел, что его жена больна. Он сказал: «что́ с тобой случилось, что ты заболела?» Она сказала: «у меня разлом ребер». Царь потребовал мулл: почему, мол, моя жена заболела? Они сказали: «у твоей жены разлом ребер». Царь сказал: «что может помочь моей жене?» Муллы сказали: «ей может помочь жеребенок от водяной лошади». Он сказал: «у кого здесь есть жеребенок от водяной лошади?» Муллы сказали: «у твоего сына». Он сказал: «ну, хорошо, я ему скажу, чтобы он дал своего жеребенка». Они сказали: «ты сходи и спроси у своего сына, даст он своего жеребенка или нет, и если даст, ты его убей, а его кожу отнеси и приложи к груди своей жены, и когда она приложит ее к своей груди, она поправится. Если же он ее не даст, она не поправится. Ты уж как-нибудь постарайся, потому что эта кожа жеребенка водяной лошади очень полезна!» Царь сказал: «я пойду и спрошу у него, даст ли он своего жеребенка!» Он пошел к своему сыну, чтобы взять его жеребенка.

А его сын уже раньше пришел к своему жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя мачеха навязала себе сухарей на ребра: я, мол, больна! чтобы меня

wa pkušīt. agár mnā kúštant, tī xat korā́ int, tī pis maróčī kāi̯t bi^{t} tíyā ki äi̯ bābā́, watí kurágā bdäi̯ ki tī mās bāz nā-jóḍ int. ta bguš ki kurág pa tī sarā́ xai̯rát bīt, ā tá, ā kurág. ā ki bi mníyā ā́tī, man ašt sidág a-ǰanín. bi awalíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā démi mán a-kāi̯t, bi dūmíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā bi mníyā ā́tī, bi säi̯míen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā ša mīyā́ páč a-kánt, bi čārumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā rādág a-kánt démi āpā́, bi pančumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā burt pa kuštínā, bi šašumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnī dast u pādā́nā bandít, bi aptumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā pātiyá kanánt, bi aštumíen šidágā ta bzā́näi̯ ki ā mnā kušánt, agár ta wat rā bi aštumíen šidágā raséntäi̯, mnā baräi̯, agár na raséntäi̯, man ša tī demā́ räín u mnā kušánt, trā am kušánt. e čorí gúštī ki bāz ǰwān int-a, mán a-raín bi watí maktábā. e gušt: nápa bra wa tī goš amíngūr bīt. ā gušt: nápa bāz ǰuwā́n int. eš š-amídā šut bi watí maktábā.

amé ki rādág būt, yak wār amé písī bi demā́i̯ dár ā́tī wa gúštī ki äi̯ bābā́, watí kurágā bdäi̯ ki tī mās bāz nā-joḍ int. e gúštī ki bra, bābā́, ā tá wa ā kurág, pa tī sarā́ xai̯rát bīt, bra, bárī. e pādišā́ š-amídā šut bi kurágäyā. yak wār amé kurág yak šidáge ǰat. amé zāg bi watí maktábā wā́ntī. gúštī go watí mullā́ ki äi̯ mullā́, adáb! mullā́ gušt ki malhún

---

взять от тебя и убить, а если меня убьют, то погубят и тебя. Сегодня придет к тебе твой отец: отдай, мол, сынок, своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна! и ты скажи: „пусть жеребенок будет жертвою ради тебя! вот тебе жеребенок!“ Когда он подойдет ко мне, я восемь раз испущу ржание. При первом ржании знай, что он подходит ко мне; при втором ржании знай, что он уже подошел ко мне; при третьем ржании знай, что он меня отвязывает от коновязи; при четвертом ржании знай, что он меня ведет к воде; при пятом ржании знай, что он меня повел убивать; при шестом ржании знай, что он мне связывает ноги; при седьмом ржании знай, что читают молитву; при восьмом ржании знай, что меня убивают. Если ты при восьмом ржании подоспеешь, ты меня уведешь; если же не подоспеешь, я от тебя уйду, и меня убьют! и тебя также убьют!» Юноша сказал: «очень хорошо, я пойду в свою школу!» Жеребенок сказал: «ну, иди, но твои уши пусть будут здесь!» Он сказал: «очень хорошо!» и пошел отсюда в свою школу.

Как только он туда направился, его отец вышел к нему и сказал: «сынок, отдай своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна!» Он сказал: «иди, батюшка, жеребенок твой! пусть он будет жертвою ради тебя! иди и возьми его!» Царь пошел отсюда к жеребенку, и тотчас жеребенок заржал; а юноша уже занимался в школе. Он сказал своему учителю: «учитель,

bitáb! pa duwārág amé kurág yak digá šidáge ǰat. e gúštī: mullā́, adáb! mullā́ gúštī: malhun bitáb! e gda gaštā́ ki yak šidáge ǰat, e gúštī ki äi̯ malhúnen mullā́, trā gušín: adáb! édā ki búrtantī bi āpā́i̯ sarā́, e yak digá šidáge ǰat. e zāg gúštī: äi̯ mullā́, man trā gušín ki adáb! e mullā́ gúštī ki malhún bitáb! amé ki čārumíen šidágā ǰat, e gušt: äi̯ kāpár-dílen mullā́, tī dil kap bīt, man trā gušín ki adáb! e mullā́ gúštī ki bi sabáxäi̯ waxtā́ abár dātága na bīt. e gúštī: nápa man go ta kār dārín. e gúštī ki šāgírd go mullā́ īč waxt abár dātága na kant. bi pančumíen šidágā amé čorīká gúštī: äi̯ mullā́, adáb! e gúštī: malhún bitáb! eš amā́ int íčī na gúštī. bi aštumíen šidágā gušt ki äi̯ mullā́, adáb! e gúštī ki malhún bitáb! amé zāg e mullā́ gúštī: äi̯ mullā́, ta mnā agár nā́i̯läi̯, man go ta kār dārín. amídā amé zāgā́i̯ pānā́dā yak āptāwáge ér at. amé āptāwágā zúrtī, ǰat bi mullā́äi̯ sarā́ u š-amídā ǰístī wa šútī.

am amé sarabún[a] ātant ki e kurágā pkúšant. tawā́rī kurt ki xabardā́ri šmā bīt, yak wār bóštit ki man sar bäín. eš oštā́tant. ā ki ā́tī wa gúštī: äi̯ bābā́, man pa e aspā́ zāmát bāz kašitág un, yak wār ta bi man bdäi̯ ki man suwā́r a-baínī. e pādišā́ gúštī ki bra, bābā́, suwā́r bäi̯ watí kurágā ki tī

благопристойность!» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Вторично жеребенок испустил ржание. Он сказал: «учитель, *благопристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда еще раз раздалось ржание, он сказал: «эй, *ошибочный* учитель, говорю тебе: *благопристойность!*» Когда жеребенка повели к воде, он еще раз заржал. Юноша сказал: «учитель, я тебе говорю: *благопристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда четвертый раз раздалось ржание, он сказал: «жестокосердый учитель, пусть расколется твое сердце! говорю тебе: *благопристойность!*» Учитель сказал: «нельзя разговаривать во время урока!» Он сказал: «ну, так я с тобой разделаюсь!» Тот сказал: «ученик с учителем никогда не разговаривает!» При пятом ржании юноша сказал: «учитель, *благопристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Больше он ничего не говорил. При восьмом ржании он сказал: «учитель, *благопристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Юноша сказал учителю: «учитель, если ты не отпускаешь меня, я с тобой разделаюсь!» Около юноши стоял кувшин для воды. Он схватил этот кувшин и бросил его в учителя, а сам выскочил и побежал.

Уже подходили, чтобы убить жеребенка. Он закричал: «внимание! подождите, пока я подойду!» Они остановились. Как только он подошел, он сказал: «батюшка, ради этой лошади я понес много трудов! позволь мне разок посидеть на ней!» Царь сказал: «иди, сынок, и садись на своего жеребенка,

dilā́i̯ sarā́ yak armā́ne ma mānī́t. e š-amídā šut bi watī́ gẹsā́, watī́ kurágäi̯ ǰulā́nā zurt u burt, bi watī́ kurágäi̯ sarā́ dāt wa yak wār suwā́r būt u ā́i̯yī kurt. ešī́ kurág šut bi āsmā́nā, bā́lī kurt, bi mā āsmā́näi̯ demā́ oštā́t. amé zāg yak xā́te nimístī, bi ǰālágā préntī. e maxlū́k gū́štant ki xā́te kapt ša āsmā́nā. e xatā́ gíptant, wā́ntant, dístant ki bi xatā́i̯ tā nimistagī́ ki äi̯ bābā́, man ša tī dastā́ šū́tun. bi tī ǰinénäi̯ rāstén pālū́nkān uškén lawā́š bastá, bi demā́i̯ dārū́ zard muštá. čínka róči digár pa mnī padā́ gā́štī ki mnā pkū́šīt, e mnā kuštág na kúrtī. digá pa tī ruxsátā, man šū́tun. e pādišā́ š-amídā šū́tī pa wat.

e čorí š-amídā šut u šut, bi āsmā́näi̯ sarā́ ki rast, ódinā er kapt u šut bi yak ǰā́e, dístī tā amídā yak débe nāl-nāl a-kánt. e uškítī, š-amídā šut bi mā debā́yā, gū́štī ki tī če dárd a-kánt? ā gušt ki äi̯ ādámi γaríb, ta ša man pa če pursā́i̯? mnī pādā́ yak ǰíke šutagī́. ta agá mnī pādā́i̯ ǰikā́ kašitág pkā́näi̯, man ša ta bāz rāzī́y a-baín. e guštī ki nápa bāz ǰuwā́n int. man yak sāā́te digár kāín, tī pādā́i̯ ǰikā́ kašín. e zāg ā́tī, watī́ kurágā gū́štī ki man ša ta amé anū́n loṭín yak anbúrre. ešī́ asp gū́štī ki bāz ǰuwā́n int-a. ešī́ asp š-amídā bā́lī kurt wa šut bi awā́. bẹ me yakén sāā́ᵗtā šut, anbúre āúrtī, dā́tī. e zāg anbúrā āúrtī bi debā́yā. e deb gū́štī ki man ástun yak

---

чтобы не оставалось у тебя на сердце неудовлетворенного желания!» Он пошел домой, взял и принес убор и покрывала для жеребенка, положил на него, сел верхом и сразу погнал его. Его жеребенок направился к небу, взлетел и остановился у самого неба. Юноша написал письмо и бросил вниз. Люди сказали, что с неба упало письмо. Они взяли письмо, стали читать и увидели, что в письме написано: «батюшка, я ушел от тебя. У твоей жены справа к ребрам привязаны сухари, а лицо вымазано желтым снадобьем. Сколько дней она старалась всячески меня извести, но не смогла! А затем прощай, я ушел!» Царь отсюда отправился к себе.

Юноша ехал и ехал, и когда добрался до самого неба, спустился там с лошади и пошел в одно место. Он увидел, что здесь ревет один див. Он услышал, подошел к этому диву и сказал: «что у тебя болит?» Тот сказал: «странник, зачем ты меня спрашиваешь? мне в ногу попала заноза, и если ты сможешь вытащить из моей ноги эту занозу, я буду очень тобою доволен!» Он сказал: «ну, очень хорошо, немного погодя, я приду и вытащу занозу из твоей ноги». Юноша пришел и сказал своему жеребенку: «чтó я теперь хочу от тебя, это — щипцы!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» Его лошадь взлетела и двинулась по воздуху. В какой-нибудь час она обернулась, и принесла и дала щипцы. Юноша понес щипцы к диву. Див сказал: «я ведь зверь! ты сходи,

jinawáre. ta bra, byār bāzen xíšte bẹ me mnī pānádā ničén bdäi̯ ki man watí dapá prenín bi[t] tī jāná, trā gandág a-kānín. e gušt ki man raín, xíšt a-kārín. e š-amídā šútī pa xištá. š-amídā šut, xišt āúrtī b-eší ešk-u-áškā ničén dátī u anbúrā mān dátī. e deb γíšī kúrtī, eší pādái̯ jiká ša pādái̯ kašítī, dárī kurt, préntī. e amédā káptī. yak sáte digár būt, eší čūčág átant bi watí másäyā, dístant ki tā amídā mardúme ništagí. e gúštant ki mašmái̯ māsá ki p-azáb dārít, albatá améš int. eš átant ki eší rā pkúšant. yak wār ešánī mās gúštī ki eší rā šor ma dáit ki e mnā ša yak baláe alásī kurtagí. e š-amódā wat rā préntant bi eší dast u pādái̯ čérā. yak katráe digár būt, ešánī mās d[u]rūá būt wa eší rā gušt: š-amé ammái̯ puṭán yak káme bzūr, bar. ar jā tī sará sakíe būt, ta amé puṭánā dūt pkān. a[m]má āzír a-bayán. e gúštī ki nápa bāz juwán int. e š-amešánī puṭán ya káme pa wat zurt u búrtī.

š-amídā šut, bi yak jáe átī, dístī tā amídā yak dráxte. e š-amídā šútī, bi me draxtái̯ čérā wapt. bi me wābá tā átī, yak wār dístī tā čaγupíγe. e ša wābá arkátī kurt wa sáilī kurt tā yak aždiyáre bālá būtagí wa kāi̯t ki amé čūčágānā buwárt. eš watí zāmá zurt u arkátī kurt ki amé aždiyārā pkúšīt. š-amé jālágā alγačí kurt, bi me mārái̯ sará lagítī. e mār š-amá burzágā káptī bi jālágā, karár e márā jat, zabr kúštīe, zabr eší rā ṭukúr ṭukúrī

принеси побольше кирпичу и наложи его около меня, а то я могу броситься на тебя своей пастью и причинить тебе зло!» Он сказал: «я схожу и принесу кирпичу». Он пошел за кирпичем; сходил, принес кирпичу, наложил вокруг него и приложил щипцы. Див лишился чувств. Он потянул занозу из его ноги, вытащил и бросил. Тот тут же свалился. Немного погодя, пришли дивьи детеныши к своей матери (див был самка) и увидели, что здесь сидит человек. Они подумали: «наверное, это тот, кто мучает нашу мать!» и уже хотели его убить, как вдруг их мать сказала: «не трогайте его, потому что он вызволил меня из беды!» Они бросились к его рукам и ногам. Немного погодя, их мать оправилась и сказала ему: «возьми с собой немного из наших волосков! где бы ни случилась с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Он сказал: «очень хорошо», взял с собой немножко из их волосков и унес.

Он пошел отсюда, пришел в одно место и увидел дерево. Он пошел и лег под деревом. Он уже спал, когда вдруг услышал шум. Он проснулся и стал смотреть: один дракон поднялся наверх и хочет пожрать птенцов. Он схватился за меч и двинулся, чтобы убить дракона; нацелился снизу и попал в змея. Змей повалился сверху вниз. Тогда он ударил змея, окончательно его убил, раскромсал на куски и отнес и положил у входа в гнездо этих птенцов,

kurt wa búrtī, bi čūčágānī kudógäi̯ dapā́ íštī wa wat pádā ā́tī, bi wātí jāgā́ wā́ptī. yak wār amé čūčágānī mās ā́tī. e gúštī: bálken mnī čūčágānā amḗš wartaí. amé sīmúrγ š-amídā šut, yak sínge rā bi watí suntā́ gipt wa āúrt ki bẹ me čoríäi̯ sarā́ prénīt. amé čūčág yak wār bi čaγupríγā ā́tant, gúštant ki äi̯ māsī, na ki e singā́ prénäi̯ b-é zāgā́i̯ sarā́ ki amā́ aždiyā́r ki ar sā́l a-kāt, tī čūčágānā wart, maróčī āt ki amā́ rā buwā́rt, amé zāg ā́t at, bẹ me draxtā́i̯ čérā wā́pt at, yak wār amé mār wat rā pleč dā́tī wa yak wār amā́ bi čaγupríγā ā́tan, amé čorí š-amé daraxtā́i̯ čérā āgā́ būt, sā́i̯lī kurt, dístī ki tā bẹ me draxtā́i̯ sarā́ e čaγupríγ ast. e zabr sā́i̯lī kurt, dístī tā ā int aždiyā́r wat rā pleč dātagí. e watí zāmā́ zurt u burt bi me draxtā́i̯ čérā, zabr e zāmā́ tézī kurt, zabr sā́lī kurt, dístī tā zabr bẹ me zāmā́i̯ čamā́ int, amé watí zāmā́ alγačí kurt, bẹ me mārā́i̯ sarágā lagítī. amé mārā́ zurt u āúrt bi jālágā, eší rā gipt, čo páse póstī kurt. š-amé mārā́i̯ postā́ yak silúme kašítī. e gúštant ki na ki māsī e zāgā́ pkúšäi̯, ki e amā́ rā āzā́dī kurt. ešā́nī mās amé singā́ pádā burt wa préntī wa jíndī pádā ā́tī bi watí jāgā́, bi watí čūčagā́nīyā. amídā tā́ngā wā́b int. amé sīmúrγ ā́tī, watí yak bā́le rā bi čerā́i̯ kurt, yáke rā p-āí gwā́tī jat tā wáxte ki āgā́ būtī. amé ki āgā́ būtī, amé sīmúrγ gušt ki ta š-a^m^mā́i̯ parā́n yak kā́me psind. ar jā́ ki tī sarā́ sakíe

---

а сам вернулся и лег на свое место. Вдруг вернулась мать этих птенцов. Она сказала: «наверное, этот самый поедал моих птенцов!» Эта птица-симург пошла, схватила в клюв камень и принесла, чтобы бросить его в этого юношу. Тотчас птенцы подняли шум и сказали: «матушка, не бросай камень в этого юношу, потому что тот дракон, который каждый год приходил и поедал твоих птенцов, приходил и сегодня, чтобы нас съесть, а этот юноша еще прежде того пришел и спал под деревом. Вдруг змей пополз, и мы подняли шум. Юноша под деревом проснулся, посмотрел и понял, что этот шум идет с вершины дерева. Он хорошенько присмотрелся и увидел: вот оно что! это дракон пополз! Он схватил свой меч, понес под дерево, хорошенько наточил его, хорошенько вгляделся, увидел, что он приходится как раз под самый меч, размахнулся мечом и попал змею в голову. Он взял этого змея, стащил вниз и содрал с него кожу, как с барана, а из змеиной кожи вытянул ремень». Они сказали: «нет, матушка, не убивай этого юношу, потому что он освободил нас!» Их мать отнесла назад камень и бросила его, а сама вернулась на свое место к своим птенцам. А он еще спит здесь! Птица-симург подошла, подложила одно крыло под него, а другим стала на него навевать ветер, пока он не проснулся. Когда он проснулся, птица-симург сказала: «вырви немножко из наших перьев, и где только ни

būt, ta amé puṭānā dū́t pkan. amā́ āzír a-bayán. amé zāg gúštī: nápa ǰuwā́n int. ša ešānī bāzúl u parā́n yak káme zurt u burt.

š-amídā šútī bi yak ǰāgáe, dístī tā yak šuwānáge dédi yak páse rā kušít wa dédi post a-kántī. amé zāg gúštī ki amé watí pasā́i̯ uškumágā mnā bdā́it. e gúštant ki nápa bāz ǰuwā́n int. amā́ watí pasā́i̯ uškumágā bi ta dayán. e gúštī ki nápa bdā́it. e gíptant, watí pasā́i̯ uškumágā dā́tant bi zāgā́i̯ dastā́.

e zāg š-amídā šut, dístī tā amídā yak bāgwā́ne dédi waṭí bāgā́nā ā́p a-dánt. amé zāg šut, wat rā prent bi amā́í ǰūwákāi̯ dapā́. e bāgwā́n dístī tā amé mnī ǰūwákāi̯ dap bastág būt. ā int-a ki ā́pa na kā́i̯t, watí belā́ zurt u bi watī kopágā prent u ā́tī, sā́lī kurt tā bi mnī ǰūwákānī tā mardúme kaptagí. yak wār amé bāgwā́n watí belā́ kašít pa ǰānā́i̯. amé zāg gušt: na ki mnā pkúšā́i̯? man tī muzū́r a-baín. e gúštī: nápa ǰuwā́n int, ta byā ki brawán, ya káme gul go man ta bčin ki man a-barín pa pādišā́āi̯ ǰiníkān. e gúštī: nápa ǰuwā́n int, brawán. e š-amídā šútant wa gul čítant. amé bāgwā́n eší rā gúštī ki ta amídā mnind ki mán a-raín bi pādišā́āi̯ gisā́. amé zāg bi amé bāgā́i̯ sarā́ níštī. e bāgwā́n bi ódenā e gulā́nā ki burt, pādišā́āi̯ ǰiník ā́tant pa gulā́nī sā́i̯lā́. gulā́nā sā́l kurtant, dístant tā amé gulā́nī tā yak dastáge gul ǰwānén bastá wa ér int. amé pādišā́āi̯ ǰiník

---

случится с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Юноша сказал: «хорошо!» взял немного перьев из их крыльев и понес с собой.

Он пошел отсюда в другое место и увидел, что один из пастухов режет овцу и сдирает с нее шкуру. Юноша сказал: «отдайте мне желудок своей овцы!» Они сказали: «хорошо, отдадим!» Он сказал: «ну, так давайте!» Они взяли и вручили юноше овечий желудок.

Юноша пошел отсюда и увидел, что один садовник поливает свои сады. Юноша пошел, лег в канаву и завалил собою вход в нее. Садовник увидел: да ведь завален вход в канаву, вот потому вода и не идет! Он взял лопату, положил на плечо, подошел, стал смотреть и увидел: какой-то человек лежит в моей канаве! Садовник тотчас схватил свою лопату и двинулся на него. Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе буду слугой!» Тот сказал: «ну, хорошо, давай, пойдем! ты набери со мной немного цветов, и я их снесу царским дочерям!» Он сказал: «ну, хорошо, пойдем!» Они пошли отсюда и набрали цветов. Садовник сказал ему: «ты посиди здесь, а я пойду в царский дом!» Юноша сел у входа в сад. Когда садовник отнес туда эти цветы, царские дочери пришли посмотреть на них. Они стали рассматривать цветы и увидели, что из этих цветов один букет красиво связан и уложен. Царские дочери спросили у садов-

pursítant š-amé bāgwā́nā ki amé gulā́nā kai̯ čitagí? e bāgwā́n ǰawā́b dā́tī: man yak muzū́re dārín, amā́ čitagí. e ǰiník bi watí dilā́ pígr kurtant ki biyā́it tā bā́ndā mašmā́ brawán ɪa ābāzíyā.

bā́ndā ki būt, amé pādišā́äi̯ ǰiník wat rā ǰóḍ kurtant ki brawánt. amé zāg maróčī watí aspā́i̯ puṭā́ dūt kurtagí, amé asp ātagí bi amāíyā. amé zāg watí pādišāíen ǰulā́nā watí gwarā́ kurtagí. amé aspā́i̯ bi ā́škäi̯ bastagí. amé zāg dédi watí tilā́en šakā́ zurtagí, watí sarā́ dédi šák a-kánt. amé ki pādišā́äi̯ ǰiník ā́tant, amé gwanḍén ǰiníkäi̯ čam kapt bi me zāgā́. amé zāg ki watí sarā́ šā́kī kurt, watí šakā́ amídā be ʷóšī kurt. bẹ me draxtā́ ǰát at, amé pādẹšā́äi̯ gwanḍén ǰiníkäi̯ čam kapt bẹ me šakā́. amídā oštā́t, íčī na gušt. amé zāg watí ǰwānén ǰulā́nā gipt, bi aspā́i̯ sarā́ bast, ā wat amā́ watí uškumágā gipt bi watí sarā́ bast. š-amídā watí aspā́ zurt u burt, bi dūrā́, elā́ī kurt, ya káme puṭ am sist, wat š-amídā šut bi bāgā́i̯ pānā́dā. amé pādišā́äi̯ gwanḍén ǰiník ā́tī, ameší šakā́ zurt wa búrtī pa wat.

yak čunt roč gwast. amé pādišā́äi̯ ǰiník pa watí pisā́ bi gulā́mäi̯ dastā́ galóʷ dem dā́tant. ar yáke yak galóʷ dem dā́tant. e gulā́m galóʷānā š-amídā zurt wa burt pa pādišā́. ódinā bi pādišā́äi̯ demā́ íštī. e pādišā́ ai̯rā́n mā́ntī, watí wazíl u wakílānā loṭítī ki ešā́nā pa čéwäi̯ xātírā pa man dem dātág ant. amé wazíl ǰawā́b dā́tī ki äi̯ pādišā́, man agár bgúšīn, ta mnā taᵐmíya

---

ника, кто набрал эти цветы. Садовник ответил: «у меня есть один слуга, это он набрал!» Девушки про себя подумали: «давайте, завтра сходим купаться!»

На следующее утро царские дочери собрались итти. А юноша в этот день заставил дымиться волосок своей лошади, и лошадь пришла к нему. Юноша надел на себя свои царские одежды, привязал свою лошадь поодаль, а сам взял свой золотой гребень, да и причесывает свою голову. Когда царские дочери подошли, младшая девушка заметила юношу. А когда юноша причесывал голову, он забыл здесь гребень: уронил его под деревом. Младшая царевна заметила этот гребень; она остановилась, но ничего не сказала. Юноша взял свою хорошую одежду и привязал ее к лошади, а сам взял тот свой овечий желудок и повязал им голову. Потом он взял свою лошадь, повел ее и пустил вдаль, только выдернул несколько волосков; а сам направился отсюда к саду. Младшая царская дочь подошла, взяла его гребень и унесла с собой.

Прошло несколько дней. Царские дочери послали с рабом своему отцу дыни. Каждая послала по одной дыне. Раб взял дыни, отнес царю и поставил перед царем. Царь удивился и позвал своих правителей и наместников: зачем, дескать, они мне их прислали? Визирь отвечал: «о царь, если я скажу, ты

na kanā̃? amé pādišā́ gúštī ki man ič waxt trā tamíya na kanín, ta bguš. amé wazī́l gúštī: ā mazánen galówā tī mazánen ǰiník pa ta dem dātagī́ ki amešī́ dil pa mardā́ omán kurtagí. e pādišā́ gúštī: ǰuwā́n int. amé miyānta-íen galó^{w} tī miyāntaíen ǰinikā́ int, amé gwanḍentarúk tī gwanḍén ǰinikā́ int. amé pādišā́ gúštī ki tawā́r pkánit amé ǰārčínā. e tawā́r kúrtant ǰārčínā. amé ǰārčínā gúštī: ta bra, amé maxlū́kā bguš ki bā́ndā ič kas ma rot ki bā́ndā pādišā́āi̯ ǰiník pa wat márd a-giránt.

tāríenā būt, maxlūk gird bi yak ǰā bū́tant. amé zāg š-amídā šut, bi yak ǰā́e čer kapt, bi yak tandū́räi̯ tā. amé pādišā́ āúrt, bi amé maxlū́käi̯ tā yak kapóte elāī kurt wa gúštī: amé mnī ǰinikā́nī dil bi ar kasí sarā́ bīt, amé kapót wat bā́l a-kanánt, bi māí sarā́ rawánt, nindánt. amé mazánen ǰiníkäi̯ wār bū́tī. amé mazánen ǰiníkäi̯ dil bi wazī́läi̯ zāgā́i̯ sarā́ at. amé kapótā bā́l dā́tant, amé kapót šut, bi wazī́läi̯ zāgā́i̯ sarā́ ništ. wārí amé gwanḍén ǰiníkäi̯ būt. amé gwanḍén ǰiníkäi̯ dil bi wakī́läi̯ zā́gäi̯ sarā́ at. amé kapótānā bā́l dā́tant. amé kapót šútant bi amāí sarā́ níštant. ešī́ pa wat wakī́läi̯ zāgā́ gipt. wārí amé gwā́nḍ-gwanḍén ǰiníkäi̯ būt. eš ar čẹ sā̃lī kurt, amā́ zāg paidā́^{a} na bīt. e gušt: šmā amé kapótānā elá pkánit, amé kapót āí rā wat getír paidā́ ^{a}kanánt. amé pādišā́ kapótānā elá kurt. amé kapót gā́štant éngūr, gā́štant ā́ngūr, yak wār šútant, bi tandū́räi̯ tā níštant,

---

не подвергнешь меня наказанию?» Царь сказал: «говори, я тебя ни в каком случае не накажу!» Визирь сказал: «большую дыню тебе послала твоя старшая дочь, потому что ей хочется мужа!» Царь сказал: «хорошо!» — «Средняя дыня — твоей средней дочери, а самая маленькая — твоей младшей дочери!» Царь сказал: «позовите глашатая!» Позвали глашатая. Он сказал глашатаю: «иди, объяви народу, чтобы завтра никто не уходил, потому что завтра царские дочери будут выбирать себе мужей!»

Наступило утро. Весь народ собрался в одном месте, а этот юноша пошел отсюда и спрятался в одном месте, в печке. Царь принес и выпустил в народ голубя и сказал: «кто бы ни был по сердцу моим дочерям, эти голуби взлетят, сами направятся к тому и сядут на него». Настала очередь старшей дочери. Старшей дочери был по сердцу сын визиря. Голубя пустили лететь, голубь полетел и сел на сына визиря. Настала очередь младшей дочери. Младшей дочери был по сердцу сын наместника. Голубей пустили лететь, голуби полетели и сели на него. Она взяла себе сына наместника. Настала очередь самой младшей дочери. Сколько она ни смотрела, того юноши нельзя было найти. Она сказала: «выпустите голубей, голуби сами его лучше найдут!» Царь выпустил голубей. Голуби сунулись сюда, сунулись туда, и вдруг направились

bi me zāgā̆i̯ sarā́. amé pādišā́ ai̯rā́n mānt ki e mnī ǰiník bīt! e brot, yak gáʳre rā bgīt! e pādišā́ gušt ki e wārí na būt! pa duwārág kapót ā́tant bi amé zā́gä̆i̯ā, amé zāgā́ búrtant, bi amé maxlū́käi̯ tā čér kurtant. amé kapót ā́tant, š-amé maxlū́käi̯ tā eší rā pai̯dā́ kúrtant, bi sarā́i̯ níštant.. e gaštínā pādišā́ gúštī: albatán xudā́ bi amešī pešā́níyā kurtagí. amé wazíl u wakílä̆i̯ zāgā́nā búrtī, ǰuwānén tamā́nī tā kurt, amé zāgā́ wa amé watí ǰiníkā burt, bi arā́i̯ kulundā́i̯ tā kurt.

yak róče būt, amé wazílä̆i̯ zāg wa wakílä̆i̯ zāg go watí wasírkā gúštant ki ä̆i̯ wasírk, ta amé amā́ duénānā sáre yak asp bdä̆i̯ wa sáre yak tūpák bdä̆i̯ ki amā́ rawán pa šikā́rā. e gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int. amešā́nā sáre yak asp u tūpák dā́tī. amé zāg go watí ǰenénā gúštī: ta bra, pa man yak tūpáke ša watí pisā́ bzin wa yak áspe. e gušt: ǰuwā́n int. e š-amídā šut bi watí pisā́yā, gúštī: ä̆i̯ bābā́, ta amé mnī mardā́ yak áspe go yak tūpáke bdä̆i̯ ki ā-m rot pa šikā́rā. eší pis gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int. š-amídā šut, yak lakundáge go yak ābū́e dāt. amé zāgā́i̯ ǰinén āúrtī, watí mardā́i̯ dastā́ dāt. ameší mard amé aspā́ be-zenā́yā suwā́r būt wa ai̯ kurt u šut. amé aspā́ búrtī, bi yak zanbūr-dānā́gä̆i̯ dapā́ bástī wa watí aspā́i̯ putā́ dū́tī kurt wa gúštī ki ar če bi dunyā́ āū́ ast, man maróčī ša ta lotín ki amídā byā́yant. ameší asp gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a. bi me yak damā́ ar če āū́ at, e ǰámī

к печке и сели на юношу. Царь изумился: и это моя дочь! она пойдет и возьмет какого-то лысого! Царь сказал: «этот раз не в счет!» Но и вторично голуби приблизились к этому юноше. Юношу схватили и спрятали среди народа, но голуби приблизились, отыскали его в народе и сели на него. На этот раз царь сказал: «должно быть, бог приготовил ему такую судьбу!» Он повел сыновей визиря и наместника и поместил их в хорошие дома, а этого юношу со своей дочерью повел и поместил в ослиный хлев.

Однажды сын визиря и сын наместника сказали своему тестю: «тесть, дай нам обоим по лошади и по ружью, и мы отправимся на охоту!» Он сказал: «очень хорошо!» и дал им каждому по лошади и по ружью. Этот юноша сказал своей жене: «сходи и возьми у своего отца и для меня ружье и лошадь!» Она сказала: «хорошо!» Она пошла отсюда к своему отцу и сказала: «батюшка, дай моему мужу лошадь и ружье, пусть и он также едет на охоту!» Ее отец сказал: «очень хорошо!» Он пошел и дал негодное ружьишко и какую-то клячу. Жена юноши доставила это и вручила своему мужу. Ее муж без седла сел на эту лошадь, погнал ее и уехал. Он увел эту лошадь, привязал ее к одному улью, а сам задымил волоском своей лошади и сказал ей: «сколько ни есть в мире газелей, сегодня я от тебя требую, чтобы они сошлись сюда!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» В этот самый миг, сколько ни было

kurt wa āúrtī. amé zāg amídenā pa wat yak xaimáe ǰat, wat bi me xaimáā tā būt. āū am amešī ęšku-āškā ātant. yak āūe lang at. amé wazīl u wakīläi zāg bi amešī padā kápt-atant. amé āū am rāstam ātī bi me āūānīyā. yak wār amé zāgāi čam kāptī, tawārī kurt, gúštī: bílit āūā. amé wazīl u wakīläi zāg íštant wa ātant bi amé zāgäyā. amé zāg gúštī: šumā čę kār dārít bi digáräi āūān. ā gúštant: amā rā plāná pādišā dem dātagí pa āūā. e gúštī: man šmā rā āū a-daín pa yak šārte: bi šmäi rāstén pādā yak gulāmíen nāldāge kilín. e gúštant: bāz ǰwān int-a, byār, bil. amé zāg šut, yak āyíne rā burt, bi ātíšā sórī kurt, āúrtī, bi amešānī pādā lačént wa š-amídā šut, amā āūā āúrt u kúštī. lāšäi ešānā dāt, dil u ǰagáräi pa wat zurt wa gúštī: ar čę wašī u nošī ast, bāit bi me saráǵ wa pādágäi tā, ar čę tālí ast, brot bi māwānī lāšäi tā. ešānā gúštī: anūn šmā brāit. amé wazīl u wakīläi zāg šútant, ātant bi watí gęsā. amé zāgāi ǰęnén ešānā pursít ki gúǰ-int mnī mard? ā gúštant ki āí rā am dístan, amādā čār a-kúrt, šikāre číze na díst atī, amā aí rā amé āūäi saráǵ u pādágā dātan.

yak sāᵃte digár būt, amé zāg ātī bi mā zanbūr-dānágäi dapā. amé aspā páčī kurt wa suwār būt, ai kurt wa ātī bi·watí gisā, amé saráǵ u pādágānā dāt bi watí ǰęnénā. amešī ǰęnén zabr pakít, begāenā āúrtī, bi

---

газелей, она собрала их и привела. Юноша разбил здесь для себя шатер и поместился в шатре. Газели собрались вокруг него. Одна газель хромала, а сыновья визиря и наместника ее преследовали. Эта газель прямо подошла к другим газелям. Взгляд юноши упал на нее и он закричал: «оставьте газель!» Сыновья визиря и наместника оставили ее и подошли к юноше. Юноша сказал: «что вам нужно от чужих газелей?» Они сказали: «нас послал за газелями такой-то царь!» Он сказал: «я дам вам газель, но с условием: я поставлю вам на правую ногу рабские клейма!» Они сказали: «очень хорошо, неси, ставь!» Юноша пошел, понес железо и раскалил его на огне; принес и приложил им к ногам. Потом он пошел, привел и убил ту газель и ее тушу отдал им, а сердце, печень, (голову и ножки) взял себе и сказал: «все, что есть вкусного и приятного, пусть придет в эту голову и ножки! все, что есть горечи пусть идет в их тушу!» а им он сказал: «теперь идите!» Сыновья визиря и наместника пошли. Они пришли домой, жена юноши спросила их: «где мой муж?» Они сказали: «мы его видели, он там бродил; на охоте он ничего не нашел, и мы ему отдали голову и ножки этой газели!»

Прошло немного времени. Юноша подошел к улью, отвязал лошадь, сел верхом и погнал ее; приехал домой и отдал жене голову и ножки газели. Его жена хорошенько изжарила, и вечером принесла и поставила перед мужем

watī́ mardā́i̯ demā́ ī́štī wa pa watī́ pẹsā́i̯ gẹsā́ ya káme zurt wa burt. amešī́ pis ki wā́rtī, gū́štī: bābā́, e čo wā́š ant! digár náint? pa man byār. ā gū́štī ki ast. pī́sī gušt: nápa bra, byār. amé ǰinikó šut, ya káme ātúk bi yak kāságäi̯ t̓ā kurt wa āū́rt, bi me ātúkānī tā yak arā́i̯ lé̤de prent. ān čo ki āū́rt pa watī́ pisā́, pī́sī ki wart, guštī: bābā́, ešā́nī tā arā́i̯ lé̤de. amé ǰiník gū́štī: ta amā́ rā bi yak arā́i̯ kulundā́i̯ tā prentág äi̯, albatá ātúk go le̤dā́n a-bayánt. amešī́ pis gū́štī: nápa man bā́ndā šma rā bi tamā́nī tā kanī́n.

tārī́enā ki būt, yak digá pādišā́e āt pa amešī́ wasī́rkäi̯ ǰānā́ pa ǰangā́, ki ǰang pkant. amé zāg šut, watī́ aspā́i̯ puṭā́ dū́tī kurt, amā́ šerā́i̯ puṭā́ dū́tī kurt, sīmū́rγäi̯ puṭā́ dū́tī kurt. karā́r watī́ aspā́ suwā́r būt, šer u sīmū́rγ ā́tant bi ešī́ padā́. ā sīmū́rγ čámm a-kašī́t, amé šer lāp tál a-dāt, ǰat ki amé pādišā́ ki pa ešī́ wasī́rkäi̯ ǰangā́ ā́t-at, amešī́ γošū́mā γā́tlī kurt. yak wār amešī́ dast tīr wart. amešī́ wasī́rk āū́rt watī́ dasmā́lā, bi amešī́ dastā́ bast. e laškā́rā čist tamā́mī kurt wa šapī́ āt bi watī́ gẹsā́. amé pādišā́ šū́t-atī demtī́rā, gū́št-at go watī́ ǰinī́kā: maróčī ā́nčen mardū́me ā́tī ki čist amā́ laškā́rā tamā́mī kurt. amé ki ā́tī, ta purs ki ta maróčī guǰā́ būtág äi̯? agár dī́stäi̯ ki bi amāī́ dastā́ mnī dasmā́l bā́st-at, gū́ḍā bzā́näi̯ ki amā́ int-a, gū́ḍā ta purs ki tī dastā́ če būtagī́. yak katrā́e digár būt, amé zāg āt, šapénā ki

---

а немножко взяла и отнесла в дом к своему отцу. Как только ее отец поел, он сказал: «батюшки, как это вкусно! нет ли еще? принеси мне!» Она сказала, что есть. Ее отец сказал: «ну, так сходи, принеси!» Девушка пошла, налила в миску немного похлебки и принесла, а в похлебку бросила ослиного навозу. Как только она принесла своему отцу и ее отец поел, он сказал: «батюшки, тут ведь ослиный навоз!» Девушка сказала: «ты ведь бросил нас в ослиный хлев, поэтому похлебка и выходит с навозом!» Ее отец сказал: «ну, завтра я помещу вас в настоящий дом!»

Когда наступило утро, другой царь подступил с войной к его тестю, чтобы повоевать. Юноша пошел, задымил волоском своей лошади, задымил волоском того льва (дива), задымил волоском птицы-симург. Коротко говоря, он сидел верхом на своей лошади, а лев и птица-симург шли сзади него: симург выклевывал глаза, а лев вспарывал животы и избивал, так что он на смерть перебил войско того царя, который пришел воевать с его тестем. Вдруг его поранили в руку. Его тесть принес свой платок и завязал ему руку. Он совсем прикончил это войско и к ночи вернулся домой. А царь еще раньше ушел и сказал своей дочери: «сегодня приходил такой-то вот человек, который совсем прикончил то (вражеское) войско! когда (твой муж) вернется, спроси: где, мол, ты был сегодня? и если увидишь, что на его руке повязан мой платок, знай, что это он и есть, и тогда спроси, чтó, мол, случилось с твоей рукой?» Немного

wáptant, ameší ǰẹnén säi̯l kurt: amé mnī pisā́i̯ dasmā́l bẹ meší dastā́ bastagí. ameší ǰinén zū́tī kurt, šut, watí pisā́ sí kurtī ki tī dasmā́l bi ameší dastā́ bastagí. ameší pis gúštī ki šmā rā man bā́ndā mutlaxán bi tamā́nī tā kanín. amé zāgā́i̯ ǰinén ki pádā ā́tī, šapénā wáptant.

tāríenā mālā́ amé zāg šut, watí aspā́i̯ puṭā́ dū́tī kurt. áspī ki ā́tī, amé zāg gúštī ki man ša ta loṭín ki bi me yak ročā́ pa man amídā tilā́äi̯ šār u kalā́te ǰoḍ pkan. ameší asp gúštī: pa če bi yak róče? man pa ta bi nīm sāátā ǰóḍ a-kanín. e gúštī: nápa bāz ǰwā́n int, ta pa man ǰoḍ pkan. amé asp loṭítī múčī parīyā́nā. amé parí ā́tant, go eší yak damā́ tillā́äi̯ gíse ǰóḍ kurtant. tāngā́t roč dar náy-āt at, e gisā́ tayā́r kúrtant. amé zāg šụt, watí ǰinénā zúrtī u äúrtī, bi gẹsā́i̯ tā búrtant. amé parí bi yak sāátā pa eší nān ǰóḍ kurtant.

amé ki roč būt, mullā́ ustát pa azā́nā, ič na zā́ntī ki watí demā́ guǰā́ngūrí pkant wa azā́n bdānt. dístī tā ša íngūr roč dar ātá, ša ā́ngūr am roč dar ātá. pādišā́ ki ustát, sā́i̯lī kurt, gúštī wā wai̯lán! amé pādišā́ mnā kušít! watí maxlū́kānā gúštī: biyā́it ki mašmā́ brawán pa amé pādišā́äi̯ salā́mā. amé maxlū́k watí aspā́nā zen kúrtant wa suwā́r bū́tant, ā́tant pa amé pādišā́äi̯ salā́mā. amé pādišā́ āt, eší dastā́nā gipt, čukít. amé pādišā́äi̯

погодя, юноша пришел. Ночью, когда они легли, его жена взглянула: да ведь это платок моего отца повязан у него на руке! Его жена заторопилась и пошла известить своего отца: у него, мол, на руке повязан твой платок! Ее отец сказал: «я завтра же помещу вас в настоящий дом!» Жена юноши вернулась, и они ночь проспали.

Рано утром юноша пошел и задымил волоском своей лошади. Когда лошадь пришла, юноша сказал: «я хочу от тебя, чтобы в течение одного этого дня ты для меня здесь построила золотой город и замок!» Лошадь сказала: «почему в течение одного дня? я для тебя построю в течение получаса!» Он сказал: «очень хорошо, построй для меня!» Лошадь созвала всех пэри. Пэри пришли и в один миг построили золотой дом. Еще солнце не взошло, когда они окончили этот дом. Юноша пошел, взял свою жену и привел ее; они перебрались в дом. Пэри тотчас приготовили для него еду.

Когда наступил день, мулла встал на молитву и не мог понять, в какую сторону обратить свое лицо и звать на молитву: он увидел, что и с той стороны взошло солнце, и с этой стороны взошло солнце! Царь встал, посмотрел и сказал: «ох, этот царь меня убьет!» Он сказал своим подданным: «давайте, пойдем на поклон к этому царю!» Его подданные оседлали лошадей, сели верхом и прибыли к тому царю на поклон. Этот царь подошел, взял его

jiník ā́tī, bi watí mardā́i̯ zānā́i̯ sarā́ ništ. amé písī ki dist, watí dilā́ gúštī ki sā́i̯l pkan mnī jiníkā ki watí mardā́i̯ zānā́i̯ sarā́ ništagí! yak katrāe digár ki būt, pa ešā́n nān āúrtant. e ki nān wártant, amé zāg gúštī go amé pādišā́: man amé tī mardumā́nī tā du gulā́m dārín. amé pādišā́ pursít ki kā́ int-a ti gulā́m? amé zāg gúštī: yáke ā́ int-a, yáke ā́ int-a, nišānī́ pa e nišānī́ ki rāstā́i̯ pādā́i̯š yak nāldā́ge. amé maxlū́k ai̯rā́n mā́ntant, amé pādišā́ am ai̯rā́n mānt ki e čunén kā́re būt. amé maxlū́k gúštant go amé zāgā́ ki amā́ amā́ mardumā́nā lúč a-kanán. agár ān čo ki būt ki tī gulāmíen nāldā́g bi āwā́nī pādā́ na at, gúḍā amā́ go ta jáng a-kanán. amé zāg gúštī: nápa bāz juwā́n int-a. šmā, matláb, amā́ zāgā́nā biyā́rit u bi mnī demā́ luč pkā́nit. amé maxlū́k gúštant: nápa bāz juwā́n int-a. amé maxlū́k šútant, amā́ ar duén zāgā́nī dastā́nā gíptant u āúrtant u bi amé zāgā́i̯ demā́ lúč kurtā́ntiš, amé zāgā́ gúštant: anū́n ta biyā́, sā́i̯l pkan ki tī nāldā́g gujā́madā int. amé zāg āt, sā́i̯lī kurt, gúštī: e mnī nāldā́g ant. amé pādišā́ ki dístī, ša amé watí jāgā́ ustā́t u āt, amé zāgā́i̯ demā́ čukít, gúštī: ta rā́st a-gušā́i̯. karā́r ame watí gulāmā́nā gúštī: man šmā ra pa watí pisā́i̯ xātírā íčīyā na kanín.

karā́r amé pādišā́ ame zāgā́ zurt u burt bi watí gisā́. ódīnā ki búrtī, amé watí maxlū́kānā gírdānā loṭít wa gúšti: man anū́n pīr būtág un, mnī jā

руки и поцеловал. Пришла царская дочь и села на колени к своему мужу. Когда ее отец увидел это, он сказал про себя: «посмотри-ка! да ведь это моя дочь уселась на колени к своему мужу!» Немного погодя, принесли еду. Когда они поели, юноша сказал царю: «среди твоих людей есть двое моих рабов!» Царь спросил: «кто твои рабы?» Юноша сказал: «один — вот этот, другой — вот этот! а доказательство то, что у них на правой ноге клеймо!» Люди изумились, и царь изумился: что́, мол, за происшествие случилось! Люди сказали юноше: «мы разденем этих людей, и если окажется, что у них на ногах нет твоего клейма для рабов, тогда мы будем с тобой воевать!» Юноша сказал: «очень хорошо! только вы приведите этих людей и разденьте их передо мной!» Люди сказали: «очень хорошо!» Люди пошли, схватили их обоих за руки, привели и раздели их перед юношей и сказали: «теперь подойди и смотри, где твои клейма!» Юноша подошел, посмотрел и сказал: «вот мои клейма!» Царь, как увидел, так встал с своего места, подошел, поцеловал юношу и сказал: «ты говоришь правду!» Наконец, юноша сказал этим своим рабам: «ради своего отца я вам ничего не сделаю!»

Итак, царь взял юношу и отвел к себе домой. Когда он его туда отвел, он созвал весь свой народ и сказал: «я теперь состарился, пусть вместо

amé mnī zāg pādišā́ bīt. amé maxlū́k gírdī gúštant: nápa bāz ǰuwā́n int-a, bí tā tī amé zāg pādišā́ bīt. amā gírdiy a-lóṭan ki ā pādišā́ bīt. karā́r amé zāg pādišā́ būt. man š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat imā́ne āúrtun, pa ta ǰuwānen ǰinike āúrtun.

XV

būt būt, ša xudā́ getír káse na būt. pādšāe at, dā́štī du zāg. e zā́gī šútan^{t} pa šikā́rā, šikā́rāi̯ jāgā́ dú bū́tant. gwanḍén brā́se šútī, dístī yak šikā́re. e šikā́rā mā́re wart-átī, amé šā́xī band gipt-átī bi dapā́i̯. e brās šútī bi watí mazā́nen brāsā́i̯ā, gúštī: biā́ ki aždiā́re goránḍe rā wartá, šā́xī band giptágan^{t} bi dapā́i̯. édā ātant. aždiā́r gušt: ā́i̯ ādamī-zā́t, š^{u}mā ma trusít, e šāxā́ ša mnī dapā́ agár dūr pkā́nit, ar če bloṭít, man ^{a}dä^{h}ín šmā rā. e šútant, arrā́ge āúrtant, e šāxā́ arrā́g kúrtant, e aždi^{y}ā́r šāxā́ wā́rtī. e čorí gúštant: biā, brawā́n ammā́i̯ pisā́i̯ šārā́. e šútan^{t} watí pisā́i šārā́, šārā́i̯ mardúm aždiā́rā dístant, múčī ǰístan^{t}, yakén pādšā́ mā́ntī. čorí gúštant: ā́i̯ mardumā́n, ma ǰẹit. písiš āt, p-é aždi^{y}ā́rā čergéǰ préntan^{t}, wašāmā́de kúrtant. aždi^{y}ā́r gúštī: ša šmā du brāsā́n yā́ke biā́it. gwanḍén trusít, mazā́nen brā́sī šut.

меня будет царем этот мой сын!» Весь народ сказал: «очень хорошо, пусть этот твой сын будет царем! мы все хотим, чтобы он был царем!» Итак, этот юноша сделался царем. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел красивую девушку.

(XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря)

Было-было, лучше бога никого не было. Был царь, у него было два сына. Его сыновья отправились на охоту. На охоте они разделились. Младший брат пошел и увидел одного барана; его поел змей, но его рога застряли в пасти. Этот брат пошел к своему брату и сказал ему: «подойди, змей пожрал барана, но его рога застряли у него в пасти». Они подошли туда. Змей сказал: «рожденные человеком, не бойтесь, и если вы удалите у меня из пасти эти рога, я дам вам все, что вы захотите!» Они пошли, принесли пилу и отпилили рога; змей пожрал рога. Юноши сказали: «давай, пойдем в город нашего отца!» и они пошли в город своего отца. Жители города увидели змея и все разбежались, остался один царь. Юноши сказали: «люди, не убегайте!» Их отец подошел, змею постлали ковер и сказали ему: «добро пожаловать!» Змей сказал: «пусть придет один из вас, двух братьев!» Младший брат испугался, старший брат пошел.

aždi^{y}ār gušt ki man a-räín demā́, ta ša pádā biyā́, ar čīz a-kāi̯t tī́ā, ma trusā́i̯: trā zā^{a}rátt a-kánt. yákke ša pádā kāi̯t, trā tī rikébā zārátt a-kánt, amā́ tī diš̌tár int. amé mār ā́tant, eší rā zārát kúrtant. ša pádā yak mā́re āt, eší rā tā rikébā zārát kurt. čorí šut, aždiā́āi̯ gisā́ sár būt. e aždiyā́ ša watí siyādān sóǰī ku ki man watí ǰaníkā b-e ādami-zā́tā bdā́īn yā ma däín. siyā́dī gúštan^{t}: agá säi̯ šapā́ ǰoḍ ma bīt, eší póst a-kašán, ša ka^{h}ā púrṛ a-kanán. agá ǰoḍ būt, eč kārā́ heč. gúštī: šarr. watí ǰaníkā gísī dāt.

bi awalíen šapā́ säi̯ goḍī́ kītóäi̯ tā kúrtī ki ma gušánt ki wāb šutá. eš šapī́ ǰoḍ na būt. tā́rī ustát, aždiā́ āt, gúštī: tī woš go goḍī́ā būtá. šapí būt. säi̯ muǰúl kītówäi̯ tā kúrtī. ǰaník āt, watí mārī^{y}en pošā́ kašítī, e čorí āgā́ na būt. ǰaník čirā́gā búnī dāt, níštī, e čorí āgā́ na būt. tā́rī roč būt, aždiā́ āt, gúštī: ǰoḍ na bū́tit. čorí gušt: na. aždiā́ gušt: tī woš go muǰúlān būtá. šapí būt, čorí watí čangúlā šā́xī kurt, eší rā wā́d ku. šapí wā́ptī, wāb na šut. ǰaník āt, watí pošā́ kašítī, čirā́gā búnī dāt, níštī, čorī āgā́ būt. ǰoḍ bū́tant. tā́rī roč būt, aždiā́ āt, gā́lī kurt.

dā roč gwast. čorí aždiā́ gúštī ki man a-räín watí pisā́i̯ šārā́. eší gušt: bāz ǰwān int. āt watí ǰänénäi̯ā. ǰänén gušt ki bra mnī pi^{s}sā́yā, bguš ki ta

---

Змей сказал: «я пойду вперед, а ты иди сзади, и кто бы ни подошел к тебе, не бойся: это тебя будут приветствовать; и сзади некто подойдет к тебе, чтобы поклониться твоим стременам, это — твоя невеста!» Змеи подошли и приветствовали его. Одна змея подошла сзади и поклонилась его стременам. Юноша пошел и добрался до дома змея. Змей спросил у своих родственников: «отдавать мне свою дочь за рожденного человеком или нет?» Его родственники сказали: «если он в три ночи не сладит (с женой), мы снимем с него кожу и набьем ее сеном! ну, а если сладит, тогда ничего!» Он сказал: «хорошо!» и выдал за него свою дочь.

В первую ночь он положил в карман три рюхи, чтобы не говорили, что он заснул. Ночью он не сладил (с женой) и утром встал. Змей пришел и сказал: «твои мысли были с рюхами!» Наступила ночь, он положил к себе в карман три бабки. Девушка пришла, сняла свою змеиную оболочку, но юноша не проснулся. На утро, когда взошло солнце, пришел змей и сказал: «не сладились?» Юноша сказал: «нет!» Змей сказал: «твои мысли были с бабками!» Наступила ночь, юноша обрезал себе палец и посыпал на него соли. Ночью он лег, но не заснул. Девушка пришла, сняла свою оболочку, зажгла светильник и села. Юноша проснулся, и они сладились. На утро рассвело. Пришел змей и стал шутить.

Прошло десять дней. Юноша сказал змею: «я отправляюсь в город своего отца». Тот сказал: «очень хорошо!» Он пришел к своей жене. Жена сказала:

áspe bdäi̯. áspe ki dātī, lāgárene byārāi̯, pa-zórene ma yārāi̯, ša lagāmānī ta konágene byārāi̯, zenānī tā konágene byārāi̯. čorí šut aždiāāi̯ā, gúštī ki mnā áspe bdäi̯. gúštī: bra, pa wat áspe biyár ša aspānī tā. šut, lāgáren áspe āúrtī, šut, konāgen lagāme āúrtī, šut, zenānī tā konágen zéne āúrtī. ǰānénī gúštī ki bra, mnī māsā bguš ki azráti Suleimānī paihambári aptekállā bdäi̯. e čorí šútī, gúštī: azráti Suleimānī paihambári aptekállā bdäi̯. māsī dātī, eš zurt o āúrtī. ǰānénī gúštī ki bra, mnī māsā bguš ki azráti Suleimānī ampānā bdäi̯. čorí šútī, gúštī ki azráti Suleimānī ampānā bdäi̯. eší rā dātī. eš zurt o āúrtī. čorí gúštī: man a-räín watí pissāi̯ gisā. ǰänénī gúštī ki bra, pᵃlānā gudárāi̯ sarā mnind ki man ša watí pis o māsā raxsatí a-girín o kāín.

čorí šut, amā gudárāi̯ sarā ništ, gušnág būt, gúštī: äi̯ biyā, ki man yak lunkáe nān bzūrín o borín. eš yak lunkáe nān zúrtī, dístī ki māre. sínge zúrtī, ǰátī sarágāi̯ tāi̯. guštī: äi̯ čorí, kuštínā mnā kúštāi̯, plānā ampānāi̯ tā dārūānā mnī sarā dé. eš zúrtī, be sarāi̯ ǰátī. e mār čoríāi̯ ǰānén ātī, amé mārien postá wat rā kúrt-atī. čorí gúštī: brawán. e š-amédā šútant, bi watí pisāi̯ šārā šútant.

tārī roč būt. gwandén brāsī ša gisāi̯ demā gwast, čámmī káptī bi ǰanénāi̯. dístī čonén zabrén-e, γíšī kurt, kapt. ǰanén ātī, gwandén čoríāi̯

«иди к моему отцу и скажи, чтобы он дал лошадь; когда он даст лошадь, выбирай худую, сильную не бери, уздечку бери старую, и седло бери старое!» Юноша пошел к змею и сказал: «дай мне лошадь!» Тот сказал: «иди и сам выбери себе лошадь!» Он пошел и привел худую лошадь; пошел и взял старую уздечку; пошел и из седел выбрал старое седло. Его жена сказала: «иди и скажи моей матери: „дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!"» Юноша пошел и сказал: «дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!» Мать дала ему. Он взял и принес. Его жена сказала: «иди, скажи моей матери, чтобы она дала сумку святого пророка Сулеймана». Она дала. Он взял и принес. Юноша сказал: «я отправляюсь в дом своего отца!» Его жена сказала: «иди и подожди у такой-то переправы, потому что я попрощаюсь с отцом и матерью и приду».

Юноша пошел, стал ждать у той переправы, проголодался и сказал: «дай-ка, я возьму и съем кусок хлеба!» Он взял кусок хлеба, как вдруг увидел змею. Он схватил камень и бросил ей в голову. Она сказала: «юноша, ты меня на смерть убил! приложи мне на голову лекарства из такой-то сумки!» Он взял и приложил ей к голове. А эта змея была жена юноши, она надела на себя змеиную кожу. Юноша сказал: «пойдем!» Они ушли оттуда и пришли в город своего отца.

На утро рассвело. Младший брат проходил перед домом, и его взгляд упал на жену брата. Он увидел, как она хороша, лишился чувств и упал. Жен-

demá pā́kī ku go watí dasmā́lā, čorí ustátī, šútí watí pisā́ʸā, gušt: äi̯ bābā́, e ǰanén bā́bi mnī brāsā́ na dārít, bā́bi man dārít. pādšā́ watí wazílā lotít, wazílā gúštī: yak kā́re pkan ki e čoríʸā pkúsan, ǰanikā bzínan, bdā́yan bi gwanḍén zāgā́. wazíl gúštī: bāz ǰwān int.

čoríʸā loṭítant, čoríyā gúštant: šapí säi̯ kūzā́gā pur pkanā́i̯ ša debā́i̯ šīrā́, tā́rī biyā́räi̯. čoríyäi̯ rang zard būt. šut ǰaníkäʸā. ǰaník gúštī: tī rang pa če zard int? čorí gúštī: bⁱyā ki e rang guštág ant. e ǰaník dasmā́lā zúrtī, demā́i̯ pā́kī kurt. rā́ngī am-awā́läi̯ rang būt. e ǰaník gúštī ki γussá ma war, ki āsā́n int. šapí čoríyā bírī dāt. debā́i̯ púṭe dū́tī kurt. deb rástant, ar yáke yak úre šīr āúrt, e kūzág pur bū́tanᵗ.

tā́rī ki roč būt, e kūzágānā zúrtī, búrtī, bi pādšā́äyā, dā́tī. wazíl gúštī ki e ziyā́nā na bīt, byā ki digá abáre gušán. čoríʸā gúštant ki bra, š-ā́ dunyā́ gul byār. čorí gúštī: šarr. čorí ā́tī ǰaníkäyā, gúštī: byā ki e rang guštág ant. ǰaník gúštī: āsā́nen kā́re. gúštī: kunčít bzūr, bra plānā́ čammágäi̯ sarā, pkiš, pa wat kūḍíke ǰoḍ pkan. kunčít ki gul kúrtant, ar če parí ki kāi̯t, šor ma däi̯, säi̯ parí ša pádā kāi̯t, miānǰínäi̯ puččā́nā bzūr u biá: mnī nākozā́k int, e puččā́nī zúrtäi̯, pádā čak má ǰanā́i̯. e čorí gúštī: šarr.

щина подошла и обтерла своим платком лицо младшего юноши. Юноша встал, пошел к своему отцу и сказал: «батюшка, эта женщина не подходит к моему брату, а подходит ко мне!» Царь позвал своего визиря и сказал визирю: «придумай что-нибудь, чтобы убить этого молодца, а девушку возьмем и отдадим младшему сыну!» Визирь сказал: «очень хорошо!»

Юношу позвали и сказали юноше: «наполни ночью три кувшина дивьим молоком и утром принеси!» Юноша побледнел и пошел к девушке. Девушка сказала: «почему ты побледнел?» Юноша сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка взяла платок, обтерла его лицо, и он принял прежний вид. Девушка сказала: «не печалься, ведь это легко!» Ночью она прикрыла юношу и заставила дымиться волосок дива. Дивы пришли, и каждый принес понемножку молока; кувшины наполнились.

На утро, когда взошло солнце, он взял кувшины, отнес царю и отдал. Визирь сказал: «он не погибает! давай, скажем ему что-нибудь другое!» Юноше сказали: «иди и принеси цветок с того света!» Юноша сказал: «хорошо!» Юноша пришел к девушке и сказал: «подумай-ка, что́ они сказали!» Девушка сказала: «это легкое дело!» Потом она сказала: «возьми кунжуту, иди к такому-то источнику и посей его, а для себя приготовь укромное место, и когда кунжут зацветет, сколько бы ни пришло пэри, ты не шевелись; затем придут три пэри, ты захвати платье средней и возвращайся: она дочь моего дяди; но когда ты возьмешь ее платье, не оглядывайся!» Юноша сказал: «хорошо!»

kunčít żurt u āt čammágä̯i sarā́, ešā́nā kíštī, eš sabz kúrtant, pa wȧt kūḍíke ǰóḍī kurt. e kunčít gul kúrtant. e parí ā́tant, gwāzíyā kúrtant, šútant, sä̯i parí ša pádā ā́tant, watí puččā́nā kašítant. e čorí šut, miyānǰínä̯i puččā́nā zurt u āt. dúi digá bā́l kurtant, e miyānǰínä̯i tanā́ mānt. e šut čorí^{y}äyā, gúšti: mnī puččā́nā bdä̯i pa brāsí u gwārí. e čorí gušt: man na däín. gúštī: bdä̯i pa trū-trūzākí. čorí gúštī: na däín. gúštī: bdä̯i pa ṇākó-nākozākí. gúštī: na däín. gúštī: bdä̯i pa ǰaní u mardí. čorí dā́tī. gúštī: ai̯ ādamīzā́t, ta édā čé^{w}ā kanā́i̯? čorí gúštī: b^{i}yā ki mnī pis mnā dem dātá ki bra, š-ā́ dunyā́ gul b^{i}yār. eš gúštī: āsā́nen kā́re, ta amédenā mnin^{d} ki man a-rä^{h}ín, gul a-kārín. eš bā́lī kurt. yak sā^{h}áte na gwast, eš ā́tī, gul āúrtī, dā́tī, gúštī: annū́n brawā́n gīsā́. ešā́ s^{u}wā́rī ku watí puštā́, e šútan^{t} bi gisā́.

e gulā́nā čorí burt, dāt watí pisā́. písī wazílā gúštī: eš z^{i}yā́nā na bīt. wazíl gúštī: biā́, digá léme pkanán. čoríā loṭítant. wazíl gúštī: apt xim zarr ant, keḷí go tī māsā́ šuṭá, bā^{h}íd brawā́i̯, biyā́rä̯i. čoríä̯i rang zard būt. čorí āt ǰanénānīyā, e gúštant: tī rang pa čé zard int? gúštī: biyā́ ki wazíl

Он взял кунжуту и пошел к источнику. Он его посеял, и кунжут вырос, а для себя он приготовил укромное место. Кунжут зацвел. Пришли пэри, выкупались и ушли; вслед за ними пришли еще три пэри и разделись. Юноша пошел, схватил платье средней и вернулся. Две другие взлетели, средняя осталась одна. Она пошла к юноше и сказала: «во имя любви брата и сестры отдай мою одежду!» Юноша сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради любви тетки и племянника!» Юноша сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви дяди и племянника!» Он сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви жены и мужа!» Юноша отдал. Она сказала: «рожденный человеком! что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «поверишь ли, мой отец меня послал, чтобы я принес цветок с того света!» Она сказала: «это ведь легкое дело! ты здесь побудь, а я пойду и принесу цветок!» Она взлетела. Не прошло и часу, как она пришла, принесла цветок, отдала ему и сказала: «пойдем теперь домой!» Она посадила его на спину, и они отправились домой.

Юноша отнес эти цветы и отдал своему отцу. Его отец сказал визирю: «он не погибает!» Визирь сказал: «давай, придумаем другую хитрость!» Юношу позвали, и визирь сказал: «есть семь сосудов с золотом, а ключ исчез вместе с твоей (покойной) матерью, нужно, чтобы ты сходил и принес его!» Юноша побледнел. Потом юноша пришел к девушкам, и девушки сказали: «отчего ты побледнел?» Он сказал: «подумайте-ка, чтó сказал визирь!» Девушки сказали:

e rang guštá. ǰanén gúštant: e āsā́nen kāre. čoríā gúštant: bra, plāná ǰā gorrā́i̯ dápe páč a-bít, amódā watí aspā́ band.

čorī šútī, gorrā́i̯ dápe pač būt, watí aspā́ bástī, šútī, dístī ki du gók ant, watí wā^{h}ūndā ǰanánt. čorí gúštī: šmā pa če watí wāū́ndā ǰanít? čoríā gúštant: bra, š-ā́škā bi̯ā́. čorí šut ākaštírā, dístī, du kučák ant, watí wāū́ndā giránt. gúštī: šmā pa če watí wāū́ndā girít? čoríā gúštant: bra, š-ā́škā bi̯ā. čorí šut, dístī ki du ǰanén zāg ant, yáke lakatáb int, yáke ša čérā p-ameší ātíš kurtá. čorí gúštī: ta pa če ātíš kurtág äi̯ eší čérā? čoríā gúštī: ta bra, š-ā́škā byā, man go ta gušín. e šútī, dístī ki mnī mās taǰγánäi̯ tā ǰóš a-kánt. eš watí zāgā́ dístī, ša taǰγánäi̯ tā dár būt. zā́gī gušt: äi̯ mā́sī, ta pa če e rang ǰóš a-warā́i? gušt: man ša tī γamā́n e rang ǰóš a-warín. gúštī: äi̯ māsí, ta édā čéwa kanā́i̯? čorí gúštī: wazíl gúštī: apt ximm zarr ant, kẹlí go ta atá. mā́sī gušt: äi̯ māsí, trā amé rangā́ kanánt, ki ziyā́n pkanánt.

čorí ša watí māsā́ kẹlí^{y}ā zurt u šut, āt duén ǰanén zāgā́n^{i}yā, gúštī: šmā pa če e rangā́ kanít? ǰanén zāg gúštī: man ā dunyā́ ném man rogín eší sarā́ wām dā́štun, eš ā dunyā́ mnā na dā́tī, ar če gúštun ki bdäi̯, na

---

«это легкое дело!» Они сказали юноше: «ступай! в таком-то месте будет раскрыт вход в могилу, там ты привяжи свою лошадь!»

Юноша отправился, вход в могилу был раскрыт, он привязал лошадь, а сам пошел и увидел двух быков, нападающих на своего хозяина. Юноша сказал: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел дальше и увидел двух собак, хватающих своего хозяина. Он сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел и увидел двух женщин: одна висит, а другая развела под ней огонь. Юноша сказал: «зачем ты развела под ней огонь?» Она сказала юноше: «ступай! заходи на обратном пути, и я тебе скажу». Он пошел и увидел: да ведь это моя мать варится здесь в большом котле! Она увидела своего сына и выскочила из котла. Ее сын сказал: «матушка, почему тебя варят таким образом?» Она сказала: «я варюсь так из-за скорби по тебе!» Потом она сказала ему: «сынок, что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «визирь сказал, что есть, мол, семь сосудов с золотом, а ключ у тебя!» Его мать сказала: «сынок, с тобой так поступают, чтобы тебя погубить!»

Юноша взял ключ от своей матери и пошел обратно. Он подошел к двум женщинам и сказал: «почему вы так делаете?» Женщина сказала: «на том свете она была мне должна пол-мана масла, и на том свете она мне его не отдала;

dātī, annū́n ešī́ rā lakatā́b kurtā́g un, watī́ nem man rogínā bgírīn. čorī́ šūt kučā́kānīyā, gušt: šmā pa če watī́ wā^{h}ū́ndā gírit. kučā́k gū́štant: ammā́ watī́ wāū́ndā p-amḗšā girā́n ki ā dunyā́ amā́ rā nān yā́ke rā dāt, yā́ke rā na dāt. šūt gokā́nīyā, gokā́nā gū́štī: šmā pa če watī́ wāū́ndā ǰanít. gok gū́štant: amā́ rā ammā́i̯ wāū́nd tā́rī tā begā́ī ǰóγ a-ǰā́tī, ammā́ ra kā āū́rtī, yā́ke rā bā́z a-dāt, yā́ke rā kam. p-amḗšā ammā́ ā́e rā ǰanā́n.

šūt watī́ ā́späyā, suwā́r būt watī́ aspā́, šū́tī watī́ gisā́, burt kẹlī́yā, dā́tī bi watī́ pisā́. pī́sī wazī́lā lọtít. pādšā́ gū́štī: kẹlī́ā āū́rtī. wazī́l gū́štī: e z^{i}yā́nā na bīt, b^{i}yā ki ešī́ rā yak šā́rti digā́ pkanā́n. pādšā́ gušt: ǰu^{w}ā́n int. wazī́l čorī́yā lọtítī, čorī́yā gū́štī: b-é rodā́i̯ tā ša ta yak bū́rǰe lọtī́n, yak xī́šte ša zarrā́ bīt, yā́ke ša sorā́. čorī́ā́i̯ rang zard būt. čorī́ āt watī́ ǰanḗnānīyā, gušt: b^{i}yā ki wazī́l e rang gūštā́ ki b-é rodā́i̯ tā yak bū́rǰe bandā́i̯, yak xī́šte ša zarrā́, yā́ke ša sorā́, ešī́ rā bā^{h}ī́d šapī́ ǰoḍ kanā́i̯. ǰanḗnī gū́štant: γussá ma war kẹ āsā́nen kā́re. dasmā́lā zū́rtant, demā́i̯ pāk kū́rtant. šapī́ čorī́yā bír dā́tant, dū́t kurtant parī́ u preštā́gäi̯ puṭā́. parī́ u preštā́g ā́tant, ar yā́ke yak xišt āū́rtant, bū́rǰe ǰoḍ būt. ešī́ rā bū́rtant bẹ γā́u̯ri āsmā́nā, sar kū́rtan^{t}, šū́tant.

сколько я ни говорила ей: „отдай!“ она не отдавала, и теперь я ее подвесила, чтобы получить свои пол-мана масла!» Юноша отправился к собакам и сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Собаки сказали: «мы потому хватаем своего хозяина, что на том свете он одной давал пищу, а другой нет!» Он пошел к быкам и сказал быкам: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Быки сказали: «наш хозяин с утра и до вечера запрягал нас в ярмо, а когда приносил сено, то одному давал много, а другому мало; поэтому мы на него и нападаем!»

Он пошел к своей лошади, сел верхом на свою лошадь и отправился домой; снес ключ и отдал своему отцу. Его отец позвал визиря. Царь сказал: «он принес ключ!» Визирь сказал: «он не гибнет! давай-ка, подвергнем его еще одному испытанию!» Царь сказал: «хорошо!» Визирь позвал юношу и сказал ему: «я требую от тебя, чтобы в этой реке был замок, такой, чтобы один кирпич его был из серебра, другой из золота!» Юноша побледнел. Он пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал визирь! построй, мол, в этой реке замок, такой, чтобы один кирпич был из серебра, а другой из золота, и нужно, чтобы ты выстроил в одну ночь!» Жены сказали: «не беспокойся, это легкое дело!» Они взяли платок и обтерли ему лицо, а ночью прикрыли юношу и заставили дымиться волоски пэри и ангелов. Пэри и ангелы пришли: каждый принес по кирпичу, и построился замок. Они воздвигли его до самого неба и ушли.

tā́rī roč būt. wazī́l ustát, pādšāā gušt: äi̯ pādšā́, bi̯ā́ ki roč š-éngū dar nā́^{y} ātá, š-éngū dár ātá! pādšā́ gušt: biyā́rit e kū́nä^{i} pusságā. wazī́l gušt: na, pādšā́, man drógā na gušín. pādšā́ gušt: brä́it, säi̯l pkánit, bálke̯ drógā na gušít. e šútant, säi̯l kúrtant, gúštant: wazī́l drógā na gušít, eš rā́stā gušít. čorí ā́tī, gúštī: búrje jóḍ kurtun. pādšā́ wazī́lā gúštī: e ziyā́nā na bīt. biā́ ki mašmā́ múččī brawán, burjā́i̯ sarā́ bālā́ bayán. wazī́l gúštī: bāz jwān int. čoríā loṭítant. pādšā́ gúštī: ammā́ rawán burjā́i̯ sarā́, bālā́ bayán, agár zā́ntan, yak xī́šte xarā́b ištág äi̯, ammā́ trā go zāmā́ janán. čorí gúštī: bāz jwān int. čorí šútī watí janénānīyā, gúštī: biá ki pādšā́ e rang guštá. janénī gúštant: e āsā́nen kā́re.

múččī šútant. bālā́ bū́tant. čoríäi̯ janén gúštī: ta ma^{r} ra, man a-räín. čorí gúštī: bāz jwān int. janén šútī, uštā́tī. pādšā́ múččī bālā́ bū́t-atant. pādšā́ gúštī: äi̯ wazī́l, yak xī́šte xarā́b ištá, dé^{h}ī bi gardínäi̯! amé ki gúštī: déī, čoríäi̯ janén parí u preštágäi̯ puṭā́ dū́tī ku, parí u preštág múččī ā́tant, ar yā́ke watí xī́štā burt. pādšā́ u wazī́l múččī káptant, rodā́i̯ tā múččī múrtant. š-amódā jístun u bástun, pa wat imā́ne āū́rtun, pa^{t} ta dištā́re āū́rtun.

На утро рассвело. Визирь встал и сказал царю: «о царь! посмотри-ка, солнце не отсюда взошло, а оттуда взошло!» Царь сказал: «подайте-ка мне этого сына разврата!» Визирь сказал: «нет, царь, я не лгу!» Царь сказал: «сходите и посмотрите, но только не лгите!» Сходили, посмотрели и сказали: «визирь не лжет! он говорит правду!» Пришел юноша и сказал: «я построил замок!» Царь сказал визирю: «он не погибает! давай-ка, мы все пойдем и подымемся на замок!» Визирь сказал: «очень хорошо!» Позвали юношу, и царь сказал ему: «мы пойдем и поднимемся на замок, и если выясним, что ты неправильно положил хоть один кирпич, мы тебя убьем мечом!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Юноша пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал царь!» Жены сказали: «это легкое дело!»

Все пошли и поднялись наверх. Жена юноши сказала: «ты не ходи, я пойду!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Его жена пошла и остановилась. Царь и все приближенные тоже поднялись наверх. Царь сказал: «визирь, если хоть один кирпич поставлен неверно, ударь его по шее!» Как только он сказал: «ударь его!» жена юноши заставила дымиться волоски пэри и ангелов. Все пэри и ангелы пришли, и каждый унес свой кирпич. Царь и визирь и все приближенные упали в реку и погибли. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

XVI

būt būt, čap ša xudā́ káse getír na būt. yak róče ^{y}at, yak pādšā́e ^{y}at, säi̯ zāg dāšt. pādšā́ gúštī: bābā́, agár man múrtun, tā säi̯ šap mnī go^{r}rā́ psā́tit. du-säi̯ roč bū́tī, pādšā́ murt. kasánen zā́gī šut watí brāsā́nī^{y}ā, gúštī: bābā́, mašmā́ rā pis če nasī^{y}át kurt, gúštī: tā säi̯ šap u säi̯ roč mnī go^{r}rā́ psā́tit. mazánen zāg gúštant: tī pisā́i̯ māsā́ bgā́yan, murdágäi̯ nasī^{y}átā kä̌i̯ tā sár a-bā́? karā́r kasánen zāg tīr-kamā́nā zurt u šut watí pisā́i̯ gorā́i̯ sarā́. karā́r yak nāū̆čáge ǰóḍ kurt, karā́r bi tā́i̯ ništ. ā̆nčo ki nuašā́m būt, dístī ki š-améngū yak buzlangí, yak lúnṭe bi asmā́nā i̯nt, yáke bi ḍigárā i̯nt. karā́r watí aspā́i̯ mex-tabílā bi ḍigárā ǰat, watí zām wa tūpákā amóḍā išt, binā́e gorrā́i̯ pač dātínā zurt. karā́r pādšā́äi̯ zāg eší rā go watí tīr-kamā́nā ǰat. buzlangí murt. karā́r eší lāšā́ gipt, burt, dūrā́ prent, eší aspā́ wa zām u tūpákā burt watí gisā́, watí pīrazā́läi̯ māsā́i̯ dastā́ dā́tī. karā́r mā́sī aspā́ gíptī, yak tabiláäi̯ tā kurt.

tā́rī roč būt, pādšā́äi̯ kasánen zāg šut watí mazánen brāsā́nīyā, gúštī: lālā́, pis bäšmā́ rā če nasīyát kurt? gúštan^{t}: tī pisā́i̯ māsā́ bgā́yan, murdágäi̯ nasī^{y}átā kā́i̯ tā sár a-bā́^{rt}? karā́r pādšā́^{y}en kasánen zāg watí tīr-kamā́nā

(XVI. Об исполнении завета покойного отца)

Было-было, никого лучше бога не было. Когда-то был царь, у него было три сына. Царь сказал им: «дети, если я умру, вы три ночи оберегайте мою могилу!» Через два-три дня царь умер. Младший сын пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец? он сказал ведь: „до истечения трех ночей и трех дней берегите мою могилу!“» Старшие сыновья сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший сын взял лук и стрелы и пошел к могиле своего отца; устроил засаду и уселся в ней. Как только наступил вечер, он увидел с одной стороны бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он вбил в землю коновязный кол для своей лошади, положил возле свой меч и свое ружье и принялся раскапывать могилу. Царский сын выстрелил в него из своего лука. Бузланги издох. Он взял труп, отнес и бросил поодаль, а лошадь, меч и ружье отнес к себе домой и поручил старухе-матери. Его мать приняла лошадь и поставила в конюшню.

На другое утро младший царевич пошел и сказал своим старшим братьям: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказал: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял

zurt u āt watī́ pisā́i̯ gorrā́i̯ sarā́. nāučágāi̯ tā ništ, dist ki š-amā́ngūr yak buzlangī́ kā́i̯t, yak lúnṭe bi asmā́nā int, yáke bi ḍigárā i̯nt. karā́r watī́ aspā́ bast u watī́ zām u tūpákā bi ḍigárā išt. bināe padšā́āi̯ gorrā́i̯ pač dātínā zurt. karā́r padšā́āi̯ zāg watī́ tīr-kamā́nā zurt, ǰat buzlangī́^{y}ā. buzlangī́ kapt. karā́r eší rā burt, dū́rā prent. karā́r ā́tī, aspā́i̯ wa zām u tūpákā zurt, burt, watī́ māsā́i̯ dastā́ dā́tī. karā́r wáptī.

tā́rī duwārdág roč bū́tī, šut watī́ brāsánī^{y}ā, gúštī: lālā́, pis bäšmā́ rā če nasīyát kurt. gúštan^{t}: bra, tī pisā́i̯ māsā́ bgā́yan, murdágāi̯ nasī^{y}ātā kā́i̯ tā sár a-bá^{rt}. karā́r pādšā́āi̯ kasánen zāg watī́ tīr-kamā́nā zurt u šut watī́ pisā́i̯ gorrā́i̯ sarā́. karā́r nāučágāi̯ tā ništ, dist ki š-amā́ngū yak buzlangī́, yak lúnṭe bi ḍigárā int, yáke bi asmā́nā int. karā́r watī́ aspā́ bast, watī́ zām u tūpákā išt, bināe pādšā́āi̯ gorrā́i̯ pač dātínā zurt. karā́r pādšā́āi̯ zāg eší rā yak tīr-kamā́n ǰat, kušt eší rā. eší lāšā́ burt, dū́rā prent. eší zām go tūpákā burt, bi watī́ māsā́i̯ dastā́ dāt. karā́r wapt.

maróčī ša ro-darā́tā yak pādšā́e ǰārčínā bi ǰārā́ prent ki ar kas pa šartā́ kā́i̯t, b^{i}ā́i̯t, ki man čil čā ǰatā́ un, ar kas š-amé čil čā prent, man watī́ ǰaníkā bi āī^{y}ā dä́ín. karā́r e pādšā́en kasánen zāg sī́ būt. šut watī́ mazánen

---

свой лук и стрелы, пришел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел, что с той стороны подходит бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил на землю свой меч и свое ружье, и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын взял свой лук и выстрелил в бузланги, бузланги упал. Он его отнес и бросил поодаль. Потом он подошел, взял его лошадь, забрал меч и ружье, вручил своей матери и лег спать.

Опять наступило утро. Он пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял свой лук и стрелы, пошел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел с той стороны бузланги, одна губа у него до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил меч и ружье и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын выстрелил в него из лука и убил его. Он оттащил труп и бросил поодаль, а меч с ружьем отнес и отдал своей матери, сам лег спать.

В этот день один царь с востока прислал глашатая для объявления, что пусть приходит всякий, кто хочет состязаться: я, мол, выкопал сорок колодцев, и кто бы ни перескочил через эти сорок колодцев, я выдам за того свою дочь. Итак, этот младший царевич узнал об этом. Он пошел к своим старшим

brāsā́nī^{y}ā, gúštī: lālā́, b^{i}yā ki bašmā́ brawán bi ro-darā́tā, pälāná ǰāgā́ pādšā́e ǰārčínā bi ǰārā́ prentá, čil čā ǰatá, ar kas š-amé čil čā prenít, watí ǰanikā bi āíe^{y}ā dant. mazánen brās gúštant: bra, tī māsā́ bgā́yan, trā kā́i̯ g^{o} wát a-bart.

karā́r pādšā́äi̯ kasánen zāg šut watí māsā́yā, watí aspā́ zen u erā́γ kurt, s^{u}wār būt, šut pa pādšā́äi̯ säi̯lā́. karā́r š-améngū šútī, watí aspā́ äi̯bát dāt. áspī š-amé čil čā vížžu prent. karā́r yak ǰiníke rā bi watí puštā́ s^{u}wār kurt, āt bi watí gisā́, watí māsā́ gušt: yak táxte ǰóḍ pkan p-amé ǰiníkkā, ǰiníkā bi me taxtā́i̯ sarā́ mnādén. karā́r mā́sī táxte ǰóḍ kurt, ǰiníkkā bi taxtā́i̯ sarā́ nādént. tā́rī duwārdág roč būt, čorí watí ^{y}e digá aspā́ s^{u}wār būt, šut pa pādšā́äi̯ säi̯lā́. maróčī duwārdág watí ^{y}e digá aspā́ ai̯bát dāt. áspī š-amé čil čā^{h}ā́ vížžu prent. karā́r e digá padšā́äi̯ ǰaníkā watí puštā́ su^{w}ār kurt, burt bi watí gisā́, eší rā am bi taxtā́i̯ sarā́ nādéntī. šapí wapt, tā́rī duwārdág watí e digá aspā́ s^{u}wār būt, ā́tī pa pādsā́äi̯ didánā. karā́r duwārdág pādšā́äi̯ e digá ǰiníkā am búrtī.

maróčī watí brāsā́nā loṭít, ar säi̯ aspā́nā kašít ša gisā́i̯ tā, ar säi̯ ǰiníkānā kašít ša gisā́i̯ tā, tūpákānā am kašít ša gisā́i̯ tā, zāmā́nā am kašít ša gisā́i̯ tā. mazánen aspā́ wa mazánen ǰiníkā wa mazánen tūpákkā dāt bi

---

братьям и сказал: «братья, давайте, пойдем на восток! в таком-то месте царь выслал глашатая с объявлением: он выкопал сорок колодцев, и за всякого, кто перескочит через эти сорок колодцев, он выдаст свою дочь». Старшие братья сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто тебя возьмет с собой?»

Младший царевич пошел к своей матери, оседлал свою лошадь, сел верхом и отправился к царю на прием. Итак, там он выступил, разогнал свою лошадь, и его лошадь легко перепрыгнула через эти сорок колодцев. Потом он посадил девушку верхом сзади себя, добрался до своего дома и сказал своей матери: «устрой трон для этой девушки!» Для этой девушки устроили трон, и девушку посадили на этот трон. Вновь наступило утро, юноша сел верхом на другую лошадь и отправился к царю на прием. В этот день он опять разогнал свою другую лошадь, и его лошадь легко перескочила через те сорок колодцев. Итак, он и другую царскую дочь посадил сзади себя верхом и отвез к себе домой; ее также усадили на трон. Ночь он проспал, а на утро вновь сел на свою третью лошадь и отправился к царю на прием. Итак, он опять увез и третью дочь царя.

В этот день он позвал своих братьев, вывел из дому всех трех лошадей, вывел из дому всех трех девушек, вынес также из дому ружья, вынес из дому также и мечи. Самую большую лошадь, старшую девушку и самое большое

watí mazánen brāsā́, miʸāntaíen aspā́ wa miʸāntaiíen jiníkā wa miʸāntaíen zāmā́ dāt bi watí miʸāntaíen brāsā́. kasánen aspā́ wa kasánen jiníkā wa kasánen tūpákkā wa kasánen zāmā́ wat zúrtī. š-amódā jístun u bastun, pa wat imā́ne āwúrtun, pa pādšā́ā̯i zāgā́ dištáre āwúrtun.

XVII

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at, yak pīramárde at. e pīramárd dā́štī yak warnā́en jänéne. eší jänén dā́štī yak yā́re. e janák pa watí yārā́ juwānén nahā́r pakkítī, pa watí yārā́ maidáen ārtā́nā pakkítī. e pīramárd ar roč gúštī: äi̯ jänén, ta pa če mⁱnā pūk dahā́i̯? e janák gúštī: man čon kanín? tī gwār ar roč ke man ārt gečín a-kanín, tī gwār ša Xurāsā́n tússe jant, ārtā́nī urténānā bart. e pīramárd gúštī: man gwārā́i̯ pigrā́ dārín.

e š-amédā yak látte zúrtī, rādág būt. šútī be watí gwārā́i̯ alkā́. eší gwār dístī: mnī brās kā́i̯t. e š-amédā arkát kurt. e pīramárd gúštī: má yā, tī pisā́ gā́tun, juwā́nen kār na kurtág äi̯. eší gwār gúštī: tī ges bun gīt, man trā

ружье он отдал своему старшему брату; среднюю лошадь, среднюю девушку и средний меч он отдал своему среднему брату, а меньшую лошадь, младшую девушку, самое маленькое ружье и самый маленький меч взял сам. Оттуда я убежал и связал, себе принес благополучие, а царскому сыну привел невесту.

(XVII. О плешивом)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старик. Этот старик имел молодую жену, а у его жены был возлюбленный. Эта женщина для своего возлюбленного готовила хорошие кушанья, и для своего возлюбленного пекла хлеб из сеяной муки. Старик каждый день говорил: «жена, что ты даешь мне все муку с отрубями?» Женщина говорила: «что я поделаю? каждый день, когда я просеваю муку, твоя сестра испускает ветры из Хоросана и уносит сеяную муку». Старик сказал: «ужó я позабочусь о сестре!»

Он взял посох, собрался в путь и пошел в селение к своей сестре. Сестра его увидела: вот подходит мой брат! Она поднялась. Старик сказал: «не подходи! я совокуплялся с твоим отцом! хороших дел ты не делала!» Его сестра

yak sāl-int, trā na distā́ un. e pīramárd gúštī: ta watí kārānā kurtág äi̯, man ódā pū́k a-warín, ta š-édā túss a-ǰanā́i̯, ārtānī urténānā go watí tussā́ barā́i̯. eší gwār gúštī: ta gānók būtág-äi̯, či balā? íččī ma gu, yáke buškínt, čéwā gušít? äi̯ lālā ǰān, yak ga brawán gesā́, ar ka guštá, drog guštá. eš āwúrtī gesā́, čā dātī, eš zabr j^{u}wān wártī, eší gwār gúštī: yak gárre go wat báräi̯, man trā garókā da^{h}ín, go wat bárräi̯, ar abáre bīt, garók pa^{t} ta gušít.

e pīramárd demā́ būt, garók be āí padā́ būt. garókā nākóī be gesā́ íštī. pīramárd šut pa langárā. e ǰanák gúštī garókā: b^{i}ra pa dārā́! e garók gúštī: šar. daságe zúrtī, šútī be gokānī kulundā́i̯ tā. yak ga dístī, yak warnāen mardáke ā́tī. e ǰanák gúštī: pīramárd yak garróken čorikáe ā^{w}urtá. e mardák gúštī: š-e garrókān sad byārīt, pa^{m} man yáke, šar, man räín, ta pa man yak múrge gir o byār, man pa^{t} ta kušín. e ǰanák šútī, yak múrge ǰwānén gíptī, ā^{w}úrtī. e mardák ilāl kúrtī, ǰanakā́ gúštī: man ā́ rāā́i̯ dapā́ gallá rečín, ta ar kadén murgā́ pakkítäi̯, mnī rāā́i̯ dapā́ gallá rét-at, āmā́ rāā́i̯ tā bra, ā rāā́i̯ tā ke gallá na rét-at, ma^{r} ra. ǰanák gúštī: šarr, man murgā́ pačín o kāín.

сказала: «пусть сгорит твой дом! вот уже год, как я тебя не видела!» Старик сказал: «ты тут делаешь свои дела, а я должен там есть муку с отрубями! ты отсюда испускаешь ветры и своим ветром уносишь сеяную муку!» Его сестра сказала: «ты с ума сошел, что ли? не говори ничего, а то кто-нибудь услышит и чтó скажет? пойдем-ка, братец, в дом! кто бы тебе ни наговорил, напраслину сказал!» Она повела его домой, дала чаю. Он поел, как следует, и его сестра сказала: «возьми-ка с собой плешивого! я дам тебе одного плешивого, возьми его с собой! чтó ни случится, плешивый тебе скажет».

Старик пошел впереди, плешивый сзади него. Старик оставил плешивого у себя дома. Старик пошел пахать, а женщина сказала плешивому: «сходи за дровами!» Плешивый сказал: «хорошо!» взял веревку и пошел в коровник. Вдруг он увидел, подошел молодой мужчина. Та женщина сказала: «старик-то привел плешивого парня!» Мужчина сказал: «пусть хоть сотню приводит этих плешивых, мне все равно! ну, хорошо, я пойду, а ты возьми и принеси мне курицу, и я тебе ее зарежу». Женщина пошла, выбрала хорошую курицу и принесла. Мужчина ее зарезал и сказал женщине: «при выходе на дорогу я посыплю зерна; как только ты сваришь курицу, — а при выходе на мою дорогу будет насыпано зерно, — ты по той дороге и иди, а по дороге, где зерна не будет насыпано, не ходи!» Женщина сказала: «хорошо, я сварю курицу и приду!»

garrók e abarānā uškítī, ša mardákäi̯ padā́ šútī. mardák gallā́nā kẹ rétī, garrók ša padā́ gallā́nā rúptī, bẹ watí nākóäi̯ rāā́i̯ sarā́ rétī. gúḍā šut bẹ watí nākóʷäi̯ā, gúštī: maróčī mašmā́ murgā́i̯ gošt warán. nākói̯ gúštī: ša gujā́? garrók gúštī: ta či kār dārā́i̯? šaᵐ man, kẹ man trā murgā́i̯ ġošt bdäín.

katrā́i̯ gidá garrók säi̯l kurt, dístī tā ǰanák kā́i̯t. ǰanák kẹ nazínk ā́tī, garrók tawā́r kurt, gúštī: wā tātī, amā́ édān-an, ingūrí biyā́. ǰanák äi̯rā́n būt kẹ man čunén kāre kúrtun, ša xaǰālatíyā ā́tī, goštā́nā ístī, garrókā o nākóʷäi̯ gúštī: bẹäit, bórit kẹ sárd a-bayánt. amā́ int-a, garrók o nakói̯ ā́tant. ǰanák gúštī: doší man wā́be dístun, múrge xai̯rā́t kúrtun. garrók gúštī: xudā́ kabū́l pkant. ǰanák gúštī: xudā́ kabū́l-ā́ kurt, agár säi̯ mardúm bū́tin, zabr kabū́l būt. garrók gúštī: man burzágäi̯ sarā́ bālā bäín, agár mardúme bgíndīn, gušín kẹ bā́i̯t. ǰanák gúštī: man yak mardúme gindín, bra amā́e rā bguš kẹ bā́i̯t. garrók gúštī: šarr, räín. garrók šut, mardákā gúštī: mnī nākó paᵗ tī ǰānā́ minnít. mardák guští: pa če? garrók gúštī: man na zānín, trā kušīt. mardák gúštī: man čon kanín? garrók gúštī: man raín, agár mnī nākó améngūrī bā́i̯t, bzā́näi̯ kẹ paᵗ tī ǰānā́ kā́i̯t.

Плешивый слышал этот разговор и пошел вслед за мужчиной. Как только тот посыпал зерна, плешивый сзади подобрал зерно и посыпал его при выходе на дорогу к своему дяде. Потом он пошел к своему дяде и сказал: «сегодня мы с тобой поедим куриного мяса!» Дядя сказал: «откуда?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? от меня, раз я тебе дам куриного мяса!»

Немного погодя, плешивый взглянул и увидел, что женщина подходит. Когда она подошла поближе, плешивый закричал: «тетя, мы здесь, иди сюда!» Женщина удивилась: что, дескать, я наделала? Она в замешательстве подошла, поставила мясо и сказала плешивому и его дяде: «идите, ешьте, а то остынет!» Вот плешивый и его дядя подошли. Женщина сказала: «прошлую ночь я видела сон, и принесла курицу в жертву!» Плешивый сказал: «да будет она угодна богу!» Женщина сказала: «богу-то она угодна, но если бы (вас) было трое, она была бы еще более угодна!» Плешивый сказал: «я подымусь на верхушку горы, и если кого-нибудь увижу, скажу, пусть приходит!» Женщина сказала: «я вижу человека, сходи и скажи ему, пусть придет!» Плешивый сказал: «хорошо, я пойду!» Плешивый пошел и сказал тому мужчине: «мой дядя на тебя умышляет!» Мужчина сказал: «за что?» Плешивый сказал: «не знаю, только он убьет тебя!» Мужчина сказал: «что же мне делать?» Плешивый сказал: «ну, я пойду, а ты знай, что если мой дядя сюда придет, то по твою душу придет!»

garrók āt, gúštī: mardák gušít: tī nākó kāi̯t, man raín; agár nāi̯t, man na räín. ǰanák gúštī: bra. garrók gúštī: šuttínā rawāi̯, yak kučáke dārít, mardúm a-wárt. ǰanák gúštī: yak láṭṭe bzūr o b^{i}ra. pīramárd yak láṭṭe zurt o šútī. amé kẹ mardákäi̯ nazínkā ắtī, mardák yag ga ǰístī. pīramárd tawắr kúrtī. na, mardák ǰist. e pádā āt, gúštī kẹ ā mardák ganóke at, či balắ! ančo kẹ mnā dístī, ǰístī. man ắe rā tawắr kúrtun, na ^{w}uštắt. amắ-int kẹ ǰanák gúštī: šar, zū́ti b^{u}ắrit, man a-raín. amắ-int, ^{y}eš goštắnā wártant, ǰanák šut bẹ gẹsắ. maróčī na būt.

bắndā duwārág garrókäi̯ nākó šut pa langắrā. garrók dasságe zurt, gúštī: man räín pa dārắ. ǰanák gúštī: šarr, bra pa dārắ. garrók šut bẹ gokắnī kulunḍắi̯ tā, srapítī, dístī, amắ mardák ắtī, gúštī ǰanákkā: ta zī čón kurtäi̯? ǰanák gúštī: man amắ rắe kẹ ta gúštäi̯, man amắ rāé tā ắtun, man rāst bẹ garrók o nākóäi̯ sarắ ắtun. gúḍā pa^{t} tī padắ mardúme dem dắtun, ta pa če ǰístäi̯? mardák gúštī: man čon kurtín-un? garrók gúštī: mnī nākó pa^{t} tī ǰānắ kāi̯t, t^{i}rā kušít, man dístun kẹ kāi̯t, man trussítun. ǰanák gúštī: garrók dróg a-ǰánt. man watí mardắ dem dắtun pa tī padắ, garrók gúštī: man räín. garrók āt, gúštī kẹ mardák guštá: agá tī nākó ma ắi̯t, man

---

Плешивый вернулся и сказал: «тот человек говорит: „если придет твой дядя, пойду; если не придет, не пойду!“» Женщина сказала: «сходи!» Плешивый сказал: «итти-то иди, только у него собака, кусает людей!» Женщина сказала: «возьми палку и иди!» Старик взял палку и пошел. Как только он подошел поближе к тому человеку, тот вдруг побежал. Старик ему закричал. Нет! убежал! Он вернулся и сказал: «тот человек был сумасшедший, что ли! как только он меня увидел, так побежал; я ему кричал, но он не остановился». Вот женщина сказала: «ну, скорее ешьте, и я пойду!» Вот они поели мяса, и женщина пошла домой. Не вышло в этот день!

На другой день дядя плешивого опять пошел пахать. Плешивый взял веревку и сказал: «я пойду за дровами!» Женщина сказала: «хорошо, иди за дровами!» Плешивый пошел в коровник и спрятался. Он увидел: подошел тот мужчина и сказал женщине: «что ты вчера наделала?» Женщина сказала: «я пошла по той дороге, как ты сказал мне, пошла по той дороге, и прямехонько пришла к плешивому и к его дяде! потом я посылала за тобой, а ты почему убежал?» Мужчина сказал: «что мне было делать? плешивый сказал: „мой дядя придет по твою душу и убьет тебя!“ я увидел, что он подходит и испугался». Женщина сказала: «плешивый врет! я посылала за тобой своего мужа, а плешивый сказал: „я пойду!“ потом плешивый пришел и сказал, будто бы тот человек сказал: „если твой дядя не придет, я не пойду!“ я сказала: „иди и скажи, пусть

na kāín. man gúštun: bra, bguš kẹ bā̯̈it, ā kẹ démẹ ta ā́tī, ta ǰístä̯i. mardák gúštī: šar, anū́n čón kanä̯i? ǰanák gúštī: man maróčī zārā́ttā rä́ín, ta pa^{m} man yak čattíe bgir o b^{i}yār, pa man kuš o man pačín o barín zārā́ttā. mardák gúštī: šarr. ǰanák guštī: bálkẹ garrók o nakó̯i kor bayánt! mardák gúštī: šar, man rä́ín pa čattíe, ta ša padā́, tā-wáxte ārt tā́r pkan. man tā-wáxte kāín. ǰanák gúštī: šar, zū́tẹ b^{i}ā́ä̯i. mardák šut o zū́tī čattíe gipt o ā^{w}úrtī. ǰanákā gúštī: mnā kā́rče bdä̯i, man čattī́^{y}ā pa^{t} ta ilā́l kanín. ǰanák ā́e rā kā́rče dāt, ^{y}e čattí rā ilā́l kurt. zū́tī postā̯́i ǰátī, goštā́nī koṭítī. ǰanák loī́^{y}ā bir kurt, goštā́nā loíä̯i tā préntī. mardák gúštī: šar, man a-rä́ín, tạ wát a-rawā̯́i zārā́ttā. ǰanák gúštī: šarr, bra. mardák šut.

ǰanák goštā́nā pakkítī o parzonágä̯i tā goštā́nā patáptī o rādág būt. garrók dístī: ǰanák rå̄u̯t. garrók arkát kurt, ša ǰanákkä̯i pānā́dā šut, yak górre tā putrít. ǰanák ā́tī, zārā́ttā nazínk kúrtī. garrók tawā́r kurt ǰanákkā, gúštī: engūrí ma yā kẹ tī puč nāpā́k ant. ǰanák gúštī: yā au̯lī^{y}ā́, man tī kurbā́n-un, yak árze dārín. garók gušt: man tī arzā́ zūrín, ta parzonágā bil amódā, pa yak šárte kẹ man yak abáre gušín, agár ta mnī abárā bzū́rä̯i. ǰanák gúštī: pa čammā́n. garók gúštī kẹ amā́ pābánde kẹ bẹ šmä̯i gisā̯́i

---

придет!“ но как только он стал подходить к тебе, ты убежал!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, что мне теперь делать?» Женщина сказала: «сегодня я пойду на богомолье! возьми и приведи мне козленка и зарежь его для меня, а я сварю и отнесу на богомолье». Мужчина сказал: «хорошо!» Женщина сказала: «хоть бы плешивый и его дядя ослепли!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду за козленком, а ты пока замеси тесто! я тем временем приду». Женщина сказала: «хорошо, приходи скорее!» Мужчина пошел, быстро нашел и привел козленка и сказал женщине: «дай мне нож, я тебе зарежу козленка!» Женщина дала ему нож, и он зарезал козленка. Он быстро содрал с него шкуру и нарезал мясо на куски. Женщина поставила котел и положила мясо в котел. Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду, а ты тоже иди на богомолье!» Женщина сказала: «хорошо, иди!» Мужчина ушел.

Женщина сварила мясо, завернула его в скатерть и собралась. Плешивый видит: женщина идет. Плешивый поднялся, пошел в стороне от женщины и спрятался в одной могиле. Женщина подошла и приблизилась к месту богомолья. Плешивый закричал женщине: «не подходи сюда, так как твое платье не чисто!» Женщина сказала: «о святой, да стану я твоей жертвой! у меня есть просьба». Плешивый сказал: «я исполню твою просьбу, оставь там свой сверток! только при условии, что я скажу тебе нечто и ты будешь хранить мой наказ!». Женщина сказала: «пуще глаза!» Плешивый сказал: «зарежь того барана, который

dapā́ int, amā́ pābándā pkúšäi̯ o garrók o nākóī tā säi̯ šap o roč aṃ-awā̤́nā pābándäi̯ goštā́nā bẹ māwā́n bdā́äi̯, ta o tī yār š-amā́ goštā́n ma wárit. gúḍā garrók o nākóī ša säi̯ šap o ročā́ gúḍā kór bayánt. ǰanák gúštī: pa čammā́n. amódā goštā́nā go parzonágā íštī o rādág būt.

garrók katráe gidá ša gorā́ dár kapt o goštā́nā go parzonágā zurt o rādág būt. ā́tī watí nākóäi̯ā, goštā́nā watí nākóäi̯ demā́ íštī. nākóī gúštī: ta e goštā́nā ša gujā́ āúrtäi̯? garrók gúštī: ta či kār dārā́i̯? watí goštā́ b^{u}år, bgard. e āngāt kámm ant, begáī pābándäi̯ góšt a-warā́i̯. man trā yak pánte däín, ta mnī abárā bzūr. ešī nākó gúštī: šarr, man tī abárā zūrín. garrók guštī: mašmā́ bi gisā́i̯ tā brawán, mašmā́ rā ǰanák tā säi̯ šap o roč pābándạ̈i̯ gošt dant. säi̯ roč kẹ purá būt, ta bguš kẹ wāx! mnī čam kor bū́tant, ša^t tī padā́ man am gušín kẹ wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīra-mardúk gúštī: šar.

roč begā́ būt. garrók ká^{m}me dār baḍā́ kurt. eš o nākóī šútant gisā́. ǰanák ešā́nā maróčī zabr xizmát kúrtī. ešā́nī demā́ pābándäi̯ gošt āwúrt, ešā́nā tā säi̯ roč zabr xizmát kúrtī, pa kārā́ nā́i̯štī. säi̯ roč kẹ purrá būt, garrókäi̯ nākó gúštī: wāx! mnī čam kor bū́tant. š-āí padā́ garrók gúštī: wāx! mnī čam am kor bū́tant. pīramardúk ǰanákā gúštī: pa man yak ǰullúke pren, mnī dastā́ bgir, mnā bẹ mā gokā́nī kulunḍā́i̯ kiníkkā pren.

откармливается у дверей вашего дома, и три дня корми плешивого и его дядю этим мясом, а сама ты и твой возлюбленный этого мяса не ешьте: через трое суток плешивый и его дядя ослепнут». Женщина сказала: «пуще глаза!» оставила там мясо и скатерть и пошла.

Немного погодя, плешивый вышел из могилы, взял мясо и скатерть и пошел. Он пришел к своему дяде и положил перед ним мясо. Его дядя сказал: «откуда ты принес это мясо?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? ешь свое мясо и иди! этого еще мало, вечером ты будешь есть кормленого барана! я дам тебе один совет, а ты делай, как я скажу!» Его дядя сказал: «хорошо, я буду делать, как ты скажешь!» Плешивый сказал: «мы пойдем домой, и та женщина трое суток будет давать нам мяса кормленого барана, а когда пройдет три дня, ты скажи: „ох! мои глаза ослепли!“ вслед за тобой и я скажу: „ох! мои глаза ослепли!“» Старик сказал: «хорошо!»

Наступил вечер. Плешивый взял на спину немного дров, и он и его дядя пошли домой. В этот день женщина хорошо ухаживала за ними и принесла им мяса кормленого барана. Три дня она хорошо ухаживала за ними и не заставляла работать. Когда прошло три дня, дядя плешивого сказал: «ох! мои глаза ослепли!» За ним и плешивый сказал: «ох! и мои глаза ослепли!» Старик сказал женщине: «набросай мне тряпья и возьми меня за руку и положи

ǰanák gāl-pa-gāl, p-eší yak koná ǰullúke préntī, eší dastā́ gíptī, burt bẹ amā́ kulúnḍä̯i kiníkkā, gúštī: amédā kap. ǰanák šut bẹ gisā́.

ǰanákkä̯i yār átī, be tawā́rā bẹ gisā́i̯ tā putrít. ǰanák watí yārā́ gúštī: man tā-wáxte bẹ gisā́n raín o kāín, ta amédā bwasp, garrók o nākóī kor bū́tant, ta anū́n pa če trussā́i̯? mardák gušt: man am na trusín šä ešā́n. ǰanák gúštī: šar, man a-raín, ta amédā bwasp. ǰanák garrókā gúštī: man raín bẹ alkā́ o kāín. ta gisā́i̯ dapā́ tā-wáxte mnīnd. garrók gúštī: mnā yak láṭṭe bdä̯i kẹ áre yā múrge ma ā́i̯t gisā́i̯ tā. ǰanák ešā́ yak láṭṭe dā́tī, wat šut bẹ alkā́ pa gaštínā, ǰanák pa watí yārā́ dulmá bír kurt-at.

garrók arkát kurt, čammā́nā pač kurt, sä̯il kúrtī ,išk o ā́škā, ič ka nä̯int, dístī tā mardák waptá. amé loíä̯i tä̯i sorén rogínā mardákä̯i dapā́i̯ tā rétī. mardákä̯i dap sútī. sorén rogín mardákä̯i tā šutant. mardák lagattúk ǰat. mardákä̯i napás šut. garrók āt, watí ǰāgā́ ništ.

yak katráe gidá ǰanák āt. ǰanák ki gisā́i̯ dapā́ āt, garrók go me laṭṭā́ yáke bẹ ǰanákkä̯i lingā́n ǰátī. ǰanák piryā́t ku, garrók gúštī: bā-a-bä̯i! tá-wä̯i, tā́tī! na zā́ntun kẹ tá-wä̯i, man gúštun, bálkẹ áre. ǰanák gúštī: šarr, zalár nä̯int. ǰanák šut bẹ gisā́i̯ tā, mardákā ṭuíttī (ṭuk-ṭuk ǰátī ki bustīt),

---

около коровника!» Женщина с радостью набросала для него старого тряпья, взяла его за руку, отвела его к коровнику и сказала: «ложись здесь!» а сама пошла домой.

Пришел ее возлюбленный и, не спросившись, вошел внутрь. Женщина сказала своему возлюбленному: «я схожу пока в несколько домов и вернусь, а ты здесь полежи! плешивый и его дядя ослепли, чего тебе теперь бояться?» Мужчина сказал: «я их и не боюсь!» Женщина сказала: «ну, хорошо, я пойду, а ты здесь лежи!» Плешивому она сказала: «я схожу в селение и вернусь, а ты пока посиди у входа в дом!» Плешивый сказал: «дай мне палку, чтобы осел или курица не забрались в дом!» Женщина дала ему палку, а сама пошла походить по селению. А еще раньше та женщина поставила вариться для своего возлюбленного мясо в сале.

Плешивый поднялся, открыл глаза и осмотрелся кругом: никого нет! Он увидел, что мужчина заснул, взял из котла кипящее сало и вылил ему в рот. Его рот сгорел, кипящее масло прошло ему внутрь, он затрепетал, и душа из него вышла. Плешивый пошел и сел на свое место.

Немного погодя, пришла женщина. Когда она подошла к двери, плешивый ударил ее палкой по ногам. Женщина закричала. Плешивый сказал: «ой-ой! это ты, тетя! я не знал, что это ты! я думал, наверное, это осел!» Женщина сказала: «ну, ничего!» Женщина пошла в дом и стала кликать мужчину,

dístī: mardák na ustít, säi̯l kurt, tā mardák murtá. ǰanák arkāt kurt, garrókā gúštī kẹ mašmā́i̯ gisā́ memā́n^{e} ātá, amédā amé memā́n murtá. garrók gúštī: man wat kór-un, čón kanīn? ǰanák gúštī: yak kā́re pkan kẹ mašmā́ ba^{n}-nām bayán, amé mardákā barán, yak ǰā́e kurm o konḍ pkanán. garrók gúštī: mnī čam kor ant. man íččī na gindín. ǰanák gúšt: yak γai̯ráte pkan, man tī dastā́ girín, gúḍā am trā yak kūzáge zar am däín. garrók gúštī: šarr, pa yak šárte kẹ ta am mnī dastā́ bgirā́i̯. ǰanák gušt: šar, brawán.

ā́tant, ǰanák mardakā́ bẹ garrókäi̯ baḍḍā́ dāt. ǰanák garrókäi̯ dastā́ gipt, šútant. bẹ yak ǰā́e garrók mardakā́ préntī. ǰanák gúštī: pa če préntäi̯? garrók gúštī: man š-e ziyā́t burtá na kanín. ǰanák gúštī: e rā́äi̯ sarā́ préntäi̯, bálkẹ mardúme bā́i̯t, gúḍā čón a-kanäi̯? garrók gušt: magá man kuštā́-un-ī? ǰanák gúštī: tī xai̯rát a-baín, ta ešā́ báḍ pkan, man trā ar če loṭā́i̯, däín. yak gidá kūzáge zar am däín. garrók gúštī: ta in ka zarā́ ša guǰā́ a-kārā́i̯? ǰanák gúštī: mašmā́i̯ ǰulā́nī čérā du kūzág zar dārít, amā́wānā trā däín. garrók gúštī: šarr, ta kẹ mnā nā́-i̯läi̯, mnī baḍḍā́ bdäi̯. ǰanák mardákā garrókäi̯ baḍḍā́ dāt. ǰanák demā́ būt, garrokā́i̯ dastā́ gipt. ^{y}e ^{y}ešā́ búrtant, bẹ rodā́i̯ tā préntant.

чтобы вставал. Она увидела, что он не встает, посмотрела, а тот мертв! Женщина засуетилась и сказала плешивому: «к нам в дом пришел гость, и здесь этот гость умер!» Плешивый сказал: «я ведь слепой! что я могу сделать?» Женщина сказала: «постарайся что-нибудь сделать, а то мы будем опозорены! давай, унесем этого человека и зароем его где-нибудь!» Плешивый сказал: «мои глаза слепы! я ничего не вижу!» Женщина сказала: «постарайся как-нибудь! я возьму тебя за руку, а потом дам тебе еще горшок с золотом!» Плешивый сказал: «хорошо, но с условием, что ты возьмешь меня за руку!» Женщина сказала: «хорошо, пойдем!»

Они подошли, и женщина взвалила мужчину плешивому на спину. Женщина взяла плешивого за руку, и они пошли. В одном месте плешивый сбросил тело мужчины. Женщина сказала: «зачем ты бросил?» Плешивый сказал: «я больше не могу нести!» Женщина сказала: «бросил у самой дороги! еще подойдет кто-нибудь, что тогда будешь делать?» Плешивый сказал: «разве я убил его?» Женщина сказала: «да буду я твоей жертвой! положи его к себе на спину, и я тебе дам все, что захочешь! дам тебе еще другой горшок с золотом!» Плешивый сказал: «откуда ты возьмешь столько золота?» Женщина сказала: «под нашими постелями есть два горшка золота, и я их тебе отдам!» Плешивый сказал: «хорошо, раз ты не отстаешь от меня, клади его мне на спину!» Женщина положила тело мужчины плешивому на спину. Женщина пошла вперед и взяла плешивого за руку. Они его понесли и бросили в реку.

gúḍā garrók čammā́nī páč kurt, ǰanákā gúštī: tī pisā́ bgā́īn, go tī trū-girī́ā! ǰanák gušt: pa če? garrók gúštī: šar, bẹ^{t} ta mālū́m a-kanín. garrók ǰanákā gíptī, bā́l āúrt, ǰat bẹ rodā́i̯ miyānǰínā, wat šut bẹ watí nākówäi̯yā. gúḍā ar če māl o čīz o ǰul múččānā laḍḍít o zúrtī o rādág būt. šut, bẹ watí alkā́ rast. š-amódā ǰístun o bástun, pa wat īmā́ne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre ā^{w}úrtun.

XVIII

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at. yak pīra-gúrke at. e pīra-gúrk ša gušnagī́yā bẹ watí kunḍā́i̯ dapā́ kapt-átī. yak warnā́en gúrke āt, dístī: édā yak pīra-gúrke kaptá, gúštī: äi̯ bābā́, ta pa če édā kaptág-äi̯? e pīra-gúrk gúštī: äi̯ parzínd, čéwā pursā́i̯? ā warnā́en gurk gúštī: ta go man bguš, ar árze dārā́i̯, man tī abárā zūrín. ā pīra-gúrk gúštī: waxt kẹ amā̃́^{i} at, tamā́m pīra-gúrk sér atant. annū́n amā́ rā säi̯lā́ ná kanit. e warnā́en gurk gúštī: šar, bguš. pīra-gúrk gúštī: agá ta š-ā́ pis u pīrúkānī zāg äi̯, maróčī ta m^{i}nā ša dummágā sér a-kanā́i̯. gúḍā pīra-gúrk gúštī: äi̯ warnā́, tī

Тогда плешивый открыл глаза и сказал женщине: «совокуплюсь с твоим отцом! хоть ты и тетка названная!» Женщина сказала: «за что?» Плешивый сказал: «ладно, уж я тебе объясню!» Плешивый схватил женщину, поднял кверху и бросил на середину реки, а сам пошел к своему дяде. Потом он уложил и забрал все, что было имущества, вещей и платья, пустился в путь и добрался до своего селения. Оттуда я выскочил, завязал, себе приобрел благополучие, тебе привел невесту.

(XVIII. О старом и молодом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старый волк. Этот старый волк от голода лег у своего логовища. Подошел один молодой волк, увидел, что лежит старый волк и сказал: «батюшка, зачем ты здесь лег?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «ты скажи мне: если у тебя есть какая-нибудь жалоба, я сделаю, что ты скажешь». Старый волк сказал: «в наше время все старые волки были сыты, теперь же вы на нас не обращаете внимания». Молодой волк сказал: «хорошо, говори же!» Старый волк сказал: «если ты сын тех отцов и дедов, ты накормишь меня сегодня курдючным салом!» Потом старый волк сказал: «ну,

mardíyā bgindín. warnā́en gurk gúštī: šar, ta go man brawán, man t^{i}rā ša dummágā sér a-kanín. e pīra-gúrk gúštī: šar, gindín tī γäi̯rátā.

e warnā́en gurk demā́ būt, pīra-gúrk bẹ padā́i̯ būt. šútant yak ǰā́e. e pīra-gúrk gúštī: man šutá na kanín, ta b^{i}ra, ar číze kārā́i̯, biyā́r. e warnā́en gurk šútī, yak ǰā́e dístī yak ramáge. e šut kẹ páse bdúzīt. ya ga kučák ešā́ dístant, ešā́ gón káptant. e dístī, mnā kučák nazík kurtág ant. e rāstám bẹ pīra-gúrkäi̯ sarā́ āt. e pīra-gúrk dístī, čon kučákānā bẹ mnī sarā́ kārít, yag ga watí liṭíkā bẹ watí wangā́ ǰátī. ạ warnā́en gurk āt o gwástī. e kučák dístant: édā čonén gúrke! édā kučák trusítant, pádā šútant. e pīra-gúrk karā́-karā́ šútī, bẹ watí kunḍā́i̯ dapā́ káptī.

yak čunt roč amédā pīra-gúrk kápt at, dist kẹ duwārá yak warnā́en gúrke āt, gúštī: äi̯ bābā́^{i} pīr, ta pa če édā kaptág äi̯? e pīra-gúrk gúštī: äi̯ parzínd, ta čéwā pursā́i̯? e warnā́en gurk gúštī: ar árze dārā́i̯, go man bguš. e pīra-gúrk gúštī: awā́l yak čunt róče bīt kẹ yak warnā́en gúrke āt, mnā gušt: ta pa če édā kaptág äi̯? man gúštun: ša bewakí^{y}ā, ša pīrí^{y}ā kaptá un. mnā gúštī: go man brawán, trạ ša dummágā sér a-kanín. man gw-āí šútun. ā šut kẹ páse b^{i}yārīt. kučák ā́e rā gon kaptág ant, kučákānā rāstám bẹ mnī sarā́ ā^{w}úrt. man dístun tā kučák mnī kārā́ xarā́b a-kanánt,

---

молодец, посмотрю на твое молодечество!» Молодой волк сказал: «хорошо, пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!» Старый волк сказал: «хорошо, посмотрю на твою удаль!»

Молодой волк был впереди, старый волк позади. Они пошли в одно место, и старый волк сказал: «я не могу итти! ты иди и принеси всё, что найдешь!» Молодой волк пошел и увидел в одном месте стадо. Он пошел, чтобы стащить овцу. Вдруг собаки его увидели и бросились за ним. Он видит: собаки ведь меня настигают! и прямо устремился к старому волку. Старый волк видит: чтó это? ведь он ведет ко мне собак! и тотчас поднял дыбом свой хвост. Молодой волк подбежал и пробежал мимо. Собаки стали смотреть: что это за волк здесь! испугались и вернулись. Старый волк медленно пошел и лег у входа в свое логовище.

Несколько дней лежал там старый волк и увидел, что опять подходит один молодой волк. Он сказал: «батюшка, что ты здесь улегся?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «если жалуешься на что-нибудь, скажи мне!» Старый волк сказал: «вот уже несколько дней, как приходил один молодой волк и говорил мне: „что ты здесь улегся?“ я сказал, что лег здесь от одиночества и старости; он сказал мне: „пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!“ и я пошел с ним; он пошел, чтобы привести овцу; собаки бросились за ним, и он привел их прямехонько ко мне;

man watī́ liṭíkā bẹ watī́ wangā́ ǰátun, e kučák trusítant, pádā šútaṅt, gúḍā man ā́tun watī́ ǰāgā́. amédā tā róčẹ maróčī kaptá un, duwārá man amā́ gurkā́ na dístun. annū́n ta kāā́i̯ kẹ čo amā́ gurkā́i̯ā pkanā́i̯. e warnā́en gurk gúštī: man ā ḍawlén kār ná kanín. e pīra-gúrk gúštī: ta kī́ zā́g äi̯? e warnā́en gurk gúštī: man plāná gurkā́i̯ zā́g un. pīra-gúrk gušt: tī pis zoráken ḍilāwáren gúrke at. e warnā́en gurk gúštī: man amā́ pisā́i̯ zā́g un. pīra-gúrk gušt: ā raṅg bīt, maróčī tī γai̯rátā bgindín. gúštī: šar, kẹ mnī γai̯rátā gindā́i̯, brawán.

e warnā́en gurk demā́ būt, pīra-gúrk āí padā́ būt, šútant bẹ ramágäi̯ kiníkkā. warnā́en gurk gúštī: ta amédā mnínd, man raín. e warnā́en gurk šut ramágäi̯ kiníkkā, bẹ yak gazze tā putrít. ramág rāstám bẹ gurkā́i̯ sarā́ āt, gurk arkát kurt, yak sad pas bulúk kurt. š-amédā tā mā pīra-gúrkäi̯ā ān-čo dirt o šut. yak čunt pasā bẹ pīra-gúrkäi̯ išk-w-ā́škā kušt o prent. annū́ pīra-gúrkā gúštī: b^{u}år kẹ ta pa dummā́gā gaštā́i̯. e pīra-gúrk wart, ā warnā́en gurk bẹ raā́ ša ar ǰā́e yak lunká gípt-at o wat rā sér kurt-at. pīra-gúrkā gúštī: agá e kam ant, pa ta gidá biyā́rīn. e pīra-gúrk gúštī: na, xā́i̯r gindā́i̯, bás-int. e warnā́en gurk gúštī: man a-raín, ta tā wáxte amešā́nā b^{u}år o bgard, ar waxt alā́s bū́tant, man duwārá ar če lóṭäi̯, man

---

я увидел, что собаки мне всё напортят, и задрал свой хвост дыбом, собаки испугались и повернули обратно. Потом я опять пошел к себе и лежу здесь до сегодняшнего дня, того волка я больше не видел! а теперь вот ты приходишь и поступишь, как тот волк!» Молодой волк сказал: «я так не поступлю!» Старый волк сказал: «ты чей сын?» Молодой волк сказал: «я сын такого-то волка». Старый волк сказал: «твой отец был очень отважный волк». Молодой волк сказал: «я сын своего отца!» Старый волк сказал: «пусть будет так! посмотрю сегодня на твою удаль!» Тот сказал: «хорошо, хочешь смотреть на мою удаль, так идем!»

Молодой волк был впереди, старый волк сзади него. Они подошли к стаду, и молодой волк сказал: «ты здесь побудь, а я пойду». Молодой волк подошел к стаду и спрятался в кустарнике. Стадо подошло прямехонько к волку. Волк встрепенулся, отделил около сотни овец и пошел их рвать и гнать к тому месту, где был старый волк. Он зарезал их несколько, бросил около старого волка и сказал старому волку: «ешь! ты ведь стремился к курдючному салу!» Старый волк принялся есть, а молодой волк еще по дороге хватал себе отовсюду по куску и насытился. Он сказал старому волку: «если этого мало, я тебе еще принесу!» Старый волк сказал: «нет, спасибо, молодчина! довольно!» Молодой волк сказал: «ешь пока и гуляй, а когда кончится, я тебе

pa^{t} ta kārín. e pīra-gúrk bāzén duwā́e kurt. gúḍān ā warnā́en gurk šútī. e pīra-gúrk amédā wart o gašt. š-amódā ǰístun o bástun, pa wat imā́ne ā^{w}úrtun, pa^{t} ta dištáre.

XIX

būt būt, čap ša xudā́ káse na būt. yak wáxte at. yak gúrke at. e gurk yak šápe wápt-atī, yak wā́be dístī kẹ man säi̯ lunká čarpén wártun. tā́rī kẹ roč būt, e gurk bẹ watí wābā́i̯ randā́ šútī.

yak ǰāgā́e āt, dístī kẹ yak áre. e gurk gúštī: wā, ar, man trā warín. ar gúštī kẹ mnā wartínā warā́i̯, amā́ mnā ya ga suwā́r bā́i̯, gúḍā mnā bor. yáke améš int: γadímā š^{u}mäi̯ pis o pīrúk zorák suwār-kā́r ā́tant. e gurk gúštī kẹ man amā́ pisā́nī zā́g un. ar gúštī: šar, bẹyā́ suwā́r bā́i̯. gurk āt, ešā́ suwā́r būt. e ar gúštī: čamā́nā band. gurk gúštī: šar. čamā́nā bástī, arā́i̯ sarā́ suwā́r būt, ar ešā́ rāstám bẹ alkā́i̯ tā búrtī. ya ga alkā́i̯ mardúm sā́i̯l kurtant kẹ arā́i̯ sarā́ gúrke. ya ga kučákānā bẹ gurkā́i̯ padā́ préntant. gurk watí čamā́nā pā́č kurt, dístī tā ar mnā bẹ alkā́i̯ tā āurtá, wat rā ša arā́i̯ sarā́ préntī. kučák bi āí padā́ káptant, ešā́ gón káptant. e gurk wat rā pa yak balā́e alā́s kúrtī š-e kučákānī dastā́.

опять принесу все, что захочешь!» Старый волк много молился и благодарил. Молодой волк ушел, а старый волк здесь ел и бродил. Оттуда я выскочил и завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя привел невесту.

(XIX. О глупом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один волк. Однажды ночью этот волк спал и видел сон: вот я съел три жирных куска! На утро, когда наступил день, этот волк отправился за своим сном.

Он пришел в одно место и увидел там осла. Волк сказал: «ох, осел, я тебя съем!» Осел сказал: «есть-то меня ешь, только сначала садись на меня верхом, а потом уже ешь! ведь в старину ваши отцы и деды были отличными наездниками!» Волк сказал: «я сын тех отцов!» Осел сказал: «хорошо, иди же и садись верхом!» Волк подошел и сел на него верхом. Осел сказал: «закрой глаза!» Волк сказал: «хорошо!» Он закрыл глаза и сидел верхом на осле, а тот отвез его прямехонько в селение. Жители селения стали всматриваться: на осле волк! Они сразу спустили на волка собак. Волк открыл глаза и увидел: да ведь осел привез меня в селение! Он соскочил с осла, но собаки бросились на него и пустились за ним в погоню. Насилу-насилу волк высвободился от этих собак.

gúḍā šut bẹ yak ǰāgāe, dístī yak páse. e gurk gúštī: äi̯ pas, xudā́ t^{i}rā čon rasentá, man trā warín. e pas gúštī: xudā́ mudā́m a-rasenít, amā́ yak katráe čammānā band, man pa ta yak ráxse pkanín. gurk gúštī: šar. gurk kẹ čamā́nā bástī, e pas sẹṭúke ǰat kẹ ya ga rāst kúrtī. gurk čamā́nā pač kúrtī, arkát kúrtī, bẹ burzágäi̯ sarā́ bālā́ būt, sā́i̯l kúrtī tā pas pa guǰā́ rot. gúḍā gurk gúštī bẹ dilā́ kẹ agár man bräín, duwārā́g kučā́k m^{i}nā gón a-kapánt, bẹyā́ kẹ má räín. amā́ int kẹ gurk na šútī.

duwārā́g yak sū́ne rādā́g būt, yak ǰāe āt, dístī yak uštíre. gurk gúštī: äi̯ uštír, xudā́ t^{i}rā čon rasentá! uštír gúštī: xudā́ ar waxt rasenít. uštír gúštī: m^{i}nā wartínā warā́i̯, amā́ mnī sīnā́gäi̯ čérā yak kitā́be ast, amā́ kitā́bā bwā́näi̯, gúḍā mnī sīnā́g kaḍā́k bīt, gúḍā mnā bor. yā́ke amḗš int kẹ γadímā š^{u}mäi̯ pis u pīrúk zorā́k mullā́ ā́tant. e gurk gúštī: man amā́ pis u pīrúkānī zā́g un. arkát kúrtī, bẹ uštírāi̯ čérā putrítī, uštír wat rā ešī sarā́ préntī, ešā́ lagā́štī-lagā́štī. gúḍā gurk wat rā pa yak balā́e alā́s kúrtī.

š-amédā rāstā́m bẹ watí kunḍā́ šútī. ódā watí liṭíkā démẹ kunḍā́ kúrtī. gúḍā gúštī wat rā kẹ äi̯ gúrkẹ beā́kl, tī pis raxsgír at yā tī pīrúk? ā š-ā́ arā́ būt kẹ ša tī demā́ ǰístī, šar, ā am ǰandúm! e š-ā́ pasā́ būt kẹ ša tī

Потом он пошел в одно место и увидел овцу. Волк сказал: «овца, как это бог тебя привел! я тебя съем!» Овца сказала: «бог всегда направляет! но закрой ненадолго глаза, я тебе спляшу!» Волк сказал: «хорошо!» Как только волк закрыл глаза, овца сделала прыжок и ускользнула. Волк открыл глаза, вскочил, поднялся на пригорок и стал смотреть, куда пойдет овца. Потом он сказал про себя: «если я пойду, собаки опять набросятся на меня! лучше уж не ходить!» Так волк и не пошел.

Опять он отправился в одну сторону, пришел в одно место и увидел верблюда. Волк сказал: «верблюд, как это бог тебя привел!» Верблюд сказал: «бог всегда направляет!» Потом верблюд сказал: «есть-то меня ешь, только под грудью у меня есть книга, и когда ты прочитаешь эту книгу, в моей груди образуется отверстие, тогда и ешь меня! к тому же ведь отцы и деды ваши были отличные грамотеи!» Волк сказал: «я сын тех отцов и дедов!» Он двинулся и забрался под верблюда. Верблюд на него навалился и стал его мять и жать. Насилу-насилу волк от него вырвался.

Оттуда он направился прямехонько к своему логовищу. Там он повернулся хвостом к логовищу и сказал сам себе: «глупый волк, твой отец был плясуном или дед? с тем ослом вышло так, что он убежал у тебя из-под носу! ладно! ну, его в ад! с той овцой вышло так, что она убежала у тебя из-под

demā́ ǰístī, šar, ā́ am ǰandúm! e š-ā́ ustírā būt kẹ tī ǰindā́ kúšt-at. e gurkā́i̯ kunḍā́i̯ tā yak dúzde bāzén číze āwurt-át, wat am bẹ kunḍā́i̯ tā́ at. e gurk kẹ e ḍol gúštī, duz^{d} dastā́nā bālā́ čítī, arkát kurt, gurkā́i̯ liṭíkā gíptī, ešā́ yak dā laṭ ǰátī. e gurkā́i̯ napás šútī. ǰístun u bástun, pa wat imā́ne āwúrtun, pa ta dištáre āwúrtun.

XX

būt būt, yak mullā́ robā́e at. e mullā́ robā́ zoráken balā́e at. yak róče ša spantānān bāzéne čítī u bi daságe awā́lā kaḍák ku, gúḍā mán kašít bi yak daságe u bi watí guṭā́ ku, malangíen puč bi watí gwarā́ kurt u šut bi šérāi̯yā. šer ki mullā́ robā́ ša dū́rā ki dist, salā́m dāt, gúštī: salā́m alāi̯k, mullā́ robā́. mullā́ robā́ alāi̯k kúrtī. šer pursítī ki mullā́, aǰā́be ki amā́ rā maróčī yā́t kurtāi̯. mullā́ robā́ ǰawā́b gardént ki brawā́n bi ziyārā́tā. šer gúštī: tā brawā́n, bi gisā́ tā mnind, man šagā́lā dém a-daín, kị agdárānā bgúšit ki biyā́yant. ā́tant bi šerā́i̯ gisā́. šer šagā́lā loṭítī ki bra, agdárānā múččānā bguš ki biyā́yant ki rawā́n bi ziyārā́tā.

šagā́l š-amódinā šut, awā́lā bi pilángāi̯ gisā́, gúštī: šmā́ rā šer gúštī ki bā́ndā ukmā́nā biyā́it bi mnī gisā́ ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́ ki bā́ndā

носу! ладно! ну, ее в ад! с тем верблюдом вышло так, что он тебя самого убил было!» А в логовище этого волка один вор натаскал много вещей, и сам еще был в логовище. Пока волк так говорил, вор засучил рукава, двинулся, схватил волка за хвост и ударил его раз десять палкой, так что душа из волка вон вышла. Я выбежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(XX. О лисице-мулле)

Было-было, была одна лисица-мулла. Эта лисица-мулла была очень хитра. Однажды она набрала много зерен руты, сначала проделала в них отверстия, потом нанизала на нитку и надела на шею, оделась в дервишескую одежду и пошла ко льву. Лев еще вдали завидел лисицу-муллу, поклонился и сказал: «мир тебе, лисица-мулла!» Лисица-мулла ответила на приветствие. Лев спросил: «что это, мулла, ты сегодня меня вспомнил?» Лисица-мулла сказала в ответ: «пойдем на богомолье!» Лев сказал: «пока пойдем, ты посиди у меня дома, а я пошлю шакала передать другим, чтобы пришли!» Они вошли ко льву в дом. Лев велел шакалу: «иди, скажи всем другим, пусть придут: мы, мол, идем на богомолье».

Шакал пошел сначала в дом к барсу и сказал: «лев сказал вам: „завтра непременно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра

rawán bi ziyārátā. amé plang gúštī: ta bra, agdárānā bguš, man bā́ndā āzír a-baín. amé šagā́l š-amódinā šut bi babrā́i̯ gisā́, babrā́ gúštī: šmā ra šer guštagí ki bā́ndā mutlaxán biyáit bi mnī gisā́ ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́, rawán bi ziyārátā. babr šagā́lā gúštī ki ta bra, agdárānā bguš, man bā́ndā mutlaxán a-kāín. šagā́l š-amódinā sar gipt u āt bi gurkā́i̯ gisā́, gurkā́ gúštī ki trā šer guštagí ki bā́ndā ukmā́nā biyā́i̯ bi gisā́ ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́ ki bā́ndā rawán bi ziyārátā. gurk gúštī: ǰuwā́n int-a, ta bra, pīlā́ bguš ki biyā́nt, man bā́ndā ukmā́nā kāín bí šerā́i̯ gisā́. amé šagā́l š-amódinā āt bi pīlā́i̯ gisā́, pīlā́ gúštī: trā šer guštagí ki bā́ndā ukmā́nā biyā́i̯ bi mnī gisā́. amé pīl gúštī: pa čéwāi̯ xātírā? amé šagā́l ǰawā́b dāt ki mullā́ robā́ ātagí bi gisā́ ki bā́ndā rawán bi ziyārátā. pīl gúštī: man bā́ndā ukmā́nā kāín, ta bra bi gisā́. amé šagā́l gúštī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, man a-raín, magá ta bā́ndā ukmā́nā biyāyā́i̯. pīl gúštī: ta bra, man ki gúštun: kāín, bzā́nāi̯ ki kāín. karā́r šagā́l š-amódinā ā́tī bi gisā́. šer pursít ki múčānā sí kurtāi̯? šagā́l ǰawā́b gardént ki ān, aγá, múčānā sí kurtun.

karā́r tāríenā múčī ā́tant bi šerā́i̯ gisā́, dístant tā mullā́ robā́ amédinā ništagí. ā́tant, salā́m dā́tant. mullā́ alā́i̯k kurt, gúštī ki maróčī mašmā́ rawán bi ziyārátā. múčī ǰā́m bū́tant u rādā́g bū́tant. mullā́ u šer u babr u plang bi

---

отправляемся на богомолье!“» Барс сказал: «иди сообщить другим, а я завтра явлюсь!» Отсюда шакал пошел к тигру и сказал тигру: «лев сказал вам: „завтра обязательно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы отправляемся на богомолье!“» Тигр сказал шакалу: «иди сообщить другим, а я завтра обязательно приду!» Шакал собрался и пошел оттуда к волку. Он сказал волку: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра отправляемся на богомолье!“» Волк сказал: «хорошо, иди сказать слону, чтобы приходил, а я завтра непременно приду ко льву в дом!» Шакал пошел оттуда к слону в дом и сказал слону: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне“!» Слон сказал: «чего ради?» Шакал ответил: «лисица-мулла пришла, и мы завтра отправляемся на богомолье!» Слон сказал: «я приду непременно, иди домой!» Шакал сказал: «очень хорошо, я пойду, только ты завтра непременно приходи!» Слон сказал: „ты иди, раз я сказал: „приду“, знай, что приду!» Итак, шакал оттуда пришел домой. Лев спросил: «всех известил?» Шакал сказал в ответ: «да, господин, всех известил!»

Итак, на утро все пришли ко льву и увидели, что лисица-мулла сидит здесь. Они подошли и поклонились. Мулла ответил на приветствие и сказал: «сегодня мы с вами отправляемся на богомолье!» Все собрались и пустились

demā̆ bū̆tant. šútant bi yak ǰāgā̆e, gušnág būtant. yak wār šer soǰ kúrtī ki mullā̆, gušnág bū̆tun. mullā̆ robā̆ gúštī: amé šagāl pa če go mašmā̆ gón int-a? amé šagālā bgírit, bwāpénit, pkušítī. šagālā gíptant, kúštant u wártant, wat rā sér kurtant. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā̆e. yak šápe mā̆ntant, pa duwārág šer gušnág būt. šer mullā̆ robā̆ā gúštī ki man bāz gušnág bū̆tun. mullā̆ robā̆ šérā gúštī: amé gurk mašmā̆i̯ mānǰínā čéwā̆ kant? bgírit, amešī́ rā pkúšit u bórit. gíptant, gurkā̆ kúštant u wártant. pa duwārág š-amídinā šútant bi digá ǰāgā̆e, pa duwārág šer gušnág būt, gúštī: mullā̆ robā̆, man gušnág bū̆tun. pa duwārág mullā̆ robā̆ gúštī: amé piláng mašmā̆i̯ mānǰínā čéwā̆ kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant, pilángā kúštant u goštā́nī wártant, pa duwārág šútant bi digá ǰāgā̆e, mā̆ntant. pa duwārág šer gúštī: man gušnág bū̆tun. mullā̆ robā̆ gúštī: amé pīl mašmā̆i̯ mānǰínā čéwā̆ kant? bgírit, pkúšitī u goštā́nī bórit. gíptant pīlā̆, kúštant u goštā́nī wártant.

amé mullā̆ robā̆ dístī ki digá nā̆i̯nt-a. š-amé pīlā̆i̯ rotínkān bāzénī gipt, bi wati srenā̆ bast ki ar ǰā gušnág bīt, buwárt. š-amídinā šútant bi digá ǰāgā̆e, yak šápe mā̆ntant. šer gúštī: ta u. babr amédinā mníndit, man a-raín pa šikārā. mullā̆ robā̆ gúštī: bāz ǰuwā́n int-a. šer šut pa šikārā. der

---

в путь. Мулла, лев, тигр и барс были впереди. Они дошли до одного места и проголодались. Вдруг лев сказал: «мулла, я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «зачем этот шакал вместе с нами? возьмите этого шакала, повалите его и убейте!» Шакала схватили, убили и съели; насытились. Отсюда они пошли в другое место, ночь переночевали, и опять лев проголодался. Лев сказал лисице-мулле: «я очень проголодался!» Лисица-мулла сказала льву: «что́ делает среди нас этот волк? возьмите, убейте его и съешьте!» Волка схватили, убили и съели. Опять они пошли отсюда в другое место, опять лев проголодался и сказал: «лисица-мулла, я проголодался!» Опять лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот барс? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Барса схватили, убили и его мясо съели. Опять они отправились в другое место и остановились, и опять лев сказал: «я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «что́ делает среди нас этот слон? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Слона схватили, убили и его мясо съели.

Лисица-мулла увидела, что больше никого не остается. Она взяла побольше кишек слона и обвязала их вокруг себя, чтобы, как только проголодается, поесть. Отсюда они пошли в другое место и остановились на ночь. Лев сказал: «ты и тигр оставайтесь здесь, а я пойду на охоту!» Лисица-мулла сказала: «очень хорошо!» Лев пошел на охоту. Он запоздал и долго не прихо-

būt, náy-āt. mullā́ robā́ u babr gušnā́g bū́tant. amé mullā́ robā́ gipt ša watí srenā́ rotínkān, pač kurt u wart. yak wār babr dist, gū́štī ki ta ša gujā́ rotínk a-warā́i̯? mullā́ robā́ jawā́b dā́tī ki man watí lāpā́ tál dātā́g-un u ša watí rotínkān kašín u warín. babr beaglén gū́štī: man am watí lāpā́ tál a-daín u ša watí rotinkā́n a-warín. watí lāpā́ tál dāt, murt. mullā́ robā́ kapt bi sarā́i̯, ša goštā́nī wart, wat rā sér kurtī. dérā šer āt, dístī tā mullā́ robā́ bi lāšā́i̯ sarā́ int-a u gṓšt a-wā́rt. šer gū́štī: e pa če murt? mullā́ robā́ jawā́b dāt ki dílī dā́rd a-kú, watí dilā́ gipt, tál dāt. šer gū́štī: bṓran, wat rā sér pkanā́n u brawā́n. wā́rtant, wat rā sér kurtant u šū́tant bi dga jāgā́e.

yak ṭuén lā́xe sarā́ bālā́ bū́tant. mullā́ robā́ gū́štī: wāx armā́n! waxt, mašmā́i̯ pisā́nī waxt ā́tant! šer gū́štī: pa čéwā? mullā́ robā́ jawā́b dāt ki amé lāxā́ gindā́i̯? šer gū́štī: ān. amé mullā́ robā́ gū́štī: mašmā́i̯ pis š-amé lāxā́ ā́škā prentā́g-ant. yak wār amé šer gū́štī: magá mašmā amā́ pisā́nī zāg ná-wan? mán a-prenín. karā́r ser arkā́t ku, prent, bi šurā́nī tā kapt, murt. robā́ šut bi lāšā́i̯ sarā́, wart, zabr wat rā sér kurt u š-amṓdinā jist u āt bi watí jāgā́. e ḍau̯l mullā́ robā́ āwā́nā e ḍau̯l ziyā́n kurt. man š-amṓdinā jístun u ā́tun.

дил. Лисица-мулла и тигр проголодались. Лисица-мулла взяла с своего пояса кишки, развязала их и стала есть. Тигр вдруг увидел и спросил: «откуда это ты ешь кишки?» Лисица-мулла ответила: «я вспорола себе брюхо, вытаскиваю свои кишки и ем их». Глупый тигр сказал: «я тоже вспорю себе брюхо и буду есть свои кишки!» Он вспорол себе брюхо и умер. Лисица-мулла бросилась на его тело, стала есть его мясо и насытилась. Лев пришел поздно и увидел, что лисица-мулла сидит на трупе и ест мясо. Лев сказал: «отчего он умер?» Лисица-мулла ответила: «у него стало болеть сердце, он взял и вспорол его!» Лев сказал: «давай есть, насытимся и пойдем!» Они поели, насытились и пошли.

В одном месте они поднялись на большую скалу. Лисица-мулла сказала: «увы! если бы опять пришло время наших отцов!» Лев сказал: «что так?» Лисица-мулла ответила: «видишь ведь эту скалу?» Лев сказал: «да». Лисица-мулла сказала: «наши с тобой отцы с этой скалы бросались на ту сторону!» Лев тотчас сказал: «разве мы с тобой не дети тех отцов? я брошусь!» Итак, лев напрягся, бросился, упал на камни и скалы и издох. Лисица направилась к его трупу и стала есть; поела как следует,убежала оттуда и вернулась к себе. Так погубила их лисица-мулла. Я оттуда выбежал и пришел.

XXI

būt na būt, ša mašmā̯i xudā́ getír kā́se na būt. yak álke at. yak róče-būt, amé alk laḍítant u šútant bi digá ǰā́e. amé ki šútant, bi amešā́nī inke-nī́yā yak bóḍe u yak kuróse mānt. ar duén bāz gušnág bū́tant. yak wār yak tā́ṣe mālidág dístant. amé boḍ go amé kurósā gū́štī: bí tā mašmā́ amé mālidágānā barán, bi dū́rā bilán u ǰúpt pkanán, ar kas demtírā šut, amé mālidágānīyā sár būt, amé mālidágānā go amāí buwárt. kurós gū́štī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, amé mālidágānā zurt u burt, bi dū́rā išt, wat padoí āt. amé ki ā́tī, go boḍā́ gū́štī: anū́n bǰi. ar duén ǰúpt kúrtant, boḍ demā́ būt. amé ki boḍ demā́ būt, yak wār šut, mālidágānī sarā́ oštā́t u tawā́r kúrtī, kurósā gū́štī: anū́n trā am warín, amé mālidágānā am warín. amé badbáxten kurós gū́štī: nápa bāz ǰuwā́n int-a, bor. amé boḍ amé mālidágānā go amé kurósā wártī u š-amódinā šut bi yak ǰāgā́e.

dístī tā amédínā yak áspe go zen u sanǰā́n int-a u šidág a-ǰánt u čā́r a-kánt pa watí wāū́ndā. yak wār amé boḍ dístī u gū́štī: ā̯i áspi šidagí, agár man trā borín, čón int-a? amé asp gū́štī: man yak šidā́ge deịn, ta dil-trák a-baā̯i u mirā̯i. amé boḍ gū́štī: agár man amā́ baín ki yak tā́se

---

(XXI. Про вошь-богатыршу)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один табор. Однажды этот табор снарядился и перебрался на другое место. Когда он переселился, на брошенном месте осталась одна вошь и один петух. Оба очень проголодались. Вдруг они увидели миску с тюрей. Вошь сказала петуху: «давай, снесем эту тюрю, поместим подальше от себя, а сами станем рядом друг с другом, и каждый, кто побежит вперед и добежит до тюри, тот съест вместе с тюрей и другого!» Петух сказал: «очень хорошо». Он взял тюрю, отнес и поставил подальше, а сам вернулся. Когда он вернулся, он сказал вши: «теперь беги!» Оба принялись бежать на перегонки. Вошь опередила, и когда опередила, она сразу взяла, стала на тюрю и закричала петуху: «теперь я съем и тебя, и тюрю!» Бедняга петух сказал: «ну, хорошо, ешь!» Вошь съела тюрю вместе с петухом и отправилась оттуда в другое место.

В одном месте она увидела, что там лошадь, оседланная и снаряженная; она ржет и мечется, ищет своего хозяина. Вошь увидела и тотчас сказала: «о ржущая лошадь, что́, если я тебя съем?» Лошадь сказала: «я один раз испущу ржание, у тебя порвется сердце, и ты умрешь!» Вошь сказала:

mālidágā u go yak kuróse wárt atun u man trā anũn bilín? amé aspā́ gipt, drūwākā́ wartī.

šut bi yak jāgā́e, dístī tā amédinā yak leḍáe go ratā́ čarít. yak wār amé boḍ tawā́rī kúrtī ki ā̤i leḍáe ratí, trā borín yā na? amé leḍā́ gúštī: ānčén tī bi mnī padā́i̯ tā ziyā́n a-bít. amé boḍ gúštī: man amā́ baín ki mālidágānā u go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰā́ wártun, e mnā bgušít: ta bi mnī padā́i̯ tā ziyā́n a-bayā́i̯! amé boḍ amé leḍā́ gíptī, wártī.

šut bi yak ǰāgā́e, dístī tā amédinā yak šikārīe čā́r a-kánt. yak wār amé boḍ amé šikārī́yā gúštī: trā borín yā na? amé šikārí gúštī: man trā go yak tūpáke kundákā kušín. amé boḍ gipt amé šikārī́yā, go amé tūpákā̤i̯ wártī.

šútī bi yak ǰāgā́e, bi yak rodā́i̯ kirá dístī tā yak gīmārīen ǰanáke watí maškā́ ā́p a-kánt. amé boḍ amé ǰanákā gúštī: man trā borín yā na? amé ǰanák gúštī: man agár yak tā́se āp bi tī sarā́ bréčīn, ta wát a-mirā́i̯! amé boḍ gipt amé ǰanákā go amé tāsā́i̯ u go amé maškā́i̯ wártī.

šut bi yak ǰāgā́e, dístī yak šuwānáge. amé šuwānágeā tawā́r kúrtī ki ā̤i šuwānág, man trā borín yā na? amé šuwānág gúštī: yak padagíen

---

«я—та, кто съел чашку тюри с петухом! и чтобы я теперь тебя оставила!» Она схватила эту лошадь и съела ее целиком.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там пасется оседланный верблюд. Тотчас вошь закричала: «о оседланный верблюд, съесть мне тебя или нет?» Верблюд сказал: «такие, как ты, пропадают в моих следах!» Вошь сказала: «я—та, кто съел тюрю с петухом и съел лошадь с седлом и убранством! и этот мне будет говорить: „ты пропадешь в моих следах!“ «Вошь схватила верблюда и съела.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там ходит охотник. Тотчас вошь сказала охотнику: «съесть мне тебя или нет?» Охотник сказал: «я тебя убью дулом ружья!» Вошь взяла и съела охотника с его ружьем.

Потом она пошла в другое место и на берегу одной реки увидела, что беременная женщина набирает в мех воду. Вошь сказала этой женщине: «съесть мне тебя или нет?» Женщина сказала: «если я выплью на тебя чашку воды, ты сама умрешь!» Вошь взяла и съела эту женщину с ее чашкой и мехом.

Потом она пошла в другое место и увидела пастуха. Она закричала этому пастуху: «о пастух, съесть мне тебя или нет?» Пастух сказал: «я как ударю тебя

laṭ bi tī sarágā bǰanín, ta wát a-mirā́i̯. amé boḍ go wat gúštī: man amā́ baín ki yak tā́se mālidágānā go yak kurṓse wártun u yak áspe rā go zen u sanǰā́nī u yak leḍáe rā go ratā́i̯ u yak šikārí̄e rā go tūpákā̈i̯ u yak ǰanáke rā go maškā́i̯ wártun, man anū́n eší rā ānčṓš bilín? gumúdī ku pa šuwānágā̈i̯ ǰānā́. yak wār amé šuwānág go amé watí laṭā́ ǰat bi amé boḍā́i̯ sarágā, amé boḍā́ kúštī u lāpā́i̯ tál dāt, dístī ki yak gīmāríen ǰinén zā́ge go tāsā́ ništá, yak leḍáe γurúk-γurúk a-ǰánt u go gaǰā́n int-a u oštātá, yak kurṓse am bāng a-dánt u oštātá, yak áspe šidagíen go zen u sanǰā́ oštātá, múčī amā́ ḍā́u̯l drūwā́ ant bi lāpā́i̯ tā̈i̯, múčānā ruxsát kúrtī ki šútant. man š-amṓdinā ǰístun u bástun, pa wat yak imā́ne āúrtun.

раз по голове пастушьей палкой, так ты сама умрешь!» Вошь сказала про себя: «я — та, кто съел чашку тюри с петухом, кто съел лошадь с седлом и убранством, и верблюда с его седлом, и охотника с его ружьем, и женщину с ее мехом для воды! а теперь оставлю его так!» Она бросилась на пастуха. Пастух сразу ударил вошь своей палкой по голове и убил вошь. Потом он вспорол ей брюхо и увидел, что там сидит беременная женщина с чашкой, стоит и ревет верблюд в пене, стоит и кричит петух, стоит оседланная и снаряженная лошадь, — все так и невредимы у нее в брюхе! Он всех их высвободил, и они ушли. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

Записки Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия.

Том XIII, вып. 3. Сиракан Тигранян. Древне-армянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятников. I. Описательная часть. 1918. Ц. 3 р.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. 1928. Ц. 3 р.

Ҳудӯд ал-ʿалем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930. Ц. 20 р.

Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка (оттиск из Записок Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка (оттиск из сборника «Иран», т. I). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (оттиск из сборника «Иран», т. II). 1928. Ц. 1 р.

Андреев М. С. Язгулёмский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). 1930. Ц. 2 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Азиатского музея. 1914. Ц. 10 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. 1918. Ц. 4 р.

Цена 6 руб.

[redacted]

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.

Том I. Б. Я. Владимирцов. — Н. Н. Поппе. — Комиссия по латинизации. — И. Ю. Крачковский. — Е. Жуков. — А. Н. Самойлович. — С. Е. Малов. — Н. Н. Поппе. — Н. Я. Марр. — Н. А. Белгородский. — Б. А. Васильев. — Б. В. Миллер. — Р. А. Галунов. 1932. 321 стр., с 6 табл. Ц. 8 р.

Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.

I. Проблемы литературы Востока. I. Сборник статей Н. О. Конрада, Б. А. Васильева и Е. Э. Бертельса 1932. 126 стр. Ц. 3 р.

II. В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. 1932. XVI + 52 стр. Ц. 2 р. 50 к.

III. Абӯ-л-ʽАлā' ал-Маʽаррӣ. Рисāлат ал-малā'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 1932. VII + 106 стр. Ц. 2 р. 50 к.

IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 3 р.

Печатается

Библиография Востока. Том I, вып. 1 и 2.

Проспекты и каталоги высылаются по первому требованию

Перечисленные издания высылаются наложенным платежом

Заказы направлять:

Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, Сектор распространения Издательства Академии Наук СССР